

Повеса

Падшие ангелы - 10

Мэри Джо Патни

Родня беспутного повесы Реджинальда Дэвенпорта надеялась, что, став владельцем процветающего поместья, он откажется от прежнего образа жизни и образуются. Леди Элис Уэстон, решительная молодая женщина, переодевшись мужчиной, чтобы занять должность управляющего поместьем, стремится укрыться от несправедливости и фальши, с которыми не может мириться. Ни Реджинальд, ни Элис еще не знают, что встреча не просто изменит их жизнь, но и откроет им новый, ослепительно прекрасный мир истинной, всепоглощающей любви...

- [Мэри Джо Патни](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
-

Мэри Джо Патни
Повеса

Глава 1

Когда два джентльмена связаны кровным родством, они обычно обращаются друг к другу без лишних формальностей. В данном случае, однако, дело осложнялось тем, что младший из джентльменов, о которых пойдет речь, появившись неведомо откуда, унаследовал титул и состояние, на которые рассчитывал старший. Впрочем, о том, что они двоюродные братья, стало известно лишь тогда, когда благородные мужи обнажили шпаги, готовясь к смертельному поединку.

Неудивительно, что отношения между ними были натянутыми. Вот почему Реджинальд Дэвенпорт, повеса, игрок и записной дамский угодник, в определенных кругах именуемый не иначе как Проклятие рода Дэвенпортов, поприветствовал своего титулованного кузена весьма сдержанно:

— Добрый день, Уоргрейв.

Граф Уоргрейв поднялся из-за массивного орехового стола и протянул Дэвенпорту руку; — Добрый день. Рад, что ты нашел время зайти. После короткого, но крепкого рукопожатия Реджи уселся на стул, вытянув длинные ноги.

— Когда меня вызывает глава семьи, я не считаю возможным ослушаться, — процедил он. — Тем более что этот человек платит мне содержание.

Вернувшийся за стол Уоргрейв поджал губы, и это было отмечено Реджи не без удовольствия. Спокойствие, доброжелательность и вежливость относились к тем достоинствам графа, которые и раздражали Дэвенпорта, и вызывали у него невольную зависть. На самом деле граф не только не требовал прихода двоюродного брата, но предоставил ему, как старшему по возрасту, самому выбрать время и место встречи, дав понять, что готов обсуждать семейные дела хоть в таверне, если Реджи сочтет это удобным.

Реджи по достоинству оценил проявленный Уоргрейвом такт. Однако он не имел ничего против того, чтобы заглянуть в семейный особняк на Хафмун-стрит и посмотреть, что там изменилось. Осмотревшись, Реджи не мог не признать, что перемены пошли дому на пользу. Мрачный, неряшливый дядюшкин кабинет превратился в полное света и воздуха помещение, где царили покой и уют; но никто ни на секунду не усомнился бы в том, что хозяин кабинета — мужчина. Было очевидно, что новые владельцы особняка обладают хорошим вкусом.

Не заметив ничего, что заслуживало бы критики, Реджи сосредоточил внимание на собеседнике. Всякий раз при встрече он пытался отыскать в облике новоиспеченного графа некий изъян: наметившуюся полноту, зарождающийся снобизм, пристрастие к массивным золотым часам, — это свидетельствовало бы о его высокомерии, вульгарности или утрате физической формы. Увы, и на сей раз Реджи постигло разочарование. Ричард Дэвенпорт по-прежнему одевался со вкусом и неброско, как подобает джентльмену, и сохранял военную выправку. Фигура его оставалась стройной, и держался он с одинаковой учтивостью, независимо от того, с кем ему приходилось общаться — с принцем или судомойкой.

Характер Ричарда также не давал ни малейших оснований для злорадства. Случалось, Реджи из кожи вон лез, чтобы вывести молодого графа из себя, но единственное, чего ему удавалось добиться, — едва заметного раздражения, тень которого проскальзывала по лицу кузена. Порой Реджи начинал сомневаться, что в жилах его злополучного брата и впрямь течет кровь Дэвенпортов.

Реджи был типичнейшим представителем их рода, его олицетворением — очень высокий темноволосый с холодными голубыми глазами; вытянутое смуглое лицо его, казалось, куда лучше приспособлено для ухмылок, чем для улыбок. Граф же был среднего роста. Волосы у него были каштановые, не слишком темные, глаза — светло-карие, лицо — открытое и располагающее к общению. Что не мешало Уоргрейву быть лучшим фехтовальщиком, а уж Реджи повидал их на своем веку, и наибольшую симпатию к Ричарду он испытал именно тогда, когда тот наконец дал волю гневу и продемонстрировал ему мастерство владения шпагой.

— Мне бы хотелось обсудить вопрос о твоём содержании, — сказал, невозмутимо глядя на Реджи, граф.

Итак, глава семьи решил прижать повесу-кузена. Что ж, этого следовало ожидать, подумал Реджи, прикидывая, сможет ли он устроиться на государственную службу, если доходов от азартных игр перестанет хватать, чтобы обеспечить ему достойное существование. Многие выходцы из аристократических семейств занимали выгодные посты, подвизаясь в качестве смотрителей портов или начальников почтовых отделений, но ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову назначить на подобную должность Реджи Дэвенпорта — даже к государственным чиновникам предъявлялись какие-то требования.

Можно было бы открыть тир, как Мэнтон, думал Реджи. Или — он мысленно усмехнулся — попробовать брать с женщин деньги за услуги, которые до сих пор он предоставлял им бесплатно.

— А что еще ты хотел со мной обсудить? — хладнокровно осведомился он.

— Дело в том, что мы с Кэролайн ждем ребенка, он должен родиться в ноябре.

— Мои поздравления. — Реджи постарался не выдать своих чувств. То, что Уоргрейв предпочел, чтобы двоюродный брат узнал эту новость от него лично, было вполне в духе графа. Само сообщение тоже не содержало ничего удивительного — как-никак граф Уоргрейв был живым человеком. И хотя формально считалось, что наследником титула является Реджинальд Дэвенпорт, тот прекрасно осознавал, что его кузен, здоровый и счастливо женатый мужчина на восемь лет моложе Реджи, рано или поздно должен обзавестись потомством. — Надеюсь, леди Уоргрейв чувствует себя хорошо? — вежливо поинтересовался он.

Лицо Уоргрейва расплылось в глупой, по мнению Реджи, улыбке.

— Она чувствует себя прекрасно и столько играет на пианино, что дитя скорее всего родится с нотами в руках. — Он посерьезнел. — Есть еще одна причина, по которой я просил тебя заглянуть.

— Ах да, прежде чем мы заговорили о грядущем прибавлении в твоём семействе, ты сообщил, что намерен прекратить выплачивать мне содержание, — обронил Реджи небрежно — он решил ни за что на свете не унижаться перед кузеном из-за денег.

— Прекратить выплачивать тебе раз в три месяца содержание — это лишь часть моих намерений. — Уоргрейв открыл ящик стола и извлек оттуда пачку бумаг. — Я пришел к выводу, что пора подумать о каком-то ином решении проблемы. В качестве временной меры я продолжал снабжать тебя деньгами, как это делал покойный граф, но мне представляется, что... — Уоргрейв замешкался, подыскивая подходящее слово, — подобная зависимость одного взрослого мужчины от воли другого — явление ненормальное.

— В нашем мире оно довольно распространено, — заметил Реджи, стараясь, чтобы

голос его звучал безмятежно. В свое время он был удивлен решением Уоргрейва продолжать выплачивать ему содержание, несмотря на то что они едва не убили друг друга, но объяснил это тем, что молодой граф, по всей видимости, счел себя обязанным заботиться о благополучии наследника. Перспектива же появления ребенка, естественно, сводила эти обязательства на нет.

— Я воспитывался вдали от так называемого высшего света и потому вряд ли когда-либо пойму аргументы, оправдывающие такое положение вещей, — сказал Ричард. — В той среде, где я вырос, большинство мужчин предпочитают иметь что-то, что на самом деле принадлежало бы им. — Граф постучал пальцем по стопке бумаг. — Именно поэтому я намерен передать тебе наиболее процветающее из не подпадающих под действие закона о майорате имений Уоргрейвов. Я выплатил все долги по закладной, имение должно приносить вдвое больше средств, чем те, что ты получал в качестве содержания.

Реджи выпрямился — он был бы меньше удивлен, если бы граф запустил в него медным подсвечником. Отказ выплачивать содержание он воспринял бы как должное, теперь же не верил своим ушам.

— То, что имение процветает, в значительной степени заслуга управляющего по фамилии Уэстон. Он занимает эту должность несколько лет. Я с ним не встречался — когда навещал поместье, Уэстон отсутствовал из-за болезни родственника. Но он проделал очень большую и полезную работу. Вся отчетность в безукоризненном порядке, а доходы от имения выросли весьма и весьма существенно. Уэстон — честный и компетентный человек, и если у тебя нет желания управлять поместьем лично, можешь жить в Лондоне на ренту от имения. — Взгляд графа стал жестким. — Разумеется, ты можешь продать или проиграть имение — это твое дело, но знай, что больше из собственности Уоргрейвов ты ничего не получишь. Если у тебя большие долги, я помогу их выплатить, чтобы начать, так сказать, с чистого листа. Дальнейшее будет зависеть только от тебя. Понятно?

— Вполне. Ты умеешь выражаться предельно ясно, Уоргрейв. — Реджи попытался скрыть за дерзостью смущение и растерянность. — В последнее время фортуна ко мне благоволила, так что помощь в уплате долгов не потребуется. — Реджи с трудом приходил в себя после неожиданного сообщения двоюродного брата. — И какое же имение ты намерен мне передать?

— Стрикленд в Дорсете.

Реджи мысленно чертыхнулся. Семейство Уоргрейвов владело лишь тремя поместьями, не подпадающими под действие закона о майорате, и ответ графа не был полной неожиданностью, но все же Реджи показалось, что кто-то пнул его в живот.

— А почему именно Стрикленд?

— По нескольким причинам. Во-первых, это поместье будет надежным источником дохода. Во-вторых, ты, насколько мне известно, провел там детские годы, и мне казалось, можешь испытывать привязанность к этому месту. — Уоргрейв сжал в пальцах гусиное перо и нахмурился. — Судя по выражению твоего лица, я, вероятно, ошибся.

Реджи действительно словно окаменел. То, что по лицу Реджи зачастую можно было без труда прочесть эмоции, таившиеся у него в душе, не позволяло ему полностью соответствовать образу идеального джентльмена. Истинный джентльмен никогда и ничем не выдал бы ни своего разочарования, ни гнева, ни радости, однако обуревавшие Реджи чувства нередко прорывались наружу. Так произошло и на сей раз, хотя, по идее, следовало бы скрыть от собеседника сложные чувства, которые вызвал у него разговор о Стрикленде.

— Есть и еще одна, гораздо более серьезная причина, по которой я остановил свой выбор на Стрикленде, — продолжил Уоргрейв. — Это поместье должно принадлежать тебе.

Реджи глубоко вздохнул. Слишком много неожиданностей обрушилось на него.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что дом и часть земли изначально принадлежали семье твоей матери, а не Дэвенпортам. Как единственный наследник матери, по закону ты являешься владельцем большей части Стрикленда.

— Дьявольщина!

— По свидетельству семейного адвоката, твои родители встретились, когда твой дед по материнской линии выставил на продажу небольшое поместье, примыкающее к Стрикленду, — пояснил Уоргрейв. — Твой отец отправился туда, чтобы от имени брата обсудить вопрос о купле-продаже, познакомился с твоей матерью и в конце концов остался в Дорсете. Земли, приобретенные Дэвенпортами, были присоединены к Стрикленду, и твои родители жили там и управляли им как единым имением. В соответствии с условиями брачного контракта Стрикленд должен был отойти наследникам твоей матери.

— Я понятия не имел о том, что дело обстоит именно так. — Реджи с трудом сдерживал злость. Значит, все долгие годы, в течение которых старый граф как подачку выплачивал ему содержание, эти деньги принадлежали ему по праву. Окажись сейчас дядюшка в этой комнате, Реджи вполне мог бы убить его.

— Возможно, старый граф не отделял Стрикленд от остальных владений, поскольку считал, что в конечном итоге все — и титул, и собственность в полном объеме — достанется тебе. — Голос Уоргрейва звучал бесстрастно. — Как-никак в течение долгих лет ты считался его наследником.

— Ты его совсем не знал, — ледяным тоном возразил Реджи. — Уверяю тебя, он не позволял мне вступить во владение Стриклендом, руководствуясь самыми низкими побуждениями. Доход от поместья сделал бы меня независимым, а для него это было совершенно невыносимо.

Вероятно, здесь же крылись причины негодования старого графа из-за того, что брат женился на наследнице весьма скромного состояния и обрел свое счастье, живя с ней в Дорсете. Недовольство поведением брата могло в какой-то мере послужить в дальнейшем причиной прохладного отношения к осиротевшему племяннику.

Уоргрейв, демонстрируя безукоризненный такт, занялся очинкой пера, затем проверил, достаточно ли чернил в чернильнице.

— Чем больше я узнаю о старом графе, тем лучше понимаю, почему мой отец не захотел жить с ним в одной стране, — произнес он после некоторой паузы.

— Покинув Англию, Джулиус совершил самый умный поступок из всех, которые он когда-либо совершал, — согласился Реджи. Он и сам не однажды размышлял о том, правильно ли поступил, не последовав примеру отца Ричарда. Возможно, было бы разумнее избежать железной руки дяди, выехав за пределы страны, а не бороться с ним всеми правдами и не правдами. Так или иначе, умерев, старый граф, одержал победу в этой борьбе, и теперь Реджи не имел ни малейшего желания раскрывать душу перед молодым человеком, который появился на поле боя после того, как битва закончилась.

— Может, ты хочешь получить какое-то другое поместье? — спросил молодой Уоргрейв, оторвав взгляд от стола.

— Стрикленд вполне меня устроит, — подвел черту под разговором Реджи.

Уоргрейв, очевидно, и не ожидал, что кузен рассыплется в благодарностях. Он поставил на бумагах свою подпись, посыпал влажные чернила песком и подвинул документы к Реджи:

— Подпиши, и Стрикленд твой. Реджи все еще кипел от гнева. Это, впрочем, не помешало ему внимательно изучить документы и убедиться, что все в полном порядке. Едва он поставил последнюю подпись, как в коридоре послышались шаги. Подняв голову, он увидел Кэролайн, леди Уоргрейв — невысокую, хрупкую светловолосую женщину с мечтательным выражением лица.

При ее появлении мужчины встали. Граф и графиня обменялись взглядом, от которого у Реджи заняла душа. Он завидовал богатству и власти, унаследованным Уоргрейвом, но еще большую зависть у него вызывала теплота, которой были проникнуты отношения кузена и его супруги. Ни одна женщина никогда так не смотрела и не посмотрит на него. Проклятие рода Дэвенпортов, с горечью подумал Реджи.

Поприветствовав мужа, леди Уоргрейв протянула гостю руку. В их последнюю встречу Реджи был чудовищно пьян и вел себя столь безобразно, что Уоргрейв чуть его не убил. Несмотря на незавидную репутацию, Реджинальд Дэвенпорт, однако, не имел привычки пугать застенчивых молодых женщин и потому теперь, склоняясь над маленькой ручкой графини, чувствовал себя неловко. Стараясь держаться непринужденно, он вежливо произнес:

— Мои поздравления по поводу ваших замечательных новостей, леди Уоргрейв.

— Благодарю вас. Мы в самом деле очень им рады. — Лицо графини осветилось улыбкой. Брак с Ричардом определенно пошел ей на пользу. — У меня до сих пор не было возможности поблагодарить вас за свадебный подарок. Ради всего святого, где вам удалось отыскать оригинал Генделя? Каждый раз, когда я смотрю на него, меня повергает в трепет сознание того, что эти ноты и слова написаны его рукой.

Реджи улыбнулся — впервые за все время визита, выбившего его из колеи. На самом деле молодая графиня, обладавшая редкостным талантом музыкантши, прислала ему письмо, где благодарила за подарок, а потому и ее слова и то, что она сочла необходимым поприветствовать его лично, скорее всего означали, что она простила ему недостойное поведение, сократив тем самым список грехов, за которые ему предстояло гореть в аду.

— Я наткнулся на эти ноты много лет назад в книжном магазине, — пояснил он. — И сразу же понял, что когда-нибудь обязательно найдется кто-то, кому они пригодятся.

— Лучшего подарка для меня невозможно придумать, — сказала леди Уоргрейв и повернулась, чтобы уйти. — Извините, что я вошла не вовремя. Не буду вам больше мешать.

— Я уже собирался откланяться, — сказал Реджи. — Или у тебя есть ко мне еще какое-то дело, Уоргрейв? Граф покачал головой:

— Нет, я обсудил с тобой все, что хотел.

Реджи заколебался — все же следовало бы поблагодарить кузена. Не всякий на его месте счел бы возможным и необходимым исправить несправедливость, совершенную старым графом. Но Реджи все еще был слишком зол, поэтому он лишь коротко кивнул двоюродному брату на прощание.

Выйдя из дома, Реджи бросил монету конюху, который прогуливал его лошадей, и забрался в экипаж.

Итак, Стрикленд, подумал Реджи и снова чертыхнулся про себя. Он стал владельцем того самого поместья, где ему довелось испытать величайшее в жизни счастье и величайшее горе, и теперь не мог понять, чего в обуревавших его чувствах больше — радости или

отчаяния.

Кэролайн Дэвенпорт, отодвинув занавеску, наблюдала за тем, как двоюродный брат ее мужа отъезжает от дома. От женского взгляда не укрылось волнение, сквозившее в каждом его движении и жесте.

— И как он отреагировал на новость? — поинтересовалась она, опуская занавеску.

— К счастью, я не ожидал от него благодарности — я бы ее не дождался. Кузен Реджи не из числа тех, кто любит сюрпризы. Отказ выплачивать содержание вызвал бы у него меньше переживаний. — Ричард, прихрамывая, подошел к окну и обнял жену за талию. — Вдобавок его, понятное дело, привело в бешенство известие о том, что покойный граф незаконно лишил его имения, которое по праву принадлежало ему.

— Ты думаешь, что, став владельцем поместья, он изменится? — спросила Кэролайн, прижавшись к супругу. Ричард пожал плечами:

— Сомневаюсь. Думаю, в том, что он стал таким, в значительной мере виноват старый граф. Реджи как-то сказал, что хотел пойти на военную службу, но граф не позволил. Граф держал его, что называется, на коротком поводке — оплачивал долги, но при этом выдавал ему содержание, которого было явно недостаточно, чтобы Реджи чувствовал себя свободным и независимым.

— Граф действительно был ужасным человеком.

— Это правда. Но часть вины лежит на самом Реджи. Он очень умен и поразительно хорошо разбирается в людях. Он мог бы добиться многого, а вместо этого превратился в повесу и пьяницу.

Кэролайн различила в голосе супруга нотки сожаления. Молодой граф Уоргрейв был человеком серьезным и ответственным (что и позволило ему стать армейским офицером поистине выдающихся качеств), и потому он не мог не сожалеть о загубленных способностях Реджи Дэвенпорта. Кроме того, Реджи был его ближайшим родственником со стороны Дэвенпортов, и Ричарду, естественно, хотелось установить с ним дружеские отношения. Впрочем, у Ричарда не было на этот счет никаких иллюзий — вряд ли ему удастся добиться теплоты и сердечности во взаимоотношениях с двоюродным братом.

— По-твоему, мужчина в его возрасте уже не способен изменить образ жизни? — спросила леди Уоргрейв.

— Реджи тридцать семь, и он уже далеко зашел по стезе порока, — сухо заметил Ричард. — Повесы, случается, берутся за ум, но с пьяницами этого не происходит почти никогда. Бог свидетель, немало их служило под моей командой. Большинство их пили до тех пор, пока не погибали — либо от пуль, либо от виски. Боюсь, такая же судьба ожидает и моего кузена.

Кэролайн склонила голову на плечо мужа. Когда-то Реджинальд Дэвенпорт привел ее своим поведением в ужас, но сегодня он был трезв и любезен и в какой-то момент даже показался ей весьма обаятельным. Он был сделан из хорошего теста, и леди Уоргрейв понимала желание супруга помочь своему родственнику, судьба которого сложилась непросто. Правда, скорее всего его усилия пропадут втуне. И все же...

— В жизни иногда случаются чудеса, — заметила молодая женщина. — Может быть, так произойдет и на сей раз.

— Я уверен: если Реджи в самом деле захочет измениться, это будет ему по силам. Но очень сомневаюсь, что он захочет, — без особого энтузиазма заключил Ричард.

Он крепко обнял жену и заставил себя выбросить из головы мысли о злополучном родственнике. В конце концов, он сделал все, что мог, а его богатый жизненный опыт свидетельствовал о том, что в какой-то момент можно помочь человеку, но нельзя изменить его жизнь, если он сам этого не желает.

Едва проснувшись, Элис уже знала, что день будет плохим. Всякий раз после того, как ночью ей снился кошмар, она долго еще чувствовала себя не в своей тарелке. К счастью, это случалось нечасто — раза два или три в год.

Ее преследовал один и тот же страшный сон: стоя за ведущими в сад застекленными — французскими — окнами, она слышала чей-то тягучий, буквально пропитанный злобой голос и одни и те же слова: «С чего это ты решил жениться на таком страшилище? Да в ней десять футов росту, и худа она, как сушеная вобла, — одни кости. Такая не согреет мужчину ночью. А уж с ее-то командирскими замашками эта Длинная Мег наверняка будет держать тебя под каблуком».

Следовала небольшая пауза, после чего ее любимый отвечал незнакомцу: «Как это с чего? Ради денег, конечно. Денежки-то у нее будут водиться. А уж когда я приберу к рукам ее состояние — вот тогда и поглядим, кто кем будет командовать». И ни слова о любви, в которой так часто и с такой страстью клялся ей.

В этот момент Элис обычно ощущала приступ тошноты и сильнейшую душевную боль, которая когда-то заставила ее бежать из дома, перечеркнув всю свою прежнюю жизнь. Однако на сей раз Элис повезло: прежде чем кошмар достиг кульминации, у нее защекотало в носу. Она чихнула и — что вполне естественно для человека, сон которого уже неглубок и вот-вот прервется, — проснулась.

Приоткрыв тяжелые, словно налитые свинцом веки, Элис увидела перед собой живое олицетворение свежести утра, рядом с ней на кровати сидела девушка, удивительно похожая на нимфу, — золотые локоны, безукоризненной красоты лицо, бесхитростные, небесно-голубые глаза. Одним словом, облик мисс Мередит Спенсер (подруги и домашние называли ее Мерри) мог смягчить и наполнить радостью самое суровое сердце. Хотя сердце Элис вовсе не было суровым, для того чтобы наполнить его радостью в столь ранний час, одного вида Мерри было недостаточно.

Но прежде чем Элис, устремив сердитый взгляд на воспитанницу, успела что-либо сказать, по лицу ее скользнуло что-то мягкое и пушистое. Элис снова чихнула.

— Какого дьявола.. — Она рывком села на кровати. — А, это ты, Аттила. Тоже мне, распустил хвост. Предупреждаю тебя, проклятый кот, если ты еще раз меня разбудишь, скормлю какой-нибудь собаке.

Хмуро поглядывая то на Мерри, то на кота, Элис отбросила назад тяжелую копну волос. Косы, которые она заплела на ночь, расплелись — видно, напуганная кошмаром, она металась во сне, — и теперь густые пряди в беспорядке рассыпались по плечам.

— Да поможет Бог собаке, которой доведется встретиться с Аттилой, — улыбнулась Мерри и протянула Элис, опекунше, ставшей, по сути дела, приемной матерью, дымящуюся чашку крепкого кофе. — Вот, леди Элис, такой, как вы любите, — много сливок и сахара.

Обхватив длинными пальцами чашку, Элис откинулась на подушки и с наслаждением отхлебнула из чашки глоток и довольно вздохнула, чувствуя, как возвращается к жизни. В голове у нее немного прояснилось.

— С чего это я решила встать сегодня чуть свет? — спросила она.

Мерри озорно ухмыльнулась и перестала быть похожей на фарфоровую куколку.

— Сегодня начинаются посевные работы, и вы накануне приказали мне поднять вас

пораньше.

— Да, действительно. — Элис еще глотнула кофе. — Спасибо, что разбудила. Может, я и не стану выгонять тебя из дому.

— А вы и не можете меня выгнать, — парировала Мерри, нисколько не смутившись. — Вы ведь добровольно согласились взять на себя заботу обо мне и мальчиках, так что теперь от нас не так-то легко отделаться — по крайней мере до тех пор, пока не найдется какой-нибудь ненормальный мужчина, который вас от меня избавит.

Элис расхохоталась — верный признак того, что кофе вернул присущие ей добродушие и чувство юмора.

— Все мужчины, которые вьются вокруг тебя, ненормальные, но причина их сумасшествия — неразделенная любовь. Единственная проблема состоит в том, чтобы удерживать их на безопасном расстоянии от тебя.

Элис окинула Мерри теплым взглядом. Ее воспитанница была миниатюрной блондинкой — в детстве такой тип женщин казался Элис эталоном красоты. Такую красавицу было бы легко возненавидеть, если бы не замечательные душевные качества Мерредит. Вдобавок она была умна и обладала изрядной житейской мудростью, в юном девятнадцатилетнем создании почти пугающей. Для Элис она стала одновременно и дочерью, и лучшей подругой.

Увидев, что Элис постепенно начинает приходить в себя, Мерри сообщила:

— Один из фермеров оставил для вас записку. Разумеется, он адресовал ее не леди Элис, а леди Алисе.

— Сейчас слишком рано, чтобы задумываться о таких пустяках, — пробурчала Элис и зевнула. — Кроме того, если бы фермеры знали, как правильно пишется мое имя, они наверняка стали бы его не правильно произносить. Так что там в записке?

— Что-то о цыплятах.

— В таком случае ее писал Барлоу. Надо будет к нему заехать — это как раз по пути. — Допив кофе, Элис спустила ноги с кровати. — Ну, можешь теперь спокойно идти — я уже больше не засну. Кстати, забери этого дурацкого кота и покорми его.

Хихикнув, Мерри не без труда подхватила на руки гигантского кота с длинной густой шерстью, пестрой от обилия полос и белых пятен. Глядя на его высокомерную морду, трудно было поверить, что когда-то он был маленьким, голодным, несчастным котенком, который неминуемо утонул бы в ручье, если бы его не спасла Элис. С течением времени он твердо усвоил, что принадлежит к существам, которые правят этим миром. Когда Мерри понесла кота из комнаты, он издал хриплое, возмущенное мяуканье.

Элис закрыла лицо руками. Депрессия, вызванная кошмаром, снова брала верх. Вздохнув, она поднялась на ноги, надела старый красный пеньюар и села за туалетный столик. Расчесывая пальцами спутанные волосы, она посмотрела на себя в зеркало.

Хотя ее нельзя было отнести к женщинам, зажигающим в мужчинах страсть, она не была и уродкой. Кожа ее имела более смуглый оттенок, чем у тех женщин, которых принято считать красавицами, но черты лица Элис были правильными. Если бы речь шла о мужчине, такое лицо можно было бы назвать привлекательным. Но для женщины оно слишком крупное. Рост Элис составлял пять футов и девять с половиной дюймов (это не считая каблуков). Мало кто из мужчин, обитавших в поместье Стрикленд, превосходил ее ростом.

Элис начала расчесывать волосы. В прошлом, когда значительное состояние обеспечивало ей повышенный интерес со стороны мужчин, ее густую шевелюру называли

каштановой. Но с тех пор, как ей пришлось наняться на службу, чтобы обеспечить себя, оттенок ее волос уже никого не интересовал. Элис считала, что волосы — ее главное украшение. Когда-то она в порыве гнева и отчаяния обрезала их, но теперь волосы отросли и стали еще длиннее, гуще, золотистее, чем раньше.

Расчесав волосы на прямой пробор, Элис заплела их и уложила косы короной. Яркие лучи утреннего солнца позволяли отчетливо разглядеть удивительную особенность ее внешности: правый глаз Элис был серо-зеленый, а левый — карий. Элис никогда не встречала другого человека с глазами разного цвета. Как же это все-таки несправедливо!

Элис горько улыбнулась, тем самым продемонстрировав еще один изъян своей внешности. Взгляд, брошенный в зеркало, напомнил ей, насколько неуместны эти дурацкие ямочки на лице такой верзилы. Они идеально подошли бы золотоволосой куколке Мерри, но у той как назло их не было и в помине. Определенно, жизнь устроена очень несправедливо.

Стоило нахмуриться — ямочки исчезали, и Элис сдвинула брови — темные, резко очерченные. Сойдясь на переносице, они придавали лицу выражение, которое могло отпугнуть кого угодно.

Закончив ритуал, цель которого состояла в том, чтобы убедить самое себя, что не столь уж она уродлива, как казалось в первые минуты после пробуждения от навязчивого кошмара, Элис отвернулась от зеркала. В этот день ей предстояло проследить за посевными работами и, следовательно, щеголять повсюду в штанах, льняной рубашке и сюртуке. Конечно, темные платья маскировали недостатки ее фигуры, однако мужская одежда, которую она вынуждена была время от времени надевать, позволяла весьма наглядно продемонстрировать, что, как и подобает всякой нормальной женщине, она отнюдь не лишена положенных ей от природы округлостей. При ее росте это производило несколько неожиданное впечатление.

Нахлобучив бесформенную черную шляпу, Элис Уэстон, которую в лицо называли леди Элис, а за глаза — Длинная Мег, тридцатилетняя старая дева, весьма преуспевшая в должности управляющего поместьем, известным под названием Стрикленд, вышла на крыльцо.

День оказался еще более утомительным, чем она ожидала. Купленная Элис новая сеялка барахлила — к вящему удовольствию работников, наперебой заявлявших, что «от этой дурацкой штуковины» толку не добьешься. Неплохо разбиравшейся в технике Элис пришлось битый час не вылезать из-под злополучной сеялки, прежде чем машина заработала бесперебойно.

С ног до головы вываливавшаяся в грязи, Элис была настолько занята, что не только не могла позволить себе вернуться домой и переодеться — у нее не хватило времени даже на ленч. Хорошо хоть Мерри прислала ей немного дорсетского сыра, зля и несколько булочек. Элис перекусила, не слезая с лошади, по пути на пастбище — необходимо было узнать, поправились ли ягнята, внезапно захворавшие накануне. К концу дня зубоскалы-работники все же вынуждены были признать, что механическая сеялка — вещь полезная и значительно ускоряет посевные работы. И все-таки машина вызывала у них раздражение. Элис с трудом сдерживалась, чтобы не вспылить. Ей стоило титанических усилий заставить их выполнять указания. Даже теперь, после четырех лет ее работы управляющим, в течение которых, казалось бы, хватало возможностей убедиться, что современные методы ведения сельского хозяйства, которые отстаивала Элис, полностью себя оправдывают и что во всем Дорсете нет более доходного поместья, а в графстве не найдется другого землевладельца или

управляющего, который обеспечил бы занятость стольким сельскохозяйственным рабочим, каждая новая ее идея встречалась в штыки.

— Черт бы их всех побрал, — выругалась Элис, поворачивая лошадь к дому.

Солнце зашло, и сразу резко похолодало. Когда Элис вошла в дом, Мерри, чинно сидя в гостиной, вышивала. Мальчики еще не вернулись из школы. Элис приняла ванну и переделалась в синее шерстяное платье. Рассказав воспитаннице о неприятностях с сеялкой, выпила бокал хереса и принялась просматривать почту. Среди других конвертов лежало письмо от хозяина имения, графа Уоргрейва.

Нахмурившись, Элис сорвала печать. Она не привыкла получать письма от графа — по делам имения Элис состояла в переписке с его адвокатом по фамилии Челмсфорд. Ни тот ни другой ее, разумеется, ни разу в глаза не видели — если бы эти джентльмены обнаружили, что имением управляет женщина, Элис наверняка тут же лишилась бы должности.

Старый граф никогда не покидал пределов своего имения в Глостершире, однако его наследник был молод, энергичен и по-хорошему въедлив, потому Элис опасалась, что в один прекрасный день он объявится в Стрикленде. К счастью, он заранее известил управляющего о своем первом и пока единственном визите в имение, и Элис сочла за благо уехать вместе с детьми из Стрикленда, сославшись на болезнь одного из членов семьи и строжайшим образом наказав работникам не проговориться графу о том, что она женщина.

Элис провела неделю на морском побережье, в Лайн-Реджис, а вернувшись в имение, обнаружила, что ее никто не выдал, что вся отчетность самым тщательным образом проверена и что Уоргрейв оставил для нее письмо, где высоко отозвался о ее (а точнее, мистера Уэстона) деятельности, а также предложил на ее рассмотрение несколько весьма толковых идей касательно управления Стриклендом. Ей сразу стало ясно, что, хотя граф большую часть жизни отдал армии, он был человеком неглупым. Если не считать этого посещения, Уоргрейв предоставил ей полную свободу в управлении имением. Для Элис это был идеальный вариант отношений с хозяином.

Теперь, читая письмо молодого графа, она невольно вздохнула, поняв, что все это может рухнуть. Услышав ее вздох, Мерри подняла голову от вышивания:

— Что-то случилось?

Элис вымученно улыбнулась:

— Я знала, что сегодня мне не следует вставать с постели. Мерри сложила нитки в шкатулку и подошла к приемной матери.

— Так что же произошло? — спросила она. Элис молча протянула ей письмо. Лорд Уоргрейв сообщал мистери Уэстону, что имение Стрикленд передано во владение его двоюродному брату, Реджинальду Дэвенпорту, и что графу Уоргрейву неизвестно о том, какие действия в отношении своей новой собственности намерен предпринять его кузен. Граф счел нужным еще раз отметить, что на него произвели большое впечатление деловые качества мистера Уэстона и в случае, если тот по каким-либо причинам не поладит с новым владельцем поместья, Уоргрейв, со своей стороны, будет рад предложить ему должность управляющего другим имением — возможно, самим Уоргрейв-Парком. Далее следовали извинения за причиненное беспокойство и так далее и тому подобное.

— О Боже, — прошептала Мерри. — Это может все осложнить. А может, все останется по-прежнему... — с надеждой добавила Мерри. — Кажется, я что-то читала в газетах о мистере Дэвенпорте. Если не ошибаюсь, он ведет светский образ жизни. Возможно, он предпочтет жить в Лондоне, получая ренту, и никогда здесь не появится.

— Одно дело лорд Уоргрейв, который никогда не бывал в Стрикленде по той простой причине, что в его владении находится еще добрая дюжина поместий, — возразила Элис, — и совсем другое — Реджинальд Дэвенпорт, у которого, кроме этого имения, никакой собственности нет. Скорее всего он время от времени будет сюда наезжать — на праздники, на охоту, да хотя бы для того, чтобы устроить вечеринку для друзей. Не исключено, что он вообще решит периодически жить здесь, а не сидеть круглый год в Лондоне. — Элис остановилась перед камином и уставилась на желтые языки пламени. — Не могу же я вечно от него скрываться, ссылаясь на болезнь кого-то из мифических родственников.

— Но ведь у вас есть контракт, — нахмурилась Мерри. Элис пожала плечами и взяла с медной подставки кочергу.

— Контракт — вещь хорошая, но Дэвенпорт в состоянии сделать мою жизнь невыносимой, тогда я сама не захочу здесь оставаться.

— Неужели вы даже не допускаете мысли, что он захочет, чтобы вы остались? Ведь в этом поместье вы совершили настоящее чудо — это все говорят.

— Я проделала значительную часть самой тяжелой и неприятной работы. — Элис поворошила кочергой тлеющие уголья. — Теперь любой толковый управляющий сможет получать от этого имения прибыль.

— Мистер Дэвенпорт не найдет более компетентного человека, чем вы. И более честного! — выпалила Мерри.

— Возможно, ты и права. Но это все равно не означает, что он меня не уволит, — мрачно сказала Элис. То, что она слышала о Реджинальде Дэвенпорте, свидетельствовало не в его пользу. Она была почти уверена: такой повеса, как Дэвенпорт, вряд ли согласится доверить управление своей собственностью женщине.

— Если мистер Дэвенпорт решит, что вы ему не подходите в качестве управляющего, вы сможете занять ту же должность в каком-нибудь другом имении графа. Уоргрейв-Парк — прекрасное место, — заметила Мерри, роясь в своей шкатулке с принадлежностями для вышивания.

— Ты думаешь, его предложение будет оставаться в силе после того, как граф узнает, что я женщина? — с горечью спросила Элис.

— Мне кажется, вы могли бы выдать себя за мужчину. — В глазах Мерри мелькнул озорной огонек. — Рост у вас для этого вполне подходящий.

Элис бросила на нее сердитый взгляд, подавляя искушение оттрепать воспитанницу за уши, но вскоре присущее ей чувство юмора взяло верх.

— И долго, по-твоему, я смогу водить нового владельца поместья за нос? — осведомилась она с улыбкой;

— Ну-у... наверное, минуты полторы, — задумчиво протянула Мерри. — При условии, что освещение будет не слишком хорошее.

— Освещение должно быть совсем плохое, — хмыкнула Элис. — Как-никак, у мужчин и женщин совершенно разное сложение и разные формы.

— Это правда, формы у вас что надо, их не скроешь, как бы вы ни старались.

Элис фыркнула. Мерри твердо стояла на том, что ее опекунша — весьма привлекательная женщина, хотя, по мнению самой Элис, это объяснялось не объективностью девушки, а ее добротой.

— Допустим, лорд Уоргрейв окажется человеком достаточно широких взглядов для того, чтобы меня нанять. Но что же будет тогда с фабрикой керамических изделий? За ней

ведь нужен постоянный присмотр. Вряд ли мы сможем перевезти фабрику в Глостершир. К тому же жаль забирать мальчиков из школы. Им здесь так хорошо.

Даже упорно не желающая расстраиваться Мерри задумалась, прежде чем подать следующую реплику.

— Я думаю, — сказала она наконец, — вы слишком рано начали беспокоиться. Неприятности следует переживать по мере их поступления. Вполне возможно, что мистер Дэвенпорт еще долго здесь не появится, а когда все-таки придет, очень может быть, он придет в восторг, если вы останетесь здесь и избавите его от множества хлопот. Так что давайте подождем и посмотрим, что будет дальше.

Элис могла лишь позавидовать оптимизму девушки. Посмотрев на свою воспитанницу, она ощутила недоброе предчувствие. Элис вспомнила, что новый владелец поместья имеет репутацию соблазнителя, а раз так, то вряд ли он оставит без внимания грациозную золотоволосую красавицу Мередит.

Переведя взгляд на огонь, Элис упрямо поджала губы. Двенадцать лет эта одинокая женщина изо всех сил боролась с предрассудками и предубеждением окружающих. И вот теперь все, чего ей удалось добиться, под угрозой.

Еще не встретившись с Реджинальдом Дэвенпортом, Элис успела возненавидеть его всей душой.

Человек по прозвищу Проклятие рода Дэвенпортов издал стон и заворочался в постели. На него тут же накатила приступ дурноты и слабости, что было вовсе не удивительно после кутежа, устроенного накануне.

Реджи замер, не открывая глаз, поскольку отлично знал, что в таких случаях утром лучше не торопиться и все делать как можно медленнее и осторожнее. Если, конечно, сейчас утро, подумал он — память сохранила слишком мало деталей ночного дебоша, чтобы он мог точно определить время суток.

Справившись с головокружением, Реджи разлепил веки. Потолок выглядел знакомым — значит, он дома. Сделав еще одно усилие, Реджи установил, что лежит скорее в спальне, нежели в гостиной, и на собственной кровати, которая была заметно мягче и шире, чем столь же хорошо известный ему диван.

Теперь ему предстояло вспомнить, каким образом он здесь оказался. Услышав рядом чье-то шумное дыхание, он с предельной осторожностью начал поворачивать голову, пока наконец в поле его зрения не оказался Джулиан Маркхэм. Его молодой друг безмятежно спал на диване, судя по всему, его ничто не беспокоило.

Двигаясь медленно, но целеустремленно, Реджи откинул покрывало, которым был укрыт, и попытался сесть, но тут же, охнув, снова повалился на кровать. Он был готов к обычным неприятным ощущениям, связанным с похмельем, но не к острой боли, которая внезапно пронзила грудь. Прислушиваясь к ней, Реджинальд снова попробовал восстановить в памяти события предыдущей ночи, но безуспешно.

Наскоро обследовав себя, он пришел к выводу, что ничего не сломано. Хотя на ребрах и правой руке красовались здоровенные кровоподтеки, а костяшки пальцев на обеих руках были сбиты, из чего Реджи сделал вывод, что с кем-то дрался. Он завалился спать одетым, и теперь темно-синий сюртук и коричневые брюки были измяты до такой степени, что любой ревностно относившийся к службе камердинер не преминул бы высказать ему претензии по этому поводу. К счастью, Мака Купера нельзя было вывести из равновесия подобными пустяками — иначе он не продержался бы столько лет в услужении у Реджи Дэвенпорта.

Мак в очередной раз доказал, что знает свое дело, выбрав именно этот момент для появления в спальне с бокалом жидкости оранжевого цвета в одной руке и с тазом и исходящим горячим паром мокрым полотенцем в другой. Не говоря ни слова, он протянул полотенце своему господину. Развернув полотенце, Реджи зарылся в него лицом. Влажный жар немного приободрил его.

Протерев лицо, шею и руки, Реджи потянулся к бокалу и одним глотком ополовинил его. Противопохмельное средство было изобретением камердинера. В него входили фруктовый сок, немного виски и еще несколько ингредиентов, о которых Реджи предпочитал не думать, и действовало оно весьма эффективно.

Реджинальд Дэвенпорт осторожно покрутил головой, радуясь, что уже не испытывает при этом боли и дурноты, и снова, уже не так жадно, приложился к бокалу. Лишь когда бокал опустел, Реджи нашел в себе силы взглянуть Маку в глаза.

— Который час? — осведомился хозяин.

— Около двух пополудни, сэр, — ответил слуга. Мак говорил на кокни [\[1\]](#), был сухощав и жилист, множество шрамов делали его похожим на уличного драчуна, при этом он —

исключительно ради собственного удовольствия — весьма удачно копировал манеры и акцент, присущие слугам-снобам. Обязанности камердинера составляли лишь часть его работы — по совместительству он был еще конюхом, дворецким и лакеем.

— Ты помнишь, во сколько мы вернулись? — спросил, зевая, Реджи.

— Около пяти утра, сэр.

— Надеюсь, мы тебя не разбудили.

— Мистер Маркхэм был вынужден попросить меня помочь ему отвести вас наверх.

Реджи провел рукой по всклокоченным волосам.

— Теперь понятно, как мне удалось добраться до спальни, — сказал он и, взглянув на своего приятеля, увидел, что тот просыпается. — Вот что, приготовь-ка свежего кофе. Я полагаю, Джулиану он понадобится, да и я с удовольствием выпью несколько чашек.

— Очень хорошо, сэр. Не подать ли вам также что-нибудь легкое перекусить?

— Нет! — воскликнул Реджи, которого передернуло от одной лишь мысли о еде. — Только кофе.

Подождав, пока Мак выйдет из комнаты, Реджи встал и стащил с себя галстук — ему вдруг подумалось, что когда-нибудь он умрет во сне, задушенный собственным галстуком. Умывшись горячей водой, он тяжело опустился в кресло, вытянув ноги, и уставился на приятеля. Глаза Джулиана открылись, а губы сложились в ангельскую улыбку, вызвавшую у Реджинальда Дэвенпорта приступ похмельного раздражения.

Джулиан тут же сел на диване.

— Доброе утро, Редж, — бодро произнес он. — Ну что, здорово погуляли?

— Не знаю, — хмуро бросил Реджи. — Я ничего не помню. Джулиан улыбнулся, несколько не смущенный его тоном. Это был светловолосый молодой человек приятной наружности, обладающий незаурядным обаянием. В будущем он должен был унаследовать крупное состояние, что делало его особенно привлекательным для мамаш, имевших дочерей на выданье.

— Ты выиграл пятьсот фунтов у Блейкфорда, — сказал Джулиан. — Неужели не помнишь?

Мак принес кофе. Налив себе большую чашку обжигающе горячего напитка и положив несколько кусков сахара, Реджи скрестил ноги и мрачно уставился в ясные глаза друга, думая, что некого, кроме себя, винить за то, что приходится куролесить в компании человека на добрых двенадцать лет моложе. Не было ничего удивительного в том, что Джулиан так быстро пришел в себя после разгульной ночи. Для Реджи эти счастливые времена давно миновали.

Он отхлебнул глоток кофе и выругался — обжег себе язык.

— Я помню, как мы заходили к Уайту. А потом что было?

— Блейкфорд пригласил человек десять к себе домой поужинать и сыграть в вист. Ему очень хотелось похвастаться новой любовницей. Она действительно ослепительная штучка, эта Стелла. — Джулиан тоже налил себе кофе. — Похоже, ты ей понравился.

Реджи нахмурился — в мозгу начали всплывать какие-то смутные воспоминания. Кажется, прямо от графа Уоргрейва он отправился в таверну и в течение двух часов накачивался спиртным в полном одиночестве. Потом он повстречал Джулиана, и все завертелось, словно в вихре.

— А Стелла — это такая кнопка с рыжими волосами и разбойничьими глазищами?

— Именно. Она терлась вокруг тебя, как сука во время течки. Блейкфорд и так был зол

на тебя из-за того, что ты его обыграл, но когда обнаружил, что ты куда-то исчез, а вместе с тобой пропала и Стелла, я понял, что он вот-вот взорвется. Ей удалось тебя соблазнить?

Реджи прикрыл глаза и откинул голову на спинку кресла.

— Что-то в этом роде, — пробормотал он. Будь он трезв, постарался бы избежать домогательств Стеллы — обладательница великолепной фигуры была невыносимо вульгарна. Но она очень точно выбрала момент для атаки, уложив его в постель именно тогда, когда он был настолько пьян, что уже мало что соображал, но не настолько, чтобы оказаться неспособным действовать.

Реджи подумал, что с его стороны было чистейшей воды безумием пойти на поводу у маленькой шлюшки. Впрочем, он был пьян, а чего можно ожидать от пьяного мужчины?

Мрачные размышления Реджи прервал Джулиан.

— Возможно, мне не стоило бы об этом говорить, — немного поколебавшись, заметил он, — но тебе, мне кажется, следует вести себя поосторожнее. Блейкфорд ревнует эту сучку к каждому фонарному столбу, а тебе он еще и деньги проиграл. Короче говоря, он едва не вызвал тебя на дуэль.

— Ты прав. Тебе не стоило говорить об этом, — заметил Реджи, чувствуя, как острая боль обручем стискивает виски. И почему его угораздило связаться не с кем-нибудь, а именно с любовницей Блейкфорда? Блейкфорд был мрачным, совершенно непредсказуемым, опасным типом, и Реджи старался по возможности избегать его. — Если бы Блейкфорд вызывал на дуэль каждого, перед кем эта лапочка вильнула задом, ему пришлось бы драться с половиной Лондона.

Джулиан кивнул.

— От Блейкфорда мы отправились в новое игорное заведение рядом с Пиккадилли.

— Правда? — Реджи недоверчиво уставился на друга. — Там тоже произошло что-нибудь заслуживающее внимания?

— Я проиграл сто фунтов, а ты ввязался в драку.

— Замечательно, — пробормотал Реджи. — С кем я сцепился и почему? И кто одержал верх в потасовке?

— Дрался ты с Альбертом Хэнли. Он сказал, что ты жульничаешь, — коротко пояснил Джулиан. — Верх одержал, естественно, ты.

— Что сказал Хэнли? — переспросил Реджи, подскочив на кресле, и снова почувствовал головокружение. Сглатывая кислую слюну, он откинулся на мягкие подушки. — Ничего удивительного, что мы с ним подрались.

У Реджи в самом деле была ужасная репутация, и большей частью вполне заслуженно, но его честность в спорте и карточной игре никогда не подвергалась сомнению.

— Ты так здорово поставил его на место, что вопрос о дуэли отпал сам собой, — с энтузиазмом заявил Джулиан. — Схватка была что надо. Хэнли тяжелее тебя фунтов на тридцать и боксирует вообще-то неплохо, но он ни разу так и не смог тебя достать. Тебе потребовалась всего пара минут, чтобы сломать ему челюсть. Все сошлись на том, что именно он должен заплатить за поломанную мебель, поскольку его обвинение было совершенно необоснованным.

Реджи оглядел свои покрытые ссадинами кулаки.

— Если я так легко одержал над ним верх, почему у меня такое ощущение, будто меня в ребра лягнула лошадь?

— Потому что ты свалился с лестницы, когда мы с Маком тащили тебя наверх, —

объяснил Джулиан. — Я немного встревожился из-за этого, но Мак сказал, что ничего страшного.

— Ты все рассказал, или есть еще что-то, о чем бы мне следовало знать? — вкрадчиво поинтересовался Реджи.

— Ну-у... — протянул молодой человек и смущенно откашлялся. — У Уайта мы встретили моего отца, и он заявил, что знать тебя больше не желает.

— Ты напрасно чувствуешь себя таким виноватым, — пожал плечами Реджи. — Он всегда мне это говорит.

Лорд Маркхэм был убежден, что Реджи сбивает его наследника с пути праведного на стезю порока.

Однако, как это ни странно, именно Реджи обучил молодого человека науке выживания в жестоком мире лондонских шулеров, бретеров и дам полусвета. Более того, он даже вытащил его из сетей авантюристки по прозвищу Распутная Вдовушка, которая сочла, что Джулиан — идеальное решение ее финансовых проблем.

Джулиан снова заговорил о драке, считая эту тему более безопасной, но Реджи перестал его слушать. Опершись локтями о колени, он закрыл лицо ладонями. Его охватил приступ тоски и ненависти к себе.

Все самые глупые и недостойные поступки совершались Реджи в те моменты, когда он бывал пьян, но раньше он по крайней мере отдавал себе отчет в своих действиях. Вполне сознательно избрав определенную линию поведения, которая шла вразрез с общепринятыми понятиями морали, он безропотно принимал все последствия своего решения. Все шло своим чередом до прошлого года, когда у него начались провалы в памяти. С каждым месяцем они случались все чаще и становились все продолжительнее. Теперь он уже не был уверен в том, что помнит все свои поступки и их мотивы, и эта утрата контроля над собой приводила его в ужас.

Такой образ жизни убивает тебя. Эти слова ясно прозвучали в его мозгу.

Он уже не раз слышал этот внутренний голос. Однажды Реджи таким же образом был предупрежден об опасности буквально за считанные мгновения до того, как на него напали разбойники. Он каким-то чудом успел увернуться от ножа, нацеленного ему в спину. В другой раз тот же голос посоветовал Реджи не подниматься на борт яхты, принадлежавшей одному из его приятелей. Он последовал этому совету, выдумав для отказа какой-то весьма неуклюжий предлог, вызвавший дружное поддразнивание всей компании. Вскоре яхта пошла ко дну во время урагана, и все, кто находился на борту, погибли.

Такой образ жизни убивает тебя, Реджи стиснул ладонями голову, стараясь утешить пульсирующую боль. Он всегда вел жизнь, насыщенную событиями и полную опасностей, нередко переступая грань общепринятой морали. Теперь же, после того как стало известно, что титул и состояние графа Уоргрейва достались не ему, Реджинальд Дэвенпорт напрочь забыл и о приличиях, и об осторожности. Он делал умопомрачительные, рискованные ставки, играя в карты и на скачках, и пил больше, чем когда бы то ни было.

Такой образ жизни убивает тебя. Эти слова снова и снова звучали у него в ушах, будто требуя ответа. Но Реджи был слишком измучен, чтобы попытаться что-то возразить. Он безумно устал от такой жизни. Ему смертельно надоели бесконечные азартные игры, пьянки, вульгарные, продажные женщины, подобные Стелле, глупые, бесцельные драки и ужасные пробуждения поутру — вроде сегодняшнего.

Джулиану было двадцать пять, и чувствовалось, что не за горами то время, когда он

перебесится и остепенится. Что же касается Реджи, то его кутежи и загулы продолжались уже шестнадцать лет, с тех пор как его впервые исключили из университета. Реджинальд Дэвенпорт словно остановился в своем развитии.

Тоска, охватившая Реджи, была черной и беспросветной. Внезапно ему захотелось, чтобы кто-нибудь вроде Блейкфорда или Хэнли разозлился как следует и всадил в него пулю, положив конец бесцельному существованию.

Впрочем, мелькнуло у него в мозгу, к чему ждать, пока это сделает кто-то другой?

Эта мысль на какой-то момент показалась Реджи соблазнительной, однако он тут же опомнился. Неужели же он и впрямь оказался в таком тупике, из которого не в силах выбраться? Пораженный, Реджи принялся размышлять над этим, не слушая продолжавшего что-то говорить Джулиана. Стрикленд, произнес вдруг внутренний голос. «Стрикленд», — мысленно повторил Реджи. Место, которое когда-то было его домом. Поместье, где он родился и где умерли все, кого он любил. Казалось, утраченное навсегда, оно теперь было великодушно возвращено Реджи новоявленным двоюродным братцем. Конечно, Стрикленд никогда больше не будет для него домом — но теперь, черт возьми, это имение принадлежит ему.

Решение Реджинальда Дэвенпорта было озарением свыше. Внезапно он, открыв глаза, прервал болтовню Джулиана:

— Вот что, я передумал. На скачки в Бедфорд я не поеду. Надо посетить Дорсет, осмотреть мое имение.

— Твое что? — удивленно заморгал Джулиан.

— Мое имение, Стрикленд. Я стал собственником — у меня есть поместье.

Реджи встал, не считая нужным что-либо объяснять приятелю, на лице которого читалось неподдельное изумление. Посмотревшись в зеркало над каминной полкой, он убедился, что выглядит так же, как обычно, — зрелых лет мужчина, не лишенный своеобразной элегантности, чему нередко пытались подражать молодые люди. Тем не менее в душе он чувствовал себя старым и изможденным.

Подойдя к окну, он бросил взгляд вниз, на Молтон-стрит. Реджи никогда не приходило в голову перебраться на другую квартиру. Та, в которой он поселился по приезду в Лондон, была удобной и вполне соответствовала требованиям, предъявляемым к жилью джентльмена, но он никогда не думал о ней как о своем доме.

— И когда же ты вернешься в город? — поинтересовался Джулиан.

— Понятия не имею. Возможно, я останусь в Дорсете, превращусь в краснолицего сельского жителя и заведу себе свору гончих.

Джулиан рассмеялся, восприняв это заявление как шутку, но Реджинальд понимал, что в этой шутке вполне может оказаться большая доля правды. Приобретший в последнее время популярность доктор Джонсон утверждал, что человек, уставший от Лондона, устал от жизни. Что ж, подумал Реджи, не исключено, что доктор прав; во всяком случае, он, Реджинальд Дэвенпорт, в самом деле устал и от столицы, и от жизни. Возможно, Стрикленд придаст его существованию какой-то смысл. Впрочем, в этом Реджи порядком сомневался.

Леса и луга Дорсета показались Реджи удивительно знакомыми, хотя он не видел их с восьмилетнего возраста. Узнавал он и обширные вересковые пустоши, которыми изобиловали тамошние края. Впрочем, Стрикленду принадлежали едва ли не лучшие сельскохозяйственные угодья в Британии.

Приняв решение покинуть Лондон, Реджи не стал тянуть время и, упаковав вещи, отправился в дорогу немедленно, не обращая внимания на Джулиана Маркхэма, который продолжал забрасывать его недоуменными вопросами до того самого момента, когда за Реджи закрылась входная дверь. Мак должен был приехать позже и привезти хозяину одежду, чтобы тот мог остаться в Дорсете на неопределенно долгое время. Сам же Реджи решил отбыть в свое имение верхом и в полном одиночестве. Заночевал он в Винчестере, а на следующий день около полудня уже подъезжал к Стрикленду.

Свернув на подъездную аллею, ведущую к дому, Реджи натянул поводья и пустил коня шагом. По обеим сторонам аллеи росли триста шестьдесят шесть буковых деревьев — по количеству дней в году. Тот, кто в свое время сажал их, не забыл, что в високосных годах на день больше. В одном месте в ровном ряду буковых стволов зияла брешь. По соседству с почерневшим пнем, оставшимся от взрослого дерева после удара молнии, тянулся вверх храбрый молодой саженец.

Интересно, кто позаботился о том, чтобы количество буков вдоль аллеи осталось прежним? Может, мистер Уэстон, образцовый управляющий? Поразмыслив, он решил, что скорее всего это сделал кто-то из местных. В конце концов, Дэвенпорты приходили и уходили, а те, кто в течение многих поколений обрабатывал эту землю, веками жили здесь.

Аллея сделала плавный поворот, и в поле зрения Реджи появился дом. Он придержал коня. Особняк в имении Стрикленд был строением умеренных размеров — не традиционный для здешних мест скромный коттедж, но и не огромный дворец, в каких обитали крупные землевладельцы. Сложенный из мягкого местного камня, он был похож на тысячи других домов английских помещиков средней руки.

В детстве Реджинальд лелеял мечту о том, что когда-нибудь он будет владельцем Стрикленда. Старший сын в семье, он знал, что в один прекрасный день поместье по наследству перейдет к нему. Он убеждал себя в том, что будет заботиться о процветании доставшихся ему земель, что будет знать по имени всех до единого крестьян, фермеров и арендаторов и что в кармане у него всегда будет достаточно сладостей, чтобы угостить всех детей, которых он встретит, разъезжая по своему имению. Ему хотелось, чтобы его приветствовали повсюду с уважением, а не со страхом. И еще он мечтал о том, что у него будет жена, лицо которой будет всякий раз расцветать в тот момент, когда в комнате появляется он, ее муж.

Но однажды все изменилось. В Стрикленд приехал секретарь дяди, чтобы отвезти осиротевшего мальчика в Уоргрейв-Парк. Реджи поехал с ним без всяких споров, пораженный обрушившимся на него несчастьем, но покорный воле взрослых людей. Он с нетерпением ожидал того дня, когда сможет наконец снова вернуться в Стрикленд, — так было до тех самых пор, пока дядя не сказал ему хриплым бесстрастным голосом, что это имение не принадлежит и никогда не будет принадлежать ему.

После этого Реджи никогда больше не думал о Стрикленде как о своем доме. Он старался вообще о нем не думать.

Теперь же, похоже, все возвращалось на круги своя. Стрикленд стал его собственностью. Если у него и могла быть какая-то цель в жизни, то искать ее следовало здесь, в Стрикленде. Если бы только он не ощущал себя таким усталым и опустошенным...

Почувствовав, что вот-вот начнет жалеть себя, Реджи стиснул зубы. Отпустив поводья, он снова двинулся вперед, стараясь вспомнить все, что ему было известно о семье матери. Девичья фамилия ее была Стэнтон, но, кроме этого и воспоминаний о ней, он не смог

восстановить в памяти ровным счетом ничего.

Дети обладают удивительной способностью воспринимать то, что их окружает, не задаваясь лишними вопросами. Ему в голову никогда не приходило, что имение принадлежало его матери. Должно быть, она происходила из семьи крепких, процветающих помещиков, но он об этом не задумывался и совершенно перестал вспоминать о Стэнтонхэме после того, как все заботы о нем взяли на себя аристократы Дэвенпорты.

Стрикленд был возведен во времена Тюдоров. Господский дом представлял собой не лишенное своеобразной красоты двухэтажное строение с фронтонами, окнами с частыми переплетами, утопленными в глубокие ниши, и прямыми восьмиугольными трубами. Фасадом оно было обращено на юг, так что в окна целый день светило солнце. Из окон с задней стороны дома открывался вид на сады, озеро и холмистую сельскую местность, в которой было расположено имение.

Реджи был до глубины души поражен тем, что вокруг ничего не изменилось. Сразу было видно, что дом тщательно отремонтирован, а земли находятся под присмотром. Лишь что-то неуловимое подсказывало: в доме никто не живет.

Реджинальд подумал о том, что ни его родители, ни его младшие сестра или брат не откроют ему дверь и не спустятся к нему по ступенькам крыльца.

Вздвогнувшись, он непроизвольно так резко дернул поводья, что конь заржал и мотнул головой. Стараясь успокоиться, Реджи спешился и подвел жеребца к крыльцу. Легко, перепрыгивая через две ступеньки, взбежал наверх, ощущая радостное нетерпение и тревогу.

Рука его на какой-то миг замерла над тяжелым дверным молотком, сделанным в виде головы льва, державшего в пасти медное кольцо. Когда-то ему ужасно нравилось это нехитрое приспособление, и он мечтал о том дне, когда вырастет настолько, что будет легко дотягиваться до кольца. Он тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания, и коротко постучал.

Поскольку открывать ему не торопились, Реджи, выждав немного, нажал на дверную ручку — в конце концов, он был владельцем поместья и, значит, мог вести себя соответственно.

Ручка легко повернулась, и массивная дверь подалась внутрь. Шагнув через порог, Реджи оказался в холле, стены которого были обшиты резными дубовыми панелями. Двинувшись вперед, он прошел через гостиную и остановился, пораженный до глубины души. Реджинальд Дэвенпорт ожидал чего угодно, но только не того, что все тут останется, как прежде.

Везде было аккуратно прибрано, и лишь едва уловимый запах затхлости напоминал о том, что дом давно пустует. Не изменилось абсолютно ничего — те же обои, картины, та же мебель — прикрытая чехлами, но стоящая на тех же местах, что и раньше. Немного выцветшие и поблекшие от времени, вещи эти составляли некогда окружающий Реджи мир — мир его детства. Ему тут же вспомнилось, как отец и мать, сидя за карточным столиком красного дерева, чему-то весело смеялись во время игры.

Резко развернувшись, Реджи вышел из гостиной и остановился в коридоре. Неужели в доме никого нет? Но тогда, возмущенный он, кто-то должен объяснить ему, почему входная дверь не заперта.

Свернув по коридору вправо, он стал обходить комнату за комнатой, пока в одной из них не обнаружил полную женщину, вытирающую пыль. Когда он вошел, женщина удивленно глянула на него и, вытерев руки о передник, сделала неглубокий реверанс.

— Мистер Дэвенпорт! — воскликнула она. — Как вы меня напугали! Вы приехали как раз вовремя. Правда, нам стало известно, что поместье перешло к вам буквально на днях, и времени все должным образом подготовить не было.

Реджи не мог понять, каким образом эта женщина могла узнать о его намерении приехать.

— Вы меня знаете, а я вас нет. Вы, насколько я понимаю... Женщине явно перевалило за сорок. Она была типичной розовощекой жительницей сельской местности, вежливой, но нисколько не подобоострастной.

— Меня зовут миссис Геральд. Вы меня, вероятно, не помните. Когда вы были еще совсем маленьким мальчиком, я работала здесь горничной. Тогда меня звали Мэй Барлоу. — Толстушка оглядела Реджи с головы до ног и одобрительно добавила:

— Вы стали таким же высоким, как ваш отец.

Реджи задумчиво прищурился:

— Кажется, на одной из окрестных ферм был работник по фамилии Геральд.

— Верно. Вот я и вышла за него замуж, за Робби Геральда. Мы живем в Хилл-Фарм.

— Дом в прекрасном состоянии, — сказал Реджи, обводя взглядом комнату. Она выглядела весьма уютно. В двух стенах были прорублены большие окна — его матери всегда нравилось, чтобы в комнатах было много окон.

— Да, это так. Довольно долго дом арендовал вышедший в отставку флотский капитан. Ему неплохо удавалось поддерживать здесь порядок. Примерно с той поры, когда умер старый граф, дом пустовал. Я тут за всем присматривала, чтобы гниль и плесень не завелись и чтобы плотники, когда нужно, делали ремонт.

— Вы прекрасно поработали, — сказал Реджи, отлично знавший, как высоко ценятся слова благодарности и одобрения.

Услышав похвалу, миссис Геральд просияла.

— Я рада, что вы так думаете, сэр. Мы старались делать все, что только можно, — польщенно проговорила она и, поколебавшись секунду, выпалила:

— Мы так рады, что сюда опять приехал представитель рода Стэнтонов. Старый граф Уоргрейв не уделял имению никакого внимания, ни разу здесь так и не появился. А это совершенно несправедливо. Только денешки отсюда получал, а чтобы сделать что-нибудь для Стрикленда — так нет, такого отродясь не бывало.

Тут миссис Геральд покраснела, вспомнив, что старый граф приходился новому хозяину поместья дядей и опекуном, но Реджи, внимательно ее выслушав, заметил только:

— Я Дэвенпорт, а не Стэнтон.

— Ваша матушка была из рода Стэнтонов, а все остальное в Дорсете значения не имеет, — заявила его собеседница, сопровождая эти слова решительным кивком. — В Стрикленде всегда жили Стэнтоны.

Реджи не мог не отметить, что сказано это было таким тоном, каким судья оглашает приговор.

— Возможно, мой вопрос покажется вам глупым, но скажите, остались ли у меня какие-нибудь родственники по линии Стэнтонов? — осведомился Реджи после некоторого раздумья.

— Пожалуй, ближайший ваш родственник мистер Джереми Стэнтон, живущий в Фентон-Холле. Он двоюродный брат вашей матушки и друг вашего отца. Здорово постарел, но человек хороший, джентльмен. — Миссис Геральд с сожалением покачала головой. —

Остается лишь пожалеть, что ваша матушка, мисс Энн, была единственным ребенком в семье. Будь у нее и, соответственно, у вас более близкие родственники, они бы никогда не позволили графу увести вас после того, как... — Тут женщина осеклась и, решив не продолжать начатую фразу, сказала:

— Стэнтоны всегда предпочитали сами заботиться о себе.

Возможно, именно поэтому они почти все и вымерли, подумал Реджи, но, видя, с какой гордостью говорит о Стэнтонах его собеседница, произнести это вслух не решился.

— Через день-другой приедет мой слуга с багажом. Что до меня, то я прибыл один, — сказал он.

— Хотите, я отнесу ваши вещи в спальню ваших родителей? — спросила миссис Геральд.

Перед мысленным взором Реджи возникла комната, о которой она упомянула. Его родители, хотя вообще-то это было не принято, всегда спали в ней вместе, на большой кровати из резного дуба с четырьмя колоннами, поддерживавшими балдахин. Реджи показалось, что, если он расположится на ночь в их спальне, на их кровати, это будет чем-то вроде кощунства.

— Нет, — ответил он миссис Геральд. — Я займу комнату, расположенную над той, где мы с вами находимся. Кажется, ее в свое время называли синей.

— Очень хорошо, сэр. Может, хотите перекусить? В доме порядочный бедлам, но моя двоюродная сестра Молли Барлоу как раз сейчас хлопочет на кухне — занимается уборкой и наполняет провизией кладовую. Она может приготовить на скорую руку что-нибудь легкое.

— Возможно, позже. В данный момент мне хотелось бы повидать мистера Уэстона. Вы не знаете, где он сейчас — в конторе или где-нибудь на территории имения?

Миссис Геральд помедлила, словно на какие-то секунды лишилась дара речи, затем последовал уклончивый ответ:

— Трудно сказать, сэр. Управляющий — человек очень энергичный. Он может быть где угодно.

— Я слышал, что Уэстон как управляющий очень хорош.

— О да, мистер Дэвенпорт. Такого управляющего нигде не найти, — сказала миссис Геральд с каким-то странным, словно бы виноватым выражением лица.

Реджи с любопытством уставился на нее, гадая, почему упоминание об Уэстоне произвело на его собеседницу подобный эффект. Может, у экономки был роман с управляющим? Или за жителями сельской местности не водилось подобных грешков? Если так, подумал Реджи, Дорсет действительно можно считать скучным местом.

Раздумывая об этом, он вышел из комнаты. Проходя по дому, он заметил двух девочек, которые тщательно натирали полы и полировали мебель. Они уставились на него с нескрываемым любопытством, смущенно хихикая, и, когда он кивнул им в знак приветствия, сделали неловкий реверанс. Странное это чувство — быть хозяином поместья, подумал Реджинальд Дэвенпорт.

Боковая дверь выходила в вымощенный булыжником двор, ограниченный строениями из того же желтовато-серого камня, что и господский дом. Все это было так знакомо... Взглянув вверх, Реджи вспомнил тот день, когда он взобрался по лестнице, оставленной у стены одним из рабочих, ремонтировавших крышу. Маленький Реджи в восторге бегал взад-вперед по крытой черепицей крыше, пока во двор не вышла мать и не приказала ему немедленно спуститься вниз. Не догадываясь о том, чем грозило ему падение на булыжник

двора, Реджи был искренне удивлен тем, как сильно она была встревожена, но сразу же с готовностью повиновался. Тогда он был послушным мальчиком — одно из многих качеств, которые он напрочь утратил, покинув Стрикленд.

Безошибочно определив, что контора управляющего находится напротив господского дома, Реджи уверенно пересек двор и, бесшумно отворив дверь, шагнул внутрь. После яркого полуденного солнца ему показалось, что в комнате, где он очутился, темно. Приглядевшись, он увидел стол, позади которого, роясь в книгах на стеллаже, стоял мужчина. Он не слышал, как открылась дверь, и теперь у Реджи было время, чтобы как следует его рассмотреть. Мужчина был стройным и держался очень прямо. Одет он был в весьма удобный для сельской местности наряд — коричневый сюртук, желтовато-коричневого цвета брюки и разношенные сапоги.

Однако, как только глаза привыкли к темноте, Реджи с изумлением понял, что разглядывает вовсе не мужчину, а женщину, одетую по-мужски. Пока его оценивающий взгляд скользил по длинным, стройным ногам, Реджи судорожно пытался понять, кто могла быть эта странная незнакомка. Возможно, еще одна из многочисленных родственниц Геральдов? Впрочем, трудно было поверить, чтобы кто-то из семейства со столь консервативными взглядами мог одеться так вызывающе.

— Вы не подскажете, где я могу найти мистера Уэстона? — откашлявшись, вымолвил Реджи.

Женщина вздрогнула, словно испуганный заяц, и резко обернулась. Она была высокой — таких высоких представительниц прекрасного пола Реджи еще никогда не доводилось видеть. У нее были правильные черты лица и большие глаза. Роскошные каштановые волосы уложены в строгую прическу, напоминавшую корону. Она подчеркивала величавость и достоинство, которых не могло лишиться незнакомку даже удивление при виде неожиданного гостя.

Теперь, рассмотрев ее как следует, Реджи удивлялся: как он мог принять ее за мужчину? Строгая мужская одежда не скрывала прекрасной фигуры с округлостями в положенных местах. Более того, он был вынужден признать, что мужской костюм придавал ее облику какую-то особую привлекательность и пикантность.

Во взгляде Реджи вспыхнул интерес. Пожалуй, жизнь в Дорсете может оказаться гораздо веселее, чем он представлял.

На вид женщине можно было дать лет двадцать пять, и совершенно очевидно, что она отнюдь не застенчивая девственница. Выражение лица свидетельствовало о том, что она умеет постоять за себя.

Женщина продолжала молчать, и Реджи повторил свой вопрос:

— Не знаете ли вы, где управляющий именем, мистер Уэстон?

Еще несколько секунд прошли в напряженном молчании. Затем женщина глубоко вздохнула, отчего рубашка на ее груди соблазнительно приподнялась, и с вызовом ответила:

— Уэстон — это я.

Элис, остолбенев, во все глаза смотрела на незнакомца. Ну и невезение! Она никак не ожидала, что Дэвенпорт придет так скоро. У нее не было ни малейших сомнений в том, что это именно он: никто другой не вошел бы в контору с такой уверенностью — сразу чувствовался хозяин.

Элис регулярно читала лондонские газеты, стараясь следить за событиями в том мире, из которого в свое время бежала. Имя Реджинальда Дэвенпорта появлялось на их страницах довольно часто. Он был одним из тех, для кого жизнь состоит из скачек и кутежей. Человек, оказавшийся перед ней, всем своим видом подтверждал худшие ее опасения.

Внешность Дэвенпорта можно было бы назвать приятной, если бы его нос, некогда, по всей видимости, прямой, не был сломан, что не лучшим образом сказалось на его форме. На вид новому хозяину поместья было около сорока. В темных волосах — ни малейшего намека на седину, но на лице бурно прожитые годы оставили свой след — смуглая кожа имела какой-то нездоровый, желтоватый оттенок, какой бывает у людей, обуреваемых греховными страстями.

Но неожиданный гость был поражен ничуть не меньше, чем она, и это немного утешило Элис.

— Значит, мистер Уэстон, управляющий поместьем Стрикленд, — это вы? — изумленно спросил он.

— Да, — с трудом выдавила Элис.

Удивленное выражение на лице Дэвенпорта постепенно сменилось насмешливым. Он пересек комнату, бесцеремонно разглядывая Элис. Взгляд его задержался на ее груди и бедрах. У него были удивительные глаза — синие с аквамаринным оттенком. Дэвенпорт замечательно двигался — легко, непринужденно, походка у него была несколько развинченная, но в каждом движении, в каждом повороте головы чувствовался мужчина. Элис он напоминал породистого жеребца.

Дэвенпорт был на полголовы выше ее ростом, что также не могло остаться незамеченным. Элис привыкла смотреть на мужчин сверху вниз, и теперь у нее возникло ощущение неудобства.

Он приблизился к ней на расстояние вытянутой руки. Элис невольно отступила, прислонилась спиной к книжному шкафу — и неожиданно для себя почувствовала, что лицо заливается густой краской. Такое ощущение, будто его пронзительный взгляд ее раздевает — тут Реджи был большой мастер.

— Если не ошибаюсь, вы — женщина, — процедил Дэвенпорт.

Чуть не задохнувшись от бешенства, Элис уставилась на него столь же бесцеремонно. Взгляд ее ощупал сильное, стройное тело Дэвенпорта, скользнув от широких, мощных плеч к дорогим сапогам для верховой езды и чуть помедлив на брюках, обтянувших мускулистые бедра. Завершив осмотр, сказала — как отрубил:

— Что касается вашего пола, то его определить нетрудно.

— Обычно с этим проблем не бывает, — нагло ухмыльнулся Реджи. — Но если визуального осмотра недостаточно, существуют другие, более надежные способы убедиться.

Смысл, который он вложил в эту фразу, был настолько же очевиден, насколько и оскорбителен. Если бы взглядом можно было убить, Реджинальд Дэвенпорт умер бы тут же,

на месте. Сказать ей такое мог лишь повеса, готовый гоняться за любой юбкой. Элис уже открыла рот, готовая разразиться гневной тирадой, однако в самый последний момент вспомнила, что ей следует не ссориться с Дэвенпортом, а налаживать с ним отношения, и потому сочла за благо не лезть на рожон.

— Вероятно, вы хотите ознакомиться с бухгалтерскими книгами? — спросила она, взяв себя в руки. — Или вы предпочитаете прежде осмотреть свою собственность?

Новый хозяин имения снова окинул ее изучающим взглядом.

— Что я на самом деле предпочел бы, так это поговорить и чего-нибудь выпить. У вас тут есть что-нибудь?

Элис молча открыла дверцу шкафа, достала бутылку виски и два высоких стакана и налила в каждый из них на два пальца напитка янтарного цвета. Сама она пила спиртное очень редко, но посетителям иногда было приятно пропустить у нее в кабинете рюмочку. Может, виски настроит Дэвенпорта на более благодушный лад, подумала она.

Взяв у нее из рук стакан, Реджи сел, скрестив ноги. Он держался настолько же непринужденно, насколько скованной ощущала себя Элис.

— Как я понимаю, старому графу не было известно о том, что вы женщина, — в противном случае он ни за что не оставил бы вас на этой должности. — Он отхлебнул глоток. — А молодой граф об этом знает?

— Нет, — ответила Элис, садясь за стол. — В тот раз, когда он приезжал в Стрикленд, я придумала предлог, чтобы уехать из имения и не встречаться с ним. — Она тоже глотнула виски — ей требовалось согреться.

— Приятно узнать, что мой дорогой кузен не подстроил все это, чтобы нанести мне оскорбление, — пробормотал Реджи.

— Вы собираетесь уволить меня за то, что я женщина? — В голосе Элис прозвучал вызов. Она была слишком взволнована, чтобы быть вежливой.

Холодные глаза Дэвенпорта вновь оценивающе скользнули по ее лицу.

— Не надо меня подталкивать, — отрезал он. — У меня и так весьма сильно искушение вас расчитать.

— По-вашему, женщина не в состоянии выполнять работу управляющего? — Элис испугалась, что проиграла схватку прежде, чем она началась.

— Так или иначе, очевидно, что вы с ней справляетесь, — пожал плечами Дэвенпорт. — Мне никогда не приходилось слышать о женщинах-управляющих, но женщины, которые прекрасно справляются с делами в собственных имениях, встречаются не так уж редко.

— В таком случае зачем вам от меня избавляться?

Реджи допил свое виски и потянулся, чтобы налить еще.

— Каково ваше семейное положение — вы замужняя женщина, вдова или, может быть, девица? — спросил Дэвенпорт, уходя от ответа на вопрос.

— Я не замужем, но какое это имеет значение? Элис чувствовала, что ей становится все труднее сдерживать себя.

— Прежде всего вы в любом случае слишком молоды для должности управляющего — даже будь вы мужчиной. Что же касается того, что вы не замужем, это может стать причиной всевозможных слухов и пересудов, ведь владелец поместья — холостяк.

Элис изумленно уставилась на Дэвенпорта — последняя фраза поразила ее.

— Вы хотите сказать — всем известный повеса беспокоится о своей репутации?

Неподдельное удивление, прозвучавшее в голосе Элис, заставило Реджи рассмеяться, отчего жесткие черты его лица смягчились.

— У меня такое ощущение, что слухи обо мне опередили меня, — сказал он. — Неужели вы не допускаете даже мысли о том, что у такого повесы, как я, может возникнуть желание исправиться и стать приличным человеком?

Элис покраснела — то, что она назвала своего собеседника повесой, было непростительной ошибкой, и оставалось лишь порадоваться тому, что этим она его не разозлила, а лишь позабавила.

— Я не думаю, что в сложившейся ситуации кто-то будет очень удивлен тем обстоятельством, что управляющий в вашем имении — женщина, — взвешивая каждое слово, проговорила она. — Мне тридцать лет, я не какая-нибудь несмышленная девчушка, и к тому же я проработала здесь четыре года. В этих местах все ко мне уже привыкли.

— Однако я к вам не привык, — без обиняков заявил Реджи. — По вашей манере говорить сразу видно, что вы — порядочная женщина, а общаться с порядочными женщинами мне доводилось крайне редко. Если вы сохраните за собой должность, нам по роду вашей работы придется постоянно общаться, а мне вовсе не улыбается без конца следить за своим лексиконом только ради того, чтобы не оскорбить вас каким-нибудь грубым словом.

Элис пожала плечами.

— Меня трудно чем-то шокировать. Можете общаться со мной так, как если бы я была мужчиной, — сказала она и, не удержавшись, добавила:

— Пожалуй, так будет безопаснее.

Реджи поджал губы.

— Похоже, вы считаете, что я намерен кидаться на всех женщин, оказавшихся в пределах моего поместья, — проговорил он ледяным тоном.

— А разве не так? — вызывающе взглянула на него Элис.

— Когда я трезв — нет, — отрезал Дэвенпорт. Элис пожалела, что позволила их беседе двинуться в этом направлении. Она от души надеялась, что Реджинальд Дэвенпорт не из тех мужчин, кто оставляет незаконнорожденных детей там и сям по всему графству.

К счастью, Реджи сам сменил тему разговора.

— Не могли бы вы объяснить, мисс Уэстон, каким образом вы овладели профессией управляющего? — поинтересовался он.

— Я работала гувернанткой в имении неподалеку. Хозяйкой имения была вдова, миссис Спенсер, и у нее постоянно возникали проблемы с управляющим. Понимаете, я... выросла на ферме и кое-что смыслила в сельском хозяйстве. Время от времени я давала миссис Спенсер кое-какие советы. Кончилось тем, что управляющего она уволила, а его функции стала выполнять я.

— Понятно. — Реджи устремил на Элис бесстрастный взгляд. — А как вы оказались в Стрикленде?

Поколебавшись, Элис заговорила:

— Миссис Спенсер понимала, что скоро умрет и что племянник ее мужа, к которому должно было перейти ее имущество, наверняка меня уволит. Поэтому, когда здешний управляющий получил расчет, она посоветовала мне предложить свою кандидатуру на эту вакансию. Миссис Спенсер дала мне отличную рекомендацию и уговорила кое-кого из соседей сделать то же самое. Все они хотели тем самым сыграть злую шутку с графом

Уоргрейвом — землевладельцев, которым недосуг заниматься имением, в этих краях не жалуют. Поверенный Уоргрейва нанял меня, даже не удосужившись встретиться. Под моим руководством дела в имении пошли очень хорошо, так что впоследствии ни у кого не возникало сомнений в моей компетентности.

Элис, однако, не упомянула о том, что, хлопоча за нее, миссис Спенсер выдвинула свои условия: вдова потребовала, чтобы после ее смерти молодая женщина взяла на себя заботу о ее племяннице и племянниках. Элис, впрочем, это ничуть не тяготило — ее волновала судьба воспитанников. Тем не менее она решила, что не следует пока рассказывать о них новому хозяину — положение и без того достаточно сложное.

Дэвенпорт нахмурился и, разглядывая носки своих сапог, размышлял, как ему поступить. Элис, понимая, что в этот момент решается ее судьба, внимательно всматривалась в его лицо, но по нему было практически невозможно что-либо прочесть.

Затянувшееся молчание нарушил вошедший в кабинет конюх.

— В чем дело, Бэйтс? — спросила, взглянув на него, Элис.

— Извините, леди Элис, но у одной из лошадей, на которых пашут, с ногой что-то неладно. Похоже, натрудила.

Хотя работник обращался к Элис, его откровенно любопытный взгляд был устремлен на нового хозяина.

— Так наложите ей повязку и намочите холодной водой, я попозже зайду посмотрю, — нетерпеливо бросила Элис. — Что-нибудь еще?

— Нет, мэм, ничего, — ответил Бэйтс, немного подумав, и медленно ретировался.

— С вами советуются по поводу всего, что случается в Стрикленде? — осведомился Дэвенпорт, удивленно приподняв брови.

— Разумеется, нет. Это лишь предлог для того, чтобы взглянуть на вас. Все просто умирают от любопытства. Неудивительно — как-никак обитатели Стрикленда отныне полностью в вашей власти.

Элис не без удовольствия заметила, что ее слова запали в душу Дэвенпорту. «Что ж, — подумала она, — человек должен осознавать лежащую на нем ответственность — тем более что, судя по всему, Реджинальд Дэвенпорт до сих пор и понятия не имел о том, что это такое».

— Этот человек назвал вас леди Элис. — В глазах Реджи мелькнула издевка. — Позвольте поинтересоваться вашим происхождением.

— Это не титул, а лишь прозвище. Кто-то когда-то назвал меня леди Элис, и с тех пор так и пошло, — пояснила мисс Уэстон, но, чувствуя по испытующему взгляду Дэвенпорта, что его не удовлетворил ответ, добавила:

— Возможно, этим прозвищем я обязана своим диктаторским замашкам.

— Леди Элис. Должен сказать, это прозвище вам идет, — улыбнулся Реджи. — Мне тоже вас так называть, или же предпочитаете, чтобы я называл вас мисс Уэстон?

— Как пожелаете, мистер Дэвенпорт, — ответила Элис, изо всех сил стараясь держаться как послушный наемный работник, хотя внутри у нее все кипело. Она пригубила виски в надежде, что это поможет ей успокоиться.

Повисла долгая пауза. Хмурия брови, Реджинальд Дэвенпорт молча размышлял. Шли минуты, и наконец Элис, терпение которой было уже на исходе, не выдержала и спросила:

— Ну и что же?

— Что выимеете в виду? — поднял на нее глаза Реджи. Элис с вызовом приподняла

подбородок.

— Вы собираетесь уволить меня?

— Еще до своего приезда я решил ничего здесь не менять, пока не ознакомлюсь как следует с ситуацией, — заговорил Дэвенпорт, внимательно глядя на собеседницу. — Женщина-управляющий — это, конечно, ужасно неудобно и непривычно, но, похоже, все о вас самого высшего мнения. Было бы глупо увольнять вас за то, в чем нет вашей вины и что не мешает успешно справляться с обязанностями.

Элис с облегчением выдохнула — словно гора с плеч свалилась. Она не ожидала такого великодушия и широты взглядов.

Чувства явственно отразились на ее лице. И Реджи продолжил, сдвинув густые брови:

— Пока я намерен оставить вас на вашей должности, но сразу хочу прояснить кое-что. Первое: я ловлю вас на слове и буду обращаться с вами, как с мужчиной. Это означает, что я не желаю, чтобы вы причитали, как старая дева, по поводу грубости моих выражений или моего поведения. — Дождавшись кивка Элис, он продолжил:

— И второе, В течение последних четырех лет вы единолично управляли имением и отчитывались только перед лондонским поверенным, который здесь никогда не бывал. Получается, что вы действовали как владелец поместья. Однако теперь Стрикленд принадлежит мне. Если я прикажу посадить на заливном лугу апельсиновые деревья, вы выполните мое распоряжение. Если мне взбредет в голову выкрасить овец в розовый цвет, вы отдадите необходимые указания и закажете краску. — Реджи поставил стакан на стол и наклонился вперед. На смуглом лице его появилось жесткое, упрямое выражение. — Разумеется, я всегда с удовольствием буду готов выслушать ваши советы относительно ведения хозяйства, поскольку ваш опыт гораздо больше моего, Но после того как я приму окончательное решение, вы должны будете беспрекословно его выполнять. Право принимать решения больше вам не принадлежит. Разумеется, для вас это перемена к худшему. Я не жду, что это придется вам по вкусу, но надеюсь, вы примете это новое положение вещей и будете действовать соответственно. Если это вам не по силам, лучше отказаться от должности прямо сейчас.

Элис посмотрела в холодные аквамариновые глаза Реджинальда Дэвенпорта и поняла, что она его уже почти ненавидит. До сегодняшнего дня ее волновало лишь то, оставит он ее на должности управляющего или уволит. Теперь же, когда этот вопрос был решен и она поняла, что увольнение, по крайней мере в ближайшее время, ей не грозит, стало ясно, что ее ждут новые, и весьма нелегкие испытания. Реджинальд Дэвенпорт весьма недвусмысленно дал ей понять, что ее власти в имении пришел конец. Отныне она стала таким же наемным работником, как любой батрак в поле.

К сожалению, в сложившейся ситуации у нее не было выбора. Она прекрасно понимала, что ей нигде не удастся устроиться на такую должность, как в Стрикленде.

— Итак? — нарушил затянувшееся молчание Реджи.

— Я принимаю ваши условия, мистер Дэвенпорт, — слотнув и изо всех сил стараясь скрыть возмущение, сказала Элис. Реджи улыбнулся ленивой, чуть высокомерной улыбкой.

— Принимать-то вы их принимаете, но, как я вижу, с удовольствием выпустили бы мне кишки, — сказал он и, поднявшись со стула, посмотрел на Элис сверху вниз. — Работайте и не дуйтесь на меня, а что вы обо мне думаете — это ваше дело. Договорились?

Элис тоже встала и после минутного колебания не слишком охотно, но все же протянула ему руку.

— Договорились.

Рука Дэвенпорта была сильной и твердой, совсем не похожей на мягкие ладошки лондонских джентльменов. Условившись, что они с Элис встретятся утром, чтобы совершить поездку по имению, он взял для изучения бухгалтерские книги за последние шесть лет.

После его ухода Элис с тяжелым вздохом опустилась на стул. Итак, должность осталась за ней — по крайней мере пока. Теперь ей следовало решить для себя весьма серьезный вопрос: сможет ли она работать на Реджинальда Дэвенпорта и при этом его не убить.

Выдержав непростой разговор с новым хозяином, вечером Элис была вынуждена отвечать на многочисленные вопросы своих воспитанников. Когда обед подходил к концу, она объявила:

— Сегодня из Лондона приехал мистер Дэвенпорт. За столом поднялся галдеж.

— И вы до сих пор молчали, леди Элис? — упрекнула ее Мередит.

— И сколько он здесь пробудет? — перебил сестру пятнадцатилетний Питер.

— Расскажите, какие у него лошади! — потребовал семилетний Уильям, торопливо проглотив кусок пудинга.

Ошеломленная натиском, Элис невольно улыбнулась. В глазах троих Спенсеров светилось неподдельное любопытство. Даже Аттила взглянул с интересом, хотя его интерес был сугубо материальным — получить от хозяйки что-нибудь вкусненькое со стола.

— Я потому и хотела, чтобы мы сначала пообедали, знала, что потом вам будет уже не до еды. Попробую ответить на все вопросы. Долго ли он здесь пробудет, не знаю, но, похоже, на какое-то время задержится. Приехал он верхом на замечательном вороном жеребце. Позже прибудет его экипаж, запряженный гунтерами. Если гунтеры хотя бы вполовину так же хороши, как жеребец, Уильям будет просто на седьмом небе от счастья.

Уильям, который походил на сестру золотистыми волосами и приветливым, улыбчивым лицом, с надеждой вздохнул. Мерри, памятуя о том, что больше всего заботило Элис, поинтересовалась:

— Ну и как, он не возражает против того, чтобы должность управляющего в его имении занимала женщина?

Элис ответила не сразу — в памяти всплыло смуглое лицо с насмешливыми глазами.

— Поначалу ему это не понравилось, но он готов простить мне мой пол — по крайней мере пока.

— Мне бы очень хотелось его увидеть, — признался Питер. — Такого незаурядного человека трудно встретить в Дорсете.

Элис бросила на него озабоченный взгляд. В отличие от своих весьма практичных брата и сестры Питер был мечтательным молодым человеком с пытливым умом. Подумывая о карьере священника, он живо интересовался всем, что происходило в столичном высшем свете. Точно так же, как Мерри и Уильям, Питер был на редкость жизнерадостным и уравновешенным, учитывая, сколь рано он осиротел, но именно сейчас он вступил в тот возраст, когда юноше особенно необходимы отцовская рука и отцовский совет, а Элис не могла дать ему это. Неудивительно, что Реджинальд Дэвенпорт, новый хозяин Стрикленда, казался Питеру настоящим героем. В надежде несколько охладить его восторг Элис заметила:

— Возможно, в Лондоне мистер Дэвенпорт кажется незаурядным человеком, но в Дорсете он выглядит ничуть не лучше любого здешнего джентльмена.

На Питера, однако, ее замечание не произвело впечатления.

— Он член клуба «Четверка», — вздохнул молодой человек достоинства Дэвенпорта. — Говорят, Дэвенпорт один из лучших боксеров в Англии и мог бы стать чемпионом среди профессионалов, если бы захотел.

Элис вздохнула. За те четыре года, пока была осиротевшим детям приемной матерью, она успела усвоить, что порой бывает совершенно невозможно прервать или направить в ином направлении течение их мыслей. Реджинальд Дэвенпорт явно произвел большое впечатление на Питера, хотя юноша его еще в глаза не видел.

— А он хорош собой?

Этот вопрос, разумеется, задала Мерри. Элис бросила на нее встревоженный взгляд. Хотя Мередит удивительно умело обращалась со своими молодыми поклонниками, удерживая их на расстоянии, ей, разумеется, трудно было бы устоять перед напором такого светского льва, как Дэвенпорт. Элис предпочла бы сделать так, чтобы они вовсе не встречались и не общались, но Стрикленд был слишком для этого мал.

— Нет, он не особенно хорош собой, а по возрасту вполне годится тебе в отцы.

Сказав это, Элис ощутила внутренний дискомфорт, понимая, что несколько покривила душой. Конечно, Дэвенпорт не был похож на Адониса, но, несомненно, обладал весьма мощным магнетизмом, привлекавшим и одновременно пугавшим женщин.

Мерри подперла ладонью подбородок.

— Ему будет одиноко в огромном доме. Нам надо пригласить его на обед.

— Поскольку местной знати уже известно о его приезде, приглашений он получит немало. Мистер Дэвенпорт теперь владеет весьма значительной собственностью, а в наших краях более чем достаточно дочерей на выданье. Так что ему нетрудно будет влиться в местное общество — если, конечно, он не совершит чего-нибудь вопиюще скандального, — съязвила Элис. — Кроме того, тебе прекрасно известно, что нам неудобно приглашать к обеду человека, на которого я работаю.

— Но это ведь не дом обычного управляющего, — лукаво улыбнулась Мерри.

— Верно, — согласилась Элис. — Однако это не означает, что мы должны общаться с Дэвенпортом.

Пропуская, как и Питер, мимо ушей слова приемной матери, Мерри мечтательно промурлыкала:

— Мне всегда было интересно, какими бывают повесы.

— Мередит, не говори глупостей. На тебя это совсем не похоже, — оборвала ее воспитательница. — Я не хочу, чтобы кто-либо из вас приставал к мистеру Дэвенпорту с расспросами — ни по поводу его лошадей, ни по поводу его спортивных успехов, ни по поводу его светской жизни. Вы меня поняли?

Окинув детей строгим взглядом, она, однако, с горечью убедилась, что слова ее пропали втуне. Удивляться этому не приходилось: в таких местах, как Дорсет, появление любого нового человека вызывало живейший интерес. Единственное, что радовало Элис, — Дэвенпорт выглядел человеком слишком нетерпеливым и погруженным в свои дела для того, чтобы сбивать с пути истинного мальчишек.

Что же касается Мередит, то тут следовало соблюдать осторожность. Элис придется удерживать Дэвенпорта на достаточном расстоянии от девушки.

Реджи провел вечер за изучением бухгалтерских книг, разложив их на столе в

библиотеке. Когда он захлопнул последнюю, было уже около полуночи. Он встал, потянулся, взял бокал с бренди и подошел к стеклянным дверям, ведущим в сад. Деревья, днем казавшиеся недостаточно ухоженными, в холодном свете луны выглядели просто чудесно. Залитый лунным светом пейзаж будил в нем смутные воспоминания. Старый флотский капитан не поменял в доме почти ничего, и Дэвенпорту вдруг подумалось, что, зайдя в комнату, которая когда-то была его спальней, он обнаружит там свои книги, камешки и прочие мальчишеские «сокровища».

Он не стал проверять свое предположение. Реджинальд и без того уже был слишком возбужден. К концу дня ему начало казаться, что, сворачивая за угол, он вот-вот столкнется с кем-нибудь из своей родни. По идее, это чувство должно скоро пройти, и Реджи от души надеялся, что так и случится, — в противном случае жить здесь было бы невозможно.

Отхлебнув бренди, Дэвенпорт подумал, что жизнь в Стрикленде, судя по всему, не слишком весела. Интересно, а чем занимаются по вечерам местные жители? Если так пойдет и дальше, он скоро просто умрет от скуки.

Однако у него было смутное ощущение, что он уже не сможет вернуться к прежней жизни. Отправившись в Дорсет, он сжег за собой мосты. Жизнь его была пуста, и теперь предстояло выяснить, чем он может заполнить эту пустоту — не считая бренди, разумеется.

Держа в руке канделябр с зажженными свечами, Дэвенпорт спустился на первый этаж и осторожно двинулся на обход дома. Миновав гостиную, он вошел в музыкальный салон, где величественно застыл старый рояль. Поставив канделябр, Реджи уселся на стул, поднял крышку инструмента и взял пробный аккорд. В воздухе поплыл нечеткий, словно смазанный звук, и Реджи решил, что рояль обязательно надо настроить.

Пальцы его одеревенели и отвыкли от клавиатуры. Когда он в последний раз музицировал? Он не мог сказать точно, но в любом случае это было много лет назад. Мать обучала его игре на фортепьяно на этом самом рояле. Он обожал эти уроки. Как-то раз она сказала, что, если он будет продолжать учиться и проявит усердие, в один прекрасный день станет замечательным пианистом.

Это была одна из тех возможностей, которые он навсегда упустил, покинув Стрикленд. Тем не менее, хотя он никогда больше не брал уроков музыки, в течение многих лет Реджи, оказавшись рядом с инструментом, старался поиграть — при условии, что поблизости не было никого, кто мог бы его услышать. Но в какой-то момент прекратилось и это. Когда же это произошло? Три года, пять лет назад? Во всяком случае, до того, как начались провалы в памяти.

Приподняв крышку стула, он извлек из-под нее ноты. Это была одна из сонат Бетховена. Возможно, он сам положил туда эти ноты почти тридцать лет назад. Спасибо капитану — и здесь он оставил все как было.

Нисколько не заботясь о том, насколько странно это выглядит со стороны, Реджи поставил ноты на пюпитр и заиграл, утешая себя мыслью, что восстановление и совершенствование музыкальной техники в какой-то степени поможет ему бороться со скукой. Через полчаса пальцы начали мало-помалу вспоминать то, что почти полностью забыл мозг.

Закончив играть, Дэвенпорт продолжил ночной поход по дому. Дойдя до комнаты, которая когда-то была будуаром его матери, он замер на пороге. Это помещение, днем почти всегда залитое солнцем, было одним из самых приятных для глаза уголков дома. Оно служило своеобразным убежищем, местом отдыха его матери, но сам Реджи никогда не

чувствовал себя здесь уютно. Сейчас, глубокой ночью, в абсолютно пустом доме он поежился. Привидения, обитавшие в Стрикленде, большей частью были вполне дружелюбными, но только не те, что обосновались здесь.

Вдоволь поиздевавшись над собой за чрезмерно богатое воображение, Реджи вернулся в библиотеку и уселся в кресло с подлокотниками, которое любил его отец. Поскольку ростом и сложением Реджинальд Дэвенпорт вышел в отца, кресло показалось ему очень удобным. Взяв со стола недопитый бокал бренди, Реджи стал вспоминать, что удалось сделать за день.

Убедившись в умении миссис Геральд поддерживать дом в надлежащем состоянии, он предложил ей занять должность экономки с соответствующим жалованьем. Он не настаивал на том, чтобы экономка жила в господском доме, и миссис Геральд с радостью согласилась. Она же порекомендовала несколько местных девушек на должности горничных и кухарок. Реджи подозревал, что все они ее близкие или дальние родственницы, но решил не обращать на это внимания — при условии, что они будут справляться со своими обязанностями.

Молли Барлоу, пухленькая, миловидная вдовушка лет сорока с небольшим, приходившаяся миссис Геральд двоюродной сестрой, оказалась вполне сносной поварихой. В течение ближайших двух дней она со своим младшим ребенком должна была поселиться в комнатах для прислуги. Реджи окинул ее оценивающим взглядом, но в конце концов решил, что не следует спать со служанками. Придется найти для этих целей кого-нибудь в другом месте — скажем, в Дорчестере. Впрочем, он мог пригласить в гости Чесси. Реджи хохотнул при мысли о том, какие пересуды начнутся по всему графству. Вполне возможно, что кое-кто из мужчин узнает его подружку — Чесси была хозяйкой одного из лучших борделей Лондона. Ее появление в Стрикленде наверняка отбило бы у местных барышень на выданье и их родителей всякое желание охотиться за мистером Реджинальдом Дэвенпортом.

Вскоре, однако, веселье Реджи улетучилось. Устало пригладив волосы, он принялся размышлять о своем странном управляющем, который оказался женщиной. На самом деле его беспокоило вовсе не то, что розовые ушки леди Элис завянут от выражений, коими он привык пользоваться. Он боялся другого — что не удержится и начнет самым наглым образом приставать к этой чертовой бабе. По части женщин вкус у Реджи был весьма либеральный и непритязательный, но высокие дамы с длинными ногами и округлыми — где это предусмотрено природой — формами всегда восхищали его.

При других обстоятельствах она могла бы стать настоящей находкой, но, побеседовав с ней, Реджи понял, что его первое впечатление было не совсем верным. Ее не назовешь застенчивой, однако она наверняка девственница. Несмотря на необычное платье Элис и ее еще более необычную профессию, в душе она оставалась строгой и праведной гувернанткой. Она была просто не в состоянии скрыть неодобрительное отношение к нему. Впрочем, Реджи ее вовсе за это не винил. Проработай он здесь несколько лет, ему тоже было бы неприятно видеть перед собой человека, который мог его уволить. А Элис еще и презирала его как недостойного человека.

Было бы гораздо разумнее избавиться от этой женщины, но Реджи не хотелось этого делать. Она добилась своего положения в значительной степени благодаря счастливому стечению обстоятельств, и вряд ли ей удастся получить такую же должность где-нибудь еще.

Реджи всегда обладал способностью легко разбираться в цифрах, и бухгалтерские отчеты оказались для него весьма увлекательным чтением. Он выяснил, что предыдущий управляющий был уволен поверенным графа Уоргрейва за воровство. Как только мисс Уэстон взяла управление именем в свои руки, доходы сразу возросли уже только за счет

честного и грамотного бухгалтерского учета.

Дальше история становилась еще интереснее. Доходы имения за первые два года при мисс Уэстон выросли, но почти всю прибыль поглотили крупные капиталовложения в хозяйство. В последующие два года эти инвестиции окупились сторицей — доходы резко скакнули вверх. Все расходы были отражены в бухгалтерских книгах, однако там имелось несколько неразборчивых пометок, о которых он решил расспросить Элис.

Реджи в очередной раз наполнил свой бокал. Устроившись в кресле, он представил себе мисс Уэстон. Какая досада, что это чудесное тело досталось убежденной старой деве. Будь она чуть-чуть моложе, оставалась бы еще хоть какая-то надежда втолковать ей, в чем истинный смысл жизни. Но, поскольку эта воинствующая мужененавистница уже достигла критического тридцатилетнего возраста, вряд ли что-то или кто-то ее изменит.

Реджи вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он мог поручиться за себя, пока был трезв, но опасался, что, выпив, способен поступить самым неподобающим образом. Реджи Дэвенпорту, однако, вовсе не нужны были дополнительные причины для того, чтобы презирать себя.

Что ж, все-таки большую часть дня он обычно бывает трезв, так что в этом случае чести мисс Уэстон ничто бы не угрожало. Но сейчас, к примеру, он уже выпил порядком, и, оказавшись здесь леди Элис, он вполне мог забыться и сделать ей самое грубое и непристойное предложение. Она, вне всякого сомнения, отвесила бы ему затрещину, и пришлось бы подыскивать себе нового управляющего.

Хохотнув, он поднял со стола графин с бренди, намереваясь прихватить его с собой в спальню. Сейчас ему гораздо приятнее было помечтать о том, что могло бы произойти, если бы леди Элис не стала отвергать его.

Проснувшись, Реджи почувствовал, как кровь стучит в висках. Это яснее ясного свидетельствовало о том, что накануне он перебрал бренди. Правда, ему удалось самостоятельно улечься в постель, следовательно, он был не так плох, как накануне отъезда из Лондона. Однако чувствовал он себя все же препаршиво. Нашарив на тумбочке часы, Дэвенпорт обнаружил, что уже половина восьмого. У него почти не оставалось времени, чтобы привести себя в порядок перед встречей с леди Элис для ознакомительной поездки по имению.

Постанывая, он перекатился к краю кровати и сел, сжав голову руками и моля Бога, чтобы Мак Купер прибыл из Лондона уже сегодня. Без его тщательно продуманных и многократно проверенных средств Реджи было куда труднее бороться с похмельем.

Реджинальд Дэвенпорт осторожно поднялся на ноги. Графин был пуст, чем и объяснялось его теперешнее состояние. Следует распорядиться, чтобы запасы бренди в доме были пополнены.

Утро выдалось сырое, небо затянуло тучами. К тому времени, когда Реджи оседлал своего Буцефала, он уже крыл самого себя на все корки за то, что выступил с идеей этой дурацкой поездки. Он не случайно решил для начала объехать Стрикленд в компании управляющей — Реджи опасался, что, отправясь он в одиночку, его одолеют ностальгические воспоминания. Однако зачем было ехать в такую рань? Он явно еще недостаточно пришел в себя, чтобы предстать перед критическим оком леди Элис.

Настроение отнюдь не улучшилось, когда в конюшню вошла управляющая, затянутая в коричневый костюм для верховой езды. Даже столь строгая одежда не скрывала ее женственной фигуры. Взгляд Реджи задержался на короне из толстых блестящих кос на ее голове. Волосы, если распустить, наверное, доставали ей до талии. В противовес притягательной прелести ее фигуры и волос выражение лица Элис навевало ассоциации с Медузой Горгоной.

— Доброе утро, мистер Дэвенпорт, — поздоровалась она. — Где вы хотели бы побывать в первую очередь?

Элис нервничала. Ей предстоял трудный день — Дэвенпорт почти наверняка не одобрит кое-каких нововведений. Элис не исключала, что они его разочаруют и в конце концов он передумает и решит отказаться от ее услуг.

Дэвенпорт невнятно пробормотал приветствие, наблюдая за тем, как Элис достает дамское седло. Он выглядел как медведь, у которого болит ухо, и потому мисс Уэстон неподдельно удивилась, когда он взял седло у нее из рук.

— А я думала, вы будете обращаться со мной как с мужчиной, — сказала она, наблюдая, как мистер Дэвенпорт седлает ее лошадь.

— Это не так просто, когда вы одеты как женщина, — ответил он, искоса глянув на нее и потуже затягивая подпругу.

Чувствуя себя неуютно под его взглядом, Элис решила сменить тему:

— Мистер Дэвенпорт, должна вас предупредить, что в Стрикленде вы увидите... несколько необычные вещи. На все, что я сочла нужным сделать, есть свои причины. Я прошу вас дать мне возможность объяснить их прежде, чем вы начнете меня осуждать и выражать недовольство.

Отвернувшись от лошади, Реджи уставился на Элис. И она невольно вновь поразилась тому, какой он высокий.

— Все эти «необычные вещи» я добавлю к тому списку вопросов, который у меня уже имеется, — сухо бросил он.

Подобный ответ явно не сулил ничего хорошего. Они повели лошадей под уздцы к дверям конюшни. Безотчетно стараясь избежать прикосновений Дэвенпорта, Элис подошла к специальной подставке и забралась в седло, прежде чем Реджи успел ей помочь. Подбирая длинную юбку, она заметила, как в глазах Дэвенпорта мелькнул насмешливый огонек.

— Хорошая кобыла, — только и сказал он, садясь на своего жеребца.

— Она принадлежит мне, а не имению, — отозвалась Элис, словно извиняясь. — Я могу показать квитанцию о покупке, если вы мне не верите.

Выехав со двора конюшни, Дэвенпорт пустил жеребца рысью.

— Разве я каким-то образом дал понять, что сомневаюсь в ваших словах? — осведомился он.

— Нет, — ответила Элис, жалея, что завела об этом разговор. — Большинство лошадей предназначены для пахоты, — зачастила она, стараясь скрыть смущение. — В поместье есть две верховые лошади-полукровки, но они не представляют собой ничего выдающегося. Я держу свою кобылу вместе с остальными по той причине, что дом управляющего, где я живу, не имеет конюшни.

Не удостоив сбивчивый комментарий Элис ответом, Дэвенпорт пустил Буцефала легким галопом, держась в седле с непринужденной грацией, придававшей ему сходство с кентавром. Элис пришла к заключению, что, должно быть, умение ездить верхом входит в «джентльменский набор» уважающего себя столичного повесы.

Они скакали в молчании, пока не достигли полей, отведенных под зерновые культуры.

— Насколько я помню, общая площадь Стрикленда составляет чуть более трех тысяч акров, причем половина сдается в аренду, а другая половина составляет территорию приусадебной фермы, — сказал Дэвенпорт. — Вы значительно увеличили пахотные земли за счет участков, которые раньше никак не использовались и являлись бросовыми. Какова сейчас общая площадь пахотных земель?

— Почти две тысячи акров. Что касается остальных площадей, то значительная их часть используется под пастбища. Реджи кивнул.

— Недавно вы приобрели барана и два десятка овец, чтобы улучшить стадо. Животных какой породы вы выбрали?

— Безрогой короткошерстной. Баран и овцы были куплены в Суссексе у Элмана.

— Прекрасный выбор. Это одно из лучших овечьих стад в Англии. — Реджи обвел взглядом расстилающиеся перед ним поля. — Вы используете метод ротации четырех культур?

Дэвенпорт, судя по всему, старался произвести на нее впечатление, и Элис не могла не отметить, что ему это удалось.

— Да, — ответила она на его вопрос, — только мы используем пшеницу вместо ржи. Затем мы сеем турнепс, клевер и эспарцет. Эффект получается настолько хороший, что нам удалось увеличить поголовье стада.

Дэвенпорт снова кивнул и, трогая жеребца с места, задал Элис очередной вопрос. Вопросы продолжали сыпаться на нее все утро — хозяин интересовался сеялкой, хотел знать, какова эффективность новой молотилки, действительно ли добавление жмыха к

корму крупного рогатого скота дает положительный результат, каков племенной фонд молочного стада. Он внимательно слушал рассказ Элис об экспериментах, которые она проводила на приусадебной ферме с тем, чтобы в случае их успешного исхода рекомендовать те или иные новые методы хозяйствования арендаторам. К полудню у Элис разболелась голова.

Когда они возвращались в усадьбу по тропе, обсаженной живой изгородью, Элис призналась, что приятно удивлена продемонстрированными Дэвенпортом знаниями. Она прониклась уважением к новому владельцу поместья, доказавшему, что он отнюдь не профан в вопросах сельского хозяйства.

— Как-никак в течение многих лет я считался наследником графа Уоргрейва, — пожал плечами Дэвенпорт. — Мой дядюшка не позволял мне даже приближаться к его поместьям, но, поскольку я знал, что рано или поздно стану землевладельцем, то старался следить за последними веяниями в области сельского хозяйства.

Элис бросила на него задумчивый взгляд. Было очевидно, что он серьезно изучал проблемы сельскохозяйственного производства и землепользования, причем умудрялся делать это в перерывах между кутежами, которым был обязан своей ужасной репутацией. В этот момент она ощутила прилив сочувствия к Реджинальду Дэвенпорту. Ей стало ясно, что он всю жизнь готовился к тому, чтобы получить наследство старого графа, но надеждам его не было суждено осуществиться. По его лицу невозможно было понять, как он к этому относится, но только святой в подобной ситуации не был бы возмущен тем, что его отодвинули в сторону, а нимба святого над головой Дэвенпорта не было и в помине.

Они подъехали к рукотворному озеру затейливой формы, расположенному неподалеку от усадьбы. Дэвенпорт натянул поводья и спешился.

— Извините меня, я хочу тут кое-что осмотреть. Он привязал жеребца и скрылся за густо растущими по берегам озера деревьями. Охваченная любопытством, Элис тоже спешила и, привязав кобылу, последовала за Реджи.

Она замерла на месте, пораженная красотой открывшегося вида. Густая изумрудная трава толстым ковром покрывала землю. Поляна, куда пришел Дэвенпорт, заросла колокольчиками и желтой примулой. Настоящее райское местечко. Тишину нарушали лишь пение дрозда да шепот ветра в ветвях деревьев. Место было на редкость укромное и уединенное, берег озера образовывал здесь нечто вроде небольшой бухты, которую нельзя было увидеть из усадьбы.

Реджинальд Дэвенпорт стоял у самой кромки воды и, глядя на поверхность озера, рассеянно вертел в пальцах травинку. Элис могла, не привлекая его внимания, получше разглядеть своего хозяина. Ему не подошло бы определение «денди», этим он сильно отличался от Рэндольфа, которым восемнадцатилетняя Элис некогда восхищалась и с которым до сих пор продолжала сравнивать всех мужчин. Дэвенпорт был более высоким, мускулистым и поджарым, своеобразная грация сочеталась у него с недюжинной физической силой. Во всем чувствовался мужчина, и Элис с неохотой вынуждена была признать, что именно эта мужественность заставляла ее так нервничать в его присутствии.

Испугавшись себя, Элис сочла за благо нарушить молчание:

— Откуда вам известно об этой поляне? Я прожила здесь четыре года и ни разу на нее не наткнулась.

— Я родился в Стрикленде, мисс Уэстон, — отозвался Дэвенпорт, не оглядываясь. — Разве вы об этом не знали?

— Нет, не знала, — удивилась Элис.

— Странно. Мне казалось, вам это должно быть известно из местных сплетен, — сказал Реджи сухо.

Элис пересекла поляну и остановилась рядом с ним.

— Вы застали местных сплетников врасплох. Я узнала о том, что имение переходит в вашу собственность, всего за день до вашего приезда, а вы приехали вчера. Сплетни просто не успели до меня дойти.

— Ничего, дойдут. Сплетен обо мне хоть отбавляй, мне от них не скрыться.

— У меня почему-то такое впечатление, что вам это по вкусу, — не без ехидства заметила Элис.

— Возможно, — бросил Реджи, усмехнувшись.

— Сколько вам было лет, когда вы покинули Стрикленд? Улыбка исчезла с лица Дэвенпорта.

— Восемь.

Хотя резкость его тона не поощряла к дальнейшим расспросам, любопытство Элис все же взяло верх над правилами приличия.

— А что вынудило вас уехать?

— Моя семья перестала существовать.

«Не только родители — семья, — подумала Элис. — Значит, кроме отца и матери, были еще брат или сестра, а может быть, братья и сестры». Элис почувствовала, как в горле у нее застрял комок, — чужое горе коснулось ее сердца холодными пальцами. Всего восемь лет! Выходит, Дэвенпорт еще совсем маленьким ребенком осиротел и был увезен из родного дома.

— Мне очень жаль, — тихо сказала Элис.

— И мне тоже, мисс Уэстон, и мне тоже, — так же тихо пробормотал Дэвенпорт, и в голосе его послышалась боль.

Повисла тяжелая пауза. Наконец, швырнув травинку в озеро, Реджи обернулся. Вся его уязвимость, которую на какой-то миг ощутила Элис, разом исчезла.

— До того момента, когда три дня назад мой двоюродный брат подписал соответствующие бумаги и передал Стрикленд мне в собственность, я понятия не имел, что это поместье принадлежало моей матери и должно было перейти ко мне. Чудно, не так ли? Мой дорогой опекун говорил, что Стрикленд — не что иное, как часть владений Уоргрейвов, и мне никогда не приходило в голову усомниться в его словах.

— Боже мой, неужели старый граф лгал вам?! — в ужасе воскликнула Элис, пораженная подобной низостью. — Как подло!

— Подло — это вы точно сказали, — согласился Реджи. — Это слово вообще как нельзя лучше подходит для моего дядюшки. Что же, теперь состояние и титул графа Уоргрейва принадлежат куда более достойному человеку.

— Вы хотите сказать, что ваш двоюродный брат обнаружил эту несправедливость и по своей инициативе передал Стрикленд вам?

— Вы задаете поразительно много вопросов, леди Элис, — насмешливо заметил Дэвенпорт. Элис закусила губу.

— Извините. Любопытство — мой самый страшный порок.

— Какое счастье, что он у вас всего один, — улыбнулся Реджи. — У меня, к примеру, их десятки.

— Вы совершенно правы, конечно, и у меня он не один. — В голосе Элис прорвалось раздражение.

— И в чем же состоит ваш второй порок? — поинтересовался Дэвенпорт. — Вы засыпаете во время воскресной службы в церкви? Испытываете тайное желание похитить лошадь соседа?

— Я в состоянии придумать кое-что поинтереснее, — бросила Элис, теперь уже не на шутку рассерженная. Дэвенпорт громко расхохотался.

— Может, когда-нибудь изложите мне весь перечень ваших грехов и пороков, мисс Уэстон, — предложил он, отсмеявшись.

Теперь Элис поняла, насколько обаятельным может быть Дэвенпорт в такие мгновения, как сейчас, когда в глазах его плясали веселые искорки, а на губах играла улыбка, — поняла и ужаснулась. Она тут же напомнила себе, что удачливый соблазнитель и повеса и должен быть обаятельным, — в противном случае ему ни за что не удалось бы сбить с пути истинного ни одну леди.

Усилием воли Элис подавила желание улыбнуться прежде, чем на щеках ее успели появиться ямочки. Что-то подсказывало ей: эти ямочки разом сведут на нет все ее труды, направленные на то, чтобы убедить нового хозяина, что она — вполне компетентный управляющий.

Все еще улыбаясь, Дэвенпорт осторожно взял ее под руку, чтобы проводить к лошадям. Это был самый обычный, ничего не значащий жест, но Элис, ощутив сквозь толстую ткань костюма для верховой езды прикосновение его сильных пальцев, ускорила шаги.

Он уже хотел было помочь ей забраться в седло, но вдруг замер, пристально глядя ей в лицо с высоты своего роста.

— Боже мой, леди Элис, да у вас глаза разные!

— В самом деле? — деланно изумилась она. — А я и не знала.

— В помещении кажется, что ваш серо-зеленый глаз не отличается от карего, но сейчас, при дневном свете, разница просто поразительная, — продолжал Реджи, не обращая внимания на ее сарказм. — Это что-то совершенно удивительное, ну да вы ведь вообще необычная женщина.

— Это комплимент или оскорбление? — осторожно осведомилась Элис.

— Ни то ни другое. — Реджи слегка наклонился и сцепил пальцы в замок, чтобы дать ей возможность опереться ногой и посадить на лошадь. — Лишь констатация факта.

Подождав, пока Элис устроится в седле, Реджи вскочил на своего жеребца.

— Вы замечательно поработали в Стрикленде, — сказал он. — Даже при том, что цены на землю и на сельхозпродукты резко упали после Ватерлоо, вы сумели увеличить прибыль. Земля в прекрасном состоянии, и арендаторы всем довольны.

Элис было исключительно приятно слышать эту похвалу. Теперь она поверила, что место управляющего скорее всего останется за ней.

Обогнув усадьбу, Элис и Дэвенпорт поехали в сторону деревни Стрикленд. Однако не успели они добраться до нее, как вдруг, натянув поводья, Реджи остановил Буцефала. Прищурившись, он впился глазами в высокую кирпичную трубу, торчавшую из-за вершины холма.

— Это еще что такое? Откуда здесь эта труба? — пробормотал он, не веря собственным глазам, и пустил коня в галоп.

Элис, в душе которой всколыхнулись самые дурные предчувствия, поскакала за ним,

пытаясь подготовиться к тому, что сейчас новый владелец Стрикленда узнает об одной из наиболее странных особенностей поместья.

На вершине холма Дэвенпорт остановился как вкопанный. Круглая печь с круглой же трубой не оставляли сомнений в том, что перед ним предприятие по производству керамики.

— Какого дьявола это построили на земле Стрикленда? Разве тут не находилась ферма? — осведомился он.

— Территория, отведенная под фабрику, сдается в аренду, и за весьма хорошую плату, — ответила Элис, моля Бога, чтобы Дэвенпорт прекратил расспросы, и наперед зная, что они неминуемо последуют.

Реджи смерил ее ледяным взглядом.

— Я вас не об этом спрашиваю. Мне хочется знать, откуда здесь взялась фабрика и кто ее владелец.

Тщательно подбирая слова, Элис ответила:

— Она находится в доверительной собственности трех человек, еще не достигших совершеннолетия.

— Вот как?

— Понимаете, это была самая мелкая из ферм, и арендовали ее никчемные люди, которых мне не хотелось видеть на территории имения, — начала объяснять Элис. — Для меня было большим облегчением, когда три года назад они распродали инвентарь и сбежали, не заплатив за аренду. Я объединила ферму с Хилл-Фарм, и теперь Робби Геральд обрабатывает ее земли вместе со своими. А постройки я сдала в аренду под фабрику керамических изделий.

Сардоническое фырканье, изданное Дэвенпортом, ясно дало понять Элис, что для него совершенно очевидно: она рассказывает ему далеко не все.

— Оказалось, что держать на территории поместья фабрику очень выгодно, — продолжила Элис, стараясь оправдаться. — Она обеспечивает рабочие места, дает имению солидный приток платежей за счет аренды и является очень хорошим долгосрочным капиталовложением для владельцев предприятия. Я знаю, что у большинства помещиков вызывает отвращение одна мысль о появлении на их землях какого бы то ни было промышленного предприятия. Но что касается этой фабрики, вы не сможете ее закрыть, даже если очень захотите, — договор об аренде истекает только через двадцать два года.

Больше она ничего не успела сказать, так как рука Дэвенпорта взметнулась вверх и ухватила ее кобылу под уздцы. Лошадь попыталась вздернуть голову, но спутник Элис оказался достаточно силен, чтобы ее удержать. Повернувшись в седле, он устремил жесткий взгляд прямо в лицо Элис. По тому, как отрывисто звучали его слова, было нетрудно понять, что он рассержен.

— Вчера я сказал, что намерен дать вам шанс проявить себя, — заметил он. — Надеюсь, вы не станете лишать меня такой же возможности?

Горячая волна стыда накрыла Элис с головой, заставив ее покраснеть. Новый хозяин поместья вел себя сдержанно и прилично, замечания его были логичны и разумны. Она же походила на ежа, который то и дело ошетиливается иголками.

Глаза их встретились на краткий и такой бесконечно долгий миг. Каким-то глубинным чутьем Элис поняла, что находившийся рядом с ней мужчина не только кутила и игрок. Под маской пресыщенного жизнью бонвивана скрывались ум и способность выслушать и понять другого — качества, которые сделали бы честь любому. И еще она подумала, что никогда

прежде ей не доводилось видеть таких усталых глаз.

— Простите меня, — сказала она и, понимая, что этого недостаточно, продолжила; — Меня нередко осуждали люди, и мне не раз приходилось испытывать на себе, что такое несправедливость. Поэтому с моей стороны непроситительно проявлять такую же несправедливость по отношению к вам.

Дэвенпорт отпустил ее лошадь.

— Учитывая, что я столько лет потратил, создавая себе дурную репутацию, мне пришлось бы разочароваться в вас, если бы вы не подумали обо мне самого худшего.

— Я начинаю думать, что вы обманщик, мистер Дэвенпорт, — улыбнулась Элис.

— Вот как? — Темные брови Реджи поднялись, и лицо его приняло уже знакомое ей насмешливое выражение. — Что вы имеете в виду?

— Мне начинает казаться, что вы вовсе не так порочны, как принято считать.

— Я бы советовал вам не торопиться с выводами, мисс Уэстон, — сухо заметил Дэвенпорт и, подобрав поводья, предложил, меняя тему разговора:

— Пожалуй, пора перекусить. Насколько я помню, тут неподалеку раньше была таверна, где неплохо кормили.

— Она все еще там, и кормят в ней по-прежнему хорошо.

Элис поначалу удивилась, что Дэвенпорт собирается пригласить ее в обыкновенную таверну, но потом поняла, что будет гораздо приличнее пообедать в «Молчаливой женщине», чем если бы он приказал накрыть стол для них двоих в своем доме. Выходило, что, несмотря на объявленное намерение обращаться с ней как с женщиной, он все же не забывал об условностях.

Полчаса спустя они уже сидели напротив друг друга за деревянным, грубо сколоченным столом, за долгие годы до блеска отполированным локтями и доньшками тарелок и кружек. Многочисленные фермеры и работники, набившиеся в огороженный деревянными балками бар, с любопытством косились в их сторону.

Дэвенпорт отправил в рот последний кусок отличного пирога с говядиной и луком и снова наполнил элем свою глиняную кружку.

— А теперь расскажите мне историю фабрики, — потребовал он.

Элис доела пирог и решила, что, видимо, в самом деле пришло время рассказать все как есть — она опасалась, что, если Дэвенпорт сам начнет обо всем допытываться, его благодушное настроение исчезнет навсегда.

— Вам, конечно, известно о проблемах, которые возникли в связи с тем, что огромное количество солдат после войны было демобилизовано, — заговорила она. — Прежде всего на всех не хватало работы. Мало того, появление новых машин еще больше сократило потребность в рабочих руках.

Дэвенпорт понимающе кивнул, после этого Элис решила продолжить:

— К примеру, в годы войны нельзя было обойтись без молотилок — некому было молотить. Теперь они куплены и прекрасно работают, так что не имеет смысла возвращаться к трудоемкому ручному труду только ради того, чтобы обеспечить несколько человек работой, к тому же низкооплачиваемой. Нужно было найти какое-то другое решение.

Дэвенпорт отхлебнул из кружки глоток эля и снова поднял глаза на Элис:

— И вы решили...

— ...и я решила прибегнуть к поощрению различных ремесел, которые могли бы обеспечить занятость В деревне Стрикленд есть магазин, торгующий лесоматериалами, —

там работают восемь человек. Там же вы увидите небольшую мастерскую по производству кирпича и керамической плитки, в которой задействовано пятеро рабочих. Дело в том, что поблизости неплохие залежи глины. В этом смысле создание фабрики керамических изделий также было вполне оправданно. На ней делают недорогую посуду, купить которую вполне по карману местным жителям. Она пользуется большим спросом, так что на фабрике сейчас трудятся двенадцать человек.

— А кто ими руководит?

— Я, — глубоко вздохнула Элис. Брови Дэвенпорта в очередной раз удивленно взлетели вверх.

— Помимо того, что вы управляете имением? Где же, черт возьми, вы находите время?

— Я принимаю решения и веду отчетность. Что же касается ежедневной работы, за ней следит мастер, — пояснила Элис. — Вы уже изучили бухгалтерские книги и могли убедиться, что я не забываю о Стрикленде. Я...

Дэвенпорт поднял руку, останавливая ее.

— Прежде, чем мы углубимся в эту тему, скажите мне, кто эти несовершеннолетние персоны, которые являются фактическими владельцами фабрики? Они что — местные детишки?

Прежде чем ответить, Элис плеснула себе и своему собеседнику эля.

— Они — племянница и племянники миссис Спенсер, у которой я служила до Стрикленда.

— Разговор становится все интереснее. И где же они сейчас живут?

Подавив вздох, Элис решила, что настал момент признаться Дэвенпорту в том, о чем он рано или поздно все равно узнает.

— Они живут со мной.

— Вы их опекунша? — с удивлением спросил Реджи. Элис опустила глаза.

— У миссис Спенсер не было близких родственников, кому она могла бы доверить детей. Одна из причин, по которым она помогла мне занять должность управляющего имением Стрикленд, как раз и состояла в том, что здесь я могла приютить ее племянников.

— Теперь я понимаю, почему вас называют леди Элис, — насмешливо заметил Дэвенпорт. — Вы управляете имением, создаете промышленные предприятия и занимаетесь бизнесом да еще и детей воспитываете. Вы в самом деле необыкновенная женщина.

— То же самое можно сказать о большинстве женщин. Вероятно, этим компенсируется тот факт, что большинство мужчин являются весьма обыкновенными, — огрызнулась Элис, но тут же одернула себя — нельзя ни на минуту забывать о том, насколько она от него зависит.

Реджи засмеялся — само обаяние — и сделал новый выпад:

— Я полагаю, следующим вашим экспериментом будет попытка добиться размножения скота без использования самцов? Как человек, имеющий представление о племенном скотоводстве, вы должны понимать, что получить приплод таким образом будет трудновато.

Столь недвусмысленные намеки легко могли спровоцировать взрыв. Элис подчеркнуто спокойным, исполненным достоинства движением потянулась к кувшину с элем.

— Я никогда не отрицала, что есть проблемы, в решении которых без мужчин не обойтись, мистер Дэвенпорт.

— Вот как? И что же это за проблемы? Его пальцы слегка коснулись ее руки, когда почти одновременно с Элис он потянулся к кувшину. Сердце Элис отчаянно заколотилось, и

она опустила глаза, избегая взгляда Дэвенпорта. У него были очень красивые руки, изящные, точеные, с длинными пальцами. Реджинальд Дэвенпорт, казалось, буквально излучал силу и обаяние Элис хотелось сдаться, почувствовать ласку этих чудесных рук...

— У нас закончился эль. — Она не узнала собственного голоса. — Попросим еще кувшин, или вы готовы продолжить осмотр имения?

— Давайте лучше закажем эля, — предложил Дэвенпорт, который, по всей видимости, не заметил этого случайного соприкосновения их рук. — У меня еще много вопросов. Один из них, в частности, касается шестидесяти фунтов в год, расходуемых на учителей, книги и тому подобное.

Он махнул рукой хозяину, чтобы им принесли новый кувшин, и, когда его поставили на стол, налил себе темный пенный напиток. Элис отставала на четыре кружки и даже не пыталась с ним тягаться.

Элис продолжила объяснения:

— Учителя — супружеская пара. Муж обучает мальчиков, жена — девочек. Я требую, чтобы все дети, живущие на территории поместья, ходили в школу как минимум до двенадцати лет.

— А разве родители не возмущаются из-за того, что их дети слишком поздно начинают зарабатывать деньги?

— Да, возмущаются, но я все же настояла на этом. Ведь учеба детям во благо. Да и, если думать о будущем, для поместья тоже, поскольку эти же дети будут более квалифицированными работниками.

— Мисс Уэстон, у меня такое впечатление, что в детском возрасте на вас оказал большое влияние какой-то квакер или евангелист, — иронически заметил Дэвенпорт.

— В общем-то так оно и было, — ответила Элис.

— Замечательно, — пробормотал Реджи, глядя в свою кружку. — Значит, вы религиозный фанатик.

С трудом сдерживаясь, чтобы не вспылить, Элис возразила:

— Нет, не фанатик, а человек, старающийся изменить жизнь к лучшему. Вы видели результаты, которых мне удалось добиться за последние четыре года в Стрикленде. Поместье процветает, то же самое можно сказать о людях, которые работают на вашей земле. Результат говорит сам за себя.

— Я постоянно напоминаю себе об этом, мисс Уэстон, — подтвердил Дэвенпорт. — Надеюсь, вы в состоянии оценить, что я позволяю вам откровенно говорить все, что вы думаете, и что я проявляю удивительную терпимость. Узнай об этом кто-нибудь из моих друзей, он бы просто в это не поверил. — Реджинальд покачал головой. — Мало того, что управляющий моим имением — женщина, так она еще и реформы тут затеяла. Да другой бы на моем месте выставил вас отсюда в два счета!

— Ваша терпимость объясняется размером дохода, который вы получаете от имения, — ледяным тоном процедила Элис. — Если вы с ходу начнете тут все менять, доходы могут резко сократиться.

— Об этом я тоже постоянно себе напоминаю. — Дэвенпорт вылил остатки эля себе в кружку. Элис подумала, что второй кувшин он опорожнил практически в одиночку. — А что вы скажете насчет денег, потраченных на помощь желающим эмигрировать из Англии?

Элис вздохнула. Стало ясно: она совершенно напрасно надеялась, что новый хозяин не обратит внимания на эту запись в бухгалтерской книге.

— Трое ветеранов, служивших в армии герцога Веллингтонского, захотели вместе с семьями уехать в Америку, но у них не было сбережений, чтобы оплатить билеты и хоть как-то устроиться на новом месте.

— И вы снабдили их деньгами? — спросил Дэвенпорт, небрежно откинувшись на спинку деревянной скамьи, с виду обманчиво расслабленный.

— Формально деньги были даны им в долг, но было ясно, что скорее всего эти люди окажутся не в состоянии их вернуть, — признала Элис.

— Шансы, что деньги удастся получить обратно, учитывая, что ваши ветераны теперь находятся за тридевять земель, в другой стране, равны нулю. Получается, что вы их просто подарили, — заключил Реджи. — Вы чем здесь занимаетесь — бизнесом или благотворительностью?

— Если вы внимательно изучили бухгалтерские книги, то должны знать, что этим людям было передано менее двухсот фунтов, — снова принялась оправдываться Элис. — Все три семейства работали в Стрикленде не покладая рук. Жена одного из ветеранов во время сбора урожая была беременна и прекратила работу всего за час до родов. — Поймав насмешливый взгляд Дэвенпорта, она поняла, насколько глупым должен показаться этот аргумент столичному прожигателю жизни, и потому решила привести более убедительный довод:

— Кроме того, их отъезд в какой-то степени разрядил ситуацию, возникшую в Стрикленде, — отправив их в Америку, можно было уже не заботиться о том, где найти для них работу, да и количество ртов уменьшилось.

— А если бы все работники захотели эмигрировать, вы бы всем дали денег на дорогу и обустройство? — поинтересовался Дэвенпорт.

— Немного найдется людей, которые захотели бы сняться с обжитых мест и отправиться в далекую, неизвестную страну.

— И все же я сомневаюсь, что старому графу было известно о вашей благотворительной деятельности. — В глазах у Реджи вспыхнули веселые искорки.

— Разумеется, старый граф понятия об этом не имел. Что касается его поверенного, тот, должно быть, кое-что знал, но, поскольку общий доход от имения постоянно увеличивался, предпочитал не вмешиваться в мои дела. — На душе у Элис полегчало — Дэвенпорту явно доставила удовольствие мысль, что его дядюшку ловко водили за нос.

— Другими словами, вы раздавали меньше, чем прикарманивал ваш предшественник.

— Я никогда не думала об этом, но вы, наверное, правы, — признала Элис и, поколебавшись, не удержалась от вопроса:

— Теперь, когда вы знаете, как я управляла Стриклендом, вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

Дэвенпорт ненадолго задумался, обхватив ладонями свою кружку.

— Как вы сами изволили заметить, ваши результаты оправдывают ваши методы. Кроме того, все, о чем вы говорили, относится к прошлому, то есть к тому периоду, когда я не мог влиять на происходящее здесь. Что же касается будущего... — Реджи одним глотком опрокинул в рот остатки эля и устремил на Элис пристальный взгляд. — Это будет совсем другая история. Думаю, у меня возникнет желание кое-что изменить, но я не собираюсь с этим торопиться.

Элис подумала, что Дэвенпорт мог хотя бы похвалить ее, но решила, что следует радоваться и такой оценке. По крайней мере он не собирался действовать очертя голову —

уже хорошо.

Она собралась было встать из-за стола, но новый хозяин жестом остановил ее, давая понять, что беседа не закончена.

— У меня остался всего один вопрос, — сказал он. — Надеюсь, будучи управляющим, вы организовали вакцинацию всех жителей Стрикленда против оспы?

— Нет, — удивленно ответила Элис. — Правда, я всячески это поощряла, но многие работники относятся к прививкам с подозрением, называют их новомодными штучками. Сделать прививки хочет лишь половина населения Стрикленда, а я не обладаю достаточными полномочиями для того, чтобы настаивать.

На самом деле она только что не умоляла фермеров и работников сделать прививки, но все ее усилия разбивались об их ослиное упрямство.

— В таком случае я, как хозяин поместья, намерен отдать первое распоряжение, — безапелляционно заявил Дэвенпорт. — Все, кто живет и работает на территории поместья, должны быть привиты в течение следующего месяца. Тот, кто уклонится, будет уволен и выселен с занимаемого земельного участка. Никаких исключений не будет.

— Но... — Одобрив решение Дэвенпорта по сути, Элис была смущена его резкостью и категоричностью. — Вы же не можете...

— Никаких «но», мисс Уэстон, и никаких споров по поводу того, что я могу, а чего не могу, — с холодной решимостью произнес Дэвенпорт, вставая. — Расходы будут отнесены на счет имения. И, повторяю, никаких исключений.

Теперь Элис прекрасно понимала, почему Реджинальд Дэвенпорт заслужил репутацию опасного человека. Будь она помоложе или позастенчивее, наверное, залезла бы под стол, чтобы спрятаться от его взгляда.

— Если вы боитесь объявить людям об этом, я сделаю это сам.

Это был явный вызов. Элис тоже встала, чтобы ее слова прозвучали как можно внушительнее:

— Я вовсе не боюсь объявить об этом людям, мистер Дэвенпорт. — Она смело встретила его взгляд. — Ну что, вы готовы продолжать осмотр?

— Вполне. — Реджи бросил на стол пригоршню монет и не торопясь двинулся к выходу.

Какая лавина вопросов о том, что за человек новый хозяин, обрушится на нее сегодня, подумала Элис, следуя за ним. Самое интересное, что она понятия не имела, как на них отвечать.

Весь день Элис показывала новому владельцу поместья сараи, амбары и прочие подсобные постройки. Затем они осмотрели ремесленные мастерские. Дэвенпорт засыпал ее вопросами и никак не комментировал ответы, так что об отношении к увиденному и услышанному оставалось только гадать.

Теперь, когда Элис знала, что новый хозяин родом из этих мест, ей было понятно, почему люди, живущие и работающие в имении, хотя и держатся настороженно, все же как будто готовы его принять. Элис, к сожалению, не могла похвастаться таким отношением к себе, несмотря на годы, проведенные в Дорсете.

Разумеется, тут сыграло свою роль и то, что он мужчина, с горечью подумала она. По мнению местных жителей, ее нынешняя должность не для женщины. Сколько бы ни прожила она в Дорсете и сколько бы добрых дел ни сделала, ничто не изменило бы этого мнения.

Миновав огромный, в полдюжины акров, фруктовый сад, который снабжал все поместье яблоками и сидром, Дэвенпорт увидел похожий на лоскутное одеяло огород. Он придержал коня.

— А это что такое?

— При коттеджах, где живут работники, совсем маленькие участки, поэтому я отвела желающим землю под огороды, — отозвалась Элис. — Наиболее рачительные арендаторы обеспечивают овощами не только собственные семьи, но и рынок в Шефтсбери.

Молодая женщина, копошившаяся на грядках, обернулась на стук копыт и увидела визитеров. После секундной заминки она сделала торопливый реверанс Дэвенпорту и, подхватив с одеяла на меже мирно спавшего ребенка, подошла к Элис показать свое чадо. Чувствуя на себе насмешливый взгляд спутника, Элис ласково потрепала малыша по подбородку и, полюбовавшись прорезавшимися передними зубками, вернула довольной матери.

Тронувшись в путь, Дэвенпорт заметил:

— Похоже, жители Стрикленда хорошо питаются.

— Так и есть, — подтвердила Элис. — Пожалуй, это первое условие того, чтобы люди были довольны. Кроме этих огородов, я завела вторую голубятню, и еще мы выращиваем кроликов и продаем по невысокой цене, чтобы каждый мог позволить себе несколько раз в неделю свежее мясо. Так мы покончили с браконьерством, а излишек голубей и кроликов продаем на рынке, чтобы окупить разведение этих животных и птиц.

Дэвенпорт одобритительно кивнул.

Наконец они приехали на фабрику керамических изделий — это был последний пункт их маршрута. Едва всадники спешили, поприветствовать их подошел мастер, Джейми Палмер — гигант с изумительно спокойным, покладистым характером. Джейми, давний друг и союзник Элис, с любопытством уставился на незнакомого мужчину.

Дэвенпорт понял, что его разглядывают, пытаясь угадать, что он за человек. Элис всей кожей почувствовала, как он ощетинился. Чтобы разрядить напряжение, она поспешила представить мужчин друг другу и попросила:

— Вы не покажете нам фабрику, Джейми? Мистеру Дэвенпорту интересно посмотреть, как делают керамику.

— Конечно, леди Элис.

Дэвенпорт бросил на Элис страдальческий взгляд, но послушно последовал за мастером, который начал рассказывать, как готовят глину, объяснять, как работают гончарные круги и как изделиям придают ту или иную форму. Элис сочла необходимым сопровождать мужчин. На этой фабрике по утрам частенько работала Мередит, она придумала немало узоров в китайском стиле для росписи посуды. В тот день ее в цехе не было — иначе Элис не предложила бы Дэвенпорту сюда заглянуть. Она решила, что чем позже девушка познакомится с Дэвенпортом, тем лучше.

Дэвенпорт с любопытством расспрашивал Палмера о том, как действует печь для обжига и сушки, и о корзинах из ивовых прутьев, в которых хрупкая продукция поставлялась на рынок. Элис от души надеялась, что пробудившийся в нем интерес заставит его примириться с этой ее затеей.

Экскурсия закончилась в административном помещении, где размещалась небольшая выставка готовых изделий. Элис вручила Дэвенпорту красивый чайник для заварки.

— Это наиболее популярное у нас изделие, — пояснила она. — Мы, конечно, не можем соревноваться с крупными производителями посуды, поэтому я решила основное внимание уделять предметам домашнего обихода для людей с умеренным достатком.

Дэвенпорт выслушал это разъяснение, как и все предыдущие, молча. Заговорил он только на обратном пути.

— Вы продолжаете удивлять меня, леди Элис, — заявил он. — Не родись женщиной, вы могли бы добиться успеха на любом поприще. Я считаю, Стрикленду очень повезло с управляющим.

От этого комплимента Элис буквально расцвела. Ей было приятно услышать, что ее считают не только и даже не столько эксцентричной, сколько талантливой.

В конторе Элис устало уселась за стол и приготовилась снова отвечать на вопросы.

— А что, овец в этом году уже купали? — неожиданно поинтересовался Дэвенпорт.

Элис отрицательно покачала головой:

— Весеннее купание будет послезавтра.

В глазах Дэвенпорта мелькнул веселый огонек.

— Вот и отлично. В детстве мне всегда хотелось поучаствовать в этом, но я тогда был слишком мал. Теперь этот недостаток исправило время.

— Вы в самом деле хотите заняться купанием овец? — озадаченно переспросила Элис, зная, что это хлопотное, отбирающее много сил и времени дело.

Огонек в глазах Дэвенпорта разгорелся еще ярче.

— Неужели вы не дадите исполниться одному из самых сокровенных желаний моего детства?

— Пожалуйста, если вы действительно этого хотите, но из-за одного неумелого работника купание может сильно затянуться, — сказала она. — Кроме того...

— Что кроме того? — спросил Дэвенпорт, почувствовав ее нерешительность.

— Возня с овцами в реке — не самое достойное занятие для хозяина поместья.

Реджи метнул в Элис насмешливый взгляд.

— Я готов прислушиваться к вашим советам, когда речь идет о сельском хозяйстве, но меня не интересует ваше мнение о том, какое занятие считать достойным, а какое нет, — отчеканил он.

Элис покраснела, поняв, что переступила границу дозволенного. Неловкую паузу

прервало появление Мередит. Ее золотые волосы поблескивали в лучах яркого солнца, взгляд синих глаз был обманчиво кротким.

— Леди Элис, я хотела у вас спросить... — начала было она и осеклась, глянув на Дэвенпорта с выражением очаровательной нерешительности на ангельском личике. — Извините, я не знала, что вы не одна.

Элис прекрасно понимала, что все это — не более чем спектакль. По всей вероятности, девушка весь день наблюдала за входом в контору, поджидая удобного случая, чтобы наведаться сюда и посмотреть на нового хозяина Стрикленда.

Дэвенпорт отреагировал на ее появление так же, как это сделал бы любой нормальный мужчина. Он встал, и на лице его отразилось восхищение. Реджи, разумеется, понял, что девушка заглянула в контору не случайно, но это нисколько не помешало ему оценить красоту юной гостьи. Мерри с ее золотыми кудрями, рассыпавшимися по плечам в легком — тщательно спланированном — беспорядке, и в самом деле выглядела просто обворожительно в белом муслиновом платье с голубым узором.

— Мистер Дэвенпорт, это моя воспитанница, мисс Мередит Спенсер. Мерри, я уверена, что ты знаешь, кто этот человек, — сказала Элис.

От Мерри, конечно же, не укрылся ее язвительный тон, и, прежде чем повернуться к Дэвенпорту, она украдкой бросила на опекуншу проказливый взгляд.

— Какой приятный сюрприз! — игриво воскликнула Мерри. Обменявшись несколькими шутивными замечаниями с Дэвенпортом, Мередит повернулась к приемной матери с таким видом, будто ее только что осенила прекрасная мысль.

— Леди Элис, как вы думаете, может быть, мистер Дэвенпорт не откажется пообедать с нами сегодня вечером? Миссис Хэйвер готовит отличную баранью ногу.

Значит, спектакль был устроен ради этого приглашения! Мерри было мало просто познакомиться с Дэвенпортом — ей требовалось затащить его на обед.

Видя, что Элис сердится, Дэвенпорт заколебался.

— Прошу меня простить, мисс Спенсер, — проговорил он наконец, — но ваша опекунша находилась в моем обществе целый день. Мне представляется, было бы невежливо с моей стороны навязывать себя ей еще и на вечер.

— Она не будет возражать. Ведь так, Элис? — проворковала Мерри, сопровождая свои слова более чем выразительным взглядом.

Загнанная в угол, Элис не придумала ничего другого, кроме как сказать:

— Мы обедаем всей семьей, мистер Дэвенпорт. Холостяку атмосфера, царящая за нашим столом, может показаться слишком шумной.

Мерри умоляюще посмотрела на Дэвенпорта.

— Я берусь сделать так, что мои младшие братья будут вести себя тихо, — пообещала она. — Ну, соглашайтесь же.

— С удовольствием приду, мисс Спенсер, — сказал Дэвенпорт, понимая, что отказ будет выглядеть как проявление грубости и невоспитанности.

Выразив восторг в приличествующих случаю выражениях и восклицаниях, Мерри ушла. Дэвенпорт снова сел и взглянул на Элис с дружеской улыбкой, как на старого приятеля.

— Вам никогда не приходило в голову купить ей пояс целомудрия? — поинтересовался он.

— Разумеется, приходило! — выпалила Элис, не успев как следует подумать, что говорит, и тут же, услышав хохот Дэвенпорта, спохватилась:

— Как вы можете говорить такие вещи!

— Я вас предупреждал — никаких скидок на то, что вы женщина. Я могу подсадить вас в седло, но во всех прочих ситуациях намерен оставаться тем же вульгарным типом, что и всегда, — насмешливо напомнил Реджи. — Она очаровательная девчушка и к тому же выглядит значительно менее «несовершеннолетней», нежели я ожидал, судя по вашему рассказу.

— Ей всего девятнадцать, мистер Дэвенпорт, — проговорила Элис, вертя в руках пресс-папье из венецианского стекла — Пожалуйста, не забывайте об этом.

Всю насмешливость Реджи словно ветром сдуло.

— Уж постараюсь не совратить ее за сегодняшний вечер. Кстати, если это вас успокоит, — девственницы нагоняют на меня скуку.

Элис напряглась, пытаясь понять, не являются ли эти слова завуалированным оскорблением в ее адрес.

— Мерри — очень умная и живая девушка. И очень застенчивая, хотя вы могли подумать иначе из-за того, что она заигрывала с вами. Она просто испытывала на вас свои чары — ведь тут, в поместье, она редко видит новых людей.

— И тем не менее вот вам совет опытного сердцеда: найдите ей мужа, и поскорее, — сухо заметил Дэвенпорт.

Элис опустила глаза. Похоже, мистер Дэвенпорт обладал талантом затрагивать самые болезненные и деликатные вопросы. Это был один из них. Элис много думала о том, где подыскать подходящего мужа для Мерри.

— Я бы с удовольствием это сделала, — заговорила она, — но, к сожалению, выбор слишком ограничен. Все живущие в окрестностях Стрикленда неженатые мужчины просто без ума от нее, но это либо неоперившиеся юнцы, либо вдовцы, подыскивающие матерей своим детям. Мерри заслуживает лучшей участи. — Элис вздохнула. — Вообще-то я думаю, она могла бы произвести настоящий фурор в Лондоне, если бы ее удалось вывезти в свет.

— Эта девушка в самом деле бриллиант чистой воды, — согласился Дэвенпорт. — Но обладает ли она знатным происхождением и состоянием, которые были бы под стать ее внешности?

— В этом-то и проблема, — признала Элис. — То, что она получит, никак не назовешь солидным состоянием. Что же до происхождения — отец ее был лондонским купцом. У нее нет родственных связей, которые позволили бы проникнуть в так называемое хорошее общество.

— Возможно, будет гораздо лучше, если она все же подыщет себе мужа здесь, — заметил Дэвенпорт. — Лондон опасное место для молодого и неопытного человека, тем более девушки. Кстати, — вдруг сказал он, — что заставило вас взять на себя заботы о Мерри и ее братьях?

Разумеется, Дэвенпорта это не касалось, но Элис показалось, что его вопрос продиктован искренним интересом, а не праздным любопытством. Подперев подбородок ладонью, она на некоторое время задумалась.

— Вот вам ответ, — заговорила она наконец. — У миссис Спенсер не было никого, кому бы она доверяла. Своих детей она не имела. Собственно, она и теткой-то этим детям была чисто номинально, по брачной, так сказать, линии. Кровного родства между ними не было никакого. Но она любила их и хотела, чтобы после ее смерти кто-то о них позаботился.

— Но у вашего поступка, думаю, есть и иные причины.

— Дело в том, что они были моими учениками, моими воспитанниками и я была к ним очень привязана. Самого младшего, Уильяма, я знала буквально с пеленок. — Элис горько усмехнулась. — Я решила, у меня не будет другой возможности узнать, что значит растить и воспитывать детей, и ухватилась за этот шанс. Мне показалось, было бы глупо от него отказаться.

Элис замолчала, не понимая, что заставило ее поделиться с Дэвенпортом своими сокровенными переживаниями.

Тактично решив прекратить расспросы, касающиеся этой, по всей видимости, болезненной для Элис темы, Дэвенпорт ограничился тем, что сказал:

— Надеюсь, они понимают, как им повезло, что у них есть вы, мисс Уэстон. Она улыбнулась:

— Мерри, может быть, и понимает, но мальчики воспринимают меня как зло, с которым приходится мириться. Я вечно заставляю их делать уроки, следить за манерами и хоть отчасти соблюдать приличия.

Дэвенпорт сначала замер в кресле, а потом стремительно наклонился вперед, вглядываясь в ее лицо.

— Леди Элис, у вас ямочки на щеках, — заявил он таким тоном, словно выносил обвинительный приговор.

Застигнутая врасплох, Элис покраснела.

— Простите, но я ничего не могу с ними поделать. Мне кажется, что Бог снабдил меня ими по ошибке, они явно предназначались кому-то другому.

Дэвенпорт выпрямился во весь свой огромный рост и подошел вплотную к ее столу.

— Не надо извиняться. Они просто замечательные. Между прочим, такие ямочки называют отметинками Венеры, к вашему сведению.

Он улыбнулся — медленно, лениво и чуточку фамильярно. От такой улыбки самые добродетельные женщины забывают о приличиях и теряют голову. Элис поймала себя на том, что тоже улыбается.

Дэвенпорт протянул руку и осторожно погладил ее по щеке. Этот небрежный жест одним женщинам показался бы отвратительным, другим — совершенно неотразимым. Элис принадлежала к последним. Пальцы Дэвенпорта были теплыми и чуть шершавыми. Их прикосновение было не менее волнующим, чем поцелуй, и Элис почувствовала, как все ее тело, от макушки до пяток, отреагировало на него.

Одному Богу известно, что отразилось при этом на ее лице, только Дэвенпорт опустил руку и отступил. Взгляд его стал холодным и отчужденным.

— Если вы предпочитаете, чтобы я не появлялся у вас сегодня, я пошлю вашей воспитаннице свои извинения, — сказал он.

— Если это вас не затруднит, мне все же хотелось бы, чтобы вы пришли, — сказала Элис, с трудом овладев собой. — Мне просто страшно подумать, что предпримет Мерри, чтобы заманить вас к нам завтра.

— Если вы в самом деле не возражаете, я буду у вас в половине седьмого. — Дэвенпорт усмехнулся. — Уверен, в вашем доме мне будет гораздо веселее, чем в моем.

Кивнув, он вышел из конторы. Глядя ему вслед, Элис со смешанным чувством тревоги и странного веселья подумала о том, что ей, пожалуй, следует беспокоиться не о репутации Мерри, а о своей собственной.

После того как Элис разобрала почту, у нее оста-'' лось ровно столько времени, чтобы

вернуться домой, принять ванну, переодеться к обеду и зайти в комнату Мередит для серьезного разговора.

Мерри сидела у туалетного столика и пыталась соорудить новую прическу. Волчком кругнувшись на стуле, она устремила на свою опекуницу лукавый взгляд.

— Здорово получилось, верно? — прощепетала она. — Мальчишки будут безумно рады познакомиться с мистером Дэвенпортом.

подавив вздох, Элис села на кровать.

— Мерри, я очень расстроена твоим сегодняшним поведением. Ты не только вышла за рамки приличий — вести себя так опасно.

Мерри рассмеялась и собрала в горсть золотистые пряди на макушке.

— Какая же тут может быть опасность?

— Мередит, оставь в покое свои волосы и посмотри на меня. Это серьезно.

Когда Элис разговаривала таким тоном, ее воспитанники слушались. Мерри тут же повернулась к ней и притихла.

— Реджинальд Дэвенпорт очень сильно отличается от твоих местных воздыхателей, — начала втолковывать Элис. — Учти, если ты будешь его провоцировать, он может этим воспользоваться.

— Мы же только флиртовали, — сказала Мерри, глядя на Элис невинными голубыми глазами. — Он флиртует очень хорошо, вот я и решила попрактиковаться. Не изнасилует же он меня, верно?

— Быть изнасилованной — не единственная опасность, которая грозит женщине, — снова заговорила Элис, чувствуя, что теряет терпение. — Любвеобильность Дэвенпорта и его многочисленные связи с женщинами широко известны — даже флирт с таким человеком может испортить твою репутацию. Если же ты полюбишь его, твое сердце наверняка будет разбито. Я достаточно ясно выражаюсь?

Мерри звонко рассмеялась:

— Господи, Элис, вряд ли я смогу влюбиться в мужчину, который по возрасту годится мне в отцы. И потом, он ведь совсем не хорош собой.

Элис заморгала от удивления — ей казалось, Мередит не может остаться равнодушной к завораживающей мужественности, которая исходила от нового хозяина Стрикленда. Попытавшись вспомнить, что привлекало ее в мужчинах, когда она была так же молода, как Мерри, Элис пришла к выводу, что даже в девятнадцать лет не устояла бы перед таким человеком, как Реджинальд Дэвенпорт. Хотя, разумеется, она бы ни в коем случае не пошла на поводу у низменных страстей.

Пристально глядя на Мерри и тем самым давая ей понять, что разговор очень серьезный, Элис сказала:

— Я хочу, чтобы ты дала мне слово, что будешь очень осторожной с Дэвенпортом. Этот мужчина опасен. Мерри подошла к собеседнице и нежно обняла ее.

— Бедная леди Элис! Мы причиняем вам столько хлопот, верно? То Уильям проберется на конюшню, то Питер что-нибудь отмочит, а тут еще мои поклонники. Должно быть, вы сто раз пожалели, что взвалили на себя заботу о нас.

Чувствовалось, однако, что произносящая эту тираду Мерри уверена: Элис очень привязана к ней и ее братьям и не представляет своего существования без них. Элис помимо воли улыбнулась:

— Я готова признать, что благодаря вам троим моя жизнь порой бывает чересчур

богатой на события. Но, с другой стороны, без вас она была бы слишком пустой.

Мерedit кивнула — она все понимала.

— Я обещаю, что не буду делать глупостей, которые могут меня погубить, но, боюсь, у меня не хватит сил удержаться от флирта. Хотя мистер Дэвенпорт — совсем не тот мужчина, в которого я могла бы влюбиться, я все же считаю, что он очень милый.

Элис попыталась представить себе, что бы сказал Дэвенпорт, если бы узнал, что юный бриллиант чистой воды назвал его очень милым.

— А в какого мужчину ты могла бы влюбиться? Мы как-то никогда об этом не говорили. Мерри задумалась.

— Я не могу сказать точно, потому что пока я такого человека не встретила, но мне бы хотелось, чтобы он был изящным и обаятельным. Еще он должен быть умным, но в меру.

Великого ученого или какого-нибудь там мудреца мне не надо — он станет считать меня легкомысленной.

Само собой, он должен казаться мне приятным внешне, но лучше, если он не будет ослепительным красавцем. Мне ни к чему мужчина, который любит себя. Элис скрестила руки на груди.

— А скажи, должен ли твой избранник быть богатым и титулованным?

— Ну, хотелось бы, чтобы он был человеком обеспеченным. Сомневаюсь, что мне понравится жить в бедности. Что же касается титула... Если будет — прекрасно, но вообще это несущественно. — Девушка обернулась к своей воспитательнице и подняла на нее смеющиеся голубые глаза. — Если я когда-нибудь познакомлюсь с аристократом, он наверняка будет считать, что, женись на девушке без большого состояния и не из благородного сословия, он тем самым делает ей огромное одолжение. Ну уж нет! Я скорее предпочту джентльмена, который будет считать, что это я делаю ему одолжение, согласившись выйти за него замуж.

— Да ты просто расчетливая кокетка, — сказала Элис с каким-то благоговейным страхом. Сама Элис, к ее великому сожалению, была напрочь лишена хитрости. — Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы будущий муж возвел тебя на пьедестал?

— Не возражала бы, если пьедестал будет не очень высокий, — ответила Мерри. — Когда я найду подходящего мужчину, сделаю так, что он не пожалеет о своем выборе, — сказала она и добавила, причем на этот раз голос ее звучал вполне серьезно:

— Я в самом деле намерена стать своему будущему мужу хорошей женой.

Элис кивнула — она вдруг поняла, что ее воспитанница стремилась обрести в браке безопасность, надежность и уверенность в будущем. Рано потеряв родителей, а в пятнадцать лет лишившись и единственной родственницы, Мерри мечтала не о пылкой страсти, богатстве или титуле, она ставила перед собой более простые, понятные цели. Такая девушка, при всей ее наивности, вряд ли могла бы стать жертвой чар повесы и дамского угодника.

Элис с облегчением вздохнула и встала.

— Наш гость должен скоро прибыть. Ты, по всей видимости, подождешь здесь, чтобы в нужный момент появиться во всем своем великолепии?

— Ну конечно. — Мерedit звонко расхохоталась — она снова была весела и беззаботна. — Новый мужчина в наших краях — разве можно упускать такой шанс, даже если господин уже в годах?

Хотя было ясно, что Мерedit дурачится, Элис неодобрительно покачала головой и

пошла вниз, в гостиную, чтобы подождать гостя там. В годах! Дэвенпорт выглядел так, что не возникало и тени сомнения — он в состоянии одержать верх над любым мужчиной в Дорсете и в верховой езде, и в боксе, и в умении брать приступом женщин.

Элис, однако, от души надеялась, что у него не будет ни причин, ни желания это доказывать.

Реджи уже взялся за дверной молоток на входной двери Роуз-Холла, но вдруг заколебался. Он принял приглашение на обед, уверенный, что нет ничего хуже, чем одинокий вечер в его огромном пустом доме, но теперь вдруг усомнился в этом. Двое мальчишек, невинная девица, изображающая роковую женщину, и откровенно презирующая его великолепная амазонка — странная компания для человека, привыкшего общаться с любителями выпить и обсудить спортивные новости.

Однако отступать было поздно, и он решительно постучал.

Дверь ему открыла невысокая миловидная горничная. Сделав реверанс, женщина молча проводила его в гостиную. Дом управляющего был небольшой — всего четыре или пять спален, — но очень уютный и ухоженный. В раннем детстве Реджи частенько навещался сюда. Повар тогдашнего управляющего замечательно пек пироги, и маленький Реджи напрямик направлялся на кухню, как поступал бы на его месте любой нормальный ребенок.

В гостиной Реджинальда Дэвенпорта встретила мисс Уэстон. Благодаря своему росту и гордой осанке она даже в скромном темно-коричневом платье походила на королеву. Интересно, как бы она выглядела в красном цыганском наряде и с распущенными волосами? Реджи даже на секунду замешкался с приветствием — столь впечатляющая картина предстала перед его мысленным взором.

— Я решила, что мы заслужили хотя бы несколько минут тишины и покоя, прежде чем к нам присоединятся дети, — улыбнулась Элис. — Не хотите ли хереса?

Реджи кивнул, рассудив, что херес все же лучше, чем ничего. Наблюдая, как Элис наполняет бокалы, он вдруг почувствовал, как что-то навалилось ему на ногу, и, посмотрев вниз, увидел огромного косматого кота, ласково трущегося о его лодыжку. Реджи брезгливо отступил на шаг. Кот последовал за ним, явно исполненный решимости во что бы то ни стало с ним подружиться.

Обернувшись, Элис увидела, что гость попал в затруднительное положение.

— Извините, — сказала она. — Я не думала, что Аттила здесь. Должно быть, он прятался под диваном. — Элис протянула Реджи бокал и, наклонившись, подхватила любимца на руки. — Как я понимаю, вы не любите кошек?

Даже такой крупной женщине, как Элис Уэстон, нелегко было держать на руках пятнисто-полосатого гиганта Аттилу, морда которого, обрамленная густейшими бакенбардами, выражала величайшее презрение ко всему миру.

— Я их и правда не очень-то жалую, — признал Реджи. — Кошки — существа вороватые, ненадежные и эгоистичные.

— Что верно, то верно, — мрачно согласилась Элис. — У них есть и другие столь же очаровательные качества.

На какое-то мгновение Реджи показалось, что он ослышался: совершенно неожиданно оказалось, что, помимо всех прочих достоинств, его управляющая обладает еще и чувством юмора. На щеке Элис чуть обозначилась смешливая ямочка, исчезнувшая, однако, прежде чем Реджи успел ее как следует рассмотреть.

— Возможно, я не люблю котов по той причине, что они слишком похожи на меня, — с ухмылкой заявил он.

Рассмеявшись, Элис отнесла кота к двери и, несмотря на его протесты, опустила на пол

за порогом гостиной.

— Так, значит, вы тоже существо вороватое, ненадежное и эгоистичное?

— Вне всякого сомнения, — отозвался Реджи, отхлебывая херес. — И у меня есть еще кое-какие милые качества помимо этих.

На этот раз ямочки обозначились на обеих щеках Элис.

— И что же это за качества? — поинтересовалась она, грациозно опускаясь в обитое парчой кресло, и тут же осеклась. — Простите, мне не следовало об этом спрашивать.

— Потому, что это слишком личный вопрос, или потому, что вас охватывает ужас от одной мысли о том, какие качества я могу считать достойными подражания? — осведомился Реджи, усаживаясь в кресло напротив.

— Пожалуй, по второй причине, — ответила Элис и тут же мысленно выругала себя за неосмотрительность.

Она была настолько смущена, что Реджи стало ее жалко, — Поскольку вы сейчас не при исполнении служебных обязанностей, ничто из сказанного вами не может быть использовано против вас, — поспешил он успокоить ее. — "Хотя, должен заметить, лучше бы вы меня оскорбляли, а не смотрели так хмуро, как будто перед вами злейший враг.

— О Боже! — воскликнула Элис виновато. — Вы хотите сказать, что я целый день хмурилась?

— Да. — Реджи был лаконичен.

— Видите ли, это все из-за моих бровей, — начала оправдываться Элис. — Даже когда у меня хорошее настроение, люди часто думают, что я собираюсь на них напустить.

— А когда вы в плохом настроении?

— Ну, тогда от меня все шарахаются.

— Способность вовремя изобразить строгую мину на лице — весьма полезное качество при вашей работе, — задумчиво проговорил Дэвенпорт. — Я уверен, было нелегко заставить фермеров и работников Стрикленда с вами считаться.

— Да, кое-какие проблемы были, — признала Элис. — Это ведь только войну можно выиграть, одержав победу в единственном сражении. Люди бы воспринимали мои указания спокойнее, будь я хозяйкой поместья, но женщина-управляющий — это не всем по вкусу.

— Фермеров и работников можно понять. Да мне самому не по вкусу женщина-управляющий. — Видя, что Элис негодуя вскинулась, Реджи поднял руку, успокаивая. — Поймите, в этом нет ничего личного, но когда человек читает ваши инициалы и фамилию, он не сомневается, что вы мужчина. — Дэвенпорт бросил на свою собеседницу мрачный взгляд. — Если вам дорога ваша репутация, вам следует подыскать другое место. Элис побледнела.

— Вы меня увольняете?

— Нет. — Реджи чувствовал себя так, будто ударил ее. — Просто даю хороший совет.

Немного придя в себя, Элис отчеканила:

— В таком случае запомните, что, так же как и вы, я предпочитаю сама заботиться о своей репутации и посторонняя помощь мне не нужна.

— До тех пор пока вы работаете у меня, моя репутация будет влиять на вашу, даже если ваше поведение будет безупречным, — без обиняков заявил Дэвенпорт. — Узнав, что моим именем управляет женщина, люди будут многозначительно хихикать, решив, что вы моя любовница. Тем более что вы молоды и привлекательны.

Элис, вспыхнув, опустила глаза. От негодования из-за того, что ее могут принять за его

любовницу? Или обрадованная его комплиментом? Он уже заметил, что всякий намек на ее женскую привлекательность вызывал у Элис смущение и выводил ее из равновесия.

Наконец она подняла голову. Взгляд ее был спокоен и тверд.

— Я не молоденькая девушка, которая ни в коем случае не должна никому давать малейшего повода для подозрений. Меня хорошо знают в округе, и маловероятно, чтобы местные жители подумали, будто я вдруг забыла о приличиях.

— Я допускаю, что вас не слишком волнует ваша репутация, но в данном случае пекусь о своей, — возразил Реджи. — Хотите верьте, хотите нет, я собираюсь вести себя осмотрительно. Стрикленд теперь мой дом. Строго говоря, так было всегда. — Он повертел в руках почти опустевший бокал. — У меня нет никакого желания разрушать устойчивость общественной нравственности в Дорсетшире.

— Этим вы собираетесь заниматься в Лондоне?

— Возможно. — Реджи легкомысленно пожал плечами. — Но не исключено, что я вообще покончу с этим. Всю жизнь быть сорвиголовой и кутилой — слишком тяжело.

Еще не закончив говорить, Реджи понял, что смутные мысли, не дававшие ему покоя в последние дни, каким-то непостижимым образом переплавились в твердое решение. Пришло время остепениться и пустить корни, прекратив попытки заполнить пустоту своей жизни азартными играми, пьянством и бесконечными интрижками с женщинами сомнительной репутации. Другими словами, пора было взяться за ум, пока не поздно.

Посмотрев на Элис, он увидел, что та пристально вглядывается в его лицо, словно пытаясь понять, насколько искренни его слова и что они могут означать для нее. Ее глаза — оба, и карий, и серо-зеленый, — были удивительно красивы. Разница в цвете ошеломляла, но нисколько не портила впечатления от ее лица, более того, это даже шло ей. Словно компенсируя странность ее глаз, природа наградила мисс Уэстон самыми длинными ресницами, какие ему когда-либо приходилось видеть. Тот, кто первым назвал ее леди Элис, был очень проницательным человеком. Мисс Уэстон совершенно не походила на других женщин.

Хотя, заботясь о ее же благе, Реджи посоветовал Элис подыскать другое место, но он был рад, что она не выказала ни малейшего желания уезжать из Стрикленда. Дэвенпорт искренне восхищался ее компетентностью и цельностью натуры, ее острым как бритва умом. И наконец, помимо всего прочего, она была самым красивым управляющим, какого только можно было себе представить.

— Я полагаю, мужчине скучно быть скандалистом и повесой, когда он начинает чувствовать, что в совершенстве овладел этим искусством, — сказала Элис, прерывая затянувшуюся паузу. — В этом случае стремление стать уважаемым человеком представляет собой новую интересную цель, достижение которой требует немалых усилий.

— Да, в этом, безусловно, присутствует известная прелесть новизны. — Губы Дэвенпорта сложились в некое подобие улыбки. — Правда, вступая на путь праведный, я тем самым лишая многих добропорядочных граждан удовольствия осуждать мое поведение, но это не страшно — непременно найдутся молодые негодяи, которые с успехом исполняют мою роль.

Элис склонила голову.

— Вы хотите сказать, что стали повесой, выполняя некую общественную функцию?

— Именно так. Добродетели нужен порок — для контраста. — Реджи усмехнулся, подумав, что неплохо бы попытаться слегка разозлить собеседницу — в гневе она была

особенно хороша. — Добро и зло неразрывно связаны между собой и зависят друг от друга. Даже самому Всевышнему нужен Люцифер.

Элис уставилась куда-то в пространство, выражение ее лица скорее можно было назвать оцепеневшим, чем шокированным.

— Я не могу понять, что это — ересь или своеобразная философия, — произнесла она наконец.

— Какая разница? Ересь — это просто философия, которую общество не одобряет, — сказал Реджи с затаенной радостью, думая о том, что ум мисс Уэстон гораздо более гибок, чем ему показалось вначале. Он уже открыл было рот, чтобы продолжать, но тут в комнату вплыла Мередит.

При ее появлении Реджи встал. Девушка была удивительно хороша, но, казалось, не воспринимала свою красоту всерьез, что придавало ей еще большее очарование. Дэвенпорт склонился над ее рукой, гадая, что бы сказал о ней Джулиан Маркхэм, и решил при случае пригласить молодого приятеля в гости.

Леди Элис передала Мередит бокал с хересом и наполнила опустевший бокал Дэвенпорта. В течение нескольких минут все трое обменивались приличествующими случаю расхожими фразами, затем в гостиной появились двое братьев Спенсеров, буквально умирающие от любопытства. Реджи снова встал, чтобы поприветствовать их. Степень радостного возбуждения, написанного на чисто вымытых лицах мальчиков, напомнила ему о том, сколь бедна событиями жизнь в сельской местности и как редко в округе появляются новые люди, общение с которыми становится одним из немногих доступных детям развлечений. Было очевидно, что, если он всерьез решит переселиться в имение, ему будет непросто привыкнуть к Дорсету после лондонского калейдоскопа людей и событий. Впрочем, бьющая ключом столичная жизнь уже давно не доставляла ему ни радости, ни удовольствия.

Питер оказался юношей приятной наружности с каштановой, в отличие от золотых кудрей младшего брата и старшей сестры, шевелюрой. Туго накрахмаленный воротничок рубашки и завязанный сложным узлом галстук обнаруживали в нем склонность к франтовству, но его серо-голубые глаза светились умом и добродушным юмором.

— Рад с вами познакомиться, мистер Дэвенпорт, — сказал он, пожимая Реджи руку. — Я очень много слышал о вас.

Пока Реджи соображал, что могут означать эти слова, семилетний Уильям, возбужденный и полный энергии, отбросив в сторону условности, с энтузиазмом заявил:

— Жеребец у вас что надо, сэр.

— Буцефал — самая лучшая лошадь, которая у меня когда-либо была, — согласился Реджи. — У него есть все — и резвость, и грация, и невероятная выносливость. — Он пожал маленькую руку Уильяма, отмытую не столь тщательно, как его круглая мордашка. — Однако он с норовом, так что держись от него подальше, когда меня нет рядом. Один человек, восхищаясь его статью, подошел слишком близко, и Буцефал сломал ему руку. А уж ездить на нем верхом он не позволяет никому, кроме меня.

Будь Реджи более сведущ в психологии маленьких мальчиков, он заметил бы странный блеск в глазах Уильяма и заподозрил неладное. Но в этот момент в гостиную вошла горничная. Она объявила, что обед подан, все направились в столовую, и разговор с Уильямом вылетел у Дэвенпорта из головы.

Неожиданно для себя Реджи получил от обеда немалое удовольствие. В застольной

беседе участвовали все, даже маленький Уильям. Разговор шел в основном о местных событиях, о литературе и об успехах мальчиков в учебе. Несмотря на предупреждение леди Элис о том, что семейный обед может показаться утомительным для холостяка, молодые Спенсеры оказались отличными собеседниками.

Реджи поглощал простую, но вкусно приготовленную пищу и исподволь наблюдал за соседями по столу. Сразу же было видно, что мисс Уэстон и ее воспитанники — семья, хотя их и не связывали кровные узы. — Элис играла главную роль — она направляла беседу в то или иное русло, следила за манерами Уильяма, а когда кто-либо из Спенсеров начинал говорить, она внимательно слушала. Детям действительно очень повезло.

Когда подали десерт, Питер преодолел наконец застенчивость настолько, что решился спросить:

— А это правда, будто вы однажды поспорили на тысячу гиней, что проскачете верхом сто шестьдесят миль за пятнадцать часов, а к середине дистанции настреляете сорок пар куропаток?

Реджи был изумлен вопросом.

— Боже праведный! — воскликнул он. — Неужели об этой истории стало известно даже здесь? Ведь все это случилось в Шотландии несколько лет назад.

— Значит, так все и было?

Лицо Питера выражало благоговейный восторг.

— Это было одно из моих самых странных пари, хотя и не такое глупое, как может показаться на первый взгляд, — сказал Реджи. — По условиям пари мне отпускалось двадцать четыре часа, что давало некоторый запас времени на случай, если куропатки окажутся слишком пугливыми.

Едва дослушав, Питер задал новый вопрос:

— А верно, что вы выиграли полуночную скачку до Брайтона?

— Старт действительно был дан в полночь. Я добрался до Брайтона примерно в четыре утра, — признался Реджи, слегка смущенный таким натиском.

Однако и этим дело не ограничилось.

— А правда, однажды вы поспорили на свою любовницу, что выиграете скачку у чемпиона среди жокеев, и выиграли? — с обожанием спросил Питер, глядя на Реджи круглыми от волнения глазами.

Дэвенпорт, окинув быстрым взглядом остальных, закончил разговор:

— Сейчас не время и не место обсуждать события моей богатой ошибками молодости.

Замечание Дэвенпорта подействовало на Питера отрезвляюще. Охладить пыл молодого человека удалось ненадолго: последнюю реплику Реджи он истолковал как указание на то, что им, настоящим мужчинам, следовало заботиться о нравственности и воспитании женщин и детей и потому избегать упоминания о чисто мужских подвигах, и раздулся от гордости. Элис насмешливо подняла брови, однако Реджи, хорошо понимавший, как легко задеть юношеское самолюбие, нахмурившись, подал ей знак никак не комментировать поведение подростка.

Улыбнувшись уголками губ, Элис встала и сказала, что Уильяму пора в детскую. После недолгих препирательств верх одержала мисс Уэстон, мальчик отправился к себе, а все остальные перешли в гостиную. Реджи с тоской подумал о том, как приятно было бы после обеда выпить хорошего портвейна, но остаться за столом и пить в одиночестве было бы неприлично.

Дэвенпорт, собиравшийся вернуться домой вскоре после окончания обеда, вдруг с удивлением обнаружил, что почему-то не торопится уходить. Давно ему не доводилось видеть столь счастливую семью, и теперь Реджи доставляло удовольствие наблюдать за мисс Уэстон и ее воспитанниками. Мередит — с ее красотой, умом, жизнерадостным и добрым нравом — в самом деле могла бы иметь в Лондоне необычайный успех. Оставалось лишь пожалеть, что она не могла похвастаться происхождением — если бы можно было вывезти ее в свет, все мужчины столицы пали бы к ее ногам. Питер, вступивший в переходный возраст, по всей видимости, также доставлял немало беспокойства Элис. Юноша страдал от неуверенности в себе и в каждом новом знакомом искал предмет для подражания. Разумеется, он был просто в восторге от Реджинальда Дэвенпорта, с его богатым на всевозможные «подвиги» прошлым, и буквально засыпал гостя вопросами о событиях, которые давно успели стереться из памяти самого Реджи. Одному Богу известно, откуда юноша почерпнул информацию о похождениях нового хозяина поместья. — Первую лавину любопытства, смешанного с восхищением, выдержать было весьма непросто, и Реджи чувствовал себя не в своей тарелке. Разумеется, он сумел бы поставить на место кого угодно, однако не хотел обижать подростка. Реджи слишком хорошо помнил, что значит жить без отца. Вместе с тем впервые за многие годы он неожиданно для себя задался вопросом: что это такое — иметь собственных детей?

Мерри играла на рояле. Она заканчивала сонату, когда горничная ввела в гостиную высокого, дородного священнослужителя. У Элис едва не сорвалось с губ ругательство. Но кроме себя, упрекнуть ей было некого: нужно было предвидеть, что Джуниус Харпер может зайти к ним в гости — по вечерам он бывал в Роуз-Холле довольно часто. Джуниус был человеком достойным, заслуживающим всяческого уважения — умным, образованным, искренне пекущимся о благополучии своих прихожан. Он оказывал неоценимую помощь Элис в осуществлении многих проектов. К сожалению, иногда он вел себя чрезвычайно самоуверенно, самодовольно и проявлял нетерпимость к чужому мнению.

— Добрый вечер, Джуниус, — поднялась ему навстречу Элис. — Думаю, вы еще незнакомы с Реджинальдом Дэвенпортом, новым владельцем поместья Стрикленд. Мистер Дэвенпорт, позвольте мне представить вам преподобного Джуниуса Харпера. Он уже четыре года наш приходский священник.

Хотя викарию лишь недавно перевалило за тридцать, каждое его движение было исполнено сознания собственной значимости, из-за чего он казался старше своих лет. Подобная величественность сделала бы честь и епископу, дорости когда-нибудь преподобный Харпер в церковной иерархии до епископского сана. Поклонившись Элис и Мередит, Джуниус кивнул Питеру и повернулся к гостю. Дэвенпорт встал. Не обращая внимания на протянутую руку, священник замогильным голосом, словно давая понять, что предчувствует самое дурное, спросил:

— Вы, конечно же, не тот самый Реджинальд Дэвенпорт?

— Думаю, что тот самый. Мне никогда не приходилось слышать о других людях с тем же именем, — самым любезным тоном ответил новый хозяин поместья, по-прежнему протягивая священнику руку.

На луноподобном лице последнего появилась гримаса отвращения. Он с видимым усилием выдавил:

— Я слышал о вас, сэр. В Стрикленде такие, как вы, ни к чему.

Дэвенпорт опустил руку. Спокойный, любезный джентльмен, с удовольствием наблюдавший за молодыми Спенсерами, вдруг исчез. На лице Реджи появилось суровое выражение. Что-то неуловимо изменилось в его позе, и теперь он стоял, перенеся вес тела на носки и отодвинувшись от Джуниуса Харпера на расстояние, разделяющее бойцов на ринге.

— Вы собираетесь запретить мне находиться на территории поместья, являющегося моей собственностью? — холодно осведомился он.

— Будь это в моих силах, я бы это сделал! — воскликнул Джуниус, с шумом переводя дыхание. Его светло-карие глаза злобно поблескивали, пальцы растопырились, черная ряса нелепо приподнялась — он напоминал сейчас голубя-дутьша. — К сожалению, английские законы слабо регулируют вопросы морали. Тем не менее я могу с уверенностью сказать, что добропорядочные жители Дорсета не потерпят ваших дуэлей, дебошей и кутежей. Здесь вам нет места, сэр, — вы будете изгоем. Возвращайтесь в Лондон и предоставьте заботиться об обитателях Стрикленда и об их душах мисс Уэстон и мне.

— Не впутывайте меня в это, Джуниус, — с тревогой вмешалась Элис, у которой не было ни малейшего желания, чтобы ее новый хозяин подумал, будто она разделяет точку зрения приходского священника.

Дэвенпорт, с циничной ухмылкой глядя в лицо священнику своими голубыми глазами, заявил;

— Если вы думаете, что добропорядочные обитатели поместья и окрестностей подвергнут остракизму человека, обладающего собственностью, деньгами и влиянием, то вы очень мало знаете об этом мире, мистер Харпер.

Глаза священника злобно сузились и превратились в две щелочки.

— Когда моим прихожанам станет известно о вашей распущенности, никакие деньги и собственность не помогут вам добиться их расположения.

— А вы, я вижу, хорошо осведомлены о моей распущенности, — процедил Дэвенпорт. — Должно быть, вы проводите много времени за чтением тех страниц газет, которые посвящены скандалам. Не очень-то достойное занятие для слуги Божьего.

Священник окаменел, почувствовав провокацию. Лицо Элис исказила болезненная гримаса — она испугалась, как бы Реджи и Джуниус не начали драку прямо у нее в гостиной.

Когда Харпер снова заговорил, его обычно медоточивый голос больше походил на рычание:

— У меня есть весьма влиятельные родственники, сэр, в том числе в высшем обществе. Недостойное поведение сделало ваше имя притчей во языцех. Ваши любовницы, ваше пристрастие к азартным играм...

— Опомнитесь, викарий, — перебил его Реджи, делая вид, что он в ужасе. — Не забывайте, что здесь женщины и дети..

И действительно, Мередит и Питер со своих мест наблюдали за происходящим, словно зачарованные. Джуниус покраснел — присутствие детей в самом деле позволяло расценивать его поведение как неподобающее. Голосом, не терпящим возражений, Элис приказала воспитанникам:

— Уйдите отсюда оба — немедленно.

Мерри и Питер неохотно удалились и, по всей вероятности, едва успев закрыть за собой дверь, тут же прижались к ней ушами. Элис философски пожала плечами — она сделала все, что было в ее силах. Покинуть гостей она не могла, кроме того, ей хотелось посмотреть, чем

закончится стычка, — следить за спором праведника и грешника было столь же завораживающе интересно, как наблюдать за терпящей аварию каретой, хотя в подобном любопытстве — Элис это чувствовала — было что-то низкое.

— Джентльмены, могу я предложить вам портвейна? — громко спросила она и, не дожидаясь ответа, почти насильно сунула в руки Дэвенпорту и Харперу бокалы. На какую-то секунду у нее возникло желание встать между мужчинами, но затем она подумала, что куда более смелым поступком будет позволить им разрешить спор самим, без постороннего вмешательства. Приняв решение, она снова опустилась в кресло и отхлебнула из своего бокала солидный глоток.

Дэвенпорт тоже пригубил портвейн. Казалось, он почти успокоился, в то время как его оппонент, наоборот, пришел в еще большее возбуждение.

— Пожалуй, вам следует составить для меня реестр разновидностей аморального поведения, мистер Харпер, — на тот случай, если я что-то упустил, — заявил Реджи совершенно непринужденно. — Не хотелось бы, чтобы мой послужной список недостойных поступков был неполным из-за собственного невежества или отсутствия воображения.

— Вы насмехаетесь надо мной, но Всевышний не позволит над собой насмехаться, — прошипел от ярости Джуниус. — Неужели лица трех человек, убитых вами на дуэли, не снятся вам по ночам?

Дэвенпорт задумчиво склонил голову.

— Вообще-то их должно быть больше, чем три. Подождите минутку... — Он подумал еще немного и затем радостно, словно сделал приятное открытие, воскликнул:

— А, вы, должно быть, не слышали, что в прошлом году я прикончил одного типа в Париже! Следует внимательнее отслеживать такие события, мистер Харпер. Мы, повесы, не почиваем на лаврах, знаете ли. Чтобы быть грешником, нужно постоянно трудиться.

Элис едва не закашлялась, пытаясь подавить рвущийся из груди смех. Дэвенпорт говорил спокойно и рассудительно, в то время как рьяного борца за общественную нравственность, казалось, вот-вот хватит апоплексический удар.

— Вас следует судить за ваши дуэли! — сорвался на крик Джуниус Харпер.

— Учитывая, что в дуэлях участвуют даже члены кабинета министров, добиться обвинительного приговора на подобном процессе было бы трудновато, — заметил Реджи. — В особенности если учесть то, что я не убил никого, кто бы того не заслуживал.

Не в силах найти достойный ответ, священник обратился к другой теме:

— Говорят, вы являетесь владельцем публичного дома.

— Вы в самом деле прекрасно информированы, святой отец, — удивленно поднял брови Дэвенпорт. — Правда, меня вряд ли можно назвать единоличным владельцем. — Реджи нахально ухмыльнулся. — Я, если можно так выразиться, совладелец, или, скажем так, приходящий партнер. Джуниус задохнулся от возмущения.

— Не думайте, что вам позволят похищать невинных девушек из сельской местности для лондонского гнезда разврата или насиловать их.

— Я вижу, у вас все же не совсем верное представление обо мне, — сказал Реджи и залпом опрокинул половину содержимого бокала. Его голос звучал по-прежнему непринужденно, но Элис заметила, что пальцы, сжимавшие ножку бокала, побелели от напряжения. — Не припомню случая, чтобы я кого-либо насилывал.

— Вы будете вечно гореть в аду, Дэвенпорт! Неужели это для вас ничего не значит?

— У меня всегда были сомнения по поводу существования рая и ада, — невозмутимо

заметил Реджи. — Тем не менее, если они все-таки существуют, я бы скорее предпочел ад — наверняка там соберутся все мои друзья. Для человека, прожившего всю жизнь в пропитанной сыростью Англии, это может быть довольно приятной сменой климата.

— Да вы просто дьявол во плоти! — Джуниус затрясся от злобы. — Я презираю вас и всю вашу мерзкую, нечестивую жизнь. Я...

Святой отец так и не успел закончить свою диатрибу — его горло стиснули железные пальцы Дэвенпорта. Реджи полностью перекрыл доступ воздуха в дыхательные пути святого отца.

Преподобный Харпер был слишком поражен, чтобы оказать сопротивление, и только широко раскрывал рот, пытаясь вдохнуть. Дэвенпорт, сверля его лицо жестким, холодным взглядом, заговорил медленно и четко:

— Запомните, я никогда никого не обманываю. Я никогда не лгу. До сих пор, при всем моем кровавом прошлом, я никогда не убивал священников, но если вы будете продолжать злословить, у меня может возникнуть искушение сделать исключение лично для вас. Я достаточно ясно выражаюсь?

По всей видимости, то, как до смерти перепуганный Джуниус отреагировал на его слова, вполне удовлетворило Реджи, поскольку он с выражением гадливости на лице разжал пальцы. Допив портвейн, он повернулся к Элис и спокойно, словно ничего не произошло, сказал:

— Мне пора идти. Благодарю вас за исключительно приятный вечер. Если это удобно, я хотел бы встретиться с вами в конторе завтра в девять утра.

Мисс Уэстон кивнула в знак согласия. Дэвенпорт поставил бокал на стол и дважды поклонился: сначала с издевкой — священнику, затем почтительно — Элис. Выпрямившись, он поймал ее взгляд, но она не смогла понять мелькнувшего у него в глазах выражения. Оставалось лишь надеяться, что гнев Дэвенпорта на преподобного Харпера не распространится и на нее.

Реджинальд Дэвенпорт вышел, провожаемый ошеломленным взглядом викария.

Элис наполнила два бокала, но на этот раз не портвейном, а бренди. Один из них она протянула преподобному Харперу и едва ли не силой заставила его сесть в кресло.

После того как святой отец сделал плоток-другой, лицо его немного порозовело. Он поднял на хозяйку потрясенный взгляд.

— Какая наглость! — забормотал он. — Мало того, что он разговаривал со мной, слугой Всевышнего, непозволительно дерзко, так еще и применил физическое насилие... Джуниус потряс головой и глотнул еще бренди. Элис, поняв, что жизни и здоровью ее гостя ничто не угрожает, уселась в кресло неподалеку от него.

— Вообще-то вы сами спровоцировали его, Джуниус, — без обиняков заметила она. — Он вел себя вполне благопристойно, как настоящий джентльмен, пока вы не начали его оскорблять.

— Он не джентльмен, этот нечестивец! Как вы могли пустить к себе в дом такого человека, в то время как мисс Спенсер... — Тут преподобный Харпер осекся, но, минуту помолчав, заговорил с еще большим жаром:

— Простите меня, я вас ни в чем не виню. Такая уважаемая, добродетельная женщина, как вы, не могла знать о чудовищной репутации этого типа.

— Я вовсе не наивная девушка, заброшенная судьбой на необитаемый остров, Джуниус, — язвительно возразила Элис. — Мне прекрасно известно, какие слухи ходят о

мистере Дэвенпорте. Но я у него на службе. — Тут Элис почувствовала прилив вдохновения и добавила в голос набожности. — Помните, что говорится в Библии? Не судите, да не судимы будете. Кто среди нас настолько безгрешен, что решится бросить камень в другого? Я, во всяком случае, о себе этого сказать не могу.

Хотя Элис не совсем точно цитировала Священное писание, слова ее возымели определенное действие. Помолчав, викарий произнес прерывающимся голосом:

— Я поражаюсь благородству вашей души, Элис, поражаюсь вашему великодушию. Вы опять оказались правы, а я, увы, снова совершил ошибку. Все мы грешники в глазах Господних.

Еще некоторое время Джуниус молча размышлял о своих грехах, но его смирения хватило ненадолго.

— Даже Всевышний согласится, что грешники бывают разные. Есть среди них такие, кто грешит гораздо больше других, а Дэвенпорт, должно быть, один из самых неисправимых.

— Возможно, он хочет изменить свою жизнь, — подчеркнуто серьезно сказала Элис. — Если это так, наш христианский долг состоит в том, чтобы помочь ему в этом.

При этих ее словах Джуниус лишь недоверчиво ухмыльнулся и тупо уставился в свой бокал. Если бы так поступил Уильям, Элис сделала бы ему замечание, но указать на несовершенство манер приходскому священнику у нее не хватило духу. Она напонила себе, как помогал ей викарий, когда она организовывала школу, и скудные церковные деньги использовал, чтобы помочь тем, кто нуждался в помощи, а не набивал ими собственные карманы и как много он сделал для того, чтобы Стрикленд превратился в процветающее поместье. Когда Джуниус Харпер четыре года назад прибыл в свой новый приход, он был потрясен, узнав, что самым влиятельным лицом на территории поместья, обладающим всей полнотой административной власти, была женщина. К чести преподобного Харпера, он сумел преодолеть предубеждение и принять мисс Элис Уэстон как почти равную себе.

Джуниус и Элис всегда ладили между собой, викарий уже не однажды намекал мисс Уэстон, как было бы хорошо перевести их партнерство в совсем иную сферу. Элис, однако, пропускала его намеки мимо ушей. Она и помыслить не могла о том, чтобы прожить всю жизнь с таким безусловно добродетельным и высоконравственным человеком, как преподобный Харпер.

Кроме того, от внимания Элис не укрылось и то, что Джуниус, приходя в Роуз-Холл, то и дело косил голодным взглядом в сторону молодой, золотоволосой, беззаботной Мередит. Как и у многих других мужчин, дух и плоть викария не находились в полном согласии.

Джуниус наконец прервал затянувшееся молчание.

— Один из убитых им на дуэли был мужем женщины, убежавшей с Дэвенпортом, — произнес он с нажимом. — Он убил этого человека, а затем отказался жениться на женщине, ставшей его любовницей, несмотря на то что она была беременна.

Элис громко втянула в себя воздух — сообщение священника поразило ее.

— Она носила под сердцем его ребенка, а он застрелил ее мужа и отказался на ней жениться? — переспросила мисс Уэстон, не веря своим ушам.

Викарий кивнул — он был откровенно рад тому, что ему удалось неприятно удивить Элис.

— Вот вам наглядный пример поведения человека, которого вы защищаете и по незнанию именуете джентльменом. После того как Дэвенпорт погубил ту женщину — а жизнь ее, разумеется, была погублена, — его исключили из клуба под названием «Общество

вежливых», но никакого возмездия за совершенное зло он не понес.

Элис давно уже поняла — у каждой истории есть по меньшей мере две стороны, хотя трудно было представить, что в этой ситуации могло бы оправдать жестокость, проявленную хозяином Стрикленда. Пытаясь разобраться в том, почему ей так хочется думать о Дэвенпорте как о порядочном человеке, она мягко проговорила:

— Я думаю, мистер Дэвенпорт намерен осесть здесь, Джуниус. Может быть, лучше надеяться на то, что он исправится, чем предполагать о нем самое худшее?

Священник мрачно кивнул:

— Сказав это, вы в очередной раз проявили мудрость. Однако мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить тлетворного влияния этого нечестивца на души добропорядочных прихожан.

Настроенный на конфликт, а не на примирение, Джуниус пропустил мимо ушей смысл слов Элис.

В душе она очень надеялась на то, что новый хозяин поместья не станет меняться слишком сильно. Каким бы позорным ни было его прошлое, он нравился ей таким, каким был. Хотя его поведение во время конфликта со священником заслуживало всяческого порицания, было бы глупо отрицать, что оно изрядно позабавило мисс Уэстон. Будь Элис той благочестивой женщиной, какой считал ее Джуниус, она не увидела бы в их стычке ничего смешного.

Через несколько минут викарий ушел. Заперев двери дома и убедившись, что Питер и Мередит разошлись по своим комнатам, Элис решила лечь пораньше. Весна была для нее самым напряженным временем года. На следующий день в усадьбе должны были начать сажать картофель, Поднявшись в спальню, она забралась в постель и попробовала заснуть, но это ей никак не удавалось. Лунный свет бил в глаза, она беспокойно ворочалась в своей широкой кровати, комкая простыни. Жизнь сыграла с Элис Уэстон злую шутку: рост и неординарная внешность отпугивали от нее поклонников, сама же она просто обожала мужчин. Ей нравилось разговаривать с ними, всякий раз убеждаясь, что они воспринимают жизнь иначе, чем женщины. Она любила наблюдать за ними. Ей доставляло огромное удовольствие украдкой смотреть на них во время работы.

Нередко в воображении Элис возникали тревожащие ее подавляемую чувственность картины, и она пыталась представить себе, что это такое — находиться в объятиях мужчины, отдаваться ему с радостью и страстью, как делают дикие животные в лесу. Если бы Джулиус Харпер каким-то чудом мог проникнуть в ее тайные грезы, он был бы потрясен до глубины души тем, что такая почтенная женщина, как Элис Уэстон, может быть такой бесстыдной.

В ее душе жила романтическая мечта о единственной, истинной любви, о мужчине, который окружит ее обожанием и для которого другие женщины просто перестанут существовать. В ответ на такую любовь она была готова отдать все — сердце, душу и тело. Да-да, и тело.

Ей было стыдно признаваться себе в том, что она глупа и наивна, как юная девица, глотающая толстые любовные романы, вызывающие у преподобного Харпера отвращение. Но Элис предпочитала не лукавить с собой. Не будь она безнадежно, неисправимо романтична, разрыв с Рэндольфом, отвергшим ее так равнодушно и небрежно, не стал бы настолько тяжелым ударом, причинившим сильнейшую боль, что она добровольно отказалась от наследства. Но она жила романтическими идеями, была очень ранимой и потому бежала от всего того, что ее окружало. В течение долгих двенадцати лет она

скрывала свою страстную натуру под маской благочестия. Это давалось нелегко, но она была готова на какие угодно жертвы — лишь бы не выставять себя на всеобщее посмешище. Элис нисколько не сомневалась, что многим показалось бы комичным, если бы она, словно какая-нибудь писаная красавица, начала вдруг завоевывать внимание мужчин.

То, что в последнее время ее мечты и фантазии вращались вокруг Реджинальда Дэвенпорта, было вполне естественно. Чисто внешне, физически, он казался самым привлекательным мужчиной, которого она когда-либо встречала. Его стройное, крепкое тело прямо-таки излучало мужскую силу и энергию, а смуглая кожа придавала сходство то ли с цыганом, то ли с пиратом. Ее буквально завораживали его светло-голубые глаза, их изменчивый взгляд, то теплый и улыбочивый, то ледяной, насмешливый и даже угрожающий.

Черт возьми, сколько можно о нем думать! Сама себя ненавидя, Элис попыталась переключиться с Дэвенпорта на что-нибудь другое. Со временем она привыкнет к новому хозяину поместья и, возможно, перестанет так остро на него реагировать. Во всяком случае, Элис так надеялась, поскольку даже эти ее ночные фантазии таили в себе опасность. Она боялась убедить себя в том, что они с Дэвенпортом — родственные души, в то время как на самом деле он был чужой и чуждый ей человек, которому приходилось убивать, беспутный и совершенно непредсказуемый. Оставалось только порадоваться тому, что для Дэвенпорта она — всего лишь наемный работник, почти что прислуга. Похоже, он даже не вполне отдавал себе отчет в том, что она женщина.

Эта мысль, однако, не успокоила Элис, а больно задела.

Она перевернулась на живот. Ночная рубашка задралась, и Элис кожей ощутила грубую ткань простыни. В отчаянии она заколотила кулаками по подушке. Это несправедливо, думала она. Это несправедливо, черт побери! Элис хотелось кричать, но она не издала ни звука.

После доброй дюжины ударов ее отчаяние и гнев утихли, уступив место тоске и безысходности. Впрочем, нет, она зря обижается на судьбу — ей повезло все же куда больше, чем многим другим. Отказавшись от состояния и положения в обществе, она нашла утешение в работе. Ее уважали в округе, а трое молодых созданий, заботу о которых она взяла на себя, ее любили. Если честно — они давали ей гораздо больше, чем она им. Учитывая все это, ей, пожалуй, не пристало упрекать Создателя, посчитавшего, что ей не положено иметь мужчину, любимого, мужа.

Вздохнув, Элис перекатилась на бок и крепко обхватила подушку, словно это могло облегчить боль пустоты, терзавшую душу. Подушка не могла, конечно, заменить сильное мужское тело, но ни на что другое рассчитывать не приходилось.

Реджи покинул Роуз-Холл в отвратительном настроении. Что само по себе было удивительно, ибо обычно он получал большое удовольствие, если ему удавалось поставить кого-нибудь на место. В значительной степени это объяснялось тем, что сам Реджи никогда не устроил бы подобную безобразную сцену в чужом доме, во время обеда, при женщинах и детях. Чтобы повести себя столь неподобающим образом, нужно было быть таким благочестивым и уважаемым человеком, как Джуниус Харпер.

Настроение Дэвенпорта отнюдь не улучшилось, когда он обнаружил, что в шкафу, где хранилось спиртное, нет ничего, кроме бутылки хереса. Помимо того, что херес никак нельзя было назвать его любимым напитком, его было слишком мало, чтобы устранить неприятный осадок, оставшийся в душе после стычки с викарием. Чертыхнувшись, он решил при первом же удобном случае спросить миссис Геральд, как обстоят дела с заказом вин и крепких напитков.

Быстро прикончив бутылку, Реджи задался вопросом, не съездить ли ему в какой-нибудь бар, но время было уже позднее, а в сельской местности в отличие от Лондона питейные заведения закрывались рано. Несмотря на сильное желание выпить, он в конце концов решил, что не пристало хозяину Стрикленда ломиться по ночам в запертую дорсетскую таверну в поисках спиртного.

Проворочавшись в постели до трех часов ночи и так и не сомкнув глаз, Дэвенпорт все же пожалел о том, что остался дома. В тишине то и дело слышались какие-то звуки, эхом отдававшиеся в пустых комнатах и залах огромного дома, — поскрипывали доски, потрескивали оконные рамы. Реджи порадовался, что завтра наконец приедет Мак Купер. Остальная прислуга также ожидалась в ближайшие дни. Это, несомненно, должно было изменить атмосферу дома.

Реджи пребывал в дурном расположении духа до утра, точнее, до его встречи с мисс Уэстон в конторе. Элис стояла у стола и, нахмурившись, изучала список дел на предстоящий день. При виде ее стройных ног, туго обтянутых коричневыми панталонами, настроение у Реджи заметно улучшилось. Волосы Элис были заплетены в толстую косу.

— Простите, что отвлекаю от работы, но я вас долго не задержу, — сказал Реджи после короткого обмена приветствиями.

Элис присела на краешек стола и, перебросив косу на плечо, затеребила ее кончик.

— Я очень сожалею о том, что случилось вчера вечером, — с трудом проговорила она. — Мистер Харпер — человек весьма достойный, но...

Голос Элис прервался — она никак не могла найти подходящие слова.

— Но он самодовольный толстозадый болван? — предложил свой вариант Реджи.

В разноцветных глазах Элис мелькнули веселые огоньки.

— Я хотела сказать, — продолжила она, подавляя желание рассмеяться, — он ведет себя так, потому что защищает высокие идеалы морали и нравственности, а также по той причине, что сам он — человек безупречного поведения.

— Тактично сказано, моя дорогая, — заметил Дэвенпорт и удивился тому, что ласковые слова как-то сами собой слетели с его языка. Ему захотелось, чтобы на щеках мисс Уэстон появились очаровательные ямочки, и он поинтересовался:

— А скажите, его безупречное поведение — это результат искренней приверженности

высоким моральным идеалам, или же оно объясняется тем, что сей духовный пастырь никогда не подвергался искушению?

Элис и впрямь не смогла сдержать улыбки, но постаралась побыстрее ее подавить. Вскинув голову, она снова забросила косу за спину.

— Нельзя сказать, что Джуниус незнаком с искушением. Когда поблизости находится Мередит, у него на лице появляется эдакое, знаете ли... голодное выражение. Но, думаю, по большей части обычные людские пороки ему не свойственны.

— В таком случае он скучный человек.

Реджи подошел к книжному шкафу и вытащил том под названием «Сам себе лошадиный доктор» — нечто вроде Библии для тех, кто держит или разводит лошадей, — и принялся лениво перелистывать страницы.

— Да, пожалуй, — согласилась Элис, не видя необходимости притворяться. — Но он сделал много хорошего для прихожан. Он помнит об ответственности священнослужителя и относится к своим обязанностям куда серьезнее, многих других слуг Божьих.

— Ну да, и в его обязанности, само собой, входит осуждение нечестивцев, выдающимся представителем которых является ваш покорный слуга, — желчно заметил Дэвенпорт и, поставив книгу на полку, прислонился к шкафу спиной.

Элис окинула его долгим изучающим взглядом, после чего сказала:

— Насколько я могу судить, самым страшным вашим пороком является ваше чувство юмора, которое действительно заслуживает всяческого порицания.

— Да, это так, не стану отрицать, — хохотнул Дэвенпорт. — Однако всякие болваны и нудные святоши пытаются приписывать мне все смертные грехи, а ваш мистер Харпер — типичный образчик этой гнусной породы, — констатировал он и не без мстительного торжества добавил:

— Похоже, мистер Харпер еще не понял, что теперь приход со всеми его прихожанами полностью находится в моей власти. Было бы куда дальновиднее держаться со мной повежливее.

Элис застыла от изумления.

— О Боже, я совсем забыла об этом, да и Джуниус скорее всего тоже. Понимаете, он получил этот приход благодаря тому, что его дед находился в каких-то особых отношениях со старым графом Уоргрейвом. — Мисс Уэстон сделала паузу и с волнением спросила:

— Вы собираетесь изгнать его из имения?

Дэвенпорт улыбнулся поистине дьявольской улыбкой:

— Старая поговорка гласит, что самая страшная месть — это прощение, а равнодушие — худшее из оскорблений. Если я не буду обращать на Харпера никакого внимания, это досадит ему гораздо больше, чем изгнание из прихода.

Элис не поверила своим ушам. Больше она уже не могла сдерживаться и расхохоталась.

— Вы невозможный человек! — с трудом выговорила она сквозь смех. — И вы совершенно правы. Влиятельные родственники Джуниуса быстро подыщут ему место в каком-нибудь другом приходе, а сам Джуниус будет доволен, как никогда, — ему невыразимо приятно будет сознавать, что он подвергся гонениям. — Элис отсмеялась, и на лице ее появилось виноватое выражение. — Мне не следовало всего этого говорить. Извините меня, — пробормотала она.

— Никогда не извиняйтесь за то, что сказали правду, моя дорогая. Я действительно невозможный человек, — насмешливо глядя на нее, произнес Дэвенпорт. После чего уселся

на стул, стоящий перед столом Элис, вытянул ноги и небрежным движением, которое заставило бы содрогнуться любого камердинера, положил один сверкающий сапог на другой.

Элис не сводила с Реджи глаз, зачарованная его ленивой грацией. Она зарделась при воспоминании о грезах, не дававших ей покоя ночью. Искренне надеясь, что Дэвенпорт не может читать в ее душе с такой же легкостью, как в душах других людей, она обогнула стол и устроилась на своем обычном месте.

— Мне кажется, разговаривая со своими управляющими, владельцы поместий обычно не употребляют обращение «моя дорогая».

— Да, но обращение «мисс Уэстон» — слишком официальное, а «леди Элис» ввергает в трепет, — парировал Дэвенпорт и изобразил на лице недоумение. — Как же мне следует вас называть?

— Во всяком случае, не «моя дорогая». Это может спровоцировать как раз те самые сплетни, которых вы хотите избежать. Лучше всего, если вы станете обращаться ко мне просто по имени — Элис.

— А как насчет Элли?

— Уменьшительное от Элис? Что ж, вполне подойдет. Дэвенпорт ухмыльнулся:

— Вообще-то это имя чем-то напоминает мне кошачью кличку. Но поскольку вы похожи на кошку — чуть что, сразу выпускаете когти, — оно в самом деле подойдет вам как нельзя лучше.

— Мистер Дэвенпорт, — процедила Элис, стараясь подавить непрошеную улыбку, — вы неисправимы.

— Надеюсь, что так. — Реджи заразительно улыбнулся. — А меня попробуйте называть Реджи. Это излечит вас от излишней почтительности. К человеку, которого зовут Реджи, невозможно относиться с пиететом. Такое имя может носить либо негодяй, либо глупец.

— Вы, конечно же, предпочитаете быть негодяем.

— Разумеется, — удивленно поднял брови Реджи. — А вы разве предпочли бы другое?

— Пожалуй, что так. — Элис опять рассмеялась. — В моей правильной и упорядоченной жизни мне никогда не приходилось сталкиваться с таким человеком, как вы. Простите, что иногда я не знаю, как реагировать на ту или иную вашу выходку.

— Все очень просто. Всегда говорите мне правду, какой бы неприятной она ни была, — сказал Реджи легкомысленным тоном, однако нетрудно было догадаться, что на этот раз он говорит серьезно. — И запомните: жизнь без смеха не стоит того, чтобы за нее бороться.

К немалому удивлению Элис, слова Дэвенпорта произвели на нее большое впечатление и глубоко отпечатались в сознании. Она считала, что у нее есть чувство юмора — впрочем, какой человек сознается в его отсутствии? Элис получала удовольствие от хорошей шутки, часто смеялась, общаясь с детьми. Но жизнь складывалась так, что смех всегда был чем-то, чем можно было насладиться лишь после того, как сделана серьезная, тяжелая работа. Он был скорее наградой, а не неотъемлемой частью ее жизни.

— Должно быть, вы считаете меня ужасно правильной, — предположила Элис.

— Да. Но вы не безнадежны. — Светло-голубые глаза Реджи лучились теплотой. — Я бы хотел, чтобы вы подумали, какие еще усовершенствования вам хотелось бы осуществить в Стрикленде — во всем, что касается оборудования, инвентаря, строений... У меня есть кое-какие идеи, но мне хотелось бы выслушать и ваши предложения.

— Вы хотите вложить полученный доход в имение? — Элис не смогла скрыть своего

изумления.

— А вы что думали — я возьму и промотаю всю прибыль за карточным столом? — сухо осведомился Дэвенпорт.

— Да, и это было вполне логичное предположение, — призналась Элис, вспомнив, что Реджи настаивал на том, чтобы она говорила ему только правду, даже самую горькую. — Все же ведь известно, что вы игрок.

— Я прежде играл только для того, чтобы раздобыть денег, Элли. Теперь, когда у меня есть стабильный и солидный доход, мне нет больше нужды рисковать, ввязываясь в серьезную игру.

Элис склонила голову набок и задумалась.

— Я всегда считала, — заметила она, — что игроки обычно проматывают состояния. Но если кто-то проигрывает, значит, кто-то должен и выигрывать.

— Совершенно верно, и я обычно бывал среди тех, кто оставался в выигрыше. — Дэвенпорт невесело улыбнулся. — Бывали, правда, времена, когда мне подолгу не везло и я залезал в большие долги. Случалось и проигрывать из-за того, что я был чересчур пьян, или из-за собственного упрямства, не дававшего вовремя отойти от стола. Но за последние двадцать лет я выиграл на несколько тысяч фунтов больше, чем проиграл. Мне не хватало содержания при том образе жизни, который я вел. Быть повесой — это, знаете ли, дорогое удовольствие.

— Как же вам удавалось так часто выигрывать?

— Если вы намекаете на то, что я жульничал, это не так. Я играл честно, — холодно ответил Дэвенпорт.

— Я несколько в этом не сомневаюсь, Реджи, — мягко сказала Элис.

— Извините. — Дэвенпорт поморщился. — Я в самом деле выигрывал так часто, что моя честность неоднократно подвергалась сомнению. Секрет успеха состоит в том, чтобы избегать тех игр, где всем правит только случай. Человек, выбирающий те игры, в которых не последнюю роль играют умение и расчет, может добиться, что его выигрыш будет превышать проигрыш. Для этого нужно лишь овладеть искусством той или иной игры.

— Интересно. Расскажите поподробнее, — попросила Элис, наклонившись вперед и скрестив руки на столешнице.

Реджи на секунду задумался.

— Возьмем, к примеру, хэзард, — заговорил он. — Это игра в кости. Цель ее — выбросить определенную комбинацию цифр. Поскольку некоторые комбинации выпадают чаще других, умелый игрок, обладающий кое-какими познаниями в математике и умеющий просчитывать варианты, имеет неплохие шансы на успех, особенно если ограничивает свои ставки.

При виде озадаченного выражения на лице Элис Дэвенпорт усмехнулся.

— Я, наверное, не очень понятно объясняю. Во всяком случае, можете поверить мне на слово большинство игроков либо ленятся, либо просто не в состоянии просчитывать варианты, а в пылу игры делать это особенно сложно. Есть также игры, где значительно более высокие шансы на победу имеет тот, кто способен держать в памяти уже разыгранные карты. — Реджи пожал плечами. — У меня, например, хорошая память.

А помимо этого, ясный ум и стальные нервы, предположила Элис Заинтригованная рассказом Реджи, позволившим ей на несколько минут окунуться в таинственный мужской мир, она спросила:

— А что вы можете сказать о скачках? Реджи покачал головой.

— Тут почти все решает везение. Как бы хорошо человек ни разбирался в лошадях, на исход скачек влияет множество факторов, действующих и на животных, и на жокеев. Я обычно не делаю на скачках и на бегах больших ставок — за исключением тех случаев, когда участвую в них сам. Тогда, если я проигрываю, то по крайней мере знаю, кого в этом винить.

— Но вы нечасто проигрываете, — сказала Элис, причем ее фраза прозвучала как утверждение, а не как вопрос.

— Проигрывать — это такая скука, Элли. А я больше всего на свете ненавижу скуку. — Дэвенпорт встал и взглянул на сидящую Элис с высоты своего роста. — Ладно, не буду отвлекать вас от дел. Овец по-прежнему купают в заводи под буками?

Элис кивнула.

— Как мне известно, там их купают уже несколько веков. В Дорсете перемены происходят очень медленно.

— Что касается самой местности, то вы правы, а вот о людях я бы этого не сказал. — Надев шляпу, Реджи, прощаясь, притронулся к полям. — Если я правильно помню, овец обычно пригоняли для купания к полудню. Что ж, к этому времени я буду там.

После его ухода Элис долго еще сидела, глядя на лист с расписанными на предстоящий день делами, но ничего не видя. Она предполагала, что столичный повеса может быть красивым и даже обладать известным обаянием. Но кто бы подумал, что с ним может быть так весело и интересно?

Вернувшись домой, Реджи отыскал экономку и провел с ней короткий, но строгий разговор, смысл которого сводился к тому, что отныне в доме всегда должен быть солидный запас спиртных напитков и что это единственное распоряжение, с невыполнением которого он не намерен мириться. Затем он прошел в свой кабинет и принялся строить планы на будущее.

Уже много лет он хотел заняться разведением лошадей, главным образом гунтеров, и специальной их подготовкой для скачек с препятствиями. Долгое время это желание оставалось для него несбыточной мечтой. Теперь у него появилась возможность ее осуществить. Основу конного завода должен был заложить Буцефал. Это был жеребец отличных кровей, невероятно выносливый и прыгучий, а его быстрота сделала бы честь даже скаковой лошади. Реджи выиграл своего коня в кости у одного графа, не умевшего просчитывать варианты.

На ближайшее время уже имеющихся конюшен должно было хватить, однако нужны были новые загоны и тренировочные манежи, а также как можно больше хороших кобыл. Что же касается более далекого будущего... Перо Реджи так и порхало по листу бумаги, подсчитывая издержки, ставя вопросительные знаки, чертя наброски.

Дэвенпорт настолько глубоко погрузился в расчеты, что не заметил, как пролетело время. Уже близился полдень, когда его занятие прервал приход одной из горничных, молодого розовощекого создания по имени Джилли. Как и остальные горничные, она, ожидая, что Дэвенпорт вот-вот на нее накинется, смотрела на него взглядом, в котором смешались страх и надежда.

— Простите, сэр, к вам посетитель, — объявила она, вручая Реджи визитную карточку.

Джереми Стэнтон, Фентон-Холл, Дорсетшир, прочел Реджи и догадался, что это, по всей видимости, был человек, который, по словам миссис Геральд, являлся его ближайшим родственником по материнской линии.

В главном зале его поджидал худощавый представительный джентльмен с серебристыми от седины волосами и пронизательным взглядом серых глаз.

— Возможно, вы меня не помните, мистер Дэвенпорт, но я знал вас, когда вы были еще ребенком. Пришел засвидетельствовать вам свое почтение и поприветствовать вас в связи с приездом в наши края.

Брови Реджи на секунду озадаченно сошлись на переносице. Затем в его памяти всплыла давно забытая картина, а за ней и многие другие.

— Господи Боже, дядя Джерри! Я совсем забыл о вашем существовании. Как поживаете, сэр?

Он протянул гостю руку, которую тот сердечно пожал.

— Значит, вы меня все-таки вспомнили. Разумеется, я не прихожусь вам дядей, но... — Стэнтон на мгновение задумался, после чего закончил:

— Но я ваш дальний родственник. И еще ваш крестный отец.

— Как бы то ни было, я рад снова вас видеть, — сказал Реджи, жестом приглашая гостя пройти в гостиную. — Хотите немножко подкрепиться?

— Было бы неплохо выпить чашечку чая. — Садясь, Стэнтон окинул взглядом несколько поблекшие за долгие годы стены. — Я не был здесь почти тридцать лет. Джентльмен, который арендовал этот дом, слыл затворником и никогда не принимал гостей.

Позвонив и попросив прислугу принести чай, Реджи налил бренди из новых запасов. Когда хозяин Стрикленда наклонил графин над стаканом, в мозгу у него пронеслось еще одно воспоминание, от которого по спине поползли мурашки. Перед его мысленным взором возникла эта же комната, полная взрослых, одетых в черное, с траурными повязками на рукавах. Это было уже перед самыми похоронами. Реджи в ночной рубашке, спотыкаясь, спустился вниз, чувствуя слабость в коленях и головокружение. Гробы стояли в ряд у окон. Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, но Стэнтон взял его на руки и отнес обратно в детскую, что-то говоря ему тихим, успокаивающим голосом, а потом долго сидел рядом, пока маленький Реджи не заснул.

Джереми Стэнтон был умен и хорошо образован, и разговаривать с ним было одно удовольствие, но от Реджи не укрылось, что родственник смотрит на него изучающе и пытается понять, что он за человек. Может быть, Стэнтон сравнивал Реджи с его отцом? Или это был просто интерес к нему, как к новому человеку? Как ни странно, но Дэвенпорт отчего-то почувствовал, что мнение Джереми Стэнтонна имеет для него немаловажное значение.

Должно быть, он прошел испытание с успехом, потому что примерно через полчаса Стэнтон спросил:

— Вы собираетесь проводить много времени в наших краях?

— Возможно. — Реджи пожал плечами. — Вообще-то я собираюсь жить в основном здесь, но я только что приехал, — А вы не хотите занять пост мирового судьи? — пустил пробный шар Стэнтон.

Реджи ошарашенно уставился на него.

— Боже правый, мирового судьи?! Но ведь я для этого совершенно не гожусь. Более того, наверняка найдутся люди, которые вам скажут, что сделать меня мировым судьей — все равно что поручить хорьку следить за порядком в курятнике.

Пожилой собеседник Дэвенпорта рассмеялся:

— Несмотря на ваше бурное прошлое, на место мирового судьи вы вполне подходите.

Вы самый крупный землевладелец графства, выходец из уважаемой семьи уроженцев здешних мест. Многие поколения ваших предков жили здесь. Главное, что требуется от мирового судьи, — это здравый смысл и справедливость. Я уверен, вы справитесь.

Реджи на какое-то время лишился дара речи. Его одновременно глубоко тронуло и изрядно позабавило это выражение доверия со стороны его дальнего родственника. И все же возможность стать мировым судьей вызвала у него неожиданный прилив энергии и энтузиазма. Это был своеобразный вызов, который ему захотелось принять. Мировые судьи, по сути дела, являлись властью на местах — они не только судили правонарушителей, но и проводили в жизнь закон о бедных, занимались обустройством дорог и многими другими полезными для общества делами. Словом, работа обещала быть интересной.

— А вам не кажется, что вы слишком гоните лошадей? — спросил Реджи с ироничной усмешкой.

Многие сочли бы подобное выражение вульгарным, но Стэнтон даже бровью не повел.

— А вам разве так кажется? — только и спросил он, чуть улыбнувшись.

Реджи уже раскрыл было рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное, но передумал. Разве сам он не размышлял о том, что ему пора изменить жизнь? Стать представителем власти — это было бы изменением, да еще каким. Будучи человеком достаточно уверенным в себе, если не сказать самоуверенным, Реджи в глубине души считал, что из него выйдет толковый мировой судья.

— Да нет, пожалуй, нет, — ответил он на вопрос Стэнтона.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул Стэнтон и добавил, чуть помедлив:

— Я удивлен тем, что вы не вернулись в Дорсет раньше. Честно говоря, я уже почти перестал на это надеяться.

— Вы в самом деле обо мне думали?

Реджи был удивлен и тронут. Ему даже не приходило в голову, что на свете, оказывается, жили люди, которые были равнодушны к судьбе мальчика, покинувшего родной дом в восьмилетнем возрасте.

— Ну разумеется. Ведь вы сын моей троюродной сестры Энн, ваш отец был моим другом. Здесь ваш дом, — произнес Стэнтон таким тоном, каким люди говорят, когда непоколебимо уверены в справедливости своих слов.

Реджи задумался. По всей вероятности, Стэнтон был прав — во всяком случае, никакого другого дома у него не было.

— Вообще-то у меня осталось очень мало детских воспоминаний, — заговорил Реджи после паузы. — Лет до четырех я вообще ничего не помню, а из того, что было после, — только отдельные эпизоды.

Сказав это, он подумал, что это очень странно, поскольку он обладал неординарной памятью. Однако большая часть его раннего детства оставалась для него словно окутанной туманом.

— Ничего не помните до четырехлетнего возраста? — прищурившись, переспросил Стэнтон. — Это интересно.

— Разве это имеет какое-то значение?

Стэнтон, казалось, собрался было ответить, но передумал.

— Если все так, как я думаю, то вы, несомненно, вспомните, — сказал он и сразу же перевел разговор на другое:

— Мне было очень жаль, что вы не отвечали на мои письма, но меня это не удивляло.

Вы ведь были совсем юны, а в вашей жизни произошло столько изменений. Мои собственные сыновья тоже никогда не были аккуратными корреспондентами, да и сейчас ими не стали.

— Не отвечал на ваши письма? Но я никогда ни от кого не получал писем, — нахмурившись, пробормотал Реджи. Лицо Стэнтонна удивленно вытянулось.

— В течение года или около того я отправлял вам по письму в месяц, но потом, поскольку вы не отвечали, перестал это делать. Я писал в Уоргрейв-Парк, на адрес вашего дяди. Значит, ни одно из моих писем до вас не дошло?

Реджи смачно выругался.

— Еще одна подлая шпучка моего опекуна, — пробормотал он и поведал своему собеседнику о том, как дядюшка фактически лишил его поместья Стрикленд.

Стэнтонна до глубины души потряс его рассказ. Он разгневался ничуть не меньше, чем сам Реджи.

— Боже правый, да если бы я знал, что Уоргрейв нарочно отдаляет вас от семьи вашей матери, от всего вашего прошлого, вашего детства, я бы поехал в Глостершир и привез вас домой. Я был вашим крестным отцом, но Уоргрейв являлся куда более близким родственником, и потому я не стал спорить, когда он прислал за вами своих людей. — Стэнтон резко взмахнул рукой. — Ваш отец как-то спрашивал меня, не стану ли я опекуном его детей в случае, если что-то случится с ним и Энн, но, к сожалению, он так и не написал завещание.

— Вы стали бы оспаривать у Уоргрейва право на опекунство надо мной? — удивленно спросил Реджи.

— Разумеется, если бы знал, как обстоит дело, — в свою очередь удивился Стэнтон. — Ведь мы с вами — члены одной семьи.

— Мысль о том, что члены семьи могут помогать друг другу, для меня несколько нова, — с горечью сказал Реджи.

— Я понимаю ваше невысокое мнение о родственниках — при таком опекуне, как старый Уоргрейв, иного у вас сложиться и не могло. — Стэнтон горестно покачал головой. — Я должен был понять, что есть какая-то причина, объясняющая то, что вы мне так и не написали. Вы всегда были вежливым и отзывчивым мальчиком. Ваш отец гордился тем, что у вас было очень сильно развито чувство ответственности. Мне следовало приложить больше усилий.

— Вам не следует ни в чем себя винить. Кто мог ожидать, что мой дядя будет делать все, чтобы изолировать меня? — Реджи, чувствуя, что уже пережил более чем достаточно потрясений для одного дня, встал и протянул Стэнтону руку. — В любом случае я благодарен вам за попытки восстановить со мной отношения. Вы были занятым человеком, у вас была своя семья, и на вас лежала ответственность за нее. Не могли же вы все бросить и заниматься только решением проблем вашего дальнего родственника.

— И все же я должен был сделать больше. Но теперь поздно об этом говорить. — Встав, он пожал руку Реджи с неожиданной для его возраста силой. — Моя жена просила узнать, не приедете ли вы к нам как-нибудь отобедать. У вас пока нет планов на вечер пятницы?

В памяти Реджи всплыл еще один образ — круглое, улыбающееся лицо, всегда неизменно приветливое, несмотря на шум и кавардак, обычный для большой семьи.

— Я с радостью приму ваше приглашение, — сказал он. — Надеюсь, тетя Бет чувствует себя хорошо?

— Элизабет страдает ревматизмом, из-за которого ей трудно бывает передвигаться по дому, но в целом она не так уж плоха. Она будет очень рада снова вас повидать. Вы всегда были ее любимчиком, — сказал Стэнтон и с улыбкой добавил:

— И не удивляйтесь, если за обеденным столом окажется некая одинокая леди, а то и не одна.

Реджи издал глухой стон.

— Скажите тете Бет, если это произойдет, со мной может приключиться внезапный приступ какой-нибудь болезни, из-за которого мне придется немедленно вернуться домой.

— Возможно, на первый раз мне удастся убедить ее обойтись без этого, но в будущем вам придется как-нибудь самому решать эту проблему, — хохотнул Стэнтон.

Крестный отец Реджи покинул Стрикленд с чувством удовлетворения. В течение долгих лет он пристально следил за жизнью и поступками скандально известного Реджинальда Дэвенпорта и считал, что, если хотя бы половина из того, что о нем говорили и писали, соответствовала истине, это было бы вполне достаточным основанием для беспокойства. Стэнтон искренне опасался, что пороки и соблазны не оставят ничего от того умного, доброго, подававшего большие надежды мальчика, которого он помнил.

Однако теперь, после встречи с Реджи, Стэнтон был уверен, что, несмотря на крайне неудачно сложившуюся судьбу и опекуна, сыгравшего в жизни Реджинальда роль злого гения, сын Энн все же остался самим собой. Да, несомненно, он совершил много поступков, которые не следовало совершать. Но он сохранил свою честь, свой ум, свое чувство юмора — надо было лишь вовлечь его в жизнь местного общества, поощрить его на поиски хорошей жены...

Полный самых разнообразных планов, Стэнтон щелкнул кнутом над спиной своей лениво плетущейся лошади — ему не терпелось поскорее добраться домой и поделиться с Бет своими выводами.

После ухода гостя Реджи почувствовал, что не в состоянии вновь сосредоточиться на своих планах на будущее. Визит крестного вызвал у него целый вихрь воспоминаний, преимущественно приятных. В прежние времена Стэнтоны и Дэвенпорты часто приезжали друг к другу в гости. Младший сын Стэнтон был для Реджи главным товарищем по играм. Теперь Джеймс находился в Индии и, по словам отца, делал весьма неплохую карьеру.

Оглядываясь назад, Реджи отчасти понимал, почему воспоминания о детстве в течение долгого времени были словно заперты на замок где-то в тайниках его сознания. Как только дядя стал его опекуном, Реджи был отправлен в школу. Там, в Итоне, где царили весьма суровые законы, напоминавшие закон джунглей, воспоминания о счастливом прошлом могли размягчить его душу, сделать его слабее. И Реджи старался не думать о том, что он потерял, и весьма преуспел в этом. Даже после разговора со Стэнтоном он не мог восстановить в памяти ничего из своего раннего детства.

Горестные размышления Дэвенпорта были прерваны прибытием его камердинера. Мак Купер выглядел весьма внушительно, даже покрытый толстым слоем дорожной пыли.

— Вот уж кого я рад видеть! — воскликнул Реджи и направился к графину с бренди. Оно конечно, господам не пристало пить с прислугой, но между Дэвенпортом и Купером давно уже установились особые отношения. — Что, были какие-то проблемы в дороге?

— Ось сломалась, — лаконично ответил камердинер, принимая бокал с бренди. Затем он со вздохом удовлетворения опустил в кресло и, устроившись в нем поудобнее, сказал:

— Домишко у вас здесь будь здоров. Что, мы какое-то время пробудем тут?

— Да, и не какое-то — мы будем жить здесь постоянно. Брови Мака взлетели вверх.

— Вы хотите сказать, что мы будем жить здесь, а не в Лондоне? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Время от времени мне придется бывать в столице, но моя, так сказать, штаб-квартира отныне здесь. — Реджи откашлялся и хрипло добавил:

— Я знаю, ты городской человек, Мак. Если решишь, что жизнь в сельской местности тебе не по нутру, я пойму.

— Разве я сказал хоть словечко о том, что собираюсь уезжать? — спросил Мак, окинув своего господина взглядом, выражающим крайнюю степень неодобрения.

— Нет, — признал Реджи, — но ты пробыл здесь всего десять минут.

— Если в Дорсете есть виски и женщины, я как-нибудь приспособлюсь.

— Здесь нет недостатка ни в том, ни в другом, — улыбнулся Дэвенпорт. — Более того, здесь я познакомился с самой необычной женщиной, которую мне когда-либо приходилось встречать.

— В каком смысле необычной? — с интересом спросил Мак.

— Во многих смыслах. Ее зовут Элис Уэстон, и она, как выяснилось, является управляющим моим имением.

— Кем-кем? — Купер поперхнулся бренди. Мака было трудно чем-либо удивить, но на сей раз Дэвенпорту это удалось, и он не без удовольствия поведал своему камердинеру о том, каким образом мисс Элис Уэстон получила свою должность.

Выслушав господина, Мак в изумлении покачал головой.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — то, что она знает свое дело, — это, конечно, здорово. А вот как она из себя? Хорошенькая?

Реджи вспомнил правильные, достойные резца скульптора черты, крупное, но в то же время исполненное пленительной грации тело Элис и ямочки на ее щеках.

— Хорошенькая? — переспросил он и улыбнулся. — Да нет, это, пожалуй, слабовато сказано.

Обычно все окрестные владельцы отар купали овец одновременно и в одном и том же месте. Неудивительно поэтому, что, доскакав к полудню до вересковых пустошей, Реджи издалека, когда русло ручья еще было скрыто от него холмами, услышал жалобное блеяние овец и лай собак.

Поднявшись на вершину очередного холма, он наконец увидел ручей, запруженный таким образом, что его воды разлились, образовав некое подобие бассейна. На восточном берегу плотной массой столпилось огромное овечье стадо в несколько тысяч голов, рядом с ним расхаживали овчарки. Реджи показалось, что он вот-вот оглохнет от многоголосого блеяния.

У импровизированного бассейна толпились человек двенадцать мужчин, среди которых Реджи сразу же заметил гибкую фигуру Элис Уэстон. Спешившись и привязав коня, Дэвенпорт направился к ним. При его приближении Элис прервала разговор с плотным, коренастым человеком в пастушьей одежде.

— Мистер Дэвенпорт, это Габриэль Митфорд, главный пастух имения Стрикленд, — представила она Реджи своего собеседника.

Дэвенпорт, не веря своим глазам, уставился на стоявшего перед ним широкоплечего мужчину, а затем, улыбнувшись, протянул ему руку со словами:

— Мы знакомы.

Митфорд кивнул, стиснув руку Реджи в могучем пожатии.

— Верно, — заметил он. — Готов поспорить, что в борьбе я и сейчас вас одолею. В два счета уложу вас на лопатки, это уж как пить дать.

Реджи со смехом хлопнул его по плечу.

— Напрасно ты так в этом уверен, Гейб, — возразил он. — Впрочем, если у нас хватит на это сил после того, как мы выкупаем пару тысяч овец, можно будет попробовать.

— Только круглый дурак может по собственной воле взяться за такое занятие, как купание овец, — мрачно заявил пастух, которого, однако, выдавали чертики в глазах.

— Ну, меня не в первый раз называют круглым дураком, — любезным тоном отозвался Реджи.

Элис Уэстон невольно хмыкнула. Спohватившись, она торопливо изобразила серьезное выражение на лице и уже собралась было подать работникам сигнал занять свои места, но тут к Реджи подбежала одна из овчарок и положила на землю у его ног палку. Это была длинношерстная черная сука с белыми лапами и воротником. Ее белая с черными пятнами морда напоминала клоунскую маску.

Реджи удивленно уставился на радостно виляющую хвостом собаку.

— Что это за овчарка, если ей нравится играть с палками? — недоумевающе спросил он.

— Никудышная, какая же еще, — раздраженно махнул рукой Митфорд. — Я пытался ее натаскивать. На моем веку это первая колли, не способная сбивать овец в стадо. Да она бы даже с утками не справилась. — Гейб мрачно поглядел на игриво перекатившуюся на спину овчарку. — Видно, придется пристрелить.

Словно поняв, что ей готовы вынести смертный приговор, собака вскочила и дружески лизнула Реджи руку. Тот потрепал лохматую голову. Пасть собаки раздвинулась в радостной

улыбке.

— А может, кто-нибудь возьмет ее к себе в дом? — с надеждой спросил Дэвенпорт. — Очень уж дружелюбная псина.

— Местным фермерам не нужны собаки, не пригодные к работе, — сказал Митфорд и махнул рукой, отгоняя колли подальше. Собака что было сил припустила к другим овчаркам.

Элис подала работникам знак начинать. Реджи снял сюртук и сапоги и, отшвырнув их в сторону, следом за Габриэлем Митфордом и пастухом по фамилии Симмз по бедра зашел в ледяную воду.

Еще один работник принялся с помощью собак отделять от отары небольшие группы по две-три овцы в каждой. Элис и старый, опытный пастух осматривали головы, рты и уши животных, определяя, не требуется ли помощь ветеринара. Прошедших осмотр трое молодых, сильных парней затаскивали в ручей. Овцы отчаянно блеяли и брыкались, но, оказавшись в воде, легко, без усилия удерживались на поверхности. Ухватив первое оказавшееся в ручье животное за шерсть, Реджи подтянул его к себе. Он любил овец, несмотря на их глупость и пугливость, хотя в детстве испытал немало разочарование, когда потрогал одну из них и убедился, что такая мягкая на вид шерсть на самом деле грубая, жесткая и грязная.

Премудрость состояла в том, чтобы перевернуть овцу на спину и оттереть грязь с ее живота, не попав при этом под удар копыт. Прежде чем предпринять попытку проделать этот трюк, Реджи понаблюдал, как управляется Габриэль. Судорожно брыкавшееся животное умудрилось лягнуть пастуха в ребра. Реджи знал, что после такого удара на теле Гейба надолго останется огромный кровоподтек. Тем не менее пастух сумел отмыть грязную шерсть на животе овцы, не утопив при этом животное и не захлебнувшись сам. Затем он снова перевернул овцу и, захватывая в пригоршню шерсть на ее спине, принялся изо всех сил отжимать, удаляя грязь и жир. Покончив с этим, он отпустил свою возмущенную жертву и толчком направил ее к противоположному берегу ручья. Овца подплыла к берегу, отряхнулась и получила в награду клочок сена. После чего ее отогнали в другое стадо, чтобы она могла обсохнуть под лучами весеннего солнца. К концу дня большая часть ягнят должна была быть отлучена от вымени.

Хороший работник мог искупать до сотни овец в час, и было очевидно, что Габриэль и Симмз в этом деле прекрасные мастера. У Реджи какое-то время ушло на то, чтобы приобрести необходимый навык, но постепенно он стал работать с вполне приемлемой скоростью.

Через несколько минут после начала работы Дэвенпорт был таким же мокрым, как выходявшие из-под его рук овцы. Он довольно ухмыльнулся при мысли о том, что лондонские знакомые, увидев его сейчас, вряд ли бы узнали в этом вымокшем, растрепанном работяге Реджинальда Дэвенпорта. Впрочем, это его нисколько не смущало — он получал от работы огромное удовольствие. Реджи давно соскучился по физическому труду, и то, что результат — чисто вымытых овец — можно было сразу же увидеть и оценить, тоже ему нравилось.

Работники вошли в ритм и почти не разговаривали. Каждые полчаса тем, кто купал овец, передавали большую оловянную кружку с горячей водой, щедро сдобренной виски, чтобы не ооченели в ледяном ручье.

Когда кружку пустили по кругу во второй раз, Реджи, обхватив ее обеими руками, чтобы согреть онемевшие от холода пальцы, сделал большой глоток и, передавая кружку Габриэлю,

спросил:

— Каково твое мнение о мисс Уэстон как об управляющей?

— Она неплохо справляется. — Запрокинув голову, коренастый пастух вылил остатки жидкости в рот и швырнул кружку на берег. — И овец она любит.

Это была высшая похвала, какую только можно было услышать из уст Габриэля Митфорда. Реджи его ответ несколько не удивил: если бы овцеводы не считали Элис компетентным человеком, они ни за что не доверили бы ей свои стада.

Реджи взглянул на берег. Элис, внимательно осмотрев довольно крупную молодую овцу, отпустила ее и, когда та бросилась прочь, уверенным движением ухватила за шерсть и подтащила к себе другую. Оставалось только удивляться, как она умудряется справляться с сугубо мужской работой и при этом оставаться удивительно женственной. Обтягивающие панталоны так соблазнительно обрисовывали ее бедра, что Реджи, хватая очередную овцу, ухмыльнулся и порадовался, что стоит почти по пояс в ледяной воде.

Хотя день был очень трудным, Элис все же урывками наблюдала за Дэвенпортом и не могла не поразиться тому, насколько легко и быстро он вошел в работу, освоив новое для себя дело. Даже когда одна из овец брыкнула его задними ногами в грудь и опрокинула в воду, он встал как ни в чем не бывало, беззаботной улыбкой ответив на громкий хохот, которым встретили это небольшое происшествие остальные работники.

Непосредственное участие в тяжелой работе сразу же обеспечило ему всеобщее уважение. Никто не мог бы сказать, входило ли это в расчеты Дэвенпорта или же ему в самом деле хотелось исполнить мечту своего детства, но, так или иначе, этот его поступок принес свои плоды.

Ближе к вечеру Симмз, ростом и весом уступавший Дэвенпорту и Митфорду и потому быстрее опьяневший, стал с умиротворенной улыбкой оседать в воду. Подхватив пастуха под руки, Реджи и Габриэль выволокли его из ручья и уложили на берегу рядом с костром. Симмз тут же захрапел. Один из молодых парней, затаскивавших овец в воду, сменил его — надо было поскорее закончить купание.

По традиции процедура купания овец завершилась совместной трапезой принимавших в ней участие работников. Элис заранее распорядилась, чтобы на берег ручья доставили еду. Люди с жадностью набросились на ветчину, вареную картошку и теплый хлеб, обильно запивая все это элем. К тому моменту, когда с едой было покончено, все мужчины были слегка навеселе. Даже Элис выпила довольно много и теперь ощущала во всем теле приятное тепло, к которому добавлялось не менее приятное чувство удовлетворения от хорошо сделанного дела.

Элис и Дэвенпорт приехали на берег ручья верхом. Когда стало смеркаться, они направились к лошадям, чтобы вернуться в усадьбу вместе. По идее, он должен был уже просто заледенеть в мокрой одежде, но по его виду это было совершенно незаметно. Вероятно, это объяснялось огромным количеством потребленного им виски, и Элис невольно подивилась его умению пить не пьянея.

Некоторое время они ехали в молчании, что, впрочем, несколько не тяготило ни одного, ни другого. Оглянувшись, Элис увидела уже знакомую игривую, но совершенно непригодную для дела овчарку — собака трусила за ними, радостно помахивая хвостом.

— Только не оглядывайтесь, мистер Дэвенпорт, — сказала она, смеясь. — Мне кажется, вы завоевали сердце одной особы.

Реджи все же обернулся.

— Скорее всего Гейб просто отправил эту негодную псину следом за нами, чтобы избавиться от нее, — возразил он.

Забавная морда собаки сморщилась в улыбке. Тряхнув головой, колли решительно пристроилась в хвост коню Реджи. Элис едва не сказала, что Дэвенпорт совершенно неотразим для всех особей женского пола, даже если это собака, но вовремя прикусила язык. Подобное замечание прозвучало бы сейчас совершенно некстати, хотя — Элис вынуждена была признать это — вполне соответствовало истине.

Чувствуя, что выпитый эль бросился ей в голову, и боясь сболтнуть что-нибудь такое, что поставило бы их обоих в неловкое положение, Элис спросила:

— Насколько я понимаю, вы знакомы с Митфордом еще с детства?

— Да, — ответил Дэвенпорт. — Мы с ним бродили по холмам, плавали и боролись. Он никогда не отличался красноречием, но знал местные леса, холмы и долины как свои пять пальцев. На должность главного пастуха он подходит как нельзя лучше. Это хорошая работа для человека спокойного, созерцателя по своей природе — а Гейб таков и есть.

До самой усадьбы Элис и Реджи больше не произнесли ни слова, но по-прежнему не ощущали никакой неловкости. Когда, добравшись до места, они спешили и повели лошадей к конюшне, овчарка словно привязанная последовала за Дэвенпортом, стараясь держаться к нему как можно ближе — судя по всему, ей хотелось продемонстрировать, как хорошо она умеет себя вести.

Конюхи давно закончили работу и ушли, и на конюшне царила тишина, лишь изредка нарушаемая стуком копыт лошадей, переступающих с ноги на ногу в стойлах, да тихим ржанием. Приятно пахло сеном, кожей и здоровыми животными. Элис расседлала свою кобылу, в очередной раз отметив про себя, насколько сильно меняется отношение к ней Дэвенпорта в зависимости от того, во что она одета. Когда на ней было женское платье, он обращался с ней, как с леди. Теперь же, когда на ней были бриджи и сапоги, он предоставил ей самой отвести в стойло и привязать лошадь. Впрочем, Элис льстило его признание того факта, что ей под силу мужская работа.

Вычистив свою кобылу скребком, Элис вышла из стойла в проход. Колли, встав на задние лапы перед Дэвенпортом, положила передние ему на плечи. От неожиданности он попятился и едва не опрокинулся назад, на ворох сена, приготовленного конюхами, чтобы на завтра разложить его по кормушкам.

— А ну-ка сидеть! — скомандовал Реджи. Собака мгновенно уселась, усердно обмахивая хвостом чисто выметенный дощатый пол.

— Мне почему-то кажется, что эта псина намерена отправиться вместе со мной в дом, — сказал Дэвенпорт, задумчиво глядя на овчарку.

— И вы совершенно правы, — со смехом ответила Элис. — Неужели вы настолько черствый человек, что сможете устоять перед этими карими глазами?

Наклонившись, она почесала у колли за ухом. Овчарка радостно заерзала под ее рукой, и Элис подумала, не забрать ли ее к себе, но тут же была вынуждена отказаться от этой идеи — Аттиле вряд ли пришлось бы по вкусу появление в доме собаки.

Выпрямившись, она вдруг заметила, что Дэвенпорт находится всего в каком-нибудь ярде от нее, и еще раз подивилась его росту и мужественности. В то же время она не могла не заметить, что он гораздо пьянее, чем ей казалось. И взгляд, и движения его стали чересчур вольными. Должно быть, он в самом деле выпил лишнего, раз смотрит на нее

таким странным, полным какой-то непонятной теплоты взглядом, подумала Элис. Ей страстно захотелось шагнуть к нему, чтобы убедиться, что она в самом деле увидела в его глазах желание, но вместо этого она слегка попятилась. То, что произошло дальше, было полнейшей неожиданностью. Колли, которая с любопытством обнюхивала сено, неожиданно отпрянула назад — прямо перед ней, словно покрытая густым мехом шаровая молния, возник Аттила с грозно выгнутой спиной и выпущенными когтями.

Взвизгнув от страха, собака что было духу пустилась наутек. Кот бросился за ней. Элис оказалась на пути овчарки, собака врезалась в нее, словно пушечное ядро, и отбросила ее прямо на Дэвенпорта. Будь Реджи трезв, он скорее всего без труда смог бы устоять на ногах. Однако сейчас он потерял равновесие и, увлекая Элис за собой, опрокинулся в сено. Собака и преследующий ее по пятам яростно шипящий кот промчались мимо них и выскочили за дверь.

Элис рухнула на Реджи с такой силой, что у нее на какой-то миг пресеклось дыхание. Когда к ней вернулась способность соображать, Элис с ужасом осознала, что крепко прижимается к Дэвенпорту, всем телом ощущая его крепкое, мускулистое тело, а лицо Реджи находится всего в нескольких дюймах от ее лица.

Как только Реджи пришел в себя от неожиданности, его губы сложились в чарующую улыбку, никогда в жизни она не видела ничего более чудесного. Элис пыталась перевести дыхание, понимая, что ей следует поскорее встать на ноги и извиниться, но от близости Дэвенпорта она оцепенела.

Прежде чем Элис успела отстраниться, Дэвенпорт хриплым голосом сказал:

— Как замечательно все получилось.

И привлек ее к себе для поцелуя.

Все мысли разом улетучились у нее из головы. Элис приходилось целоваться в те времена, когда она еще была помолвлена, но ее жених, как и подобает джентльмену, проявлял сдержанность, не желая оскорбить ее скромность. Слишком застенчивая для того, чтобы сказать, что он не обидит ее, если даст волю страсти, Элис всякий раз была разочарована, инстинктивно чувствуя, что поцелуй таит в себе гораздо больше, нежели ей довелось изведать.

Теперь Реджи весьма решительно заполнял эту брешь в ее «образовании», не делая при этом никаких скидок на то, что Элис, возможно, была старой девой. Когда его губы прильнули к ее губам, а руки уверенно обняли ее спину и бедра, тело Элис затрепетало, и она окончательно потеряла голову. Недостаток опыта она компенсировала природной чувственностью, страстно отвечая на поцелуи Реджи, чего никогда не позволяла себе с Рэндольфом. Желание захлестнуло ее, как волна жидкого пламени.

На какой-то момент она словно протрезвела и испытала шок — это произошло, когда Реджи, крепко обхватив ее сильными руками, перевернулся и оказался сверху. Но, почувствовав, как его большое, мускулистое тело вдавливают ее в мягкое, источающее сладковатый аромат сено, Элис снова забыла обо всем на свете.

Теплые губы Реджи прикоснулись к ее уху, и она застонала от удовольствия. Не теряя времени, Дэвенпорт принялся покрывать поцелуями ее шею, в то время как Элис лихорадочно гладила его спину.

Реджи положил ладонь на ее грудь и сквозь ткань рубашки осторожно прикоснулся большим пальцем к соску, который тут же увеличился в размере и затвердел.

— Ты настоящий талант в любви, Элли, — прошептал Дэвенпорт.

Какая-то часть рассудка подсказывала Элис, что ее репутации безукоризненно порядочной женщины сейчас будет положен конец, но это ее ничуть не волновало. Сейчас не было ничего важнее той страсти, которая охватила все ее существо и сулила осуществление тех грез, что так долго не давали ей покоя по ночам. Она осторожно прикоснулась языком к горлу Реджи, ощутив солоноватый вкус его кожи.

Реджи уже расстегивал пуговицы рубашки Элис, когда где-то совсем рядом с ними раздалось покашливание, подействовавшее на Дэвенпорта и мисс Уэстон, будто ушат холодной воды. Элис замерла, раздираемая противоречивыми чувствами — ужасом от того, что кто-то застал ее на конюшне с женщиной, как дешевую потаскушку, и яростью, вызванной тем, что им с Реджи помешали.

Реджи тоже на какое-то время окаменел, но затем разочарованно вздохнул и откатился в сторону, вызвав у Элис еще один взрыв разочарования. Прикосновение к его теплой руке, протянутой, чтобы помочь ей подняться, показалось Элис слишком малой компенсацией за все то, чего ее только что лишили.

Встав, она покачнулась, не в состоянии сразу прийти в себя после случившегося. Подняв глаза, она увидела худощавого, жилистого мужчину, одетого по-столичному. Лицо незнакомца абсолютно ничего не выражало, но она почувствовала исходящие от него флюиды неодобрения. Элис вспыхнула от стыда.

Реджи, несколько не смущаясь, тоже вскочил и поддержал ее за локоть.

— Леди Элис, — как ни в чем не бывало заговорил он, — это Мак Купер. Он приехал из Лондона вчера. Мак, это мисс Уэстон, которую здесь знают как леди Элис. — Реджи внимательно взглянул Элис в глаза и добавил:

— Не беспокойтесь, Мак никогда не замечает того, чего не следует замечать.

Отпустив ее руку, Дэвенпорт быстро отряхнул сено, прилипшее к ее спине и ногам, причем на этот раз прикосновение рук, только что горячо ласкавших ее, было совершенно бесстрастным.

Через силу заставив себя кивнуть Куперу, она повернулась и вышла из конюшни в ночную тьму. Почти пробежав половину пути до Роуз-Холла, Элис замедлила шаг — она была еще не готова к встрече со своими домашними. Ей почему-то казалось, что там, где к ней прикасались руки и губы Реджи, остались багровые следы, хотя умом она понимала, что этого не может быть.

Чувствуя, как свежий ночной воздух холодит ее горящие от стыда щеки, она присела под деревом и обхватила руками плечи, дрожа всем телом от перенесенного унижения. Да, думала Элис, она вызвала у Дэвенпорта желание, но немалую роль здесь наверняка сыграло выпитое им спиртное. На ее месте мог бы оказаться кто угодно — Дэвенпорту просто была нужна женщина. По всей вероятности, в этот самый момент он и его слуга хохотали, рассуждая о том, как, должно быть, она соскучилась по мужскому вниманию и ласке, если с такой легкостью оказалась в объятиях Реджи.

Разумеется, Реджинальд Дэвенпорт был незаурядным мужчиной. Более того, он был настолько привлекателен и, пожалуй, даже красив какой-то дьявольской, зловещей красотой, что женщины наверняка сами вешались ему на шею. Элис, застонав, закрыла лицо ладонями.

На какие-то несколько постыдных мгновений она забыла обо всем: о своей репутации, о том, как должна себя вести благовоспитанная женщина. И теперь, сидя под деревом в темноте ночи, Элис с отчаянием думала о том, как она посмотрит Дэвенпорту в глаза завтра

утром.

— Мисс Уэстон в самом деле необычная женщина, — неодобрительно заметил Мак Купер, глядя, как Реджи счищает приставшие к сюртуку соломинки.

— Что правда, то правда, — ответил Реджи, на губах которого все еще играла блаженная улыбка.

— Я вижу, вы очень собой гордитесь, — упрекнул его Мак.

— Это не совсем так, точнее было бы сказать, что я ощущаю гармонию с окружающим миром, — лениво протянул Дэвенпорт. — Что это у тебя такое недовольное лицо?

— О мисс Уэстон здесь все очень высокого мнения, — сказал Мак и выругался себе под нос. — Будет очень жаль, если вы просто так, от нечего делать, ее погубите.

Реджи напрягся.

— Сомневаюсь, что она считает случившееся бедой. Ты должен был заметить, что она сама хотела того, что между нами произошло или могло произойти.

Купер сплюнул на пол.

— Вы видели ее лицо, когда она уходила? Возможно, она поддалась минутному искушению, но теперь ненавидит себя за это. Должно быть, она благодарит провидение за то, что я вам помешал.

— Я в этом очень сильно сомневаюсь, — язвительно возразил Реджи. — Если я когда-либо встречал женщину, которая всей душой желала бы, чтобы ее погубили, так это Элис Уэстон.

— Почему бы вам не уволить ее и не покончить со всем этим без лишних хлопот? — ехидно спросил Мак. — Правда, в результате она потеряет работу, но по крайней мере сохранит незапятнанной свою репутацию.

— Она исключительно хорошо справляется со своими обязанностями, и у меня нет ни малейшего желания ее увольнять, — буркнул Реджи, по лицу которого было ясно, что он вот-вот взорвется.

— А как вы думаете, долго она сможет продолжать выполнять свои обязанности, если местные жители узнают, что она ваша любовница? — нахмурился Мак. — Да ей придется попросить расчет уже дней через десять. И вообще, с каких это пор вы стали соблазнять всеми уважаемых девиц с хорошей репутацией? Вы всегда говорили, что от них одни только проблемы и неприятности.

— Черт побери. Мак, кто ты такой, чтобы меня учить?! — взревел окончательно рассвирепевший Реджи и выскочил из конюшни на улицу, словно разъяренный лев из клетки.

— Я ваша совесть, — спокойно проговорил ему вслед Мак. Крутнувшись на месте, Реджи уставился на него горящими от гнева глазами.

— Тебе следовало бы знать, что у меня нет совести.

— Она проснется утром, когда вы протрезвеете.

Реджи злобно выругался и зашагал прочь, но слова Мака продолжали звучать у него в ушах. Зная, что в таком состоянии он представляет опасность для любого, кто попадется ему на пути, Дэвенпорт свернул прочь от дома и направился в парк, надеясь, что вскоре душивший его гнев утихнет. Чертов кокни, да как он смеет учить своего хозяина, который вытащил его из грязи? Реджи слегка пошатывало, но он не был пьян. Если между ним и леди Элис и произошло нечто, что можно было назвать соблазнением, то оно было взаимным. И

потом, это было так приятно...

Реджи подозревал, что под спудом сдержанности его управляющей таится горячий темперамент, но никак не думал, что нужно так мало, чтобы его разбудить. Хотя леди Элис, пожалуй, не хватало опыта, Дэвенпорт готов был поспорить, что в страстности она не уступала ни одной из тех женщин, с которыми его сводила жизнь.

Бормоча себе под нос ругательства, Реджи вышел к озеру. В небе светилась почти полная луна, заливая поверхность воды серебром. Дэвенпорт зашагал по берегу к зарослям, скрывавшим его любимую поляну.

К тому времени когда он продрался сквозь кусты и вышел к воде, гладкая поверхность которой в лунном свете походила на зеркало, его гнев исчез. Реджи вынужден был признать, что вовсе не попытка Мака читать ему мораль вызвала у него приступ ярости. Своим появлением камердинер помешал тому, что происходило между ним и мисс Уэстон, — и это было куда огорчительнее. При воспоминании о гибком теле леди Элис у Реджи задрожали руки. Стоило ему подумать о том, насколько пылко ответила она на его ласки, как пульс Дэвенпорта снова зачастил.

В этот момент он вдруг почему-то вспомнил, что именно здесь, на озере, в этом самом месте, он когда-то, будучи еще ребенком, научился плавать. Поддавшись неожиданному порыву, Реджи стащил с себя мокрую одежду и бросился в воду.

Холод, обжегший тело, быстро вернул ему способность рассуждать здраво. Вынырнув на поверхность, Реджи, отфыркиваясь, вынужден был признать, что Мак, черт бы его побрал, был, как обычно, прав. Возможно, Элис Уэстон в самом деле хотела, а может быть, даже жаждала узнать, что такое близость с мужчиной, но, воспользовавшись этим, Реджи причинил бы ей зло. Вспомнив ошеломленный, полный боли взгляд широко распахнутых глаз Элли в тот момент, когда их спугнули, Дэвенпорт выругал себя последними словами.

За долгие годы разгульной жизни Реджи твердо усвоил, что лишь немногие женщины способны получать удовольствие от физической близости с мужчиной, не испытывая к нему эмоциональной привязанности, а Элли, вне всякого сомнения, не принадлежала к их числу. Она явно была способна не только на страсть, но и на самоабвенную, жертвенную, бескорыстную любовь. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на созданную ею семью, состоящую из чужих детей, которых она воспитывала как своих. Да и для всех обитателей поместья Стрикленд она сделала очень много хорошего.

Реджи стремительно пересек озеро и развернулся, чтобы плыть обратно. Возможно, Элис Уэстон в самом деле пора было завести роман, но такой женщине, как она, нужен был мужчина, которого она могла бы уважать. Что же касается Реджи, то он был из тех, кого добропорядочные, богобоязненные люди глубоко презирают. И если естественное физическое влечение толкнуло Элис в его, Реджинальда Дэвенпорта, объятия, то теперь она, должно быть, ненавидит и его, и себя. От этой мысли Реджи почему-то стало тоскливо.

Перевернувшись на спину, он, удерживаясь на поверхности воды одними лишь легкими движениями рук, смотрел в темное небо. Его искренне удивляло, что Элли, с ее внешностью и темпераментом, до сих пор не вышла замуж. Должно быть, мужчин отпугивали ее рост, ее ум и независимость.

Разумеется, он не мог остаться равнодушным к ее красоте, его влекло к Элис, но в то же время он уважал ее как личность, и ему вовсе не хотелось причинять ей страдания.

Это значило, что ему следовало всегда оставаться трезвым в ее присутствии, ибо поручиться за себя, когда мозг его находится под воздействием паров алкоголя, он не мог.

С горькой усмешкой Реджи подумал о том, что вода в озере все же оказалась недостаточно холодной, чтобы притупить его мужские инстинкты. Вероятно, ему следовало переключить свои мысли с Элис Уэстон на что-нибудь другое. Отвлечься ему помог громкий всплеск от падения в озеро чего-то тяжелого. Реджи принял вертикальное положение и принялся настороженно осматриваться, хотя ему было известно, что в Дорсете не водились животные, представляющие опасность для человека. К нему подплывала все та же колли. При виде Реджи она так обрадовалась, что едва не пошла ко дну, пытаясь вилять хвостом даже в воде.

— Тебе не кажется, что на сегодня ты уже создала достаточно проблем?

В ответ псина лизнула Реджи в лицо.

— Ну, тебе не стыдно, что тебя обратил в бегство какой-то паршивый кот? — спросил он, почесывая голову собаки.

Судя по всему, чувство стыда было так же чуждо черно-белой овчарке, как и инстинкт, заставляющий ее собратьев сбивать овец в стадо. Она попыталась забраться к Реджи на руки, но в воде это оказалось делом непростым.

— Отправляйся на берег, пока не утонула, глупая ты псина, — сказал Реджи, оттолкнув от себя собаку.

Бок о бок они поплыли к берегу. Пока Реджи, дрожа от ночной прохлады, натягивал на себя измятую, мокрую одежду, колли стряхнула со своей косматой шерсти целый каскад воды. Затем Дэвенпорт зашагал к дому, а овчарка затрусилась следом за ним. По пути Реджи надумал на несколько дней съездить в Лондон. Он покинул столицу так поспешно, что кое-какие дела остались незавершенными. Кроме того, таким образом даст возможность Элис прийти в себя. Предпочитая быть честным с самим собой, Реджи в душе признал, что не горит желанием снова встретиться с мисс Уэстон, которая после того, что случилось, скорее всего будет презирать его, и вполне справедливо.

Войдя в свою спальню, чтобы переодеться, он увидел Мака, который как ни в чем не бывало распаковывал и чистил одежду своего хозяина. В душу Реджи закралось чувство вины. Да, он действительно в свое время помог Маку, обитателю лондонских трущоб, но тот с лихвой отплатил Реджи за проявленное им великодушие. Вряд ли кто-либо другой стал бы мириться с бесконечными пьянками Реджи, резкими перепадами настроения и чередой удач и неудач, с удивительным постоянством сменявших в его жизни друг друга. Бывали времена, когда Мак месяцами не получал жалованья, но Реджи ни разу не слышал от пего ни слова жалобы или упрека. Купер поднял взгляд, и глаза его сузились при виде колли.

— Возможно, вы этого не заметили, но за вами по пятам идет собака, — сказал он.

Реджи стащил сюртук и принялся расстегивать рубашку.

— Надо же, в самом деле, — изобразил он удивление. — Забавно.

— И что это за пес? — фыркнул Мак.

— Бордер-колли, бо-о-ордер-колли, — старательно проартикулировал Дэвенпорт, снимая панталоны. — Эта овчарка совершенно ни на что не пригодна. Пастух хотел ее прикончить, но я решил, что, возможно, кто-нибудь возьмет ее к себе в дом.

Не подозревая о том, что речь идет о ее будущем, колли, все еще мокрая, с глупо-счастливым выражением на морде уселась на пол, слегка помахивая хвостом. Мак с сомнением посмотрел на нее. Он слабо разбирался в собаках, но ему показалось, что эта твердо решила: ее дом здесь.

— А как же ее зовут? — осведомился Мак.

— У нее нет имени. Учти, стоит придумать животному имя, и оно всю свою жизнь будет принадлежать тебе. — Реджи энергично растерся полотенцем и надел сухую одежду, поданную ему камердинером. — Я на несколько дней собираюсь в Лондон. Что-нибудь привезти?

— Постарайтесь прихватить толику ума и здравого смысла, — с мрачным видом посоветовал Мак. — Они вам будут очень кстати.

Реджи, не выдержав, расхохотался. Как бы то ни было, уже много лет он не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. Он взглянул на собаку и, щелкнув пальцами, сказал:

— Пошли в библиотеку — посмотришь, как мы с Маком будем дегустировать местное виски.

Стуча когтями по полу, собака затрусила следом за ним вниз. Возможно, эта колли была никудышным овечьим сторожем и вообще не отличалась большим умом, но она была вполне способна правильно отреагировать на дельное предложение.

Элис провела бессонную ночь, безуспешно пытаясь набраться мужества, чтобы при встрече с Дэвенпортом не залиться краской стыда. Но, придя к себе в кабинет, обнаружила там записку, которая вызвала у нее вздох облегчения. Реджи сообщал ей, что несколько дней проведет в Лондоне, и выражал надежду, что в его отсутствие она подумает над тем, какие еще реформы можно было бы провести в поместье, чтобы сделать его более прибыльным. Кроме того, он просил ее проследить, чтобы тропинка, ведущая к известной ей поляне на берегу озера, была как следует расчищена. Далее следовали уверения в глубочайшем почтении и подпись.

Записка была составлена таким образом, как будто накануне ночью ничего не произошло. Возможно, сам Дэвенпорт успел уже обо всем забыть, подумала Элис, глядя на строчки, написанные твердым, размашистым почерком. Ей искренне хотелось, чтобы и она могла забыть об этом с такой же легкостью. Но как она могла это сделать, если ее тело помнило объятия хозяина Стрикленда?

Было маловероятно, что за ту неделю, пока Реджи отсутствовал в Лондоне, город стал более многолюдным и шумным. Тем не менее ему казалось, что дело обстоит именно так. Возницы, сидящие на козлах экипажей, пешеходы и торговцы отчаянно сражались на улицах столицы за жизненное пространство, крича друг на друга во все горло.

Реджи прибыл в Лондон ранним вечером. Заехав к себе на квартиру переодеться, он вскоре покинул свое жилище, чтобы заняться делами. Накануне отъезда Дэвенпорт выиграл пятьсот фунтов у Джорджа Блейкфорда, но у последнего не оказалось наличных, чтобы рассчитаться, и он написал Реджи долговую расписку. Учитывая, что Дэвенпорт планировал целый ряд проектов и начинаний в своем имении, эти деньги пришлось бы ему весьма кстати.

Реджи знал, что в это время Блейкфорд обычно бывает в заведении Уайта, и отправился туда. Помимо стремления урегулировать денежный вопрос, Дэвенпорт считал необходимым еще и наладить отношения, испорченные из-за женщины по имени Стелла, которую в тот злополучный вечер Реджи, сам того не желая, фактически отбил у Блейкфорда. Если бы Реджи питал к Стелле, женщине весьма доступной, нежные чувства, он начал бы ухаживать за ней открыто. А поскольку она его совершенно не интересовала, ему не давало покоя ощущение вины перед Блейкфордом. Тот, надо сказать, был человеком весьма ревнивым, а Реджи вовсе не хотел без достаточно веских на то причин нарываться на неприятности — у него хватало врагов, и заводить новых ему было вовсе ни к чему.

Блейкфорд в самом деле оказался у Уайта — опустошал стоявшую перед ним бутылку портвейна.

— Вы позволите к вам присоединиться? — спросил Реджи, подойдя к нему.

Блейкфорд кивнул без всякого энтузиазма, однако по его виду нельзя было сказать, что компания Дэвенпорта ему неприятна. По всей видимости, у Стеллы все же хватало ума не слишком изводить своего покровителя изменами.

Реджи сел за стол напротив Блейкфорда и заказал еще вина. Хотя они с Блейкфордом вращались в одном и том же обществе, их нельзя было назвать приятелями. Блейкфорд — высокий, крепкого сложения мужчина — был хорошим боксером и заядлым игроком. Цвет лица выдавал в нем большого любителя портвейна. Он вроде бы ничем не отличался от

мужчин своего круга, но Реджи приятель всегда казался человеком темным, неприятным, и потому обычно Дэвенпорт старался держаться от Блейкфорда подальше. К сожалению, на этот раз избежать встречи было невозможно.

— Я только что вернулся — меня несколько дней не было в городе, — сказал Реджи, небрежно скрестив длинные ноги. — Удобно ли будет для вас...

Вопрос повис в воздухе — Дэвенпорт сознательно не закончил фразу, надеясь, что его собеседник поймет, о чем идет речь.

Блейкфорд кивнул.

— Ее величество Удача в последнее время была ко мне благосклонна, — сказал он. — Расписка при вас?

Реджи достал листок бумаги и, протянув его Блейкфорду, принял от того стопку кредиток. Блейкфорд предложил ему бросить монету, поставив пятьдесят фунтов, и выиграл, после чего его настроение заметно улучшилось. Реджи не огорчился: хотя он считал орлянку одной из самых глупых азартных игр, поскольку участники ее полагались исключительно на слепой случай, пятьдесят фунтов показались вполне сходной ценой за то, что ему удалось добиться своего, не вступая в конфликт.

Напряжение спало, и Дэвенпорт и Блейкфорд заказали еще одну бутылку портвейна, после чего Блейкфорд принялся пересказывать Реджи последние новости. Реджи старательно пытался скрыть от собеседника, что пустая болтовня нагоняет на него скуку. Взглянув на бутылку, он с надеждой подумал, что, когда она опустеет, известия о том, кому повезло, а кому не повезло во время последней игры в вист, возможно, покажутся более интересными.

Откупоривая третью бутылку, Блейкфорд признался:

— Знаете, мне никогда раньше не представлялась возможность вам это сказать, но я очень сожалею, что вас лишили права стать наследником графа Уоргрейва. Должно быть, это чертовски неприятно, когда какой-то выскочка отхватывает то, что должно принадлежать тебе.

Реджи пожал плечами — то, что сказал Блейкфорд, ему уже неоднократно приходилось слышать и от других людей.

— Я приходился Уоргрейву лишь племянником, так что у меня всегда были подозрения, что в конце концов наследником станет кто-то из более близких родственников.

— Я вижу, вы настроены куда более философски, чем я, — заметил Блейкфорд с недовольной гримасой. — В течение последних двенадцати лет я считаю наиболее вероятным наследником герцога Дэрвестонского, так что мне прекрасно известно, как неприятна неопределенность в подобных делах.

— Наследником герцога Дэрвестонского? — Реджи тихо присвистнул. — Вот это будет куш. — Он попытался вспомнить, что ему известно о герцоге Дэрвестонском, но обнаружил, что информация, которой он располагает, весьма скудна. Он знал лишь, что герцог рано овдовел, живет на севере Англии, редко появляется в Лондоне и к тому же возвращается совсем в иных кругах, нежели он, Реджинальд Дэвенпорт. — Вы беспокоитесь, что герцог женится и у него родится сын, или же у вас есть другие основания опасаться, что наследство достанется не вам, как это вышло у меня с графом Уоргрейвом?

— Единственное дитя герцога Дэрвестонского сбежало из дома в возрасте восемнадцати лет, и с тех пор о нем никто ничего не слышал, — покачал головой Блейкфорд. — Дитяти наверняка уже нет в живых, хотя герцог отказывается это признать.

— Я никогда не встречался с герцогом Дэрвестонским, но слышал, что он не только богат, как Крез, но еще и скуп и упрям, как тысяча чертей, — заметил Реджи.

— Это мягко сказано, — отозвался, сделав очередной глоток портвейна, Блейкфорд, и лицо его помрачнело. — Старый хрыч бесится от сознания того, что в конечном итоге все его состояние достанется мне. Мы состоим в дальнем родстве, но, раз других наследников у него нет, придется ему с этим примириться.

Внезапно Реджи ощутил прилив сочувствия к Блейкфорду.

— Невеселое это дело — ждать, пока какой-то богатый самодур отдаст концы.

Дэвенпорт по себе знал, что это не просто невеселое занятие, — ему как никому другому было прекрасно известно, что человек, ждущий, когда чья-то смерть принесет ему наследство, словно бы и не живет вовсе, а пишет некий черновик, хотя на самом деле бесценные годы его жизни проходят, не принося ему ни радости, ни удовлетворения. Отхлебнув вина, он, желая утешить Блейкфорда, сказал:

— Разумеется, в первое время после того, как меня обошли с наследством, я был угнетен, но в конце концов все не так уж плохо устроилось. Мой кузен, молодой граф Уоргрейв, в качестве компенсации подписал бумаги, по которым я стал владельцем одного неплохого имения. Если пропавший ребенок герцога Дэрвестонского все же найдется, герцог, возможно, проявит по отношению к вам такое же великодушие.

— Это вряд ли, — буркнул Блейкфорд, и лицо его исказила отвратительная усмешка. — Мы с ним всегда недолюбливали друг друга. И потом — разве какое-то жалкое имение сравнится с состоянием герцога Дэрвестонского? — Тут Блейкфорд все же взял себя в руки и светским тоном произнес:

— А я и не знал, что у вас появилось собственное поместье. Расскажите-ка мне о нем.

— Имение называется Стрикленд. Расположено между Шефтсбери и Дорчестером. Площадь — около трех тысяч акров. Оно в отменном состоянии, поскольку им очень умело управляли.

— Это весьма необычно для поместья, владелец которого там не живет, — лениво заметил Блейкфорд.

— К счастью, в Стрикленде оказался очень толковый управляющий, — сказал Реджи, ловя себя на том, что губы его поневоле расползаются в улыбке. — Самое интересное, что это женщина, и притом весьма незаурядная. Она обожает всяческие нововведения, ростом почти не уступает мне, и к тому же у нее разные глаза.

— Да что вы говорите! — Рука Блейкфорда, собиравшегося плеснуть в свой бокал еще портвейна из бутылки, застыла в воздухе. — Что значит — разные глаза?

— Один карий, а другой серый, — пояснил Реджи. — Смотрится весьма пикантно.

— Когда-то я был знаком с одной женщиной, у которой были разные глаза, — медленно проговорил Блейкфорд. — А как зовут вашу управляющую?

— Элис Уэстон.

Блейкфорд уже не вполне твердой рукой наклонил наконец бутылку над бокалом.

— Нет, мою знакомую звали Энни. Она была маленькая, пухленькая и большая проказница. Мне трудно представить себе ее в роли управляющей имением, но она была мастерицей кое в чем другом, — прогудел Блейкфорд и пьяно подмигнул.

Чем-то его слова и выражение лица не понравились Реджи, но он отогнал неприятные мысли. В этом ему помог раздавшийся рядом хорошо знакомый голос;

— Реджи! Когда ты вернешься в Лондон?

Оглянувшись, Дэвенпорт увидел, что к ним, сияя радостной улыбкой, направляется Джулиан Маркхэм. Реджи, улыбнувшись приятелю, обменялся с ним рукопожатием.

— Ты еще не обедал? — поинтересовался Джулиан. — Если нет, давай пообедаем вместе. Расскажешь, что заставило тебя в такой спешке покинуть город. Может, и вы присоединитесь к нам, Блейкфорд? — добавил он, обернувшись.

Блейкфорд покачал головой:

— Нет, меня ждут в другом месте. Желаю вам приятно провести вечер.

Глядя вслед удалявшимся Реджи и Джулиану, он пытался осмыслить страшную догадку, которая, молнией мелькнув у него в мозгу, заставила его похолодеть от ужаса. Да, решил он в конце концов, значит, эта сучка жива — во всей Англии не нашлось бы второй женщины, к которой подошло бы описание, которое он только что получил от Дэвенпорта. После стольких лет — кто бы мог подумать?

Реджи и Джулиан отправились в расположенную неподалеку таверну, славившуюся своими ростбифами.

— Я рад, что Блейкфорд не принял мое приглашение, — признался Джулиан, когда они уселись за столик в углу зала. — Мне почему-то кажется, что он постоянно на что-то злится. От этого я всегда чувствую себя скованно в его обществе.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но теперь я знаю, почему он ведет себя, как медведь, у которого болит ухо, — заметил Реджи, окинув оценивающим взглядом круглый зад барменши, принявшей у них заказ. — Должно быть, тяжело жить в постоянном ожидании, что вот-вот откуда ни возьмись возникнет исчезнувший прямой наследник герцога Дэрвестонского и ты в одночасье лишишься прав на титул и состояние.

— Да, это, вероятно, в самом деле неприятно, — согласился Джулиан, — но я подозреваю, что его терзания усугубляются тем, что прямой наследник герцога Дэрвестонского — женщина.

— Боже правый, да ты шутишь! С каких это пор женщина может по наследству стать герцогиней? Даже когда речь идет о баронском титуле, такое случается редко. — Реджи был одновременно озадачен и заинтригован.

Джулиан задумался, нахмутив брови.

— Есть у меня престарелая тетушка, которая обожает порассуждать о таких вещах. Так вот, насколько я помню с ее слов, в данном случае ситуация примерно такая же, как с герцогом Мальборо. Этот титул был изначально пожалован герою Войны за испанское наследство^[2]. У него не было сыновей, только дочери, и потому в патенте специально оговаривалось, что титул может передаваться старшей дочери по наследству. Что же до герцога Дэрвестонского — он может передать титул по наследству ближайшему родственнику мужского пола, если не пожелает, чтобы его унаследовала дочь. Однако я совершенно уверен, что, даже если его пропавшая дочь жива, герцог Дэрвестонский все равно не захочет, чтобы титул достался ей, так что Блейкфорд напрасно беспокоится.

— Как странно, — пробормотал Реджи. — Пожалуй, этот патент — единственный в своем роде во всей Англии. А почему ты решил, что герцог сочтет свою дочь недостойной унаследовать титул?

Джулиан ухмыльнулся:

— Моя тетушка, о которой я говорил, еще больше, чем генеалогию, обожает скандалы. Видишь ли, дочь герцога была помолвлена с каким-то весьма достойным молодым

человеком — кажется, с младшим сыном маркиза Кинросского. Но вместо того, чтобы выйти за него замуж, она сбежала с каким-то конюхом. Такой удар должен был убить герцога, но старый черт крепок как железо — чего-чего, а характера ему не занимать. Он публично отрекся от дочери, и с тех пор об этой девице никто ничего не слышал. Тетушка считает, что она умерла при родах, а конюх, ставший ее мужем, просто побоялся сообщить об этом герцогу.

— Вполне возможно, что так все и было, — согласился Реджи.

Подали обед, и мужчины с аппетитом принялись за мясо с вареным картофелем. Покончив с едой, они отдали дань бутылочке портвейна. Реджи рассказывал приятелю о Стрикленде, но мысли его то и дело возвращались к тому, о чем поведал Джулиан.

— Право первородства — вещь в самом деле несправедливая, — задумчиво проговорил Реджи, когда тема Стрикленда была исчерпана. — Наверное, в эпоху феодализма в самом деле было разумно передавать все состояние одному наследнику — концентрация собственности помогала выжить. Но теперь такая система приводит к тому, что младшие сыновья растут и воспитываются в роскоши, которой они никогда не смогут себе позволить, став взрослыми. В результате они идут в священнослужители, или на службу в армию, или же добиваются министерских постов и при этом всю жизнь чувствуют себя бедными родственниками.

— А счастливые наследники тем временем бьют баклуши, пьют, играют в азартные игры и ждут не дождутся, когда умрут их отцы, — с неожиданной горечью продолжил Джулиан.

Реджи бросил на приятеля сочувственный взгляд.

— Означает ли это, что отец отказал в твоей просьбе занять должность управляющего имением в Мортоне? Джулиан чертыхнулся.

— Я так надеялся, что он согласится! У меня все было просчитано — чего и сколько нужно сеять, во что обойдется покупка племенного скота для улучшения стада, сколько имение будет давать дохода... — Джулиан умолк, губы его искривила горькая усмешка. — Да что я тебе это рассказываю — ты ведь потратил несколько недель, помогая мне. — Молодой человек в отчаянии мотнул головой. — Мне совершенно не понятны причины его отказа. Я бы мог удвоить доход от имения, и отцу не понадобилось бы тратить деньги на то, чтобы содержать меня в Лондоне, а ему это, между прочим, обходится недешево.

С того самого момента, когда Джулиан, окончив Оксфорд, вернулся в Лондон, он пытался убедить отца переложить на сыновьи плечи хотя бы часть ответственности за сохранение и приумножение семейного состояния. Лорд Маркхэм постоянно сетовал на то, что Джулиан — никчемный повеса, способный лишь на бездумное мотовство, и в то же время упорно игнорировал просьбы сына.

Несмотря на расхождения во взглядах, Джулиан любил отца. Однако Реджи был убежден — если лорд Маркхэм продолжит с упорством, заслуживающим лучшего применения, гнуть свою линию, в конце концов молодой человек будет молить Бога о том, чтобы его родитель поскорее отправился в мир иной. Реджи, потерявшему отца в раннем детстве, видеть это было больно, но он ума не мог приложить, как изменить ситуацию. Дэвенпорт наполнил бокалы.

— Стареющему мужчине нелегко примириться с мыслью, что его теснит более молодой человек, даже если это его сын, — заметил он. — Точнее сказать — тем более, если это его сын.

— Но я вовсе не хочу занимать его место, я просто желаю самостоятельности. — Джулиан со вздохом откинулся на дубовую спинку стула. — Как ты считаешь, может, он передумает, если я женюсь?

— Не исключено, хотя больших денег я бы на это не поставил, — сказал Реджи и неожиданно для самого себя предложил:

— Знаешь что, приезжай-ка в Стрикленд. Если уж ты начал подумывать о брачных узах, то в Дорсете полно хорошеньких девушек.

— Я был бы очень рад увидеть своими глазами твое имение, и я всегда не прочь поглазеть на хорошеньких девушек, — рассмеялся Джулиан. — Но, к сожалению, смогу посетить Стрикленд лишь недели через две.

— Вот и прекрасно. Я съезжу в Лестершир, куплю несколько кобыл и как раз через пару недель вернусь к себе в поместье, — обрадовался Реджи возможности скрасить свое одиночество в огромном, пустом доме, где он когда-то жил вместе с родителями. Кроме того, ему очень хотелось, чтобы молодой друг взглянул на восхитительную Мередит Спенсер.

Реджи не стал засиживаться в таверне и вскоре распрощался с Джулианом. Ему нужно было поставить точку еще в одном деле — и эта необходимость была приятной.

Открывший дверь ничем не примечательного дома в конце улицы мужчина, в котором угадывался бывший боксер, при виде Реджи расплылся в широкой улыбке:

— Рад вас видеть, мистер Дэвенпорт. Давненько к нам не заглядывали.

— Да, давно, — согласился Реджи, снимая шляпу. — Узнайте, пожалуйста, не сможет ли миссис Честер меня принять.

— Об этом можно даже не спрашивать, сэр. Поднимайтесь наверх, и все дела. Дорогу вы знаете.

Провожать Реджи в самом деле не было нужды. Шагая вверх по лестнице, он мимоходом заглянул в открытую дверь салона и увидел, что свободных девушек там значительно больше, чем мужчин. Одетые в яркие, открытые платья, обитательницы дома терпимости чем-то напоминали прогуливающих в большом вольере экзотических птиц. Одна из девиц, разбитная рыжеволосая красотка, подошла к двери и, прислонившись к косяку, проворковала:

— Я так и знала, что сегодня вечером будет весело. Ты ведь меня пришел проведать, не так ли, Реджи?

Реджи, хохотнув, шлепнул девицу пониже спины:

— Извини, Нэн, но я зашел, чтобы повидаться с Чесси.

— Некоторым вечно достаются самые лакомые кусочки, — протянула она и обиженно надула губки.

Реджи двинулся дальше.

— Войдите, — откликнулся в ответ на стук хрипловатый женский голос. Когда они познакомились, у Чесси был едва уловимый ист-эндский акцент, но теперь она говорила безукоризненно правильно, как настоящая леди.

Будуар хозяйки одного из самых дорогих домов терпимости английской столицы был отделан с кричащей роскошью. Чесси сидела у туалетного столика, заставленного флаконами дорогих духов, баночками с румянами и пудрой. Увидев в зеркало, кто к ней пришел, она вскочила со своего места и крепко обняла Дэвенпорта.

— Где тебя носило, негодяй? — ласково спросила она. — Я тебя не видела тысячу лет.

В молодости Чесси была сногшибательно красива. С возрастом она набрала несколько лишних фунтов, когда-то роскошные светлые волосы слегка потускнели, и все же она оставалась весьма привлекательной женщиной. Реджи было приятно вновь ощутить Чесси в своих объятиях, и отпустил он ее с явной неохотой.

— Я уезжал из города, — ответил он. — И через несколько дней опять отбуду.

Чесси достала из буфета бутылку дорогого бренди, которую держала специально для Реджи, и наполнила два бокала. Усадив Дэвенпорта на диван и устроившись в кресле, она заставила его рассказать, что с ним случилось за эту «тысячу лет», что они не виделись.

— Ты, похоже, скоро остепенишься, — подытожила Чесси его рассказ о том, как он стал владельцем имения, что представляет собой Стрикленд и как там обстоят дела. — Значит, будешь мировым судьей, ни больше ни меньше? — Взглянув на свой бокал, она задумчиво провела пальцем по его кромке. — Насколько я понимаю, здесь ты будешь теперь нечастым гостем. Что ж, мне жаль. Хотя... с другой стороны, я этому даже рада.

— Вот как? Рада от меня избавиться? — переспросил Реджи, усмехаясь.

— Ты ведь прекрасно знаешь, что это не так. — Чесси наклонила голову, словно раздумывая, стоит ли ей продолжать разговор на эту тему. — Я очень беспокоилась за тебя. Ты сильно изменился. Раньше ты кутил и прожигал жизнь потому, что это доставляло тебе удовольствие, но в последнее время мне стало казаться, что ты делаешь это как бы по привычке и чувствуешь себя несчастным. Ты давно ведешь себя как человек, который однажды утром умрет после очередной попойки. Если ничего в твоей жизни не изменится, рано или поздно так и случится.

— Ты считаешь, что я не в состоянии о себе позаботиться? — спросил он мягким, вкрадчивым тоном, за которым скрывалось раздражение.

— Дело не в том, что ты этого не можешь, а в том, что ты не станешь даже пытаться это делать, — прямо заявила Чесси. — Я женщина и прекрасно знаю мужчин. Черт возьми, Реджи, ты слишком много пьешь. Если ты не остановишься, ты либо сопьешься до смерти, либо свернешь себе шею, свалившись по пьянке с лошади. Или погибнешь в какой-нибудь драке — просто потому, что из-за винных паров утратишь быстроту реакции и ловкость.

Реджи со стуком поставил пустой бокал на хрупкий столик.

— Да, я действительно пью много, как и всякий английский джентльмен. Любой серьезный политик, к примеру, должен быть способен выпивать по меньшей мере три бутылки дрянного портвейна за ночь, а еще лучше — пять или шесть, в противном случае успеха ему не видать.

— Верно, но многие от этого гибнут, не забывай. И дело даже не в том, сколько ты пьешь. Гораздо больше меня беспокоит, как это на тебя действует. — Чесси окинула Дэвенпорта оценивающим взглядом. — А действует это на тебя очень плохо.

— Значит, по-твоему, я не умею пить? — спросил Реджи, начиная закипать.

— Я не спорю, когда-то ты был способен перепить любого и на следующее утро чувствовать себя отлично, — признала Чесси, глядя Дэвенпорту в глаза и стараясь говорить как можно убедительнее, чтобы он прислушался к ее словам. — Но уже года два выпивка берет над тобой верх. Я была знакома со многими мужчинами...

— Не сомневаюсь. Из твоих дружков можно было бы сформировать не один полк, — съязвил, перебивая собеседницу, Реджи.

Чесси покраснела, но решила не отступать.

— Ты помнишь, как мы с тобой познакомились? — спросила она.

— Разумеется, помню. Как я могу забыть пьяных ублюдков, которые пытались тебя изнасиловать?

Это произошло в заведении Рэйнлафа — незадолго до того, как оно закрылось. Чесси — в то время еще молоденькая и неопытная жрица любви — была страшно напугана и звала на помощь, а Реджи оказался единственным мужчиной, который счел для себя не зазорным прийти на выручку проститутке.

Рыцарское поведение стоило Реджи сломанного носа, однако типам, напавшим на Чесси, досталось куда больше — по убеждению Дэвенпорта, это была одна из самых славных его драк. Правда и то, что он тогда был трезв, а противники пьяны. Но сейчас эта мысль его разозлила.

— Ну и при чем тут история нашего знакомства? — воинственно спросил он.

— Реджи, я считаю, что в тот вечер ты спас мне жизнь. Я в долгу перед тобой и теперь хочу тебе этот долг вернуть. Да, почти все джентльмены пьют помногу, но иногда это перестает быть просто дурной привычкой и превращается... в некое подобие болезни, в зависимость, как у курильщиков опиума. Когда это случается, человек уже не в состоянии себя контролировать. Он становится пьяницей, и выпивка превращается для него в смысл жизни. Алкоголь разрушает его здоровье, сжигает ему нутро, превращает его в злобное, отвратительное создание — и в конце концов убивает.

— Хорошенькую картинку ты нарисовала, — язвительно заметил Реджи. Было ясно, что слова Чесси его задели. — Но уверяю тебя, у меня нет зависимости ни от алкоголя, ни от чего-либо другого. Я могу бросить пить в любой момент.

— А ты когда-нибудь пытался? — поинтересовалась Чесси, глядя на него печальными глазами.

Реджи демонстративно протянул руку к бутылке и налил себе в бокал еще на три пальца бренди.

— Мне не было нужды это делать.

Чесси вздохнула — она была заранее уверена: Реджи не захочет признать, что он алкоголик; ей ни разу не приходилось видеть человека, который согласился бы с таким диагнозом. И все же она считала, что обязана попытаться убедить его в этом. После того как Реджи спас ее от пьяных насильников, Чесси и Дэвенпорт прожили вместе несколько лет, и связывал их не только бизнес. Ей было больно видеть, как Реджи меняется на глазах — меняется далеко не в лучшую сторону. Он всегда был вспыльчивым, но в прежние времена очень быстро справлялся с приступами раздражения и снова становился веселым и легким в общении человеком. Теперь же он почти постоянно выглядел подавленным и озлобленным, ему нравилось выражаться хлестко и язвительно, нравилось причинять боль.

— Ты заглянул сюда только затем, чтобы поссориться со мной, или у тебя были еще какие-то причины? — спросила она.

Реджи едва заметно улыбнулся и, достав из кармана сложенный лист бумаги, протянул его Чесси. Развернув его, она удивленно приподняла брови.

— Ну, и зачем это мне? Это же оригинал нашего партнерского соглашения.

Реджи откинулся на спинку дивана и поднес к губам бокал с бренди.

— Пора тебе полностью взять бизнес в свои руки, — сказал он. — Ты делаешь большую часть работы, остальным занимается Мартин. То, что я продолжаю получать часть прибыли, просто несправедливо.

Чесси с грустью посмотрела на документ. Восемь лет назад, когда ее бросил очередной любовник и покровитель, она оказалась в крайне стесненных обстоятельствах. Она была уже немолода и бесконечно устала быть содержанкой. Не зная, что предпринять, Чесси обратилась за помощью к Реджи, и он не только снова спас ее, но и предложил ей открыть собственное дело. Более того, ссудил деньгами, необходимыми для того, чтобы это дело начать. Она открыла свой дом терпимости и, хотя это стоило ей немалых трудов, делала все, чтобы довольны были и девушки, и посетители. И это стало возможным потому, что в нужный момент Дэвенпорт протянул ей руку.

Чесси подошла к дивану и с жаром поцеловала Реджи.

— Ты очень великодушен, Редж. Четвертая часть пирога — немалый куш. Мало кто отдал бы его просто так. Дэвенпорт небрежно пожал плечами.

— Моя доля прибыли мне больше не нужна, к тому же первоначальный взнос уже многократно окупился.

— Ты уверен, что нет ничего такого, что я могла бы сделать, чтобы... показать тебе, как я ценю твою великодушность? — промурлыкала Чесси и игриво провела опытной рукой по телу Реджи.

В глазах Дэвенпорта вспыхнуло желание, но он тут же с сожалением покачал головой.

— Мне кажется, Мартину бы это не понравилось, — сказал он.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Чесси, и в голосе ее тоже прозвучало сожаление. Мартином звали бывшего боксера, который открыл Реджи дверь. Он встречал гостей, следил за порядком, присматривал за работой кухни и винного погреба и Делал множество других дел, помогая Чесси управлять заведением. Мартин был славным малым, но имел один недостаток — он был чрезмерно ревнив, а поскольку их с Чесси партнерство не ограничивалось чисто деловыми отношениями, он терпеть не мог, когда вокруг его подружки начинали увиваться другие мужчины.

— Ты хоть иногда будешь проводить меня, когда станешь добропорядочным, уважаемым джентльменом? — с грустью спросила Чесси, когда Реджи поднялся с дивана, собираясь уходить.

— Ну разумеется. — Дэвенпорт улыбнулся, все его раздражение как рукой сняло. — Поскольку большинство мужчин, бывающих здесь, люди вполне уважаемые, я не буду выделяться на общем фоне.

Поцеловав ее на прощание в щеку, Реджи вышел. Когда за ним закрылась дверь, Чесси вздохнула. С Мартином ей было хорошо, но такого мужчины, как Реджинальд Дэвенпорт, в ее жизни не было больше никогда.

Когда Реджи проснулся, солнце уже клонилось к западу. Некоторое время он лежал неподвижно, зная, что стоит сделать резкое движение, как тут же навалится дурнота. Солнечный свет, проникая сквозь плотно смеженные веки, бил по нервам. Реджи попробовал перевернуться на бок, но тут же почувствовал страшную боль в глазах и был вынужден отказаться от попытки. Он попробовал восстановить в памяти события вчерашнего вечера, но мозг отказывался работать.

Постепенно Дэвенпорт припомнил, что в заведении Уайта встречался с Блейкфордом, что потом обедал в обществе Джулиана и что они расстались довольно рано, что после этого он заходил к Чесси и отдал ей оригинал их партнерского соглашения. Последний визит он помнил совершенно отчетливо, в том числе и дурацкие замечания Чесси насчет того, что он

спивается.

Значит, ты, болван эдакий, ей не поверил? — гулко отозвалось у него в мозгу. Внутренний голос уже не раз предупреждал его об опасности, которую таил в себе алкоголь. Реджи застонал — ему не хотелось думать об этом, и он искренне пожалел, что де взял с собой в Лондон Мака: сейчас какой-нибудь из многочисленных чудодейственных эликсиров, изобретенных камердинером и предназначенных для борьбы с похмельем, пришелся бы как нельзя более кстати.

Раздумывая над тем, как ему удалось добраться до дому, Дэвенпорт принялся было стаскивать с себя измятую одежду, как вдруг заметил незнакомый ему ночной горшок на столе около двери. Сей предмет пробудил в нем любопытство и желание узнать, откуда он взялся.

Заглянув в ночную вазу, Дэвенпорт с изумлением обнаружил, что горшок буквально набит деньгами. Реджи вновь принялся лихорадочно рыться в памяти, но безуспешно. Судя по всему, ночь он провел в каком-то игорном заведении. Взяв в руку горсть банкнот, Реджи попытался хотя бы приблизительно определить, сколько в горшке денег, но сейчас это оказалось ему не под силу.

Чуть позже, переодевшись в свежее белье и чистую одежду и проглотив стопку ирландского виски, Дэвенпорт все же сумел пересчитать деньги. В горшке лежало больше тысячи фунтов. Он чертыхнулся, подумав, что дорого бы дал за то, чтобы узнать, где он был и что делал вчера вечером. Скорее всего ночь напролет пил и играл, но окончательно убедиться в этом он мог, лишь случайно встретившись с кем-то, кто был свидетелем его «подвигов».

Хотя Реджи часто шел на риск, но делал он это только тогда, когда мог рассчитать шансы на успех и был способен контролировать ситуацию. Однако провалы в памяти означали потерю контроля над самим собой, и потому его состояние вызвало у Дэвенпорта серьезное беспокойство.

Пока Реджи запикивал банкноты в портфель, чтобы отнести в банк, ему вновь отчетливо вспомнились слова Чес-си. Он сжал зубы, вынужденный признаться себе, что она, возможно, права. Во всяком случае, в Стрикленде он пил меньше. Теперь же, проведя в Лондоне лишь день, он чувствовал себя так, что смерть казалась ему избавлением. Что ж, подумал Реджи, уже завтра ноги его в Лондоне не будет — он отправится в Лестершир посмотреть кобыл, а оттуда вернется домой.

Дэвенпорт даже не удивился тому, как быстро Стрикленд стал для него домом.

Со времени отъезда Дэвенпорта из Стрикленда прошла неделя. Поначалу мисс Уэстон испытала облегчение, узнав, что хозяин имения отправился в Лондон. Но уже вскоре Элис поймала себя на мысли, что с нетерпением ждет возвращения Реджи, хотя и знала, что его появление неизбежно вызовет у нее чувство неловкости и стыда.

Элис была полностью погружена в работу, проверяя счета и в тысячный, наверное, раз раздумывая о том, что Британии следовало бы перейти на десятичную денежную систему, когда раздался тихий стук в дверь.

— Войдите! — крикнула она, не отрывая глаз от бумаг. Стараясь ступать бесшумно, Реджи пересек комнату и, остановившись в каких-нибудь трех футах от Элис, сказал:

— Добрый день.

Вздрогнув от неожиданности, Элис поставила чернильную кляксу на лежащий перед ней документ.

Реджи держался, как и всегда, уверенно и непринужденно; глаза его лукаво поблескивали.

— Извините, что застиг вас врасплох, — сказал он, опершись о край стола, — но вы ведь пригласили меня войти. Не произошло ли за время моего отсутствия каких-либо важных событий?

— Как вы и хотели, всем, кто живет на территории поместья, были сделаны прививки против оспы, — доложила Элис. Брови Реджи удивленно взлетели вверх.

— Быстро же вы управились. Никто не противился?

— Если и противились, то не слишком долго. Благодаря тому, что Элис выполняла распоряжение владельца поместья, вся процедура прошла в самом деле быстро и не встретила противодействия. Что же касается самой Элис, то она чувствовала удовлетворение, сделав столь важное и нужное дело.

— Что ж, поздравляю вас, вы отлично справились с работой, — подытожил Дэвенпорт. — Еще какие-нибудь новости?

— Я подготовила предложения по поводу возможных усовершенствований в ведении хозяйства, — сообщила Элис, немного замявшись.

— И что же вы рекомендуете сделать?

— Прежде всего, я думаю, нам следует увеличить поголовье скота. Цены на зерно после окончания войны упали, и мне кажется маловероятным, что они вырастут в ближайшем будущем. Часть земель, занятых под посевы зерновых, можно было бы использовать для выращивания кормовой свеклы, — сказала Элис. — Она очень хороша как корм для скота. А вот список оборудования, которое могло бы нам пригодиться. В начале списка — самое нужное, в конце — то, без чего в крайнем случае можно было бы обойтись. В списке также указаны цены и те преимущества, которые может дать нам то или иное приспособление.

Взгляд Реджи пробежал по аккуратным строчкам.

— Я поподробнее ознакомлюсь с этим позже. Что-нибудь еще?

— Нам нужно выстроить новые коттеджи для работников. На старые стыдно смотреть — в них сыро, они совершенно непригодны для жизни. Кроме того, все они перенаселены. — Элис положила перед Дэвенпортом еще одну стопку бумаг. — Здесь примерный расчет, во что это обойдется.

Реджи быстро пролистал записи управляющей и, дойдя до последней страницы с итоговыми цифрами, тихонько неодобрительно присвистнул.

— Это будет стоить дорого, а прямых финансовых выгод имению не принесет, — заметил он.

— Зато даст много выгод косвенных, — возразила Элис и доверительно наклонилась к Дэвенпорту. — Здоровые, счастливые люди работают гораздо лучше.

— Наверное, вы правы, но доказать это невозможно, — сказал Реджи, сардонически улыбаясь. — Вы уже использовали этот аргумент в пользу идеи об открытии школы.

— Да, и он полностью сохраняет свою силу. — Элис встала. Она почувствовала, что грядет стычка с владельцем поместья, а в таком случае она предпочитала не сидеть, а стоять перед ним во весь рост. — Расходы, указанные в расчетах, не выходят за пределы разумного.

Элис уже набрала было в легкие воздух, чтобы более детально обосновать свою точку зрения, но Дэвенпорт примирительным жестом поднял руку.

— Я вовсе не говорю, что мы не станем этого делать. Просто ваш план также придется реализовывать по частям, — сказал он и, улыбнувшись, добавил:

— Вы напрасно думаете, что меня волнуют только мои доходы. Чтобы доказать, что вы не правы, я сейчас покажу вам, что привез из поездки.

Элис последовала за ним на улицу и, пройдя через двор, вошла в конюшню. В стойлах стояли три новые кобылы.

— Вы собираетесь разводить гунтеров? — спросила она, не скрывая удивления.

— Вы неплохо разбираетесь в лошадях, — заметил Дэвенпорт, пропуская мимо ушей ее вопрос. — Оцените-ка мое приобретение.

Протянув руку, Элис погладила ближайшую к ней гнедую кобылу — чуть вислоухое животное с могучими задними ногами и крупом. Лошадь в ответ дружелюбно ткнула мордой в ее плечо.

— Они, конечно, внешне не слишком эффектны, но в поле должны показать себя очень хорошо, — вынесла свой приговор управляющая.

— У той кобылы, что ближе к вам, вислые уши, но она прекрасно берет препятствия и чертовски вынослива, — заметил Дэвенпорт и без всякого перехода вдруг выпалил:

— Я хотел извиниться перед вами за то, что произошло здесь на прошлой неделе.

Элис застенчиво глянула на хозяина Стрикленда и отвела глаза. В этом взгляде отразилось все то душевное смятение, с каким она ожидала возвращения Реджи. Что же касается Дэвенпорта, его смуглое лицо, обращенное к Элис, было задумчивым, однако по его светлым глазам невозможно было прочесть его мысли.

— Я покривлю душой, если скажу, что сожалею о случившемся, — продолжил он, — но мне в самом деле очень жаль, если я смутил вас или обидел.

Элис, готовая провалиться сквозь землю от смущения, перевела взгляд на вислоухую гнедую и принялась гладить ее по бархатистой морде.

— Я тоже не могу сказать, что сожалею о случившемся, — с трудом выдавила она, — но это больше не должно повториться.

— Договорились. Вопрос закрыт?

— Вопрос закрыт, — повторила Элис, недовольная тем, что в этой весьма неловкой ситуации не смогла держаться, как подобает зрелой, преисполненной чувства собственного достоинства и уверенной в себе женщине.

Но почему же, почему, снова и снова спрашивала она себя, ей так грустно оттого, что

больше такое никогда не случится?

На следующий день после возвращения в Стрикленд Реджи, с некоторым опозданием выполняя свое обещание, отправился на обед к Стэнтонам. Вечер, проведенный в их доме, оказался на удивление приятным. Толстая улыбчивая тетушка Элизабет бросилась обнимать его почти с таким же пылом, с каким дома его приветствовала по возвращении из Лондона черно-белая колли.

На обеде у Стэнтонов присутствовало несколько местных помещиков. Они встретили Дэвенпорта дружелюбно, как своего, то есть человека, родившегося, как и они, в окрестностях Дорсета. И за портвейном мужчины обсуждали местные новости, всячески вовлекая в разговор и Реджи. К счастью, Стэнтоны не пригласили ни одной незамужней женщины. Впрочем, замужние дамы тоже смотрели на Реджи оценивающе, но у них были на то иные причины — вероятнее всего, они решали, кого из своих дочек на выданье можно будет попробовать «пристроить» с его помощью.

Помня о своем решении сократить употребление алкоголя вообще и тем более не давать себе воли в доме Стэнтонов, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, Реджи старался не слишком налегать на вино. Наверное, именно по этой причине он, вернувшись в Стрикленд, чувствовал себя не в своей тарелке. Пройдя в библиотеку, он налил щедрую порцию виски и с радостью ощутил, как по телу разливается приятное, успокаивающее тепло. Однако даже после этого Реджи не смог расслабиться по-настоящему.

Он обвел взглядом комнату и подумал, что ему следует кое-что изменить в ее убранстве. За тридцать или сорок лет все краски поблекли. Может быть, если сменить обои и занавески, дом не будет казаться могильным склепом...

В отчаянии Дэвенпорт выплеснул в рот остатки виски и решил отправиться на улицу. Черно-белая колли, все еще не имеющая ни клички, ни хозяина, тут же вынырнула из темноты и затрусилась рядом, радуясь возможности совершить прогулку в компании своего любимца.

Ночь была напоена запахами наступающего лета. Реджи закурил сигару и зашагал по направлению к озеру. В этот момент к нему пришло наконец долгожданное ощущение мира с самим собой и с природой. Эта тихая ночь, словно опытная искусительница, зазывала его забыться в ее теплых объятиях. Но — странное дело — шорох травы, возня мелких животных в кустах и заунывные крики совы почему-то вызвали у него чувство болезненного одиночества. Это было не то одиночество, которое нередко охватывало его в Лондоне, — сердце его сжала неведомая прежде грусть, горечь напрасно прожитых лет и неиспользованных возможностей.

Ноги сами собой пронесли Дэвенпорта мимо озера, и вскоре он оказался поблизости от Роуз-Холла. В мягком свете луны смутно вырисовывался силуэт дома, в котором жила управляющая его именем. Свет в окнах не горел — время уже давно перевалило за полночь.

Реджи прислонился к высокому вязу и неожиданно для себя подумал, знакомо ли ощущение одиночества Элис Уэстон. У нее была семья, и все обитатели поместья относились к ней с любовью и уважением. Достаточно ли этого леди Элис?

Дэвенпорт глубоко затянулся сигарой, кончик которой сначала ярко вспыхнул, а затем превратился в тускло рдеющую в темноте багровую точку. Вдруг Реджи уловил какой-то негромкий звук. Насторожившись, он взгляделся в ночную тьму и с удивлением различил во мраке удаляющийся от Роуз-Холла неясный силуэт.

Реджи нахмурился, раздумывая, кто бы это мог быть. Возможно, кто-то из приемных детей Элис пытался тайком улизнуть из дома в поисках приключений? Если это один из мальчиков, подобная проделка вполне допустима, но если из Роуз-Холла выскользнула золотоволосая Мередит, дело принимало совсем иной поворот.

Дэвенпорт бросил окурок сигары на землю и затоптал его ногой, после чего обошел вокруг дома, осторожно вглядываясь в темноту.

— Ну что, псина, ты по следу идти умеешь? — шепотом спросил он, повернув голову к овчарке, которая, опустив морду к земле, к чему-то принюхивалась.

Собака тут же подбежала к нему и, вытянув шею и поставив торчком уши, стала всматриваться в ночную тьму.

— Надо будет сдать тебя живодеру, — раздраженно пообещал Дэвенпорт.

В это время овчарка тихо зарычала и двинулась вперед.

— Ради всего святого, успокойся, — прошептал Реджи. — Ты же всех перебудуешь.

Он ухватил собаку за шею, но она продолжала рваться к дому и, хуже того, громко залаяла.

Реджи выругался сквозь зубы и стал было оттаскивать ее прочь, но в этот момент почувствовал подозрительный запах, который тонкий нюх колли уловил гораздо раньше. Это был запах дыма, но не табачного — резкий и горький.

Разом насторожившись, Реджи внимательно оглядел дом. В окнах первого этажа мелькали тусклые багровые отсветы. Вскоре показался первый язык пламени, огонь ярко вспыхнул и с поразительной быстротой стал распространяться.

Отчаянно ругаясь, Реджи отпустил собаку и бросился к входной двери.

С вечера неприятные воспоминания долго не давали Элис заснуть. Когда же наконец удалось забыться, ее снова стал мучить все тот же кошмар.

Зачем жениться на такой бой-бабе, как эта Длинная Мег? — Как это зачем? Ради денег, конечно.

Снова ей пришлось пройти во сне через все те же унижения, но на этот раз привычный сценарий был сломан. Ей приснилось, что отец послал за ней погоню. Снились хриплые крики охотников, топот коней и оглушительный лай гончих, гнавшихся за ней по пятам. А она в отчаянии продолжала бежать, озираясь в поисках укрытия.

Медленно просыпаясь и возвращаясь к реальности, Элис вдруг поняла, что лай звучит вовсе не во сне и что лает одна-единственная собака. До нее донеслись также крик какого-то мужчины и стук в дверь. В течение еще нескольких секунд она неподвижно лежала в постели, не зная, что предпринять, но вдруг почувствовала запах гари. Мгновенно стряхнув с себя сонную одурь, Элис вскочила. Доски пола были подозрительно горячими. Торопливо накинув пеньюар, она выскочила из комнаты и побежала по коридору с криком:

— Мерри, Питер, Уильям, вставайте! Распахнув дверь комнаты Мередит, Элис увидела, что девушка с сонным видом сидит в постели.

— Быстро вставай, пожар! — отрывисто бросила Элис. — Надо немедленно выбираться на улицу.

Ахнув, Мерри вскочила с кровати и, наскоро одевшись, выбежала в коридор следом за приемной матерью. Огонь сюда еще не дошел, но от дыма у Элис и Мередит защипало глаза. Мальчики тоже выскочили из своих спален. Уильям сонно тер рукой глаза, но Питер, быстро понявший, что всем грозит серьезная опасность, был в полной боевой готовности.

— Питер, Мерри, выходите на улицу и уведите с собой Уильяма, — приказала Элис. — Я пойду за прислугой. Да побыстрее! — прикрикнула она, увидев, что Питер раскрыл рот, чтобы запротестовать.

Старший из мальчиков кивнул и взял братишку за руку. Элис, убедившись, что все трое стали спускаться вниз по центральной лестнице, побежала наверх, в мансарду, благодаря Бога за то, что узкая лесенка находилась в дальнем крыле дома, на значительном расстоянии от того места, где возник пожар.

Добравшись до верхней площадки лестницы, она столкнулась с закутанной в темную шаль миссис Хэйвер.

— Можно выбраться по центральной лестнице, там пока безопасно. Скорее туда! На улицу! — крикнула Элис и закашлялась — дым проник уже и в мансарду.

Глаза миссис Хэйвер испуганно расширились. Внезапно она метнулась обратно в спальню. Элис, выругавшись, последовала за ней.

— Ради всего святого, что бы у вас там ни хранилось, сейчас не время думать о вещах! Спасайтесь! — крикнула она.

— Вам легко говорить, — дрожащим голосом пробормотала повариха и, приподняв конец матраса, вытащила нечто, бывшее в ее представлении сокровищем.

Схватив миссис Хэйвер за руку, Элис вытащила ее из комнаты и подтолкнула к лестнице.

— Живее, черт побери! — напутствовала она перепуганную женщину и, уже не имея времени на то, чтобы убедиться, что ее приказание выполнено, побежала дальше по узкому, темному коридору, пытаясь отыскать спальню горничной, Джейни Геральд. Когда она наконец распахнула нужную дверь и окликнула девушку, ей никто не ответил. В темноте Элис ощупью двинулась по комнате, ясно ощущая запах дешевых духов Джейни, но тут же, больно ушибив пальцы, упала на узкую кровать. Кровать была пуста, белье не смято. На какой-то миг у Элис перехватило дыхание от ужаса. Она лихорадочно пыталась сообразить, куда могла подеваться горничная, пока не вспомнила, что Джейни встречается с парнем из близлежащей деревни. Может, она потихоньку выскользнула из дома еще до пожара и отправилась на свидание?

Молясь в душе, чтобы так оно и оказалось, Элис выбежала из комнаты. Узкая лестница была уже вся в дыму. Внизу дела обстояли еще хуже — пламя жадно пожирало то, что совсем недавно было ее комнатой.

Элис вспомнила, как следует вести себя при пожаре. Вытащив из кармана носовой платок, она на секунду нырнула в комнату Питера и окунула платок в кувшин с водой. Затем, прикрыв мокрой тканью рот и нос, помчалась, преодолевая страх, туда, где уже вовсю бушевал огонь, зная, что, только миновав этот ад, можно пробраться к лестнице и спастись.

Лестница, ведущая на первый этаж, еще не была задымлена. Тем не менее мешкать не стоило, ибо и этот — последний — путь к спасению вот-вот мог быть отрезан. Элис стала торопливо спускаться по ступенькам. Левую щеку и левый бок обдало жаром. Послышался хруст, затем оглушительный грохот — это рушились деревянные перекрытия верхних этажей. Ее снова обдало обжигающей волной раскаленного воздуха, ступени лестницы зашатались под ногами.

Стоило Элис наконец добраться до первого этажа, как рядом с ней взвился целый сноп искр, прожигающих крошечные черные дырочки в пеньюаре и больно жалящих кожу. В густом дыму было не продохнуть. Хорошо знакомая с планировкой дома, Элис стала на

ощупь пробираться к входной двери, когда поблизости раздался истошный вопль и к ней метнулся Аттила с опаленным хвостом. Элис подхватила перепуганного, царапающегося кота на руки и двинулась было дальше, но тут же остановилась, охваченная ужасом: просторный зал, который ей нужно было пересечь, чтобы выбраться из дома, был весь в огне. Она бросилась назад, но на лестнице бушевало пламя. Элис закричала от ужаса, поняв, что попала в ловушку.

Голова кружилась от дыма, воздуха не хватало. Бежать было некуда. Крепко сжимая в руках дрожащего Аттилу, Элис присела на корточки, чувствуя, что вот-вот лишится сознания. Жар становился нестерпимым. Элис с мрачным юмором пожалела о том, что не позволила Реджинальду Дэвенпорту себя соблазнить. Раз уж ей все равно предстояло заживо сгореть в аду, вероятно, следовало хотя бы раз согрешить и получить от этого удовольствие. Подумав так, Элис Уэстон провалилась в бездонную черную пропасть.

Поняв, что его криков и стука в дверь никто из обитателей Роуз-Холла не слышит, Реджи стащил сюртук, обернул им руку, разбил окно и, открыв шпингалет, залез в гостиную. Судя по треску пламени и обилию дыма, пожар распространялся по дому с опасной быстротой.

Вбежав в зал первого этажа, Дэвенпорт увидел троих Спенсеров, бегущих к нему.

— Мерри, где леди Элис?! — крикнул Реджи. Проводив взглядом Питера, торопливо подталкивающего братишку к двери, Мередит ответила:

— Она побежала в мансарду, будить прислугу.

— Ступай на улицу к братьям и оставайся там, — скомандовал Реджи.

Мерри кивнула и бегом бросилась к двери.

Однажды Реджи довелось оказаться в горячей таверне. Тот, кто никогда не видел своими глазами настоящего пожара, ни за что бы не поверил, что пламя может распространяться с такой невероятной скоростью. Молясь, чтобы Элли и слуги в этот момент были уже на пути к выходу, Дэвенпорт бросился к центральной лестнице. Он успел преодолеть всего несколько ступенек, когда на него с разбегу налетела неожиданно возникшая из клубов дыма женщина средних лет. Она была испугана и тяжело дышала.

Обняв за талию, Реджи почти донес женщину до входной двери.

— Где леди Элис?

— Она... она пошла за Джейни. — Женщина закашлялась и долго не могла произнести ни слова. — Наверное, она вот-вот спустится.

Оглянувшись, Реджи увидел, что в одном крыле дома языки пламени показались над крышей. Весь двор был залит ярким, дрожащим светом. Стоя на безопасном расстоянии, трое Спенсеров словно загипнотизированные с ужасом наблюдали за тем, как огонь пожирает их жилище.

От ближайшего коттеджа, где проживал один из арендаторов, к дому управляющей бежали люди. Несколько человек тащили за собой пожарный экипаж. Толку от него будет мало, но Реджи обрадовало, что обитатели поместья в экстремальной ситуации не потеряли голову, сохранив способность принимать здравые решения.

Питер бросился помогать. Мередит стояла на месте, держа за руку малыша Уильяма. Реджи, отчаянно чертыхаясь, бросился обратно к дому, думая о том, что Элли уже пора было выбраться на улицу и раз ее все еще нет, значит, она задохнулась в дыму.

В центральном зале пламя стояло сплошной стеной в каких-нибудь десяти — двенадцати футах от входа. Реджи показалось, что у него вот-вот вспыхнут волосы. Застыв на

несколько секунд в нерешительности, он пытался восстановить в памяти планировку дома, чтобы обойти огненную преграду.

Вдруг откуда-то из-за пляшущих языков пламени до него донесся леденящий душу крик. «Элли», — подумал Дэвенпорт. У него сердце оборвалось от страха. Элис скорее всего оказалась в западне, отрезанная огнем от входной двери.

И тут Реджи вспомнил про персидский ковер, устилавший пол в гостиной. К счастью, на ковре стояло лишь несколько стульев, а сам ковер был не настолько велик, чтобы с ним не мог управиться один человек. Сложив ковер вчетверо, Дэвенпорт схватил его в охапку и вернулся в объятый пламенем зал. Подойдя как можно ближе к огню, он швырнул ковер вперед. Тяжелый шерстяной свиток, пробив брешь в стене пламени, на несколько секунд превратился в подобие мостика, переброшенного через огненную пропасть. Прикрывая ладонью глаза и пригнувшись, Реджи прошмыгнул между грозящими вот-вот сомкнуться волнами огня.

Элис лежала у стены. Моля Бога, чтобы она была жива, Дэвенпорт подхватил ее на руки и пронес по горящему ковру. Спотыкаясь и задыхаясь в дыму, уже почти вслепую он выбрался на улицу. Спускаясь на подгибающихся ногах по пологим ступеням крыльца, он подумал, что Элис Уэстон и в самую последнюю минуту не изменила себе — даже потеряв сознание, она продолжала прижимать обгоревшего, громко завывающего от страха кота.

Наслаждаясь овевающими ее волнами восхитительной прохлады, Элис подумала, что, возможно, ад — это не гигантская топка, а нечто вроде огромной морозильной камеры, наполненной льдом. Как бы то ни было, она снова могла дышать, и легкие ее исправно втягивали в себя свежий, чистый, незадымленный воздух.

Постепенно возвращаясь к жизни, Элис поняла, что ее куда-то несут. Знакомый толчок кошачьих лап в живот — вероятно, Аттила, почувствовав, что он в безопасности, спрыгнул на землю. Глаза мучительно жжет. Элис с трудом разлепила веки и увидела перед собой Реджинальда Дэвенпорта. Усадив ее на траву, он стоял на коленях рядом, бережно поддерживая сильной рукой. Лицо перепачкано копотью. Белая рубашка вся в черных пятнах. Бледно-голубые, похожие на две льдинки глаза пылливо всматриваются в лицо Элис.

— С вами все в порядке?

С трудом расслышав его слова за гулом пламени и треском рушащихся перекрытий горящего дома, Элис кивнула.

— Скажите, ваша служанка осталась в доме? — задал Реджи новый вопрос.

Сглотнув, Элис попыталась заговорить.

— Думаю, ее там нет, — прошептала она и закашлялась, судорожно хватая ртом воздух.

— Надеюсь, что так, — мрачно бросил Дэвенпорт, крепче обнимая Элис. — Живым оттуда не выйти уже никому.

— Вероятно, Джейни тайком ушла на свидание, — задыхаясь, проговорила Элис. — Когда она появится, я ей шею сверну.

— Это будет справедливо, — заметил Дэвенпорт. — Из-за нее вы чуть не сгорели заживо.

— Я это заметила.

Дрожащей рукой Элис ощупала свое лицо и голову. Откинув назад растрепавшиеся волосы, она огляделась и увидела перепуганные лица детей.

Ободряюще улыбнувшись им, Элис попыталась подняться на ноги, но Реджи не

позволил и еще крепче прижал ее к себе.

— Посидите спокойно, пока не восстановятся силы, — сказал он. — Сделать уже все равно ничего нельзя.

Элис посмотрела на дом, в котором прожила четыре года, как раз в тот момент, когда со страшным треском обрушилась прогоревшая крыша Роуз-Холла. Пламя столбом взметнулось в ночное небо, осветив мужчин, пытающихся с помощью ручной помпы и шланга усмирить огонь водой, но их усилия были явно безнадежны.

Друг Элис Джейми Палмер пересек двор и присел на корточки рядом с ней.

— Вы в порядке, леди Элис?

Вместо ответа она ободряюще похлопала его по руке, зная, что он чувствует себя виноватым из-за того, что вовремя не оказался рядом с ней.

— Не скажу, что сейчас лучший момент моей жизни, Джейми, но все обошлось.

Палмер кивнул и вернулся к пожарному экипажу.

— А где же мы теперь будем жить? — слышался за спиной Элис дрожащий голос Уильяма.

Элис раскрыла объятия, и мальчик бросился к ней в поисках утешения и защиты. Прежде чем она успела ответить, прозвучал голос Дэвенпорта:

— Как это — где? В моем доме, конечно. Там хватит места и для вас, и для вашей прислуги.

Элис еще не успела задуматься о том, что делать дальше, и потому почувствовала прилив благодарности к Дэвенпорту за то, что он взял решение этого вопроса на себя. Из всего имущества Элис и троих Спенсеров осталось только то, что было на них надето, но теперь по крайней мере у них была крыша над головой.

От грустных мыслей Элис отвлек знакомый девичий голос — к ней подбежала перепуганная Джейни Геральд.

— Ой, мисс Уэстон, какой ужас! Скажите, всем удалось спастись?

— Мисс Уэстон чуть не погибла по вашей милости в огне, — она разыскивала вас по всему дому, — сухо бросил Реджи. — Постарайтесь вспомнить об этом в следующий раз, когда вам придет на ум отлучиться без спросу.

Лицо горничной скривилось, и она заплакала, уткнувшись в плечо стоявшего рядом молодого человека. Тот обнял ее и привлек к себе, успокаивая.

— Вам не следовало быть с ней таким резким, — упрекнула Элис Дэвенпорта.

Темные брови Реджи взметнулись вверх.

— Если бы вы не потратили зря время на поиски горничной, то могли бы спокойно выбраться на улицу, — раздраженно ответил он. — Вы же отправились наверх, не зная, что ее нет дома, и едва не поджарились, как рождественский гусь. Разве не так?

Элис молча вздохнула — у нее не было сил затевать спор.

— Да, вы правы, — признала она. Рука Дэвенпорта все еще поддерживала ее, и ощущение это было настолько приятным, что Элис хотелось, чтобы оно продлилось как можно дольше.

— А вы что стоите?! — прикрикнул Реджи, бросив взгляд на троих Спенсеров. — Нечего тянуть. Питер, помоги той женщине, что постарше, — кажется, она повариха? — добраться до моего дома. Горничная тоже может идти туда — если, конечно, она не захочет отправиться к своей семье или к своему молодому человеку. Мисс Спенсер, присматривайте за Уильямом. — Отдав распоряжения, Реджи повернулся к Элис и спросил:

— Вы сможете идти?

Элис кивнула и встала на ноги, но, сделав шаг, едва не упала. Ноги у нее словно онемели, колени подгибались.

Пробурчав ругательство себе под нос, Реджи поддержал ее и удивленно воскликнул:

— Боже правый, да вы же босая!

С этими словами он, не долго думая, подхватил Элис на руки, словно перышко, и понес к дому. Когда Дэвенпорт выносил ее из огня, Элис была без сознания, зато теперь у нее появилась возможность в полной мере оценить силу его рук и насладиться новым для нее ощущением. Она опустила голову на плечо Реджи и, не сдержавшись, негромко рассмеялась.

— Может, вы расскажете мне, что вас так рассмешило? — спросил Дэвенпорт.

— Я просто подумала, что меня никогда раньше не носили на руках, — пробормотала Элис, контролируя каждое слово, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Вы, наверное, никогда не давали ни одному мужчине такой возможности, — со смехом ответил Дэвенпорт.

Элис все еще раздумывала над тем, нет ли в словах Реджи какого-либо подтекста, когда они дошли до господского дома. Шум и суматоха, возникшие из-за пожара в Роуз-Холле, разбудили экономку. Реджи попросил ее приготовить для гостей комнаты, согреть молока для Уильяма и принести бренди для всех остальных. Затем он отнес Элис наверх, в гостевую спальню.

Когда он опустил ее на кровать с балдахином, Элис, хотя была совершенно измучена, все же с трудом приподнялась и села на постели.

— А дети?

— С ними все в порядке, — заверил Реджи и осторожно уложил ее на подушки. — Ложитесь.

Элис давно уже привыкла к тому, что в любой ситуации весь груз ответственности ей приходится брать на себя. Однако сейчас, как это ни странно, ей без особого труда удалось убедить себя, что Дэвенпорт сумеет обо всем позаботиться.

Сон сморил ее почти мгновенно. Последнее, что она увидела, прежде чем провалиться в сладкое забытие, был Реджи, влажной губкой обтирающий коготь с ее лица, и она невольно подивилась тому, с какой осторожностью и даже нежностью он это делает.

На этот раз она заснула так глубоко и крепко, что никакие кошмары ее не беспокоили.

Когда Элис открыла глаза и увидела над собой парчовый балдахин, весь пронизанный лучами солнца, ей на какой-то миг показалось, что она дома, в Карлсоне. Затем в памяти ее всплыли события предыдущей ночи, и она разом вернулась к действительности. Карлеон был утрачен для нее навсегда; она, управляющая имением Стрикленд, потеряла во время пожара кров, а все ее имущество составляли теперь смена белья и дырявый пеньюар. Впрочем, напомнила она себе, ей также принадлежали кобыла и кот.

Судя по тому, под каким углом проникали в комнату солнечные лучи, было уже довольно поздно. Сев в кровати, Элис потянулась. В этот момент в дверь постучали.

— Хорошо, что вы проснулись, — сказала Мередит, внося поднос с чашкой дымящегося кофе и тарелкой свежих рогаликов. — Мистер Дэвенпорт приказал вас не беспокоить, но я-то знаю, что без кофе вы не встанете.

Элис с благодарностью приняла от своей воспитанницы чашку и откинулась на подушки.

— Когда найдешь подходящего кандидата в мужья, я пошлю этому счастливику лучшие рекомендации. Ты всегда угадываешь, что человеку нужно.

Мередит засмеялась и грациозно опустилась на стул. Она была одета в простое коленкорое платье, которое было ей не совсем впору, в остальном же ночное происшествие никак на ней не отразилось.

— Как мальчики? — поинтересовалась Элис.

— Прекрасно. Мистер Дэвенпорт нашел для них в деревне кое-какую одежду и отправил их в школу. А днем приедет портниха, чтобы снять мерки и сшить нам что-нибудь приличное.

Элис было возмутилась самоуправством Дэвенпорта, но, поразмыслив, не могла не признать, что все было организовано как нельзя лучше. Мерри взяла с тарелки рогалик и стала намазывать на него мармелад.

— Он извинился за то, что не нашлось женского платья вашего размера, но сказал, что ему удалось подобрать кое-какую мужскую одежду, которая должна вам подойти. — Девушка указала на стоявший рядом с кроватью стул, на спинке которого в самом деле висела какая-то одежда. — И еще он сказал, что хотел бы поговорить с вами в библиотеке, когда это будет вам удобно.

Было совершенно очевидно, что Дэвенпорт произвел на Мередит большое впечатление. Все, что она говорила, было так или иначе связано с тем, что он сказал или сделал.

В комнату бесшумно вошел Аттила, и Элис вздохнула с облегчением — она беспокоилась о судьбе кота. На морде животного было написано все то же выражение, странным образом соединявшее самодовольство и презрение к окружающим, хотя хвост его казался далеко не таким пышным, как обычно.

— Я так рада, что с Аттилой все в порядке! — воскликнула Элис.

Кот вспрыгнул на кровать и принялся обнюхивать рогалик, который она держала в руке.

— Чтобы вывести Аттилу из равновесия, пожара маловато, — рассмеялась Мерри. — Сегодня утром он заявился на кухню и стал требовать, чтобы его накормили, да так, как будто он сроду ничего не ел Кончики шерсти у него кое-где обгорели, и я их остригла, в остальном же он, похоже, ничуть не пострадал.

— Кажется, ты права. Судя по всему, он без труда нашел в новом доме то место, где хранится еда.

Элис отложила рогалик и погладила кота. Аттила, удобно устроившись у нее на коленях, довольно замурлыкал Почесывая ему шею, Элис заметила, что от замечательных бакенбард кота осталась лишь жидкая поросль.

— Ты только взгляни, что у бедняжки стало с бакенбардами, — сказала Элис, обращаясь к Мерри.

Там, где бакенбарды все же сохранились, они — по-видимому, от жара — завернулись в тугие спирали. Стоило Элис осторожно дотронуться до одной из таких спиралек, как она тут же отвалилась.

— Он еще легко отделался, — сказала Мерри. — Если бы в тот момент, когда мистер Дэвенпорт вытаскивал вас из горящего дома, Аттила не оказался у вас на руках, он бы сейчас был в кошачьем раю.

— Я тоже легко отделалась, — с чувством произнесла Элис. — Честно говоря, я думала, что мне пришел конец.

Улыбка сошла с лица Мерри — несмотря на юный возраст, она слишком хорошо знала, что значит терять любимых людей.

— И мы так думали, — сказала она, не в силах справиться с дрожью в голосе. — Мы были уверены, что вы погибли. Если бы не мистер Дэвенпорт...

— Для того чтобы от меня избавиться, требуется пожар посерьезнее, — пошутила Элис, сдвигая Аттилу в сторону, чтобы спустить ноги с кровати. Как только ступни коснулись пола, она вскрикнула от боли.

— Что случилось? — встревожилась Мередит. Сидя на краю постели, Элис разглядывала свои перепачканные копотью ноги.

— Вчера вечером я не обратила на это внимания, но вообще-то я по крайней мере один раз ушибла пальцы на ногах, и к тому же пол был очень горячий. Нет-нет, ничего страшного! — успокаивающе воскликнула она, заметив испуг на лице Мерри. — И не смей носиться со мной, как с престарелой родственницей.

— Слушаюсь, мэм, — кротко отозвалась девушка. Элис осторожно пошевелила пальцами.

— Насколько я понимаю, никаких серьезных повреждений нет, — подытожила она, — но я бы с огромным удовольствием вымылась.

— Воду сейчас принесут, — сказала Мередит. Едва она успела произнести эти слова, как раздался стук в дверь, и две горничные внесли в комнату тазы с горячей водой, чтобы наполнить ванну.

— Я пошлю твоему будущему мужу не одно, а два рекомендательных письма, — пообещала Элис Мерри.

Оставшись одна, она с удовольствием смыла с себя грязь и копоть, а также запах гари и дыма, который, как ей казалось, пропитал ее пышные волосы. С сожалением выбравшись из ванны, Элис ощутила, что все еще не готова к неизбежной встрече со всем тем, что ждало ее за пределами спальни.

Вытерев насухо волосы, Элис расчесала их, заплела в косы и соорудила свою обычную прическу в виде короны. Одеваясь, Элис невольно обратила внимание на то, что вещи, подобранные Дэвенпортом, пришлись ей почти впору. Несомненно, он прекрасно разбирался в размерах женского платья, ехидно подумала она. Брюки оказались ей немного

тесны в бедрах и слишком свободны в талии, носки и сапоги были великоваты, но в целом одежда и обувь вполне подошли — тем более, напомнила себе Элис, что нищим не к лицу привередничать.

Спустившись вниз, она застала Дэвенпорта в библиотеке. Сидя за столом, он над чем-то работал. При ее появлении Реджи поднялся.

— Вы выглядите вполне свежей и отдохнувшей, — заметил он.

— Так и есть. — Элис опустилась на стул. — Мы с Аттилой вам очень обязаны.

— Возможно, у вас имеются для этого основания, но у Аттилы их нет. Заверяю вас, что я спас это никчемное животное совершенно случайно, — с улыбкой сказал Дэвенпорт, садясь на свое место.

Черно-белая колли, лежавшая у ног Дэвенпорта, подбежала к Элис. Управляющая потрепала овчарку по мохнатой шее.

— Кстати, о никчемных и бесполезных животных. Насколько я понимаю, вы пока так никуда и не пристроили эту собаку.

— Прошлой ночью колли доказала, что она все же может приносить кое-какую пользу, поэтому я решил, что она заслужила право остаться здесь. — Увидев устремленный на него вопросительный взгляд Элис, Дэвенпорт пояснил:

— Ночью мы с ней прогуливались неподалеку от вашего дома. Псина почувствовала запах дыма и насторожилась, после чего я решил проверить, в чем дело. Если бы не она, я, возможно, не оказался бы в нужном месте в нужное время.

Элис заглянула в карие глаза овчарки.

— Спасибо тебе, собака, — с чувством сказала она и, подняв глаза на Дэвенпорта, добавила:

— Если вы решили оставить ее у себя, вам придется придумать ей какое-нибудь имя.

— А что, я не могу называть ее просто собакой?

— Наверное, можете, — задумчиво протянула Элис, — но для ее самоуважения было бы лучше, если бы у нее было настоящее имя.

Реджи усмехнулся:

— Вы, оказывается, еще и в психологии собак разбираетесь?

— Нет, но у меня есть собственное мнение по любому вопросу, — с непроницаемым лицом заявила Элис.

— Замечательно, — рассмеялся Реджи. — Если у нее должно быть имя, то почему бы не назвать ее Немезидой? Элис невольно улыбнулась.

— Что ж, имя вполне подходящее — тем более что эту собаку, судя по всему, вам послало само провидение, — сказала она и тут же, посерьезнев, сменила тему:

— Я надеюсь, вы нормально себя чувствуете? Ночью вы находились в дыму и огне почти столько же времени, сколько и я. Вы могли погибнуть.

— Не делайте из меня героя, Элис, — сказал Дэвенпорт, которому от этих ее слов стало неловко. — Я был заинтересован в том, чтобы вас спасти. Если бы я лишился такого квалифицированного управляющего, на меня бы сразу свалилась куча дел.

Элис недоверчиво фыркнула;

— Вы и так занимались бы делами — со мной или без меня. Кстати, а как вам удалось найти меня в этом аду? Реджи неопределенно пожал плечами:

— Я услышал ваш крик и понял, что вы недалеко от входа, в зале. Тогда я взял в гостиной ковер и бросил его на огонь. Ковер на некоторое время пробил в пламени брешь.

Элис с ужасом вспомнила, как очутилась в западне, и поежилась.

— Быстро же вы сообразили, что надо делать, — только и могла сказать она.

Они помолчали. Наконец Элис, решив, что пришло время потолковать о будущем, заговорила снова:

— Я очень благодарна вам за то, что вы позволили нам провести эту ночь здесь. Но сегодня мы можем переехать в «Молчаливую женщину» и поселиться там, чтобы не путаться у вас под ногами.

— Чушь. Здесь достаточно места, — заявил Дэвенпорт, вертя в своих длинных, красивых пальцах перо. — Мне кажется, вам всем следует остаться здесь.

Элис уставилась на хозяина. Ей показалось, в голосе Реджи прозвучали некоторая робость и неуверенность. Однако она тут же решила, что ей это просто почудилось, — робость и неуверенность были не в характере Реджинальда Дэвенпорта.

— Не говорите ерунды, — ответила она. — Это невозможно.

— В вашем контракте оговорено, что я обеспечиваю вас жильем. Поскольку Роуз-Холл сгорел, на территории имения больше не осталось домов, в которых можно было бы разместить управляющего. Все коттеджи заняты арендаторами, а моя экономка утверждает, что подходящего жилья поблизости нет.

Элис закусила губу, понимая, что Дэвенпорт прав. Будучи управляющей, она должна жить поблизости, а не в нескольких милях от усадьбы. Кроме того, школа, в которую ходили мальчики, находилась неподалеку от господского дома, да и все их приятели жили здесь же. Получалось, что ей и Спенсерам действительно исключительно удобно было бы остаться в доме Реджи. Элис не могла не признаться — мысль о том, что они будут жить под одной крышей, доставила ей тайную радость. Ей было приятно видеть его, разговаривать с ним. И еще ей очень хотелось снова почувствовать на своих губах его губы.

Стараясь отогнать непрошенные мысли, Элис заставила себя подумать о Мередит. Не будет ли жизнь рядом с Дэвенпортом таить в себе слишком много опасностей для невинной девушки?

В очередной раз угадав ход ее мыслей, Дэвенпорт сказал:

— Если вас беспокоит, что это будет не совсем прилично, учтите: то, что вы поселитесь здесь со своими воспитанниками, снимает все вопросы. Ведь вы для троих Спенсеров все равно что приемная мать.

Разумеется, с горечью подумала Элис, ее, тридцатилетнюю старую деву, никто и не воспринимает иначе, как воспитательницу и опекуницу Мередит и ее братьев. Даже завзятый повеса не заинтересуется ею — по крайней мере на трезвую голову.

— Я поразмыслю над вашим предложением и обсужу его с детьми, — сказала Элис.

— Надеюсь, вы не думаете, что еще одна ночь, проведенная здесь, вас скомпрометирует? — спросил Дэвенпорт.

— Пожалуй, нет, — мрачно буркнула Элис. Реджи, казалось, порядком позабавили ее переживания, но он не стал их комментировать, ограничившись вопросом:

— Вы в состоянии сходить посмотреть на то, что осталось от Роуз-Холла?

Понимая, что рано или поздно это все равно надо будет сделать, она кивнула. Вместе с Реджи они вышли на улицу и вскоре оказались у пепелища того, что вчера еще было домом Элис Уэстон.

Теперь, когда от него остались лишь закопченные каменные стены с черными провалами окон, Роуз-Холл казался гораздо меньше, чем раньше. Спасать было нечего —

дом выгорел практически дотла. Крыша и перекрытия обрушились вниз, в погреб. Над обугленными балками еще курился дым.

Элис обошла вокруг пожарища, осторожно пробираясь между обгоревшими досками и осколками черепицы, и содрогнулась при мысли о том, что тут могло бы лежать ее обугленное тело. Она боялась, что теперь ей до конца дней будет сниться кошмарный сон о том, как она оказалась в огненной ловушке. Что ж, подумала Элис, возможно, это избавит ее от того, другого, мучившего годами.

От мрачных мыслей ее отвлек голос Дэвенпорта:

— Насколько велики ваши потери в смысле личного имущества?

— Сгорели книги, одежда, множество личных вещей и безделушек — все те мелочи, без которых невозможна повседневная жизнь и которые делают ее уютной. — Элис пожалала плечами, словно хотела показать, что полностью владеет собой. — В доме не было ничего ценного. Мои сбережения и лучшие из драгоценностей, унаследованных Мерedit от ее матери, хранятся в банке в Шефтсбери. Единственная настоящая потеря для меня — это...

Элис умолкла.

— Итак, единственная настоящая потеря для вас — это?.. — переспросил Дэвенпорт, видя, что она не собирается продолжать.

Горло Элис Уэстон перехватил спазм.

— У меня был медальон с портретом матери, — с трудом выговорила она.

— Мне очень жаль, — мягко произнес Реджи. Глаза Элис налились слезами. Заметив это, Дэвенпорт поспешил перевести разговор на другую тему:

— Как по-вашему, что могло стать причиной пожара? Этот чисто деловой вопрос помог Элис взять себя в руки.

— Честно говоря, я об этом не думала. В это время года уже тепло, поэтому каминами мы не пользовались. Пожар могли вызвать разве что тлеющие угли на кухне или зажженная свеча или лампа — может быть, кто-то еще не спал.

— Сомневаюсь, что это была лампа, — возразил Реджи. — Когда я проходил мимо дома, света в окнах не было. Я даже подумал, что, наверное, все уже давно легли спать. А кухня... Она ведь, кажется, располагалась с другой стороны дома?

Элис кивнула. Реджи, прищурившись, обошел вокруг пожарища.

— Пожар начался в западном крыле дома, скорее всего в погребе, — заявил он. — Я проходил мимо в тот момент, когда на первом этаже прогорел пол и показались языки пламени.

Элис нахмурилась.

— Я знаю, что иногда пожары возникают из-за самовозгорания мусора или ветоши, но у нас в погребе был порядок, к тому же там чересчур влажно, чтобы что-то могло загореться само собой, — сказала она. — Если пожар начался там, я просто ума не приложу, отчего это могло произойти.

Носком начищенного до блеска сапога Реджи поддел обгоревшую деревяшку и как бы между прочим поинтересовался:

— У вас есть враги?

— Господи! — воскликнула Элис, уставившись на Дэвенпорта так, словно сомневалась, в своем ли он уме. — Неужели вы в самом деле думаете, что это мог быть поджог?

— Я просто не знаю, что и думать, — протянул Реджи, с недоумением глядя на дымящиеся руины. — Но одно я знаю точно: чтобы возник пожар, нужна какая-то причина.

У меня есть подозрение, что это не роковая случайность. Когда ночью я проходил мимо Роуз-Холла, мне показалось, что какой-то человек удаляется от дома. Хотелось бы верить, что это ваша любвеобильная горничная. Но, когда она прибежала на пожар, на ней было светлое платье. Тот же человек, которого я видел, был одет в темное. Если, конечно, мне все это вообще не померещилось.

— Кому может прийти в голову мысль поджечь дом, полный спящих людей? — испуганно спросила Элис.

— Какому-нибудь сумасшедшему, — отшутился Реджи. Но когда он повернулся к Элис, лицо у него было встревоженное. — Мы не должны сбрасывать со счетов возможность того, что дом был подожжен с целью причинить вред кому-то из ваших близких. У мисс Спенсер нет какого-нибудь воздыхателя из деревенских парней, которого она отвергла и который от отчаяния мог бы решиться на поджог?

Элис хорошенько подумала, прежде чем ответить.

— Нет, — проговорила она наконец. — Поклонников у нее хоть отбавляй, но она со всеми очень приветлива. Я просто представить себе не могу, чтобы кто-то из них настолько страдал от неразделенной любви или был настолько неуравновешен, что мог решиться на такой ужасный поступок.

Реджи нахмурился:

— Может, кто-то был озлоблен в связи с прививкой против оспы и попытался отомстить? Но в таком случае логичнее было расквитаться со мной — вы-то ведь выполняли мое указание.

— Кое-кто, конечно, ворчал, но серьезного озлобления прививки не вызвали ни у кого.

— Надеюсь, вы правы. Мне бы не хотелось думать, что вы подвергались опасности из-за меня. — Дэвенпорт посмотрел Элис прямо в глаза, и она прочла в его взгляде серьезное беспокойство. — Возможно, я излишне подозрителен. Но все же — на всякий случай — будьте поосторожнее. И предупредите о том же ваших воспитанников.

— Хорошо, — пообещала Элис. — Я обязательно это сделаю.

Элис побеседовала со своими воспитанниками в тот же день за чаем. Упомянув о том, что пожар мог возникнуть в результате поджога, она не стала говорить, что это могло быть покушением на кого-то из обитателей Роуз-Холла. Она решила, что версия Дэвенпорта родилась исключительно по причине его богатого на события прошлого. В мирном и спокойном Дорсете таких преступлений просто быть не может.

Элис надеялась, что ее воспитанники не захотят жить в доме Дэвенпорта, но все трое встретили предложение Реджи с восторгом.

— Неужели мистер Дэвенпорт в самом деле ничего не имеет против того, чтобы мы поселились здесь?! — не скрывая радости, воскликнул Питер. — Он парень что надо.

Сказав это, юноша погрузился в молчание, по всей вероятности, раздумывая над тем, как бы улучшить момент и попросить мистера Дэвенпорта научить его править экипажем. Уильяму пришла по душе мысль о том, что он будет жить поблизости от конюшни. Что же касается Мередит, то на ее лице появилось не вполне понятное Элис задумчивое выражение.

— Значит, мы в самом деле будем жить здесь, а не просто гостить? — спросила она и, дождавшись от Элис кивка, мечтательно добавила:

— Этот дом гораздо лучше приспособлен для приема гостей и развлечений, чем Роуз-Холл, правда?

— Да, правда. Мистер Дэвенпорт настаивал на том, что мы должны чувствовать себя здесь как дома, а не как в гостях. Он проявил большую щедрость и великодушие.

Реджи даже попытался оплатить их новый гардероб. По этому поводу у них с Элис возник короткий, но весьма жаркий спор, в результате которого она в конце концов согласилась, чтобы он оплатил половину расходов на новую одежду для нее и для Спенсеров.

— Он просто не представляет, во что ввязывается, — заговорила Элис после небольшой паузы. — Если вы начнете ему надоедать, нам придется все переиграть. Ну а пока, раз уж вам так понравилось его предложение, попробуем жить здесь.

Решение Элис было встречено восторженными воплями. Разумеется, радость, которую испытала при этом Элис, объяснялась исключительно тем, что ее воспитанники были довольны и счастливы.

После того как мальчики ушли, Элис побеседовала с Меррит. Отводя глаза, Мерри заверила опекуницу, что у нее нет ни малейшего намерения поддаваться чарам мистера Дэвенпорта и что он всегда держался с ней весьма корректно и сдержанно. Не вполне уверенная в корректности и сдержанности хозяина поместья, Элис решила полностью положиться на здравый смысл своей воспитанницы.

Единственным человеком, который высказал серьезные возражения против решения Элис поселиться вместе с детьми в доме Реджи, был Джуниус Харпер. Он появился днем, встревоженный и возмущенный. Элис приняла его в гостиной, благодаря Богу за то, что Дэвенпорта в этот момент не было дома.

Джуниус с жаром схватил ее руку:

— Прощую ночь я провел у епископа в Солсбери и вернулся только сегодня. Вы не можете себе представить, какое я испытал потрясение, когда узнал ужасную новость! Бедная, милая мисс Спенсер... должно быть, опасность, которой она подверглась, тяжело сказалась на ее чувствительных нервах.

Конечно, у Мерри в самом деле были основания для того, чтобы чувствовать себя подавленной, но все же не кто-нибудь, а именно Элис едва не сгорела заживо во время пожара. Однако кому же придет в голову беспокоиться о ее нервах — всем хорошо известна ее выдержка и сила характера.

— Это в самом деле было ужасно, но, к счастью, никто не пострадал, — сказала Элис, высвобождая руку.

Усевшись в кресло, священник изобразил на своем лице мину, которая, по всей видимости, должна была выражать обуревавшие его дурные предчувствия.

— Ничуть не менее тревожной, чем весть о пожаре, была для меня весть о том, что вы провели ночь в этом... этом... доме греха! — воскликнул он.

— В доме греха? — переспросила Элис, которую немало позабавили его слова. — Это преувеличение, Джуниус. Неужели вы бы в самом деле предпочли, чтобы я сгорела заживо, нежели переночевала в доме мистера Дэвенпорта?

— Не скрою, меня шокировало то, что вы остались здесь на ночь, — заявил викарий, не обращая внимания на иронию Элис. — Более того, я был просто в ужасе.

Чувствуя, как закипает от раздражения, Элис ехидно заметила:

— Вы совершили храбрый поступок, явившись сюда и тем самым подвергнув риску вашу бессмертную душу.

Приходский священник, однако, счел за благо и это пропустить мимо ушей.

— Я помню, в чем состоит мой долг, — пропыхтел он. — Но я требую, чтобы вы и дети

немедленно покинули этот дом, Удивительно, почему вчера вам не пришло в голову отправиться ночевать ко мне. Хотя меня не было дома и я не мог принять вас лично, моя экономка с радостью приютила бы вас, и мисс Спенсер не пришлось бы подвергаться опасности, которую таит для нее пребывание в этой обители греха.

Гостеприимство викария не смогло, однако, погасить в душе Элис раздражения, вызванного его безапелляционностью.

— Поскольку я была не в том состоянии, чтобы хладнокровно выбирать место для ночлега, предложение мистера Дэвенпорта оказалось весьма кстати. И потом, неужели мне нужно вам напоминать, что у вас нет никаких прав что-либо от меня требовать?

— Кое-какие права у меня все же есть, как у вашего пастыря духовного, а также как у вашего друга, — холодно произнес Джуниус.

Элис устыдилась своей резкости.

— Я знаю, вы недолюбливаете мистера Дэвенпорта, — заговорила она примирительно, — но, уверяю вас, он вел себя как джентльмен. Кроме того, вчера ночью он проявил большое мужество и присутствие духа. Разве тот, кто рассказал вам о случившемся, не упомянул, что мистер Дэвенпорт спас меня от гибели, рискуя собственной жизнью?

— Телесная храбрость свойственна подобным субъектам, — сказал священник, нетерпеливо отмахнувшись. — Меня тревожат его моральные принципы — вернее, их полное отсутствие. Я не успокоюсь до тех пор, пока вы отсюда не переедете.

— Тогда считайте, что покоя вам больше не видать, — заявила Элис. — Мистер Дэвенпорт предложил нам жить у него, и мы согласились.

Лицо приходского священника исказилось от ужаса.

— Не может быть! Ужасно даже то, что вам пришлось провести здесь ночь после обрушившегося на вас бедствия, но жить здесь? Это совершенно неприемлемо. Репутация мисс Спенсер будет навсегда погублена.

— Я буду за ней присматривать, и ее братья тоже, — заверила Элис, с удовольствием воспользовавшись аргументом, которым вооружил ее Дэвенпорт. — Кроме того, надо же нам где-то жить. А между тем в округе нет ни одного подходящего дома.

— Вы могли бы жить у меня.

Элис вздохнула. Джуниус отнюдь не был глупцом, но временами он проявлял поразительное упрямство.

— Если говорить о приличиях, а насколько я понимаю, именно это вас беспокоит, то дом приходского священника ничуть не лучше, чем дом Реджинальда Дэвенпорта, поскольку он тоже являет собой жилище холостяка.

— Существует совершенно очевидная разница между жилищем служителя Господа и притоном, в котором обитает развратник и повеса! — воскликнул Джуниус.

— Разумеется, разница есть. Дом мистера Дэвенпорта гораздо просторнее, — парировала Элис. — Ваше предложение весьма великодушно, но, если бы мы перебравшись к вам, это выглядело бы очень странно. Что же касается мистера Дэвенпорта, то он обязан обеспечить своего управляющего жильем, так что наше присутствие в его доме вполне объяснимо.

— Если вы считаете, что нужно веское объяснение вашего пребывания в моем доме, выходите за меня замуж, — выпалил Джуниус. — Это позволило бы Спенсерам жить в нормальных условиях, а вы получили бы возможность оставить совершенно неподходящую работу, которая не может не вызывать у женщины отвращение.

Кровь бросилась Элис в голову. Мало того что она не вызывала у мужчин желания — ей, судя по всему, не суждено было даже услышать нормального предложения руки и сердца!

— Это самая дурацкая причина для замужества, о которой мне когда-либо приходилось слышать! — воскликнула она. — Вам вовсе незачем жертвовать собой. Мои воспитанники в восторге от того, что смогут жить в господском доме, и я уверена, что им здесь будет хорошо. Что же касается моей работы, она вовсе не вызывает у меня отвращения. Более того, я получаю от нее удовольствие.

— Если вы не хотите выйти за меня замуж, пусть это сделает мисс Спенсер! — выдохнул священнослужитель. — Немыслимо допустить, чтобы такая чистая, невинная девушка была совращена безнравственным типом вроде Дэвенпорта.

Два предложения в течение одной минуты! Похоже, викарий установил своеобразный рекорд.

— Уверяю вас, Джуниус, такие радикальные меры, как женитьба, вовсе ни к чему. Мередит здесь ничто не грозит. Вынуждена также добавить, что ваше недоверие к ней меня очень расстраивает. Кроме того, мистеру Дэвенпорту, вероятно, быстро надоеет жизнь в сельской местности, и он исчезнет на несколько месяцев, — сказала Элис, понимая, однако, что последний аргумент вряд ли переубедит священника.

Джуниус тяжело поднялся на ноги.

— Я вижу, что вы уже приняли решение, — обиженно проговорил он. — Я буду молиться о том, чтобы вы опомнились прежде, чем будет поздно.

Джуниус собрался уходить, когда в комнату вошел Дэвенпорт. По пятам за ним следовала черно-белая колли по кличке Немезида. При виде гостя Элис в глазах Дэвенпорта зажегся недобрый огонек, однако он поприветствовал викария вполне вежливо, словно и не было их предыдущей встречи, во время которой они едва не подрались.

— Не сомневаюсь, что вы удивлены моим визитом, мистер Дэвенпорт, — воинственно заявил священник.

— Отнюдь. Поскольку вы друг мисс Уэстон и ее духовник, мне представляется вполне естественным, что вы зашли ее навестить, — с подчеркнутой любезностью возразил Реджи.

— Я здесь не в последний раз, — вызывающе пропыхтел викарий.

— Разумеется. — Дэвенпорт приподнял бровь. — Вы производите на меня впечатление человека, который, будучи убежденным в своей правоте, не побоится войти в клетку ко льву.

Элис с трудом подавила улыбку. Священник впился в лицо Дэвенпорта подозрительным взглядом, пытаясь понять, говорит ли тот всерьез или насмехается. Так и не придя к какому-либо выводу, он счел за благо ретироваться.

— Очень хорошо, что вы не запретили ему бывать в вашем доме, несмотря на то что в прошлый раз он вел себя совершенно неподобающим образом, — заметила Элис.

— Если этот дом будет и вашим домом, какое я имею право запрещать людям приходить к вам в гости? — улыбнувшись, ответил Дэвенпорт. — Разумеется, будь моя воля, я бы предпочел, чтобы наш добрейший викарий и носа сюда не казал, но что же делать? Впрочем, я искренне надеюсь, что благодаря присутствию в доме такого неисправимого безбожника его визиты будут не слишком частыми.

Элис устыдилась той радости, с которой она подумала, что Реджи скорее всего не ошибся. Хотя ничего удивительного тут не было — Джуниус Харпер был очень тяжелым человеком.

— Вы меня искали? — спросила Элис. Дэвенпорт кивнул.

— Поскольку мы теперь будем жить под одной крышей, нам с вами было бы невредно побеседовать, чтобы каждый из нас знал, чего ему следует ожидать от другого.

— Отличная идея, — одобрила Элис, опускаясь в кресло. Для начала Дэвенпорт заявил, что не горит желанием принимать пищу в одиночестве, и было решено, что он, Элис и Спенсеры будут обедать вместе.

Было также решено, что Элис и Спенсеры останутся жить в тех комнатах, в которых они провели минувшую ночь. Мередит и ее братья расположились поблизости друг от друга в восточном крыле дома Комната Дэвенпорта находилась в западном крыле, а просторная спальня Элис — в центральной части. Соседние с ее спальней комнаты пустовали. Вслух об этом не говорилось, но и так было ясно, что эта комната как нельзя лучше подходит ей как опекунке Спенсеров. любой подозрительный шум в коридоре был бы ей слышен. Впрочем, подумала Элис, если два человека вознамерились согрешить, они всегда найдут способ.

Элис обсудила с Реджи обязанности своей прислуги. Хозяин и гостья уже достигли согласия в этом непростом вопросе, когда Элис заметила, что в гостиную вошел Аттила. Увидев собаку, кот мгновенно припал к полу, пожирая своего заклятого врага свирепыми желтыми глазами. Хвост и задние ноги, готовые, словно две пружины, бросить тело вперед, мелко подрагивали от возбуждения, Со стремительностью и грацией пантеры кот набросился на колли, мирно спавшую, положив морду на ногу хозяина.

Почувствовав, как в спину ей вонзились острые когти, Немезида вскочила и волчком закружилась на месте в поисках противника. Элис, к счастью, успела подхватить кота на руки, а Реджи принялся успокаивать перепуганную неожиданным нападением овчарку.

— Ваш кот — настоящий разбойник, леди Элис, — заметил он с улыбкой.

— Боюсь, вы правы, — огорченно сказала Элис, пытаясь удержать отчаянно вырывавшегося из рук Аттилу, который явно намеревался повторить свою атаку. — Я даже не представляла, насколько он агрессивен. Я знаю, что коты не ладят с другими котами. Но то, что Аттила способен напасть на такую крупную собаку, просто удивительно.

Дэвенпорт потрепал по ушам дрожащую от страха колли, прижавшуюся к его ногам.

— Тебе придется привыкать к нему, Немезида, — со смехом заметил он. — У меня такое ощущение, что люди в этом доме будут уживаться куда лучше, чем их любимцы.

Услышав дружный смех Элис и Реджи, нетрудно было поверить, что так на самом деле и будет.

Освоиться в усадьбе оказалось делом нетрудным. Даже Уильям, которого так и распирала энергия, быстро сообразил, что хозяин дома не привык к детским выходкам, не приставал лишний раз к Реджи и общался с ним только в тех случаях, когда тот сам этого хотел.

За столом Дэвенпорт, Элис и Спенсеры встречались во время обеда, и это, пожалуй, было самое лучшее для общения время. Дэвенпорт говорил немного, больше с любопытством наблюдал за молодежью. Вскоре Спенсеры уже не стеснялись рассказывать о том, чем занимались в течение дня. Питер набрался-таки храбрости, попросил Дэвенпорта помочь ему научиться править экипажем — и через несколько дней практиковался под руководством умелого кучера. Сердце Уильяма было завоевано, когда на конюшне появился настоящий живой пони, ростом и прочими габаритами как нельзя лучше подходивший мальчику. Что касается Мерри, у нее быстро установились с Дэвенпортом приятельские отношения, позволявшие им по-доброму подтрунивать друг над другом.

Поначалу Элис удивлялась, но вскоре поняла, что иначе и быть не могло. Детям нужен был отец, а Дэвенпорт относился к Спенсерам если и не по-отечески, то, во всяком случае, как заботливый и добрый дядюшка. С самой Элис он держался хотя и дружелюбно, но сдержанно. Возможно, опасался, что она станет его домогаться, если он ненароком ее к этому поощрит.

Выяснилось, однако, что он вступил в сговор с портнихой, — когда Элис доставили последнюю партию одежды, в ней оказалось несколько платьев, которые она не заказывала, — более ярких расцветок и более смелого фасона, чем те, что она имела обыкновение носить. Мередит с улыбкой созналась: это они с Реджи решили сделать ей сюрприз. Когда же возмущенная Элис принялась пенять на это Дэвенпорту, тот заявил, что она больше не гувернантка и ей совершенно не обязательно выходить к обеду в темно-синих и коричневых платьях, более того, она просто обязана красиво одеваться, поскольку ей часто приходится бывать на людях.

Элис, которую продуманность аргументов Реджи одновременно развеселила и задела, оставила наряды у себя. В пору ее юности девушки носили белые муслиновые платья. Элис, с ее ростом, они не очень-то шли. Теперь же она с удовольствием выбирала, какое платье надеть: ярко-зеленое? Золотистое? Рыжевато-коричневое? Кажется, в новых платьях она выглядела вполне достойно. Разумеется, так думали и дети. Когда же порой она ловила на себе восхищенный взгляд Дэвенпорта, по всему телу пробегала теплая волна удовольствия.

Жизнь Элис на новом месте быстро наладилась и протекала в обычной череде работы и семейных забот. По ночам, однако, ей приходилось нелегко. Элис убеждала себя, что виновата непривычная кровать, но это, разумеется, было не так — просто она ни на секунду не забывала о том, что живет под одной крышей с удивительно привлекательным мужчиной, которому случалось проявлять к ней интерес как к женщине.

Когда наступила четвертая бессонная ночь, Элис задала себе вопрос: а чего она, собственно, хочет от Реджи Дэвенпорта? Может быть, ей хочется завести с ним роман? Она вполне могла потерять голову в порыве страсти, но чтобы хладнокровная и рассудительная Элис Уэстон, будучи в здравом уме и трезвой памяти, решила ступить на скользкую дорожку?..

И все же она не могла не признать, что мысль о том, чтобы стать любовницей Дэвенпорта, кажется ей весьма соблазнительной. Но, рассуждала Элис, какой пример она подала бы детям? Кроме того, их отношения наверняка вскоре стали бы известны всей округе, что неизбежно сказалось бы на ее авторитете как управляющей.

Получалось, что роман с Дэвенпортом был исключен. Ее хозяину было приятно с ней общаться, в какие-то моменты его, возможно, даже влекло к ней, но, разумеется, у него и в мыслях не было жениться. Если бы Дэвенпорт захотел обзавестись семьей, он мог подыскать себе более подходящую невесту. Или найти себе супругу в Лондоне. Элис не сомневалась, что нынешнее финансовое благополучие Реджи перевесит на чаше весов общественного мнения его бурное прошлое. Если же учесть еще и внешние данные, гарантировавшие ему успех у женщин, то было очевидно, что он может рассчитывать получить в жены женщину более молодую, красивую и обеспеченную, чем Элис Уэстон.

Элис попыталась успокоить себя тем, что если Дэвенпорт когда-нибудь и женится, то скорее всего он будет плохим мужем. Но тут же призналась, что, рассуждая подобным образом, становится похожей на ту лису, что хаёт недоступный ей виноград.

Больше всего она боялась, как бы Дэвенпорт, напившись, не затащил ее к себе в постель, а затем, поняв, что как женщина она ему неинтересна, никогда бы больше этого не делал. От одной только мысли об этом у Элис болезненно сжалось сердце. Выходит, ей ничего другого не остается, как довольствоваться их нынешними дружескими — и не более того — отношениями.

Элис даже испытала некоторое облегчение, когда все как следует обдумала. Вот только сердце все так же было стянуто тугим, болезненным узлом. Решив, что немного бренди поможет ей избавиться от неприятного ощущения, Элис со вздохом села на кровати и потянулась за своим новым халатом из золотистого бархата.

Небольшой запас бренди всегда хранился в библиотеке. Элис была уверена, что в этот поздний час там никого нет, и крайне удивилась, обнаружив своего хозяина, являвшего собой образчик отдыхающего джентльмена. Дэвенпорт, сняв сюртук и галстук, сидел в своем любимом кресле, положив ноги на невысокий, обитый парчой стул, с раскрытой книгой на коленях и полупустым бокалом в руке. Комнату заливал мягкий свет свечей, причудливо бликующий на золоченых корешках многочисленных кожаных фолиантов. У ног хозяина безмятежно посапывала Немезида.

Элис в нерешительности остановилась на пороге, любуясь энергичным лицом Дэвенпорта, таким выразительным в свете свечей. Она уже собралась уйти, но Дэвенпорт, вдруг подняв глаза от книги, увидел ее.

— Входите и присоединяйтесь ко мне, — пригласил он, лениво улыбнувшись.

— Вы уверены, что я вам не помешаю? — спросила Элис, невольно отступив назад, несмотря на то что ей очень хотелось принять приглашение Реджи. — Я не думала, что в доме кто-то еще не спит.

— Разумеется, вы мне нисколько не мешаете. Ночью бывает приятно с кем-нибудь поговорить. — Реджи приподнял бокал, словно провозглашая тост, отпил глоток и кивнул на стоящий неподалеку графин:

— Хотите бренди?

Обычно Дэвенпорт одевался безукоризненно, но Элис уже заметила, что, выпив, он выглядел каким-то всклокоченным. И сейчас, судя по его виду, Реджи явно был «на взводе», скорее всего принялся пить сразу же после того, как она и дети разошлись по своим

комнатам и улеглись спать. Но речь его была вполне связной, язык не заплетался, так что и не скажешь, что он по-настоящему пьян.

Наливая себе из графина бренди, Элис скользнула взглядом по книге, лежащей на коленях у Реджи. Книга была на греческом языке. Это не должно было ее удивить, но она все же удивилась. Дэвенпорт излучал такую силу и мощь, что, находясь рядом с ним, легко было забыть о том, насколько он умен и образован. Для Элис, которая работала на него и уже достаточно хорошо его знала, это была непростительная ошибка.

Удобно устроившись в кресле напротив Реджи, Элис отхлебнула из своего бокала. Смутное беспокойство, не дававшее ей заснуть, исчезло. Покой и умиротворение поселились в ее душе. Она призналась:

— Вы были правы, когда сказали, что ночью приятно бывает с кем-то поговорить. По ночам острее чувствуешь одиночество.

— Со мной это тоже иногда случается. И даже не иногда, а очень часто. — Голос Дэвенпорта упал почти до шепота. — А точнее — всегда.

Светлые глаза Дэвенпорта встретились с глазами Элис, и на этот раз в них не было того бесстрастного выражения, которое обычно, словно броня, скрывало его истинные чувства. На миг Элис показалось, что она различила какую-то поразительную уязвимость. Или ей это только почудилось? Зато она вдруг с особенной ясностью осознала, что уже очень поздно и что они в библиотеке одни, совсем одни.

— Отчего вы не спите в такое позднее время, Элли? — как-то по-особенному мягко спросил Дэвенпорт. — Неужели усталости после трудового дня и чистой совести не достаточно, чтобы обеспечить человеку крепкий, здоровый сон?

— Кто может похвастаться тем, что у него в самом деле чистая совесть? — ответила вопросом на вопрос Элис.

— Уж во всяком случае, не я. — Дэвенпорт залпом допил бренди и, потянувшись к графину, налил себе еще. — Без ложной скромности могу сказать, что в своей жизни я грешил гораздо больше, чем вы.

— Если хотя бы половина того, что о вас говорят, правда, — заметила Элис с улыбкой, — то вы, по всей видимости, правы.

— Мне кажется, что истине соответствует как раз примерно половина из тех историй, что обо мне рассказывают. Вопрос только в том... — Реджи помедлил, усмехаясь, — о какой именно половине идет речь.

— А если я спрошу вас, что правда, а что нет, вы мне ответите? — поинтересовалась Элис, склонив голову набок, так, что тяжелая коса упала ей на плечо.

— Скорее всего да. Я обычно отвечаю на прямо поставленные вопросы. Проблема в том, что большинство людей их не задают — либо по той причине, что слишком хорошо воспитаны, либо из-за того, что боятся ответов. — Реджи заметно повеселел. — А интересно было бы узнать, действительно ли вас так трудно шокировать, как вы утверждаете.

То ли под воздействием бренди, то ли по причине любопытства, которое вызывал у нее Дэвенпорт, Элис легкомысленно решила поймать Реджи на слове и проверить, захочет ли он быть откровенным. Поскольку ей казалось, что он блефует, она решила начать с самого тяжелого, по ее мнению, вопроса:

— Вы в самом деле как-то раз, соблазнив женщину и сделав ее любовницей, убили на дуэли ее мужа и в конце концов бросили несчастную, несмотря на то что она от вас забеременела?

Воцарилось долгое молчание. Элис решила уже было, что Дэвенпорт не станет ей отвечать, но ошиблась.

— Неплохое начало, — заговорил он наконец. — Это как раз тот случай, когда история достоверна лишь наполовину.

— И какая же ее половина соответствует истине?

— Леди, о которой идет речь, действительно нуждалась в моей защите и покровительстве, я действительно убил ее мужа на дуэли, и мы в самом деле не стали мужем и женой, — отчеканил Реджи.

Элис, по спине которой от его ответа побежали мурашки, поразилась, как он может говорить об этом так спокойно.

— А где же тогда вторая половина истории, та, что расходится с действительностью?

Реджи, откинувшись на спинку кресла, внимательно посмотрел на Элис из-под полуприкрытых век.

— Она состоит в том, что та женщина не была моей любовницей и я ее не бросал.

Почувствовав неизъяснимое облегчение, Элис поудобнее устроилась в кресле.

— Что ж, это в самом деле интересно, — заметила она. — Могу я услышать все от начала до конца?

Ей показалось, что после этих слов Дэвенпорт слегка расслабился. Может, он боялся, что Элис ему не поверит?

— Сара была сестрой Тео, моего школьного друга, — принялся рассказывать Реджи. — Поскольку мы с моим опекуном испытывали глубокую взаимную неприязнь, я почти все школьные каникулы проводил в семье Тео. С этими людьми связаны самые светлые воспоминания моей юности. Сестра Тео была в то время еще совсем маленькой девочкой и повсюду ходила за нами, как хвостик.

Реджи, глядя куда-то вдаль отсутствующим взглядом, отпил глоток бренди и заговорил снова:

— Потом наша совместная учеба закончилась. Когда-то мы мечтали вместе пойти служить в армию, но... этого не произошло. Мы с Тео продолжали переписываться, но связь с остальными членами его семьи я не поддерживал. Вскоре сестра Тео вышла замуж, а отец и мать умерли. И вот однажды Сара появилась на пороге моего дома, окровавленная и избитая, — продолжал Реджи с холодным бешенством в голосе. — Ее муж оказался злым ублюдком. Всякий раз, когда на него накатывал очередной приступ ревности — а это случалось часто, — он набрасывался на нее с кулаками. Когда Сара забеременела, он почему-то решил, что она ему изменяла, и едва не убил. Ее брат в это время сражался на Пиренейском полуострове и, естественно, ничего не знал. Но когда-то, задолго до всей этой истории, он сказал сестре, чтобы она, если потребуется помощь, обратилась ко мне. — Реджи передернул мощными плечами, обтянутыми белой рубашкой, и подытожил:

— Раз у моего друга не было возможности защитить сестру, это сделал я.

Элис невольно поразилась, насколько версия Дэвенпорта отличалась от того, что рассказывал Джуниус Харпер.

— И вы убили ее мужа? — выдохнула она.

— Совершенно верно. — Губы Реджи искривились в усмешке. — Если бы ее муж хоть раз проделал что-либо подобное с любой другой женщиной, его бы судили и заключили в тюрьму. Но, поскольку Сара приходилась ему женой, он избивал ее, так сказать, на законных основаниях. Неприятности могли грозить ему только в том случае, если бы он ее убил.

Развестись с ним Сара не могла — физическое насилие со стороны мужа не является достаточным основанием для того, чтобы женщина могла потребовать расторжения брака.

— Значит, муж Сары вызвал вас на дуэль после того, как вы приютили ее у себя?

— Не совсем так. — Реджи улыбнулся неприятной, злой улыбкой. — Он нанял двух подонков, чтобы прикончить меня в темном переулке. Они напали, но мне, по счастью, удалось избежать гибели и остаться более или менее невредимым. Вот после этого я вызвал мужа Сары на дуэль.

Пальцы Элис судорожно сжали ножку бокала.

— И вы убили его?

— Я его казнил, — поправил ее Реджи. — Поскольку закон не мог обеспечить торжество справедливости, мне пришлось взять это на себя. Я сказал Саре, что готов жениться, если, по ее мнению, это как-то облегчит ее положение. Однако она заявила, что меньше всего хочет обзавестись еще одним мужем. — Дэвенпорт пожал плечами. — Должен заметить, я был весьма признателен ей за то, что она не приняла мое предложение, хотя, как мне кажется, мы с ней могли бы неплохо ужиться. После того как она родила сына, даже преисполненные злобных и мстительных чувств родственники ее покойного мужа вынуждены были признать, что мальчик как две капли воды похож на него. Несмотря на возмущение всего графства Линкольн, Сара вернулась в имение мужа и взяла в свои руки управление его собственностью от имени сына. — Реджи улыбнулся. — В прошлом году она снова вызвала скандал и пересуды во всем графстве, выйдя замуж за местного врача, человека отнюдь не благородного происхождения и к тому же весьма небогатого.

— Значит, вы предпочли никому ничего не доказывать, позволив молве разносить самые невероятные небылицы. Ну а уж общественное мнение, ясное дело, остановилось на наиболее скандальной версии, — задумчиво проговорила Элис, проигнорировав последнюю фразу Дэвенпорта.

— Разумеется.

— Скажите, а это трудно — убить человека? Вопрос Элис поначалу удивил Реджи, но затем он глубоко задумался.

— Вас интересует, получал ли я удовольствие от убийства? Конечно, нет. Тем не менее, когда я понимал, что иного выхода нет, то не испытывал жалости, да и потом угрызения совести меня не мучили. Я убежден, что от смерти такого человека, как муж Сары, мир только выиграл. Вот если бы мне пришлось присутствовать на ее похоронах, сознавая, что я ничего не сделал для того, чтобы спасти ей жизнь, — тогда моя совесть действительно была бы неспокойна.

Элис кивнула — она прекрасно понимала, что он имел в виду. Заинтригованная этим неожиданным путешествием в мир мужской психологии, она решила воспользоваться тем, что Реджи, судя по всему, был расположен к беседе.

— Вы часто дрались на дуэли? Реджи поджал губы.

— Кажется, раз двенадцать — пятнадцать. Я не считал.

— Скажите, а Джуниус правильно назвал количество случаев, когда дуэли с вашим участием заканчивались... фатально?

— Достопочтенный мистер Харпер очень хорошо информирован, — уклончиво ответил Реджи.

— Расскажите мне обо всех поединках, которые заканчивались гибелью ваших противников, — попросила Элис.

— Какая вы кровожадная, — изумился Дэвенпорт.

— Вовсе нет, — покраснела Элис. — Просто я любопытная. Хотя мужчины вечно твердят о чести, я никогда не могла понять, что во всем этом есть такого, ради чего стоило бы убивать другого человека.

На лице Реджи появилась недовольная гримаса.

— Как-то раз я отправил на тот свет некоего капитана Шарпа, который обожал обыгрывать дочиста зеленых юнцов из провинции. Все сходились на том, что он ведет себя недостойно, но никто ничего не предпринимал. Один хорошо знакомый мне парнишка проиграл этому типу почти все свое состояние и на следующее утро застрелился. Ну, вот я и решил предпринять какие-то шаги для того, чтобы это больше не повторялось.

— А ваша дуэль в Париже в прошлом году?

— Французы никак не могли примириться со своим поражением в войне — даже после Ватерлоо. Некоторые из них, чтобы хоть как-то отыграться за неудачи на полях сражений, нарочно провоцировали ссоры с офицерами союзнических войск. Ссоры нередко заканчивались вызовом на дуэль. Выбор оружия был за французами, и они выбирали шпагу. Надо признать, французские офицеры в большинстве своем прекрасно владеют шпагой. Несколько наших военных были убиты. — Дэвенпорт устало повел плечами. — Мне это пришлось не по вкусу.

— Видимо, вы сами прекрасно фехтуете, — пробормотала Элис.

— Неплохо, — признал Реджи, не вдаваясь в подробности.

— Остальные дуэли тоже были вызваны вашим желанием обеспечить торжество справедливости?

— Не надо делать из меня героя, — вздохнул Дэвенпорт. — Иногда я действительно был вынужден отстаивать справедливость, причем весьма жесткими методами, но большинство дуэлей, в которых мне довелось участвовать, были всего лишь результатом излишне обильной выпивки, моей чрезмерной горячности и ссор, которых я вполне мог бы избежать. К сожалению, когда человек создает себе определенную репутацию (в данном случае — репутацию бретера), всегда находится кто-то, кто так и норовит с ним сцепиться.

— Вы не рассказали еще об одном случае, когда вы убили своего противника. Вы и тогда вершили правосудие?

Впервые за все время их беседы Реджи беспокойно заерзал в кресле.

— К несчастью, в тот раз моими действиями руководил исключительно Вакх. Я вовсе не хотел никого убивать. Глупая ссора из-за женщины, но... я слишком много выпил. Рука была недостаточно твердой, и потому удар пришелся не туда, куда я целил, — бесцветным голосом констатировал Реджи.

— Выходит, это убийство — единственное из всех — вызывает у вас угрызения совести, — заметила Элис.

— Совершенно верно. — Дэвенпорт горько улыбнулся. — Ну что, вы удовлетворили свое любопытство касательно образа жизни повес?

— Ничего подобного, — ответила Элис, простодушно глядя на него широко открытыми глазами. — Дуэли наверняка составляют лишь незначительную его часть. Вы как-то уже рассказывали мне об азартных играх, но, должно быть, любому уважающему себя повесе известно множество других разновидностей порока.

— Это в самом деле так, но, честно говоря, мне лично известны далеко не все.

— Вот как? — разочарованно протянула Элис. — А как же оргии? Вам доводилось

когда-нибудь в них участвовать?

Дэвенпорт поперхнулся бренди и закашлялся. Вопрос Элис немало его позабавил.

— А что вам известно об оргиях? — в свою очередь, поинтересовался он.

— Очень немного, — призналась Элис. — Я надеялась поподробнее узнать о них от вас.

Реджи взглянул на нее с сомнением.

— Возможно, вас в самом деле трудно смутить, но я о себе этого сказать не могу, — заявил он. — Сама идея объяснить вам, что такое оргия, вгоняет меня в краску.

— А я-то думала, что повесы не смущаются ни при каких обстоятельствах, — разочарованно покачала головой Элис.

— Это не так. Но зато я обычно игнорирую мнение других людей обо мне, — криво усмехнулся Реджи.

— Насколько я понимаю, это качество у вас врожденное. Улыбка мгновенно слетела с лица Реджи.

— Нет, я не был наделен им от рождения, но пришлось очень рано выработать его в себе.

— А какие еще требования предъявляются к повесам? — спросила Элис, стремясь отвлечь собеседника от мрачных мыслей.

— Любой повеса просто обязан увлекаться представительницами прекрасного пола, — заявил Дэвенпорт после некоторого раздумья.

— Неплохо сказано, — одобрила Элис. — И со сколькими женщинами надо завести роман, чтобы прослыть повесой?

— С десятью, — последовал мгновенный ответ. Элис расхохоталась и подумала, что таких разговоров она никогда ни с кем еще не вела.

— Вот, значит, как? И мужчина, имевший физическую близость с десятью разными женщинами, автоматически зачисляется в повесы?

— Десять — это, так сказать, минимальная норма. Вообще же считается, что чем больше женщин, тем лучше.

— И сколько женщин было у вас? — спросила Элис предательски дрогнувшим голосом, понимая, что не хочет услышать ответ на свой вопрос.

— Здесь я тоже не вел подсчетов. — Дэвенпорт вздохнул, и на лице его отразилась безмерная усталость. — Слишком много. Да, слишком много, черт побери.

Реджи встал и направился к книжному шкафу, чтобы поставить на место книгу, которую он читал до прихода Элис. Говорил он вполне связно, но по походке сразу стало заметно, что он действительно порядком выпил.

Элис не хотелось видеть его таким, но в то же время она понимала, что, не будь Дэвенпорт пьян, их сегодняшний разговор вряд ли мог состояться. Не желая продолжать щекотливые расспросы, Элис поинтересовалась:

— Что вы читаете?

Реджи сунул томик в щель между другими книгами в переплетах того же цвета и провел пальцем по корешкам с золотым тиснением.

— «Одиссею», — ответил он. — Отец учил меня греческому в этой самой комнате.

— Ваш отец был ученым?

— Нет, но, как и многие образованные люди его поколения, он любил классическую литературу и искусство. Он целый год провел, путешествуя по Италии и Греции. — Реджи оперся спиной о дубовые книжные полки. — Мой отец был хорошим учителем.

В воображении Элис возникла отчетливая картина — она увидела перед собой отца и сына, склонившихся над раскрытой книгой, освещенной косыми лучами солнца, проникавшими в библиотеку через окно. Мужчина рассказывал мальчику о своем путешествии, а тот с жадным интересом слушал, стремясь узнать как можно больше. Элис сама училась математике и бухгалтерии подобным образом. Интересно, подумала она, Дэвенпорту так же сильно не хватает отца, как ей?

Элис знала, что отец Реджи умер. Она же потеряла своего из-за гнева и оскорбленной гордости, которые настолько овладели им и ею, что отторгли их друг от друга с такой же неизбежностью и так же непоправимо, как смерть.

— Меня не удивляет, что вам нравится «Одиссея», — сказала она, чувствуя, что у нее перехватило горло. — Вы похожи на ее главного героя.

Дэвенпорт криво усмехнулся:

— То есть на пройдоху, который в течение двадцати лет шатается по свету, пытаюсь вернуться домой, и то и дело влипает в неприятности? Что ж, возможно, вы и правы.

— Несомненно. Мне, кстати, Одиссей всегда казался типичным повесой. Вспомните хотя бы историю с Цирцеей. — Элис взглянула на Реджи с откровенной симпатией. — Впрочем, для того, чтобы вернуться домой, вам потребовалось больше двадцати лет.

— Что ж, у Одиссея был стимул — его дожидалась верная Пенелопа, — сухо заметил Дэвенпорт и скрестил руки на груди.

— Не забывайте, что, когда он отправился в Троию, ему было отнюдь не восемь лет, — напомнила Элис. — Возможно, вы и опережали сверстников в развитии, но все же не настолько, чтобы в восемь лет вам нужен был стимул в виде ожидавшейся вас женщины.

Услышав, как в ответ на эти ее слова Реджи весело хмыкнул, Элис решила продолжать в том же духе.

— Наверняка среди тех представительниц прекрасного пола, которыми вы увлекались, имелась хотя бы одна Пенелопа, готовая ждать вас сколько угодно.

На этот раз смех был отнюдь не веселым.

— Боже правый, Элли! Да, у меня в самом деле было много женщин, но сомневаюсь, что среди них нашлась бы хоть одна, способная на такую глупость. Женщины — практичные создания. Даже тем, что были увлечены мной, требовались от меня отнюдь не брачные узы.

Элис от души надеялась, что в неверном свете свечей Реджи не заметит, как она покраснела. В ту минуту, когда она впервые увидела Дэвенпорта, ей стало ясно, почему женщины сходят по нему с ума. И секрет этого поистине гипнотического обаяния крылся не только в его внешности и физической привлекательности. Элис не верилось, что она первая, кто это понял.

— Возможно, некоторые хотели именно этого, но, поскольку вы не имели никакого желания вступать с ними в брак, то просто не замечали, — предположила Элис. — Я все же думаю, что хотя бы однажды у вас должно было возникнуть желание остепениться и связать жизнь с какой-то женщиной.

Лицо Дэвенпорта стало жестким.

— Каждый хотя бы раз в жизни попадает на приманку любви, и в этом смысле я не исключение. В молодости подобные ошибки неизбежны.

Элис невольно подумала о том, что и сама когда-то совершила подобную ошибку. Боль, которую принесла ей первая любовь, до сих пор не утихла.

— И что же произошло? — с любопытством поинтересовалась она.

— Ничего особенного. Я встретил девушку и по причинам, которые до сих пор не в состоянии понять, влюбился без памяти. В течение нескольких недель мне казалось, что она отвечает на мою страсть взаимностью.

— А потом?

На губах Реджи заиграла желчная улыбка.

— После того как я признался ей в своих нежных чувствах, она заявила, что, хотя я вполне гожусь для того, чтобы со мной пофлиртовать, не может быть и речи о том, чтобы она вышла замуж за такого бесперспективного человека, как я.

Лицо Элис исказилось от боли — по тому, как были произнесены эти слова, она поняла, что для Реджи такая развязка стала весьма болезненной душевной травмой.

— Не надо мне сочувствовать, — хрипло проговорил Реджи. — Та девушка была права — я совершенно не годился в мужья. Кроме того, — добавил он с невеселой усмешкой, — я с ней поквитался.

Элис вопросительно склонила голову набок.

— Но вы не стали вызывать ее на дуэль? Насколько я понимаю, вам и без того не составляло труда испортить ей репутацию.

— Я мог бы это сделать, но поступил иначе, — фыркнул Дэвенпорт.

— Вы не можете прервать рассказ на самом интересном месте, — запротестовала Элис, поняв, что Реджи не собирается продолжать.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Дэвенпорт и вздохнул. — Ну что ж, надеюсь, вы будете не в претензии, если на этот раз я вас все же шокирую. Та особа, о которой идет речь — я вполне обоснованно не называю ее леди, — подцепила одного стареющего, но весьма обеспеченного джентльмена. Вступив в брак, она дала мне понять, что не прочь изменить мужу со мной.

— И вы ответили ей отказом?!

— Отнюдь. — Глаза Реджи стали похожи на голубые льдинки. — Я согласился и постарался сделать все возможное для того, чтобы она осталась мной довольна.

— И в чем же состояла ваша месть? — не в силах сдержать любопытство, спросила Элис, прерывая очередную затянувшуюся паузу.

— Вы в самом деле хотите это знать? — осведомился Дэвенпорт и, дождавшись, пока она кивнет, продолжил:

— Во время нашего... свидания эта особа извела ощущения, никогда раньше не испытанные. Неудивительно поэтому, что ей не терпелось все повторить.

— И тут вы ей отказали, — догадалась Элис.

— Именно так, — сухо подтвердил Реджи. — И не просто отказал, но скептически оценил как женщину, дав понять, что физическая близость с ней не доставила мне никакого удовольствия.

Элис ахнула — она была поражена жестокостью своего собеседника, который сначала превратил женщину в свою рабыню, а потом грубо ее отверг. Его месть напоминала кошмар, не дававший ей покоя по ночам.

— Что ж, вы все рассчитали как нельзя лучше, — медленно проговорила она. — Не могу также не признать, что та женщина вполне заслужила, чтобы с ней поступили подобным образом.

— Вы хотите сказать, что и этот мой рассказ вас не шокировал? — изумился Дэвенпорт, и в его голосе прозвучало почтение.

— Разве что самую малость, — созналась Элис. — Но все же этот ваш поступок был справедливым. В аналогичной ситуации я, возможно, поступила бы так же — если бы, конечно, у меня хватило на это ума и хладнокровия.

Дэвенпорт снова рассмеялся, на этот раз от души:

— Я все больше и больше убеждаюсь, что ваша чопорная внешность — не более чем фасад, за которым скрывается бес.

— Вполне возможно, что так и есть.

Взгляды их встретились. Элис всем своим существом почувствовала магнетическую энергию, излучаемую голубыми глазами Реджи.

— Подойдите ко мне, — позвал Дэвенпорт. Элис застыла на месте. Она давно решила, что никогда не допустит физической близости с мужчиной, если страсть будет молчать. Но в эту минуту Элис забыла обо всем на свете.

Она подошла к Дэвенпорту, чувствуя, что ее влечет к этому мужчине, словно магнитом. Какое-то время они стояли, молча глядя друг другу в глаза. Наконец Реджи потянулся к ней — Элис ждала, что он ее поцелует, но он развязал ленту, стягивающую ее тяжелую косу, и пропустил сквозь пальцы рассыпавшиеся по ее плечам шелковистые пряди, расчесывая, пока они не развернулись сплошным блестящим занавесом.

— У вас замечательные волосы, — тихо произнес он, проводя по ее щеке и шее кончиками пальцев, — жест, от которого сердце Элис забило еще быстрее. Желание в его глазах будило ее чувственность, высвобождая таившуюся в теле страсть. Рядом с ним она чувствовала себя хрупкой и женственной. Затаив дыхание, Элис приоткрыла губы, она хотела продолжения, но не знала, как дать понять это Реджи.

Прикоснувшись пальцем к ее подбородку, Дэвенпорт слегка запрокинул ее лицо. Чтобы поцеловать ее, ему достаточно было всего лишь немного наклонить голову.

Когда Дэвенпорт прильнул губами к ее губам, Элис почувствовала вкус бренди. Поцелуй был долгим, пьянящим до головокружения. Все ее чувства обострились. Одно ощущение сменяло другое.

Тела Реджи и Элис прижались друг к другу. Волна нестерпимого желания захлестнула обоих. Еще с той поры, когда она была неуклюжей девочкой-подростком, Элис хотелось познать таинство любви. И вот теперь она встретила человека, который мог открыть ей это таинство.

Охвативший ее порыв страсти был настолько силен, что, когда Элис почувствовала, как Реджи отстранился, ей показалось, будто ее окатили ледяной водой. Ничего не понимая, она открыла глаза.

— Черт побери! — выругался Дэвенпорт, удерживая Элис на расстоянии вытянутой руки. Пальцы его с такой силой стиснули ее запястья, что она едва не вскрикнула от боли.

— Что случилось? — прошептала она, расстроившись, что отпугнула Дэвенпорта.

— Я же сказал, что никогда больше этого не сделаю, — пробормотал Реджи и, отпустив ее руки, отступил в сторону, потирая виски, словно пытался привести себя в чувство. — Я пообещал, что это никогда больше не повторится, — снова хрипло проговорил он. Глаза Реджи встретились с глазами Элис, и лицо его исказила гримаса стыда. — Элли, простите меня. Вы заслуживаете лучшего обращения.

Круто повернувшись, он пересек библиотеку и подошел к застекленным дверям, выходящим в сад.

— Куда вы?! — воскликнула Элис, когда он попытался открыть дверь.

— На улицу. Все равно куда. Мне надо побыть на свежем воздухе, пока я не протрезвею. С этими словами Дэвенпорт отпер дверь и шагнул в ночную тьму.

Чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, Элис опустилась в кресло. Все ее существо протестовало против такой развязки, властно требуя того, что должно было случиться. Мысли Элис путались. Что Реджи имел в виду, сказав: она заслуживает лучшего обращения, — что ему следовало более тактично избежать того, о чем он уже утром стал бы сожалеть как об опрометчивом поступке?

Сколько же у вас было женщин ? — Много, слишком много, вспомнила она слова Дэвенпорта, в которых ей слышалась горечь.

Элис не сомневалась: в этот вечер Дэвенпорт, одурманенный алкоголем, желал ее. Но, даже будучи не вполне трезвым, он, видимо, осознал: за ночью последует утро, и он еще пожалеет о том, что дал слабину и лег в постель с ней, Элис Уэстон, некрасивой, изнывающей от неудовлетворенного желания старой девой...

К Элис подошла черно-белая колли и, словно сочувствуя, жалобно заскулила. Элис уткнулась лицом в колени и дала волю слезам. Удар оказался таким же болезненным, как тот, что нанес ей в свое время Рэндольф.

Оставалось только надеяться, что к утру Дэвенпорт успеет забыть обо всем, что произошло между ними. Но это не очень утешало.

Реджи скакал верхом всю ночь. На перекрестках дорог он отпускал поводья, его не интересовало, куда он едет, — лишь бы мчаться вперед.

Когда Дэвенпорт, покинув Элис, отправился на конюшню, у него так кружилась голова, что на миг показалось — теряет сознание. В таком состоянии было разумнее предпочесть резвому Буцефалу спокойного гнедого гунтера — чтобы не сломать себе шею.

Губы Реджи скривились в горькой усмешке: а может, это было бы и к лучшему — разом покончить со всеми проблемами.

Гунтер скакал по дорогам и тропинкам среди полей созревающей пшеницы, волнующейся под дуновением ночного ветерка. Изгороди и придорожные деревья отбрасывали в бледном лунном свете черные тени. Конь нес Дэвенпорта в сторону Шефтсбери, через холмы, долины и пустоши, забирая к югу по безлюдным тропам, минуя спящие деревеньки. В низинах клубился туман, и Реджи чувствовал, как холод и сырость пробирают его до костей в тонкой льняной рубашке.

Топот копыт отдавался в голове пульсирующей болью. Но мозг его теперь работал четко. Как только к Реджи вернулась способность рассуждать здраво, он пришел к выводу, что ни в коем случае не следовало приглашать Элис Уэстон поселиться у него. Им двигало тогда желание наполнить огромный пустой дом радостным детским смехом, к тому же присутствие семьи управляющей, казалось, никак не могло его стеснить — усадьба была достаточно велика, чтобы обеспечить всем достойные условия жизни. И надежды Дэвенпорта вполне оправдались.

Молодые Спенсеры были умны, энергичны, хорошо воспитаны, и он получал огромное удовольствие от общения с ними. Проблема заключалась в леди Элис. Его влекло к ней с первой встречи. Если она останется жить с ним под одной крышей, он будет постоянно подвергаться искушению. К счастью, оказалось, что вопреки своей репутации Дэвенпорт в состоянии сопротивляться этому искушению — при условии, что он трезв.

Чтобы не сорваться и не наделать глупостей, Реджи старался не заигрывать с зеленым змием. Но после нескольких глотков спиртного он уже был неспособен контролировать себя и оценивать последствия своих поступков. К тому же он явно недооценил силу своего влечения к Элис и ее пылкость и готовность к сближению.

Поддавшись какому-то непонятному порыву, Реджи заказал для Элис наряды, которые были ей куда больше к лицу, нежели обычные строгие платья. Естественно, это распалило его еще больше.

Как ни странно, сама Элис совершенно не понимала, как она хороша. Вполне вероятно, что в детстве и отрочестве, неуклюжим, голенастым подростком, слишком высоким и неординарным, чтобы соответствовать устоявшимся представлениям о красоте и привлекательности, она могла быть объектом насмешек и с той давней поры так и не научилась видеть в себе прекрасную женщину, которой стала. Впоследствии на первом месте в ее жизни долгие годы стояли работа и ответственность за судьбу опекаемых детей.

Как бы там ни было, Реджи не ожидал, что жизнь под одной крышей с Элис Уэстон создаст ему столько проблем.

Он решил, что будет выпивать лишь поздно вечером. Впрочем, Дэвенпорт привык вести ночную жизнь. Несколько вечеров подряд он изрядно напивался в одиночестве, о чем не

было известно никому, кроме, разумеется. Мака. Но теперь столь удачно задуманный план Дэвенпорта рухнул.

Будь Реджи человеком тщеславным, он бы решил, что Элис пришла в библиотеку нарочно, ожидая застать его там. Однако тщеславие не входило в число недостатков Дэвенпорта, поэтому он не сомневался: их встреча была случайной. В то же время Реджи сознавал, что следовало ее предвидеть. И никаких гарантий, что это не повторится, — подобных встреч можно избежать только при условии, что он станет каждый вечер запирает Элис в ее спальне. Повторись все еще раз, и Реджи будет просто не в состоянии вовремя остановиться — это он понимал совершенно отчетливо.

Дэвенпорт вспомнил, как была потрясена Элис, когда он отстранился от нее и лицо его исказила страдальческая гримаса. Элис Уэстон были присущи ум, житейская мудрость и одновременно какая-то необычайная уязвимость. С ней было интересно спорить, любознательность сквозила в каждом ее вопросе; Реджи нравились ее непосредственность и непредвзятость. Беседовать с Элис было совсем не то, что говорить с Чесси. Разговаривая с бывшей любовницей, Реджи мог не стесняться в выражениях, но Чесси в силу своей малообразованности нередко была не способна уследить за его мыслью.

В этот вечер Реджи понял, что они с Элис — родственные души, что эта женщина — такая же жертва обстоятельств, как и он, и так же, как и он, личность сильная и неординарная. Правда, между ними было два существенных различия. Элис, как и положено женщине, привыкла сдерживать естественные порывы. И — что куда более важно — Элис нашла применение своим уму и таланту, в то время как сам он закопал их в землю. Он же считался повесой, но куда точнее было бы назвать его никчемным пустозвоном, ибо за свою жизнь он столько всего растранил: и деньги, и возможности, а самое главное — время, которого уже не вернешь.

Наконец Реджи натянул поводья, спешившись, привязал коня к дереву и растянулся рядом на мокрой от росы траве. Он страшно устал и был бы рад заснуть, но стоило закрыть Глаза, как голова начинала кружиться, а к горлу подступала тошнота. Поняв, что уснуть не удастся, он остался лежать на земле, глядя в ночное небо широко раскрытыми, бессонными глазами и думая о том, что все его попытки изменить жизнь безуспешны.

Наконец восточный край неба начал понемногу светлеть, и в предутренней тишине раздалось щебетание просыпающихся птиц. Реджи с любопытством прислушивался к собственным ощущениям — как ни странно, они были для него в новинку, обычно после попойки он крепко спал.

Когда рассвет окончательно вступил в свои права, Дэвенпорт устало поднялся на ноги и забрался в седло, чувствуя тяжесть и боль во всем теле. Он пустил Коня шагом и ехал так, пока не добрался до перекрестка. Стрелки на придорожном столбе указывали в разные стороны: одна — на Файвхед-Невилл, другая — на Оукфорд-Фитцпэйн и третья — на Стерминстер-Ньютон.

Свернув налево, он направил коня к Стрикленду. Реджи пытался заставить себя не думать об Элис Уэстон, но безуспешно. Закрутить с ней роман было бы просто, даже очень просто. Было очевидно, что она — по крайней мере какое-то время — благосклонно принимала бы его ухаживания.

Однако то самое чувство справедливости, которое заставляло его жестоко карать тех, кто, по его мнению, творил зло, не позволяло ему причинить вред человеку, не сделавшему ничего плохого, более того — хорошей, во всех отношениях достойной женщине, хотя

подобное определение казалось весьма блеклым, если этой женщиной была леди Элис.

Реджи решил, что должен удалить Элис из своего дома. Это можно было сделать, вложив часть доходов от имения в ремонт и восстановление Роуз-Холла. Когда пожарище остыло, Дэвенпорт внимательно осмотрел обгоревшие стены и пришел к выводу, что они еще смогут послужить. Если не тянуть с началом работ, подумал Реджи, то Элис и Спенсеры могли бы вернуться в отстроенный Роуз-Холл уже ранней осенью. Его же дом в этом случае снова должен был опустеть.

Летние дни длинные, а ночи короткие. Хотя солнце поднялось над горизонтом, время было настолько раннее, что даже фермеры еще досматривали последние сны. Словно мусульманин, совершающий паломничество в Мекку, Реджи каким-то непостижимым образом безошибочно угадал дорогу на Стрикленд. Вскоре местность показалась ему знакомой. Он сообразил, что едет по границе Фентон-Холла.

Тем не менее Реджи очень удивился, когда тропа сделала крутой поворот и прямо перед ним предстал сидящий верхом на смирном мерине Джереми Стэнтон. Крестный отец Реджи тоже удивился встрече, но на его обветренном лице тут же появилась приветливая улыбка.

— Доброе утро. Рановато вы сегодня поднялись, — сказал Стэнтон и, бросив на Реджи проницательный взгляд, предложил:

— Может, позавтракаете вместе со мной?

Реджи поморщился, лихорадочно подыскивая предлог, чтобы отказаться от приглашения и вместе с тем не обидеть родственника. Дэвенпорт чувствовал себя неловко — небритый, в одной рубашке, на которой к тому же остались зеленые пятна от травы.

— Боюсь, я вынужден буду отказаться, сэр, — сказал он. — Мне надо поскорее добраться домой.

Глаза Стэнтонна насмешливо блеснули.

— Мне очень жаль, что вы считаете меня слишком старым и благовоспитанным и потому неспособным помочь вам преодолеть последствия ночной пирушки. Если опасаетесь предстать в таком виде перед Элизабет, то могу вас успокоить: она еще не проснулась. Вы, должно быть, не можете сейчас даже думать о еде, но что скажете о чашечке кофе?

Поколебавшись, Реджи с кривой улыбкой выдавил:

— От этого предложения я не в силах отказаться. У меня в самом деле была тяжелая ночь.

Стэнтон развернул лошадь, и они бок о бок поехали по тропе, а затем по аллее, ведущей к дому, изредка перебрасываясь ничего не значащими словами.

Усевшись в светлой гостиной за стол, на котором стояли чашки с дымящимся кофе и блюдо с рогаликами, Реджи отхлебнул горячий напиток, сжимая чашку в ладонях, чтобы согреть озябшие пальцы.

— Вы хоть отдаете себе отчет в том, насколько сейчас похожи на своего отца? — задумчиво спросил Стэнтон, разломив рогалик и намазывая его маслом.

— Общее сходство, конечно, есть, — согласился Реджи, — но что-то не припомню, чтобы он когда-нибудь выглядел так, словно на нем черти воду возили.

— Вы слишком молоды, чтобы это помнить, но я-то много раз имел удовольствие лицезреть его в том же виде, что и вас сейчас. И по той же причине, — как бы между прочим обронил Стэнтон, продолжая внимательно следить за выражением лица своего собеседника.

— Кого вы пытаетесь оскорбить — меня или моего отца? — пробурчал Реджи, чувствуя,

что краснеет.

— Ни того ни другого. — Стэнтон, казалось, нисколько не смущен его реакцией. — Пьянство — это проклятие англичан. С юных лет нам внушают, что умение пить не пьянея — чуть ли не главное достоинство настоящего мужчины. Естественно, мы начинаем пить без всякой меры. Правда, с возрастом, когда у людей появляются определенные обязанности, большинство мужчин начинают понимать, что пьянство мешает успеху в делах и вообще портит жизнь, и сокращают употребление алкоголя. Однако некоторые пьют все больше и больше. — Стэнтон аккуратно положил на рогалик ложку малинового джема. — Мы с вашим отцом частенько сиживали за бутылкой. Должен сказать, что ваш отец был одним из умнейших людей, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться. Нам с ним бывало очень весело. — Крестный отец Реджи откусил кусок рогалика, прежде чем продолжить, тщательно прожевал его и проглотил. — Да, все это было хорошо и весело до тех пор, пока пьянство едва не разрушило и мой брак, и его.

— Какое счастье, что я не женат, — мне разрушать нечего, — съязвил Реджи. — Если хотите мне что-то сказать, говорите прямо. Но только учтите, что, хотя я намного моложе вас, я не люблю выслушивать нотации.

— А я и не собираюсь читать вам нотации, — примирительно заметил Стэнтон. — Просто готов открыть вам глаза на кое-какие вещи, о которых вы, возможно, не знаете.

— Вы правы, то, о чем вы рассказали, для меня новость, — бросил Реджи. — Насколько я помню, мой отец никогда не позволял себе ничего, кроме кружки эля.

— Это потому, что он совершенно бросил пить, когда вы были совсем маленьким ребенком. Вам тогда, если не ошибаюсь, было года четыре.

Реджи, который хотел было подлить себе кофе, замер и бросил на крестного подозрительный взгляд.

— Я вам как-то уже говорил, что не помню ничего из того, что происходило со мной и моими родственниками до той поры, когда мне исполнилось четыре года.

— Вероятно, на то есть свои причины, — невозмутимо ответил Стэнтон. — Отличный джем. Не желаете попробовать?

Реджи не хотел. Некоторое время он сидел, хмуро глядя в чашку с кофе, а затем спросил:

— Вы сказали, пьянство едва не разрушило ваш брак. Что же произошло?

Стэнтон неопределенно пожал плечами:

— Однажды утром, а точнее, днем, проснувшись, я обнаружил, что Элизабет и детей в доме нет. Жена собрала детские вещи и вместе с сыновьями вернулась к своим родителям. В течение двух недель она не хотела меня видеть. Более того, сюда приезжал адвокат ее отца, чтобы обсудить вопрос о разводе.

Реджи с изумлением уставился на собеседника:

— Но ведь вы с тетей Бет всегда были не разлей вода!

— Боюсь, не всегда. — На худощавом лице Стэнтона появилось хмурое выражение, вызванное неприятными воспоминаниями. — Когда Элизабет в конце концов все же согласилась со мной поговорить, она заявила, что ей надоело ложиться спать в одиночестве, в то время как я напиваюсь до бесчувствия, что она устала вести домашнее хозяйство и вдобавок управлять имением и не может больше видеть, как дети прячутся от отца, ибо никогда невозможно угадать, что ему взбредет в голову в следующий момент. В общем, она сказала, что черта с два будет это терпеть.

Реджи попытался представить себе пухленькую, добродушную тетушку Бет сквернословящей, но это было почти так же трудно, как вообразить ее со шпагой в руках. И у него не укладывалось в голове, что дети Джереми Стэнтонна могли его бояться. Заинтригованный рассказом крестного, он вынужден был спросить:

— Ну и что же было дальше?

— Хорошенько подумав, я решил, что гораздо приятнее проводить ночь в постели с женой, чем наедине с полудюжиной бутылок бургундского. Я сказал Элизабет, что брошу пить. — Стэнтон невесело улыбнулся. — Рассчитывал, что это будет совсем нетрудно. Элизабет заявила, что вернется, только если я полгода не возьму в рот ни капли. В итоге на то, чтобы бросить пить, у меня ушел год. С тех пор я не употребляю спиртного.

Дэвенпорт вспомнил, что во время визита в Стрикленд крестный ответил отказом на его предложение выпить и пил только воду в тот вечер, когда Реджи у него обедал. Значит, это был не каприз, а выработанная годами привычка, железное правило.

— А мои родители? У них тоже были какие-то проблемы?

— Ситуация сложилась совершенно аналогичная. Более того, их семейный кризис совпал по времени с нашим. Именно по этой причине я не знаю многих подробностей. Все происходило на ваших глазах — возможно, вы, попытавшись как следует, что-нибудь вспомните.

— Что толку, если я и вспомню? — огрызнулся Реджи.

— Вы могли бы провести какие-то аналогии с вашей собственной жизнью, — по-прежнему невозмутимо ответил Стэнтон.

— Вы хотите сказать, что я не умею пить?

— Если вы пошли в отца, то скорее всего не умеете. — Стэнтон мрачно посмотрел на Дэвенпорта. — Впрочем, вам виднее.

Охваченный бешенством, Реджи едва не обозвал Стэнтонна старым дурнем, который вмешивается не в свое дело, но что-то удержало его от этого. За последние несколько недель уже третий человек указывал ему на то, что он слишком увлекся алкоголем, причем все эти люди — из числа тех немногих, кто был к нему неравнодушен и искренне желал ему добра.

Измученный похмельем, бессонной ночью и душевными терзаниями, Реджи, закрыв лицо ладонями, невнятно пробормотал:

— Возможно, я и в самом деле слишком много пью, но ведь у меня нет ни жены, ни детей. Кому в таком случае от этого плохо?

— Вам самому, разумеется, — мягко произнес Стэнтон. Повисла долгая пауза. Реджи задумался о том, что уже долгие месяцы он почти постоянно подавлен, и впервые ему в голову пришла мысль о том, что, возможно, это следствие пьянства. Да, сказал он себе, у него нет ни жены, ни детей, но зато у него есть Стрикленд.

А что, если бы он, напившись, в беспамятстве поставил на карту имение? С замиранием сердца Реджи вынужден был признать, что это вполне могло случиться во время последней поездки в Лондон.

— Вы правы, мне надо меньше пить, — признал он, не отнимая ладоней от лица.

— Возможно, это вам в самом деле поможет, — последовал обтекаемый ответ.

Опустив руки, Дэвенпорт пристально посмотрел на крестного.

— Вы не могли бы пояснить, что вы хотите этим сказать?

— Некоторым удается решить проблему, просто сократив употребление алкоголя, — заговорил Стэнтон. — Я пробовал пойти по такому пути, но у меня ничего не вышло. Стоило

мне сделать хотя бы глоток чего-нибудь горячительного, и я снова надирался. Единственным выходом из положения стал полный отказ от спиртного.

— У меня сильная воля, — возразил Дэвенпорт.

— Я в этом не сомневаюсь. Но силы воли может оказаться недостаточно. Со мной, во всяком случае, дело обстояло именно так.

— И как же вам удалось добиться своего? Стэнтон усмехнулся.

— Вы, наверное, будете смеяться, но мне помогли молитвы, — сказал он и, не обращая внимания на изумление, появившееся на лице его крестного сына, продолжил:

— Я никогда никому об этом не рассказывал, но по-настоящему я начал избавляться от алкогольной зависимости через семь месяцев после того, как от меня ушла Элизабет. Поначалу я пытался пить меньше — это не помогло. Потом я попробовал бросить пить вообще — это тоже не сработало. Я держался несколько дней или даже недель, а потом мне начинало казаться, что проблема решена, все уже позади, и я позволял себе пропустить глоток-другой. Ну а на следующее утро я просыпался в состоянии дикого похмелья и не мог вспомнить, где был ночью и что делал.

«Значит, провалы в памяти бывают и у других поклонников зеленого змия», — с облегчением подумал Реджи.

— А потом?

— Однажды утром я проснулся в гостиной, лежа в собственной блевотине, и понял, что не могу бросить пить, это мне не по силам. Выходило, что я теряю жену и детей, а без них моя жизнь лишалась смысла.

Вокруг рта Стэнтона залегли горькие морщинки, ему так же нелегко было все это рассказывать, как Реджи — слушать.

— И вот, лежа на полу и чувствуя, что подняться я не в состоянии, я принялся молиться, — поморщившись, заговорил Стэнтон. — В отчаянии я взывал к небесам, прося помочь мне, потому что сам помочь себе я не мог. — Глядя куда-то в пустоту, крестный Реджи рассеянно крошил рогалик тонкими желтыми, словно пергамент, пальцами. — Все это довольно трудно объяснить. Я долго лежал, продолжая молить Господа о спасении. И вдруг на меня снизошло ощущение какого-то удивительного спокойствия, умиротворенности. Это в самом деле невозможно описать словами. Как бы то ни было, после этого все изменилось. Меня больше не тянуло к рюмке так, как раньше. Временами, конечно, искушение возникало, но у меня хватало сил удержаться.

Стэнтон откинулся на спинку стула. Лицо его снова стало спокойным и невозмутимым.

— Через несколько месяцев мое самочувствие заметно улучшилось — впервые за многие годы, по выпивке я совершенно не скучал. Потом ко мне вернулась Элизабет. Через некоторое время они поверили, что я действительно изменился. Результаты вы видели сами, — подытожил Стэнтон и посмотрел на Дэвенпорта.

Да, результаты Реджи видел. Он встал и, заложив большие пальцы за пояс кожаных бриджей, подошел к окну.

— Я не уверен, что ваш опыт применим ко мне, но в любом случае благодарю вас за заботу, — сдержанно сказал он. — Наверное, вам нелегко было все это мне рассказывать.

— Да, вы правы, — последовал спокойный ответ, — но я должен был это сделать. Как знать, возможно, когда-нибудь мой опыт вам все же пригодится.

Реджи отошел от окна и, попрощавшись со Стэнтоном, откланялся. Всю дорогу в Стрикленд он раздумывал над исповедью крестного и в итоге решил, что в его рецепте было

рациональное зерно. Реджи стал беспробудно пьянствовать лишь в последние два года. Напряженное ожидание, связанное с решением вопроса о дядюшкином наследстве, безмерно угнетало его, и он с головой окунулся в кутежи, дни и ночи проводил в игорных притонах.

После того как наследство дядюшки отошло к неизвестно откуда взявшемуся Ричарду, его двоюродному брату, Реджи окончательно сорвался с тормозов, демонстрируя всем и каждому, что ему на все наплевать.

Получалось, если бы не переживания по поводу наследства, пьянство никогда не превратилось бы для Реджи в проблему. Вывод напрашивался сам собой: следовало просто-напросто на некоторое время прекратить употреблять спиртное. Он одновременно убьет двух зайцев — докажет самому себе, что способен не пить, и избавится от привычки злоупотреблять выпивкой. Позднее можно будет вновь позволять себе рюмку-другую. Стэнтону не хватило для этого силы воли, но Реджи был уверен, что ему это по плечу.

Вспомнив, как Стэнтон посоветовал обратиться к Богу с просьбой помочь бросить пить, Дэвенпорт снисходительно улыбнулся. Для человека преклонного возраста, сознающего, что жизнь клонится к закату, религиозные предрассудки были вполне естественны. Что же до него, то Реджи был уверен: чтобы бросить пить, ему не нужна помощь Всевышнего.

К тому времени когда он добрался до Стрикленда, в душе его царил желанный покой. Но этот покой был недолгим — на конюшне Реджи увидел леди Элис, собирающуюся отправиться в свой обычный утренний рейд по имению. Новый, бронзового цвета, костюм для верховой езды замечательно подчеркивал ее высокую, гибкую фигуру.

Заметив Дэвенпорта, Элис на мгновение замерла, но затем, взяв себя в руки, вежливо наклонила голову:

— Доброе утро. Я собиралась съездить к одному из арендаторов, но могу остаться, если вы хотите что-либо обсудить.

Дэвенпорт отрицательно покачал головой и завел в стойло усталого гнедого.

— Нет, отправляйтесь по своим делам. Я хочу поговорить с вами, но это не срочно. Я решил за лето заново отстроить Роуз-Холл. Это потребует расходов, так что придется урезать ассигнования на другие проекты. Мне бы хотелось узнать ваше мнение относительно того, что необходимо для восстановления дома.

— Понимаю, — только и сказала Элис.

По всей видимости, она решила, что он просто хочет избавиться от нее, подумал Дэвенпорт. Что ж, так и было, хоть он и руководствовался самыми благородными побуждениями.

— Я думаю, так будет лучше, — тихо проговорил он.

— Вам не следует винить себя за то, что произошло вчера вечером. — Элис старалась держать себя в руках. — Вы ни к чему меня не принуждали.

Вспомнив, как горячо откликнулась Элис на его ласки, Реджи охрип.

— Вам незачем напоминать мне об этом. Я прекрасно помню, что случилось. Лучше бы этого не было.

Элис побледнела.

— Вы совершенно правы. — Голос ее сорвался. Резко повернувшись, Элис вывела свою кобылу из конюшни, держась прямо, словно гренадер на строевом смотре.

Реджи проводил ее взглядом. В его душе боролись сожаление и раздражение. Пожалуй, Элис Уэстон могла бы и поблагодарить его за проявленное благородство или быть хотя бы чуточку поприятнее.

Воздерживаться от спиртного оказалось делом гораздо более трудным, чем Реджи ожидал. На второй день мысли о выпивке превратились в настоящую манию. Снова и снова он представлял, как открывает буфет в библиотеке и наливает в бокал янтарного цвета жидкость. Ему даже казалось, что он чувствует на языке терпкий и жгучий вкус и ощущает, как после первого глотка по телу бежит привычная теплая волна.

Несколько раз он ловил себя на том, что готов проделать все это на самом деле, но в последний момент ему все же удавалось остановиться. Это придавало сил — в душе росла уверенность, что он способен избавиться от алкогольной зависимости и обязательно сделает это.

Стояла пора сенокоса, в утренние часы Дэвенпорт косил вместе с работниками — нелегкий, подчиненный строгому ритму физический труд помогал ему отвлечься от мыслей о выпивке. Когда косарям приносили еду — хлеб, сыр и эль, — он уходил в сторонку, чтобы не подвергаться искушению. Но это всего лишь эль, молило его истрадавшееся тело, эль, а не вино или виски. Он совершенно безвреден.

Должно быть, что-то в этом роде нашептывал в раю змей-искуситель на ухо Адаму. Однако Реджи продолжал упорно держаться — он слишком часто напивался пивом и элем. Нет уж, думал Дэвенпорт, если не пить, то не пить совсем — обманывать себя он не намерен.

В свой первый «трезвый» день Реджи побывал на ярмарке в Дорчестере и купил четырех молодых гунтеров отличных статей. На следующий день он приступил к их обучению. Выездка лошадей — дело, требующее терпения и сосредоточенности, а именно это Дэвенпорту и было нужно. Возясь с гунтерами, он на какое-то время забывал о мучительном желании выпить.

Дорсет не лучшее место для охоты, однако неподалеку от Стрикленда были охотничьи угодья. Тренировки проходили как на пересеченной местности, так и в специальном загоне. Маленький Уильям при первой же возможности взбирался на ограду загона и наблюдал за происходящим. У мальчика были задатки настоящего лошадики.

Старший из братьев Спенсеров не отличался такой тягой к лошадям, как Уильям, но был понятлив, ловок и весьма усерден. Реджи учил Питера править экипажем. Занятия с ним также отвлекали Дэвенпорта от мыслей о спиртном.

Однако, как бы Реджи ни загружал себя работой, вечерами ему приходилось туго. Он становился суетливым и раздражительным, не хотелось ни читать, ни разговаривать. Реджи нашел спасение в долгих прогулках по имению, позволивших ему лучше узнать то место, где жили его предки. Солнце садилось поздно, и прохладными светлыми летними вечерами он бродил по поместью из конца в конец, наведываясь в самые укромные уголки, пересекая долины между холмами, где паслись овечьи стада, поля, на которых созревали рожь и пшеница, и заливные луга.

Гулял он обыкновенно до наступления темноты. Но даже прогулки не могли полностью снять нервное возбуждение. Поэтому всякий раз прогулка заканчивалась на той самой укромной поляне на берегу озера. Дэвенпорт раздевался и, нырнув в воду, плавал до полного изнеможения, чтобы по возвращении домой уснуть и хотя бы на время забыть о том, чего настойчиво требовал его истерзанный алкоголем организм.

На четвертый день Реджи был уже не способен справляться с раздражением. Чувствуя, что может сорваться и обидеть юношу, он отменил урок с Питером. Реджи даже подумывал

о том, чтобы обедать отдельно от Элис и Спенсеров, но в конце концов решил оставить все как есть. За обедом он теперь почти не разговаривал, опасаясь задеть своих сотрапезников неоправданно едким замечанием. Молодые Спенсеры были слишком хорошо воспитаны, чтобы комментировать изменения в его поведении, и лишь по временам бросали на него озадаченные взгляды. Элис вообще на него не смотрела.

Даже Мак держался с Реджи настороженно, чувствуя, что хозяин готов в любую секунду взорваться, словно вулкан, грозящий извержением. Одна только Немезида не замечала его состояния, но это, как с улыбкой думал Реджи, свидетельствовало лишь о том, что она и в самом деле совершенно безмозглая собака. Тем не менее ему было приятно, что колли сопровождает его во время долгих прогулок и спит у него в ногах, рядом с кроватью.

На пятый день Дэвенпорт начал думать о том, когда же наконец наступит облегчение, — пока день ото дня ему становилось все тяжелее. Он отправился косить, затем долго с угрюмым видом тренировал лошадей, после бродил по поместью и плавал в озере. Вернувшись домой, он понял, что заснуть не удастся.

Было уже за полночь, однако тело его, несмотря на усталость, продолжало требовать спиртного. Всего одна маленькая рюмочка виски — просто чтобы легче было заснуть. Всего одна. Разве он уже не доказал, что может обходиться без выпивки? Нет, не доказал, отвечал себе Реджи, если желание выпить заслоняло в сознании все остальные мысли.

Природа весьма щедро, даже с избытком наделила Реджинальда Дэвенпорта силой воли. Решив на какое-то время отказаться от спиртного, он не намерен был сдаваться. Реджи поклялся себе, что только после того как тяга к спиртному перестанет его терзать, он сможет иногда позволить себе выпить.

Поглощенный внутренней борьбой, Реджи не сразу заметил, что он в комнате не один. Уже собравшись лечь в постель, он увидел ясно проступавшие под одеялом округлые формы женского тела. Реджи замер, у него екнуло сердце. Если Элис Уэстон готова зайти так далеко, никто на свете не мог упрекнуть его в том, что он не устоял перед искушением — тем более что близость с Элис наверняка помогла бы ему на какое-то время забыть о выпивке.

Однако не успела эта мысль оформиться в его мозгу, как Реджи понял, что перед ним не Элис. Лежавшая в постели женщина явно уступала ей ростом и была куда полнее. Отвернув одеяло, Дэвенпорт увидел на подушке каштановую головку одной из горничных. Судя по всему, она задремала в ожидании его прихода. Пока Реджи пытался вспомнить, как ее зовут, девушка открыла глаза, и на ее хорошеньком личике отразилось беспокойство.

— Разве вы ночуете не в мансарде, вместе с остальной прислугой? — язвительно поинтересовался Реджи.

— Я... я думала, может, вы будете не против, если я составлю вам компанию, сэр, — проговорила горничная.

У Реджи мелькнула мысль, что, возможно, это Мак решил поднять ему настроение, подсунув в постель женщину. Правда, прежде его камердинер сводничеством не занимался, однако полностью исключать этот вариант было нельзя.

— Кто надоумил вас прийти сюда?

Лицо девушки стало еще более встревоженным.

— Никто, сэр. Вы мне с самого начала очень понравились, и... и я думала, что вы не будете против.

На какой-то момент Реджи почувствовал возбуждение. Лежавшая в его постели девушка

была весьма симпатичной, и будь Дэвенпорт навеселе, наверняка не устоял бы перед соблазном. Однако он был трезв, и, кроме того, на лице у девушки было написано отнюдь не желание, а скорее решимость выдержать некое тяжелое испытание — вероятно, с таким выражением Жанна д'Арк смотрела на своих палачей. Возможно, подумал Реджи, горничная пришла к нему в спальню в надежде поправить свое материальное положение. Он невольно поморщился.

— Это не совсем подходящий способ добиваться повышения жалованья. — Голос Дэвенпорта звучал жестко. — Возвращайтесь к себе, и будем считать, что ничего не было.

Разумеется, это был не самый вежливый способ спровадить незваную гостью, но все же Реджи никак не ожидал, что девушка расплчется. Разозлившись, Дэвенпорт рывком откинул в сторону одеяло в надежде, что это заставит ее поскорее отправиться восвояси, и замер в изумлении.

Девушка была обнаженной. При виде ее розового тела Дэвенпорт заколебался. У него уже несколько недель не было женщины, а постоянное присутствие рядом Элис Уэстон подстегивало его возбуждение. Внезапно глаза его округлились. Разумеется, характерные признаки еще не стали очевидными, но Реджи не был неопытным зеленым юнцом.

— Кажется, вы беременны, — произнес он бесцветным голосом.

Девушка в ужасе уставилась на Дэвенпорта, словно перед ней был дьявол во плоти. Натянув на себя одеяло, она зарыдала еще громче.

Реджи вздохнул: избавиться от Джилли — он наконец вспомнил имя горничной — будет невозможно до тех пор, пока она не успокоится. Он накинул халат и принялся искать ее одежду. Платье и белье, аккуратно сложенные, лежали на стуле.

— Оденьтесь, — сказал он, протягивая Джилли ее вещи. Отвернувшись, Реджи принялся рыться в ящиках комода, пытаясь отыскать носовой платок. К тому времени как он его нашел, горничная успела надеть белье и торопливо натягивала платье. Она с благодарностью приняла от Дэвенпорта платок и уткнулась в белоснежную ткань заплаканным, несчастным личиком. Реджи уселся на стул, с любопытством размышляя о том, что могло заставить ее пробраться к нему в спальню.

Когда всхлипывания Джилли стихли и сменились икотой, он, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче, спросил:

— Вы рассчитывали, что... посетив мою спальню, сможете объявить, что ребенок от меня?

По застывшему взгляду синих глаз он понял, что догадка верна.

— Неужели вы не подумали, что я могу обо всем догадаться, сделав простейший подсчет? — поинтересовался Реджи, которому все это происшествие уже начинало казаться забавным. — Сядьте и успокойтесь. Я вас не съем.

Джилли осторожно опустилась на краешек кровати. По всей видимости, она имела весьма смутное представление обо всем, что связано с зачатием, беременностью и родами.

— А что, отец ребенка не хочет на вас жениться? — терпеливо спросил он.

Девушка комкала в руках носовой платок, отводя глаза.

— Мы с ним встречались очень давно, и он говорил, что когда-нибудь мы поженимся. Но когда я рассказала ему о том, что случилось, он сказал, будто не уверен, что это его ребенок. — Горничная снова всхлинула. — На следующий день он объявил отцу, что отправляется в Бристоль наниматься в моряки, и был таков. А со мной даже не попрощался. Джилли закрыла лицо руками, и плечи ее снова затряслись.

Реджи стиснул зубы — в такие минуты ему бывало стыдно за сильную половину человечества. Разумеется, сам он был отнюдь не ангел, но при этом не разбрасывал незаконнорожденных детей по всей стране. Он присел рядом с Джилли на кровать, и успокаивающе похлопал ее по плечу. Девушка, все еще всхлипывая, приникла к нему. Так они и сидели, пока горничная не выплакалась.

Наконец она выпрямилась и вытерла глаза мокрым насквозь платком. Нос у нее покраснел, лицо опухло, голос дрожал:

— Простите меня, мистер Дэвенпорт. Конечно, нехорошо с моей стороны пытаться вас обмануть, но я была в отчаянии и просто не знала, что мне делать. — Джилли с трудом сглотнула и с жаром добавила:

— В работный дом я все равно не пойду. Я скорее рожу ребенка где-нибудь в канаве.

— Неужели в работных домах так плохо? — поинтересовался Реджи.

Джилли кивнула и, опустив глаза, стала смотреть на свои руки. Дэвенпорт подумал, что ему надо будет разобраться в этом вопросе. Одна из функций мировых судов заключалась в реализации закона о бедных, и он решил, что обязательно выяснит, как этот закон применяется в Дорсете.

— Разве вам не помогут родители? Джилли покачала головой:

— Они методисты, и притом очень набожные. Отец сказал, что, если я когда-нибудь совершу недостойный поступок" он выгонит меня из дома и больше на порог не пустит. Даже моя мама... — Голос девушки прервался.

— А миссис Геральд знает о том, что вы беременны?

— Нет, что вы! Кузина Мэй ни за что не наняла бы меня, если бы ей было об этом известно. Как только она узнает, тут же меня уволит.

— И куда же вы пойдете?

— Я... я не знаю, но уж, во всяком случае, не в работный дом. Может, отправлюсь пешком в Лондон и попробую найти работу там.

Реджи нахмурился. Единственное, на что Джилли могла рассчитывать в Лондоне, была работа на панели. Он мог бы направить ее к Чесси, но сомневался, что девушка решится стать проституткой. Быстро обдумав все возможные варианты, он сказал:

— Вот что, вы можете остаться здесь. Я прикажу миссис Геральд, чтобы она вас не увольняла.

В глазах Джилли вспыхнула надежда.

— Вы правда позволите мне остаться до тех пор, пока ребенок не родится? Клянусь, сэр, вам даже не надо будет платить мне жалованье. Я буду работать изо всех сил, только бы у меня была крыша над головой и пропитание.

— В этом нет необходимости — за свой труд вы будете получать деньги, как и положено.

Глаза девушки снова наполнились слезами.

— Да благословит вас Бог, мистер Дэвенпорт. Я не знаю, как мне благодарить вас. Вы даже не представляете себе, что вы для меня сделали. — Джилли осторожно прикоснулась к руке Реджи. — Если... если я могу что-нибудь для вас сделать...

Смысл, который она вложила в эти слова, был очевиден. Искушение на сей раз оказалось даже сильнее, поскольку девушка теперь не выглядела так, словно приносила себя в жертву. Однако Дэвенпорт достаточно хорошо знал человеческую природу, чтобы понять: Джилли сейчас готова влюбиться в любого мужчину, проявившего к ней доброту и участие.

Он решил, что дополнительные осложнения ему не нужны — хватало уже имеющихся.

— Смотрите не повторяйте те же ошибки, — сухо сказал он. — Физическое влечение к противоположному полу — вещь вполне естественная, но если вы намерены идти у него на поводу после рождения ребенка, вам придется принимать кое-какие меры предосторожности. Если у вас нет знакомой женщины старше по возрасту и более опытной, которая могла бы просветить на этот счет, можете обратиться ко мне — я скажу, что надо делать.

Джилли отчаянно покраснела, но кивнула. Помимо того, что она хорошенькая, она, судя по всему, отнюдь не глупая. Реджи подумал, что в будущем она скорее всего найдет себе мужа.

Внезапно почувствовав усталость, Дэвенпорт встал и, взяв девушку за руку, помог ей подняться на ноги.

— А теперь отправляйтесь спать. Утром я поговорю с миссис Геральд. — Реджи сердито нахмурился. — И постарайтесь сделать так, чтобы остальные горничные не вбили себе в голову всякую дурь. В другой раз я могу оказаться совсем не таким добрым, как сегодня.

Нисколько не испугавшись грозного выражения его лица, Джилли застенчиво улыбнулась и выскользнула за дверь. Реджи сбросил халат, нырнул в постель и задул свечи. Что ж, по крайней мере эта девушка помогла ему на какое-то время забыть о выпивке.

Комната для Элис подбиралась с таким расчетом, чтобы она была в курсе всех ночных перемещений по дому. В последнее время ей не спалось, и потому она слышала, что Дэвенпорт вот уже который вечер подряд возвращается в свою комнату очень поздно.

Однако в эту ночь, примерно через полчаса после того, как он, стараясь не стучать сапогами, прошел в спальню, в коридоре раздался звук других, легких шагов. Охваченная любопытством, Элис приоткрыла дверь и увидела выходящую из спальни Реджи девушку. Элис застыла на месте. Насколько лунный свет, проникавший в коридор, позволял рассмотреть, гостьей Дэвенпорта была одна из горничных — судя по росту и комплекции, Джилли или Джейни.

Остановившись в коридоре, девушка поднесла руки к лицу, как будто вытирала слезы, и двинулась к лестнице, ведущей в мансарду. Элис закрыла дверь и прижалась лбом к косяку. Значит, Дэвенпорт спит с одной из горничных, думала она. Судя по тому, как девушка, навещавшая Реджи, шмыгала носом, она только что лишилась девственности.

Собственно, какое ей дело до того, как Реджи Дэвенпорт развлекается по ночам, подумала Элис. Но настроение у нее было ужасное. Улегшись в постель, она сжалась в комок и натянула одеяло, чувствуя, что ее бьет озноб. Казалось, между ними возник мостик взаимопонимания — как-никак они с Реджи обладали чувством юмора и одинаково смотрели на многие вещи, — но теперь Элис убедилась, что это всего лишь иллюзия.

Вспомнив, как Реджи целовал ее, она прижала ко рту кулак и впила зубами в костяшки пальцев, чтобы не закричать от боли.

Всю неделю Элис внимательно наблюдала за Дэвенпортом, и догадалась, что он бросил пить. Теперь, когда он был трезв, его уже не влекло к ней. Реджи целовал ее дважды, и оба раза он был пьян. Судя по всему, ощущения были не из приятных, раз он решил коренным образом изменить образ жизни лишь бы не допустить повторения подобного.

Проплакав всю ночь, совершенно измученная, Элис заснула лишь тогда, когда лучи

солнца окрасили восточный край неба в розовый цвет.

На следующее утро Реджи обсудил с экономкой вопрос о беременности горничной. Миссис Геральд неодобрительно поцокала языком, но, будучи женщиной доброй, согласилась, что нельзя выгонять из дома будущую мамашу, коль скоро той некуда идти. По собственному опыту зная, что беременность зачастую сопровождается недомоганиями, она пообещала, что будет всякий раз поручать Джилли работу, сообразуясь с ее состоянием.

Единственным, не считая миссис Геральд, человеком, которому Реджи рассказал о случившемся, был Мак Купер. Его обычно бесстрастное лицо стало хмурым.

— Вы говорите о красотке с каштановыми волосами? — уточнил он. — Жаль, что ее парень уже сбежал. Следовало бы отстегать его кнутом за такие дела.

— Согласен, — бросил переодевавшийся к обеду Реджи, просовывая голову в воротник свежей белой рубашки. — Если это тебя утешит, могу сказать, что у матросов жизнь несладкая, скорее всего это будет для него куда более строгим наказанием.

— Насколько я понимаю, в последние дни вы совсем не пьете? — спросил хозяина Мак.

— Ты очень наблюдателен, — парировал Реджи, завязывая галстук.

— Трезвость — штука неплохая, — заметил камердинер. Его нисколько не смутила резкость хозяина.

— Рад, что заслужил твое одобрение, — язвительно процедил Дэвенпорт, надевая жилет.

— Я здесь не для того, чтобы одобрять или не одобрять ваши поступки, — высокомерно заявил Мак, изображая чванливого слугу-сноба.

— С каких это пор ты не имеешь собственного мнения, чертов кокни? — хмыкнул Реджи.

По физиономии Купера пробежала легкая тень улыбки.

— А с чего вы взяли, что у меня нет собственного мнения? Просто я уже начинал за вас беспокоиться. — Акцент, характерный для обитателей лондонских трущоб и бедных кварталов, был верным признаком волнения Мака.

Надевая превосходно сшитый сюртук, Дэвенпорт бросил на камердинера уничтожающий взгляд:

— Ты хочешь сказать, что я вовсю катился по наклонной плоскости и все это замечали, кроме меня самого, так, что ли?

— Ну да, — согласился Купер, немного подумав. Улыбнувшись, Реджи отметил, что Мак никогда не отличался излишней деликатностью, и направился в столовую, радуясь тому, что утром в Стрикленд должен был приехать Джулиан. Дэвенпорт был уверен; его добродушный и веселый молодой друг разрядит атмосферу в доме.

Купер же после ухода своего господина занялся уборкой, с тревогой думая о том, что Джилли едва не попала в большую беду. В конце концов он решил сегодня вечером пригласить молоденькую горничную погулять, поскольку в сложившейся ситуации ей нужна поддержка. Приняв решение, он, улыбаясь, закончил уборку и отправился обедать.

Работа управляющего требовала постоянного передвижения по территории поместья. Все утро Элис наблюдала за тем, как ведутся работы. Выяснив у Габриэля Митфорда, когда можно будет приступать к стрижке овец, Элис заехала на покос.

Трава на лугах была уже почти скошена и собрана в копешки, сено подсыхало, издавая

пьянящий аромат. Спешившись, Элис выслушала старшего из косарей, с крестьянской осторожностью известившего, что, если солнечная погода продержится, на следующий день работы будут закончены.

Собравшись уже продолжить объезд имения, Элис заметила в ряду косарей, размеренно наступавших на участок нескошенной травы, хозяина Стрикленда. Она знала, что Реджи работает на покосе, но еще ни разу не видела его здесь.

Самый высокий среди работников, загорелый, темноволосый, в белой рубашке с закатанными рукавами и расстегнутым воротом, он был удивительно хорош собой. Хозяин, в поте лица трудившийся на своей земле.

Глядя на Дэвенпорта, Элис почувствовала, что боль, поселившаяся ночью у нее в груди, постепенно отступает. На память пришло чье-то высказывание: каждый человек — главное действующее лицо пьесы, имя которой — его собственная жизнь. Что ж, она, Элис Уэстон, готова была подписаться под каждым словом, но и на Реджинальда Дэвенпорта — стоило ему появиться в Стрикленде — она смотрела как на одного из участников ее личной драмы. Будучи человеком сильным и незаурядным, он как-то незаметно превратился из рядового участника в главного героя. Элис полностью зависела от него материально, он спас ей жизнь и — это было практически неизбежно — в конце концов стал объектом ее тайной страсти.

Элис впервые попыталась взглянуть на Дэвенпорта как бы со стороны. Хотя сам он никогда не заводил об этом речь, основное содержание той пьесы, главным действующим лицом которой был он сам, состояло в его попытке изменить собственную жизнь, придать ей смысл.

Элис нередко приходилось иметь дело с мужчинами, которые регулярно напивались до бессознательного состояния. Мало кто из них согласился бы признать себя алкоголиком, и лишь очень немногие решались попытаться бросить пить. Реджи, называвший себя повесой и конченным человеком, предпринял попытку это сделать. По-видимому, это стоило ему немалых усилий — отсюда его постоянное раздражение.

Ей, Элис Уэстон, в жизни Дэвенпорта была отведена второстепенная роль. Будет он счастлив или несчастен, сопьется или сумеет побороть пагубную страсть — она не имеет к этому ровным счетом никакого отношения. Молчаливая борьба, которую Реджи вел с терзающими его душу демонами, была для него проблемой куда более важной, чем отношения с Элис, и тут уж ничего нельзя было поделать.

Как ни странно, осознание этого принесло Элис облегчение. Дэвенпорт был человеком весьма неоднозначным — он мог вести себя и как герой, и как злодей, не будучи на самом деле ни тем ни другим. Он был не стар, но уже и не молод, нередко попадал в беду из-за собственной беспечности, но всегда имел мужество признать, что в случившемся с ним не виноват никто, кроме него самого. Пообщавшись какое-то время с Реджи, Элис поняла, что он честен и не лишен сострадания к окружающим. И еще он был очень одинок.

Ему совершенно были не нужны ни ее профессионализм, ни ее женственность, ни ее мечты. Сейчас, в трудное для него время, Реджи нуждался в сочувствии, понимании, в том, чтобы его принимали таким, каков он есть, со всеми достоинствами и недостатками. Все это Элис могла ему дать — хотя бы по той простой причине, что он ей нравился.

Элис пришпорила кобылу, решив, что будет проявлять к Дэвенпорту больше дружеского внимания, чем раньше, как бы раздраженно он на это ни реагировал.

После завтрака Элис отправилась на конюшню. Проходя мимо манежа, она увидела

Реджи, объезжающего рослого серого мерина. Вспомнив о своем намерении вести себя с Дэвенпортом по-дружески, Элис решила остановиться и понаблюдать за его работой. Подойдя поближе, она заметила Уильяма — сидя на ограде, он с благоговением следил за действиями своего кумира. Мальчик поздоровался с опекуницей, не отводя взгляда от захватывающего зрелища.

Элис вынуждена была признать, что Реджи, заставляющий лошадь то и дело менять аллюр, выглядел и в самом деле весьма впечатляюще. Она знала, что Дэвенпорт — превосходный наездник, но теперь у нее появилась возможность убедиться в том, что он еще и прекрасный объездчик — умелый и терпеливый.

— У него легкая рука, — сказала Элис, понимая, что мастерство Дэвенпорта заслуживает куда более щедрой похвалы.

— Это уж точно, — горячо поддержал ее Уильям, энергично кивнув. — Он мог бы ездить на Смоки, вообще не держась за поводья.

В это время Реджи начал отрабатывать повороты кругом и заметил Элис. Замешкавшись на миг, он подъехал.

Было видно, что Реджи пытается угадать, как Элис встретит, поскольку последнюю неделю они почти не разваривали. Элис ободряюще улыбнулась.

— Судя по крупу и задним ногам, Смоки должен замечательно преодолевать препятствия, — сказала она.

— Вы правы. — Лицо Дэвенпорта прояснилось от ее дружеского тона. — Он немного диковат, но через изгороди прыгает великолепно и к тому же очень вынослив. — Реджи подъехал к самой ограде, чтобы Уильям мог погладить мерина.

— Вы тренируете гунтеров на продажу или собираетесь использовать их сами? — поинтересовалась Элис.

— На продажу. Вот этот серый через год будет стоить в десять раз больше, чем сейчас. И еще две лошади из тех, что я приобрел в Дорчестере, ничуть ему не уступают.

— А четвертая?

— Четвертая слишком низкорослая для охоты в центральных графствах, но наверняка будет хороша в холмистой местности — скажем, в Девоне, то есть там, где важна не столько скорость, сколько умелое преодоление препятствий. — В это время между перекладинами изгороди в загон проскользнула Немезида. Смоки испуганно шархнулся, и Реджи успокаивающе похлопал мерина по шее. — Скаковая лошадь, не обладающая достаточной прытью, уже ни на что не годна. Лошадям, которых выводили для охоты, всегда можно найти применение. Самых быстрых использовать для скачек с препятствиями, а остальные годятся для охоты или просто для верховой езды.

— Значит, гунтеры лучше приспособлены к жизни, чем скаковые лошади?

— Именно. — Реджи улыбнулся, и в уголках его глаз появились лучики морщинок. — И заработать на них можно больше. Для Элис не было новостью то, что повеса Дэвенпорт обладает деловым чутьем.

— Если вы планируете всерьез заняться обучением лошадей, вам потребуется больше конюхов, — заметила она.

— Я мог бы помогать на конюшье, — вступил в разговор Уильям, возбужденно блестя глазенками.

— Я думаю, леди Элис предпочтет, чтобы ты продолжал учиться в школе, — с улыбкой заметил Реджи и посмотрел на управляющую именем. — Да, вы правы, нужны будут новые

работники, и довольно скоро. Как вы думаете, кто-нибудь из местных жителей смыслит хоть немного в объезде лошадей?

Элис задумалась, прикусив нижнюю губу.

— Джейми Палмер, тот, что работает мастером на керамической фабрике, когда-то был конюхом. Он прекрасно управлялся с молодыми животными.

— А на фабрике смогут без него обойтись?

— Люди будут по нему скучать. Но у него очень толковый и способный помощник, и я думаю, что Джейми, будь у него выбор, с удовольствием занялся бы лошадьми. Хотите, я спрошу?

Реджи отрицательно покачал головой;

— Я сам заеду на фабрику и поговорю с ним. Мне следует лучше узнать его, прежде чем предлагать новую должность. — Дэвенпорт подобрал поводья. — Кстати, не припомню, говорил ли я вам, что ко мне в гости должен приехать мой хороший друг Джулиан Маркхэм? По моим расчетам, он прибудет сегодня днем.

— Нет, вы ничего мне об этом не говорили.

— Не волнуйтесь, это один из моих самых респектабельных друзей, так что никаких проблем не будет, — поспешил успокоить Элис Реджи, которому почудились в ее голосе тревожные нотки.

Прежде чем Элис успела придумать достойный ответ, послышались стук копыт и позвякивание упряжи, и во двор въехал изящный фаэтон, запряженный парой гнедых. Элис, прикрыв ладонью глаза от солнца, взгляделась в сидевшего в фаэтоне человека и сказала:

— А вот, кажется, и ваш приятель пожаловал.

— Так и есть, — улыбнулся Реджи. — Джулиан всегда появляется вовремя.

Уильям, не спускавший глаз с замечательного экипажа, соскользнул с изгороди и подбежал поближе, чтобы лучше его рассмотреть. Элис не торопясь двинулась навстречу гостю. Реджи спешил и, привязав мерина к изгороди, зашагал следом за ними.

Человек, сидящий на козлах, передал поводья конюху и легко спрыгнул на землю. Реджи сердечно его поприветствовал. Элис с интересом разглядывала незнакомца. Она думала, что приятель Реджи его ровесник, но Джулиан Маркхэм был значительно моложе и на редкость приятной наружности — пожалуй, его можно было назвать самым привлекательным мужчиной из всех, которых ей приходилось видеть за последние двенадцать лет, не считая, конечно, Рэндольфа. Несмотря на то что он провел много часов в дороге, его зеленый сюртук и начищенные до блеска сапоги выглядели безукоризненно.

Обменявшись с гостем рукопожатием, Реджи представил друга Элис и Уильяму. Маркхэм изящно склонил голову. Выпрямившись, он не сумел скрыть удивления — по-видимому, только сейчас Маркхэм заметил, что Элис не уступает ему ростом. Впрочем, вполне возможно, что его поразили разные глаза Элис или ее мужской наряд.

Так или иначе, Джулиан был слишком хорошо воспитан, чтобы высказать удивление или неодобрение.

— Мисс Уэстон, Реджи рассказывал мне о вас и о том, как замечательно вы поработали в Стрикленде, — с улыбкой заметил он.

В первую секунду Элис показалось, что это было сказано с иронией, но мягкая улыбка гостя убедила ее, что это не так. Она не могла не отметить незаурядное обаяние Джулиана и невольно подумала о том, на кого он произведет большее впечатление — на Питера или на Мерedit. Она была почти уверена, что Питер увидит в Джулиане образцового лондонского

джентльмена, а Мерри — потенциального кандидата в мужа. Впрочем, не исключено, подумала Элис, что Маркхэм действительно мог бы стать для Мерри неплохим мужем.

Не успела Элис ответить Джулиану приличествующей случаю фразой, как во дворе появилась Мередит. Она была в мешковатом платье с чужого плеча, к тому же заляпанном глиной. Ее золотистые локоны были стянуты в пучок простой черной лентой. Очевидно, она только что вернулась с керамической фабрики, где занималась разработкой узоров для росписи посуды.

— Мередит, я хотел бы познакомить вас с моим другом, — сказал Дэвенпорт.

Мерри повернулась к гостю, и лицо ее исказилось от ужаса. Элис едва не расхохоталась, хотя в душе ее вспыхнуло сочувствие к девушке, для которой предстать в таком виде перед элегантным молодым джентльменом было, по всей вероятности, сущим кошмаром. К счастью, даже в запачканном глиной нелепом платье Мерри оставалась по меньшей мере хорошенькой.

Элис взглянула на Реджи в тот самый момент, когда его взгляд обратился на Мередит, и успела заметить, как в его глазах тоже мелькнуло сочувствие. Дэвенпорт представил молодых людей друг другу. К чести Мерри, она быстро справилась со смущением и одарила гостя ослепительной улыбкой. Через несколько минут Мередит и Джулиан уже непринужденно болтали. Уильям, пользуясь тем, что о нем забыли, принялся осматривать фаэтон и запряженных в него лошадей.

Элис отозвала Реджи в сторонку:

— Как и любой хороший опекун, я вынуждена спросить, можно ли рассматривать вашего друга как достойную партию для Мередит.

— Еще как можно. Он должен унаследовать титул виконта и весьма приличное состояние, пороков и вредных привычек не имеет и вообще джентльмен до мозга костей, — по-деловому ответил Реджи.

— Не мужчина, а само совершенство, — усмехнулась Элис. — Как же вы с ним умудрились подружиться?

Еще не договорив, она поняла, что ее слова могут быть восприняты как оскорбление, но Дэвенпорт лишь весело ухмыльнулся.

— Существует весьма веская причина: все дело в том, что наша дружба приводит в бешенство его отца, — пояснил он.

— Один — ноль в вашу пользу, — рассмеялась Элис. — Скажите, вы пригласили своего друга сюда специально для того, чтобы познакомить с Мерри?

Губы Дэвенпорта растянулись в улыбке.

— Не совсем так, хотя у меня была мысль, что Джулиан и Мерри, возможно, могли бы стать хорошей парой. В этом случае тревогам, связанным с поиском подходящего мужа для вашей воспитанницы, пришел бы конец, а Джулиан приобрел бы жену, о которой можно только мечтать.

Элис была тронута тем, что Дэвенпорт проявил подобную заботу о судьбе ее подопечной. Мерри и Джулиан весело расхохотались. Было очевидно, что они понравились друг другу и что нелепый наряд Мерри этому не помеха. Элис не могла не отметить, что молодые люди очень хорошо смотрятся вместе. Однако для заключения успешного брака требовалось гораздо больше, нежели приятная внешность жениха и невесты, — общность интересов и даже взаимная любовь, и Элис было об этом прекрасно известно.

— А семья Джулиана не будет возражать против его женитьбы на девушке, которая ему

не пара ни по происхождению, ни в плане материальной обеспеченности? — поинтересовалась она.

— Разумеется, его родственники будут не в восторге, — признал Реджи, — но я думаю, что Джулиан способен их уломать, если захочет.

Элис вздохнула с облегчением. Разумеется, глупо было переживать из-за этого сейчас, когда молодые люди только познакомились, но волнения и переживания — неизбежный удел родителей, даже приемных.

Видя, что Мерри и Джулиан направляются к ним, Элис и Реджи умолкли.

— Не хотите ли немного подкрепиться с дороги, мистер Маркхэм? — предложила Элис. В данной ситуации для нее важнее было зарекомендовать себя любезной хозяйкой, нежели умелой управляющей имением.

— Благодарю вас, мисс Уэстон, с удовольствием, — улыбнулся Джулиан.

Подозвав воспитанников — Мерри подошла охотно, так как ей не терпелось переодеться, Уильяма же пришлось едва ли не силой отрывать от фаэтона и лошадей, — Элис повела их в дом, чтобы дать мужчинам возможность побеседовать с глазу на глаз.

— Почему ты не предупредил меня, что мисс Спенсер такая красавица, Редж? — спросил Джулиан, как только Элис, Мередит и Уильям отошли на достаточное расстояние. — Если бы я знал, наплевал бы на все дела и приехал сюда еще две недели назад. — Тут на лице молодого человека появилось озабоченное выражение. — Или она... она твоя...

Джулиан умолк, не решаясь продолжить свою мысль.

— Моя подружка — ты это хотел сказать? — помог ему Реджи. — Не говори ерунды. По-моему, невооруженным взглядом видно, что эта девушка — настоящая леди.

Джулиан покраснел и стал как будто еще моложе.

— Извини, Редж. Разумеется, ты прав.

К мужчинам подбежала, помахивая хвостом, черно-белая колли и, встав на задние лапы, передними оперлась о безукоризненные брюки Джулиана.

— Немезида! — прикрикнул на собаку Реджи, и овчарка послушно села. Хвост ее продолжал подметать землю.

— Это моя собака, — пояснил Дэвенпорт. — Она безмозглая, но обожает лизаться. Не потакай ей. Она очень плохо воспитана.

— Ты становишься настоящим сельским жителем. Не хватает только своры гончих для охоты на лис. — Джулиан погладил колли. — Лучше объясни мне ситуацию, чтобы я не наделал глупостей. Мисс Спенсер и ее брат, как я понял, гостят у мисс Уэстон. Они, вероятно, живут где-то по соседству? Или я ошибаюсь?

Реджи снова вошел в манеж.

— Они живут здесь, а вместе с ними еще один Спенсер, Питер, — он из троих Спенсеров средний по возрасту.

Отвязав серого мерина от изгороди, Реджи объяснил другу, как Элис стала опекуной Спенсеров, и рассказал о пожаре, в результате которого все четверо лишились крова.

— Я-то думал, что Дорсет — спокойное графство! — воскликнул явно заинтригованный Джулиан. — А у тебя тут не соскучишься. Ты единственный человек в Англии, у которого имением управляет женщина, да какая — настоящая амазонка!

Реджи внезапно почувствовал раздражение.

— Леди Элис неподходящая для тебя женщина, — предупредил он, расстегивая на

мерине подпругу.

— А для тебя подходящая? — любопытствовал Джулиан.

— Ты что, по дороге из Лондона все мозги растерял?! — рявкнул Дэвенпорт, бросив поводья подручному конюха, чтобы тот отвел серого в конюшню.

Присмиривший Джулиан молча зашагал рядом со своим старшим другом. «В самом деле, — подумал он, — кого может заинтересовать добродетельная старая дева, даже если она похожа на амазонку?»

С приходом Джулиана Маркхэма жизнь в Стрикленде оживилась. Не прошло и дня, как гость успел настолько сойтись с обитателями усадьбы, что стал называть всех по именам. Если Уильям, как и черно-белая колли, неотступно следовал по пятам за Реджи, то Питер Спенсер увидел в Джулиане нового кумира, более доступного и не вызывающего у него такой опаски, как Дэвенпорт. Питер немедленно принялся копировать манеры Джулиана, узел, которым он завязывал галстук, и даже его обороты речи.

Элис подозревала, что гость находит это весьма забавным, но Джулиан был еще достаточно молод, чтобы помнить, насколько застенчивы бывают пятнадцатилетние юноши, и, будучи человеком добрым, отнесся к поведению Питера снисходительно. Он вообще был, по мнению Элис, весьма приятным молодым человеком, именно таким, какого она хотела бы Мерри в мужья.

На всякий случай Элис провела короткую беседу с Мередит, предостерегая ее от каких-либо необоснованных ожиданий и иллюзий. Однако Мерри в ответ на ее слова засмеялась и заявила, что Джулиан ведет себя исключительно корректно и у нее нет ни малейшего основания строить воздушные замки. Тем не менее Элис была обеспокоена. Хотя Мерри и не признавалась, что Джулиан вызывает в ее сердце нежные чувства, вся она как-то подозрительно сияла.

К радости Элис, приезд Джулиана облегчил страдания Реджи, изнуренного желанием выпить. После того как в поместье появился его молодой друг, Дэвенпорт стал разговаривать и улыбаться куда непринужденнее, словно разом сбросил мучительное нервное напряжение. Он продолжал загружать себя физической работой и выездкой лошадей, но Джулиан, судя по всему, нисколько не возражал против общения с остальными обитателями дома, которые, чтобы развлечь гостя, составили целый план экскурсий по окрестностям.

На первую из этих экскурсий вместе с ними отправилась и Элис, однако ей было не до развлечений в самое горячее для хозяйства время. Кроме того, Элис поняла, что нет никакой необходимости постоянно следить за Мерри. Джентльмену, который с радостью принимал в компанию обоих братьев девушки, можно было доверять.

Как-то за обедом, когда Джулиан гостил в Стрикленде уже около недели, возник разговор о бале, который в скором времени должен был состояться в Дорчестере. Мередит предложила отправиться на него всем вместе, чтобы Джулиан мог убедиться, что Дорсет почти ни в чем не уступает Лондону.

— Вы хотите сказать, что вальс уже танцуют и в провинции? — со смехом осведомился Джулиан.

— Прошел слух, что этот танец будет введен в обращение именно на этом балу, — пояснила Мерри. — Однако есть опасения, что, даже если оркестр начнет его играть, никто не сможет его исполнить.

— Это в самом деле будет настоящая катастрофа. Пожалуй, мне следует научить вас

вальсу, — сказал Джулиан. — Разумеется, при условии, что леди Элис нам это позволит.

— Мне бы самой хотелось посмотреть, как его танцуют, — призналась Элис. — Танец, который с такой яростью осуждают ревнивые поборники нравственности, должен быть особенным.

Все веселой гурьбой повалили в гостиную — даже Уильям, которому еще рано было ложиться спать. Элис принялась рыться в нотах, разыскивая заказанные Мерри из Лондона вальсы. Неожиданно Реджи ее остановил:

— Питер тоже хочет научиться танцевать вальс, так что вы потребуетесь в качестве партнерши. Аккомпанировать буду я.

— Я не знала, что вы умеете играть на фортепьяно, — удивленно пробормотала Элис.

— Не торопитесь с выводами — сначала послушайте, — ответил Дэвенпорт, усаживаясь за инструмент.

Реджи оказался очень хорошим пианистом. Длинными сильными пальцами он сначала уверенно пробежал по клавиатуре, проиграв несколько гамм, а затем стал так же уверенно с листа исполнять вальс. Элис невольно задумалась о том, как при его образе жизни он мог выкраивать время, чтобы практиковаться в игре на рояле.

Присоединившись к остальным, Элис наблюдала за Джулианом, демонстрировавшим туры и па вальса. Педантичный и щепетильный, он сначала протанцевал его с Мерри, затем с Элис. Питер тем временем пытался копировать его движения с той из партнерш, которая была свободна. Через каких-нибудь полчаса по гостиной кружились в вальсе две пары, а Уильям взирал на танцующих с нескрываемой скукой.

Элис была в полном восторге. Она в юности обожала танцевать, несмотря на высокий рост. К счастью, теперь она должна была появиться на балу в роли сопровождающей, в обязанности которой входило надзирать за воспитанницей, значит, ей не придется позориться на глазах у многочисленной публики.

Накануне бала Элис случайно встретилась на конюшне с Реджи. Начался сезон ежегодной стрижки овец, и Элис поинтересовалась:

— Ну, как идет стрижка?

— Чтобы стричь овец, требуется гораздо больше умения, чем для их купания, — ответил Реджи, снимая с гнедой кобылы, на которой он приехал, седло и попону. — Известно ли вам, к примеру, что для того, чтобы обработать переднюю ногу овцы, надо надавить на определенную точку под ее плечом — и тогда нога выпрямится так, что состричь с нее шерсть не составит никакого труда? Страшно интересно... Ну да, конечно, вы об этом знаете, — снова заговорил он, увидев, что Элис улыбнулась. — Я тоже когда-то об этом знал, но забыл. Гейб Митфорд потратил порядком времени, объясняя мне основы мастерства стригалю, но по выражению его лица я понял, что оказался не на высоте. Каждый раз, когда я случайно наносил животному порез, он кривился так, будто я испортил все руно.

— В этом деле действительно легко напортить, а овечья шерсть — один из главных видов продукции, производимой в имении, — заметила Элис. — Вы действительно не испортили ни одного руна?

— Ну, разве что одно или два, — неохотно признался Реджи. — Правда, Гейб сказал, что для новичка я управлялся не так уж плохо.

Обойдя кобылу с другой стороны и взяв в руку пучок чистой соломы, Дэвенпорт принялся обтирать пот и пену с шерсти животного.

— Вам по-прежнему удается не пить? — подчиняясь какому-то внутреннему импульсу,

внезапно спросила Элис. Дэвенпорт смерил ее ледяным взглядом:

— Думаю, это не ваше дело.

Элис почувствовала, что краснеет.

— Разумеется, не мое. Я ведь всего-навсего служу у вас и должна терпеть вспышки раздражения хозяина.

Резко повернувшись, Элис направилась к выходу. Дэвенпорт тихо сказал у нее за спиной:

— Простите меня, Элли. Я был излишне резок. Вы этого не заслужили.

Элис постояла, пережидая, пока утихнет гнев. Обернувшись, она увидела, что Дэвенпорт, положив ладони на спину лошади, задумчиво смотрит на нее.

— Я знаю, что в последнее время со мной трудно общаться. Я старался помалкивать, чтобы не срывать злость на других. Ну как, вы меня прощаете?

Элис знала, как тяжело бывает признавать свою не правоту; ей и самой извинения давались с большим трудом.

— Прощаю, и будем считать, что все плохое забыто. Пару раз я сама была виновата, поскольку вела себя слишком дерзко.

— В таком случае мы квиты, — улыбнулся Реджи. — Пожалуйста, наденьте сегодня на бал золотистое платье вместо вашего старушечьего темного.

Элис удивленно подняла брови:

— У вас получается прямо как в Библии — дерзость за дерзость.

— Что поделаешь, говорить дерзости я умею гораздо лучше, чем стричь овец, — резонно заметил Дэвенпорт.

— С этим спорить не приходится, — согласилась Элис и вышла из конюшни. Если честно, ей было приятно, что Реджи неравнодушен к тому, как она выглядит.

На публичные балы в Дорчестере собирались не только сливки местного общества, но и семьи мелкопоместных дворян, чиновников, преуспевающих торговцев. Зал, где они проходили, завсегдатаю столичных балов показался бы весьма невзрачным.

Однако Элис эта просторная комната, без особых затей украшенная цветами, показалась великолепной. Она уже не в первый раз вывозила в Дорчестер Мерри, но сегодня все выглядело как-то по-особому празднично и нарядно. Возможно, это ощущение было вызвано присутствием Джулиана Маркхэма. Джулиан был настолько красив свежей красотой юности, что, когда «делегация» из Стрикленда вошла в зал, взгляды всех женщин обратились на него. Впрочем, вполне возможно, что они смотрели на Реджи — высокого, темноволосого, статного. Во фраке он был дьявольски хорош. Что уж говорить о Мерри — в своем простом муслиновом платье с голубой отделкой, прекрасно гармонировавшей с цветом глаз, она выглядела поистине великолепно. Притягивала к себе взоры гостей и Элис. Золотистое платье с глубоким вырезом, надетое по просьбе Дэвенпорта, было самым красивым и смелым из всех, которые она когда-либо носила. Мерри зачесала ей волосы назад и стянула в свободный узел. Мередит нарочно не закрепила одну прядку, кокетливо спускавшуюся на обнаженное плечо ее приемной матери. Придирчиво оглядев свое отражение в зеркале, Элис с удовлетворением отметила, что она совершенно не похожа на воспитательницу и опекуницу.

Спускаясь в гостиную, Элис нервничала и чувствовала себя не в своей тарелке, но, едва увидев ее, Джулиан и Питер рассыпались в комплиментах, и она немного успокоилась. По-настоящему же ее обрадовало то, что Реджи одобрительно улыбнулся. Да, это в самом деле был особенный вечер.

Элис и Мерри были знакомы почти со всеми, кто собрался в бальном зале. Мередит мгновенно окружил целый рой поклонников. Элис тоже пользовалась вниманием, хотя ее и считали слишком экстравагантной, чтобы служить примером для молодых девиц. И все же на этот раз она была в центре внимания. Матери девушек на выданье одна за другой подходили к ней, выражая сочувствие в связи с пожаром, и с надеждой ожидали, что их познакомят с Джулианом и Реджи, самыми заметными из всех присутствующих на балу мужчин и самыми выгодными женихами.

Дождавшись, когда волна желающих выразить сочувствие его управляющей и познакомиться с ним и молодым Маркхэмом схлынула, Реджи прошептал на ухо Элис:

— Несколько месяцев назад эти добропорядочные матроны потребовали бы от своих мужей вызвать меня на дуэль, осмелюсь я хотя бы поздороваться с их дочерьми.

— Времена меняются, — улыбнулась Элис. — Теперь, как видите, вы у них прямо-таки нарасхват. — Она кивнула подходящей женщине:

— Очень рада вас видеть, миссис Берд. Познакомьтесь, пожалуйста, с мистером Дэвенпортом.

Обмениваясь с Реджи приличествующими случаю общими фразами, миссис Берд буквально пожирала глазами хозяина Стрикленда, словно ждала, что он набросится на нее и изнасилует при всем честном народе. Опасения не оправдались, и она принялась осторожно выпрашивать у Элис, что собой представляет Джулиан Маркхэм. Элис вежливо, но решительно перевела разговор на другую тему.

Когда миссис Берд наконец вынуждена была удалиться, так ничего и не выведав, Реджи обронил:

— Эта женщина напоминает линейный корабль, идущий под всеми парусами.

— У нее три дочери, которые напоминают фрегаты, — хихикнула Элис. — Через несколько лет они догонят по водоизмещению мамашу.

Реджи едва удержался, чтобы не захохотать, и отошел переговорить кое с кем из мужчин, с которыми он познакомился за последние недели. Судя по тому, как приветствовали Дэвенпорта дорсетские джентльмены, его уже считали в графстве своим человеком.

Занятая болтовней с другими женщинами, Элис наблюдала за Мередит и Джулианом. Протанцевав тур с Мерри, Джулиан, демонстрируя любезность и такт, принялся приглашать самых застенчивых и невзрачных девиц. Элис в свое время сама была застенчивой простушкой и как никто другой знала, сколь важно, чтобы тебя пригласил на танец блестящий молодой человек вроде Джулиана Маркхэма.

Танцы начались ровно в восемь и должны были продолжаться до полуночи. В десять вечера, выдержав эффектную паузу, музыканты заиграли вальс. В Дорчестере он исполнялся впервые. Пока звучали первые такты, танцевальная площадка оставалась пустой, однако затем сквайр Ричарде и его супруга, которые часто бывали в Лондоне, вышли в центр и сделали несколько туров. За ними на площадке появилась еще одна пара — Джулиан и Мерри. Они были настолько хороши, что гости не могли оторвать от них глаз.

Элис с любовью и затаенной гордостью наблюдала за воспитанницей, когда неожиданно к ней подошел Реджи и, взяв под локоть, сказал:

— Ну что, покажем им всем, как это делается? Элис хотела было отказаться, мол, ей, зрелой женщине, танцевать вальс не вполне прилично, но Дэвенпорт уже вывел ее на площадку и встал в исходную позицию, одной рукой крепко обхватив талию Элис, а другой сжав ее затянутую в перчатку руку.

Поначалу Элис держалась скованно, боясь вызвать насмешки присутствующих. Но с Реджи ей не приходилось стесняться своего роста, и довольно скоро она почувствовала себя увереннее. Подняв голову, она заглянула Дэвенпорту в глаза.

— Славная девочка, — сказал он, когда они сделали первый круг по залу.

— Какая же я девочка, — пробормотала Элис, всем своим существом ощущавшая близость Реджи.

— Ну уж, во всяком случае, не старуха, — с улыбкой возразил Реджи.

В их первую встречу Элис решила, что Реджи симпатичный мужчина. Теперь она искренне не понимала, как могла быть так слепа, — Дэвенпорт был не просто симпатичным, он был совершенно неотразим. В эти мгновения она испытывала такое же счастье, как и застенчивые пигалицы, танцующие с Джулианом.

Она нисколько не сомневалась, что Реджи прекрасный танцор, — иначе он бы ее не пригласил. Так оно и оказалось. Элис наслаждалась танцем. Вальс будил в ней какие-то совершенно новые эротические ощущения. Гибкое тело послушно откликалось на каждое движение партнера, золотистое платье развевалось, словно шлейф. Чувствуя на своей талии его руку, Элис поняла, почему этот танец считался неприличным: мысли, роившиеся у нее в голове, пока они кружили по залу, были весьма смелыми.

Элис показалось, что музыка смолкла слишком скоро. Запыхавшаяся от быстрого танца и близости Реджи, Элис рассмеялась и присела перед партнером в глубоком реверансе,

нисколько не заботясь о том, что кому-то может показаться странным ее умение это делать. С едва заметной улыбкой Реджи поклонился и проводил ее на место.

— Теперь, когда все увидели, что я умею танцевать, придется пригласить кого-нибудь еще, чтобы меня не сочли дурно воспитанным, — с обреченным видом проговорил он.

— Это весьма разумно с вашей стороны, — как ни в чем не бывало ответила Элис, хотя сердце у нее упало.

— Этого я как раз и боялся, — пробормотал Дэвенпорт и направился к Мередит, собираясь пригласить ее на кадрили.

Элис уже решила, что для нее танцы закончились, но тут, подошел Джулиан и попросил подарить ему кадрили.

— Как хорошо, что Реджи уговорил вас выйти на танцевальную площадку, — с восхищением сказал он. — Если бы я знал, что вы танцуете, я бы его опередил.

Джулиан оказался замечательным партнером, и Элис получила от кадрили большое удовольствие. Оркестр снова заиграл вальс, и Элис была вынуждена с грустью признать, что Реджи в самом деле неудобно вторично приглашать ее на этот танец. Дэвенпорт вышел на площадку с миссис Ричарде, а Элис пригласил ее супруг, сквайр Ричарде, крепко сбитый, широкоплечий мужчина.

На этот раз в вальсе закружилось уже больше пар, и стало ясно, что многие втайне разучивали па и повороты «неприличного» танца. Хотя сквайру Ричардсу было далеко до Дэвенпорта, он был неплохим танцором, и Элис вальсировала с удовольствием. Ее не смущало даже то, что макушка партнера доходила ей всего лишь до носа.

— А вы, мисс Уэстон, оказывается, скрывали от нас, что замечательно танцуете. Напрасно, напрасно! — с сияющим лицом похвалил Ричарде леди Элис, которая, пожалуй, никогда раньше не была так близка к тому, чтобы стать королевой бала.

Было начало двенадцатого, когда в зале появились незнакомцы. Остановившись на пороге тесной группой, трое мужчин и две женщины разглядывали собравшихся со снисходительным, скучающим видом. Музыка умолкла, и громкие голоса незнакомцев, обсуждавших увиденное, разносились по всему залу, хотя разобрать слова было довольно сложно.

Судя по модной одежде, они скорее всего были лондонцами, проездом оказавшимися в Дорчестере, и заглянули сюда посмотреть на местную публику исключительно от нечего делать.

Бросив взгляд на незнакомцев, Элис снова повернулась к Реджи и возобновила рассказ о том, как хранится и перевозится настриженная с овец шерсть, как вдруг боковым зрением она увидела, что от группы отделилась женщина и, сияя, устремилась к Реджи. Женщина была весьма хорошенькая, с густыми рыжими волосами, одетая в платье с таким вырезом, что наряд Элис по сравнению с ним казался пуританским.

Не обращая на Элис никакого внимания, рыжеволосая незнакомка жестом собственности положила руку на плечо Дэвенпорта и проворковала:

— Реджи, дорогой, вот уж не ожидала тебя здесь встретить. Что ты делаешь в такой глуши?

— Я здесь живу, — холодно ответил он.

— Живешь? — изумленно повторила она. — Среди этой деревенщины?

Тут женщина наконец изволила заметить, что Реджи не один, и окинула Элис ленивым оценивающим взглядом, так при этом задрав голову, будто та стояла на ходулях.

— Боже правый, Реджи, где ты откопал такую дылду? — пьяно хихикнула она. — Какие у нее странные глаза.

От слов, произнесенных маленькой, изящной столичной красоткой, вся радость, переполнявшая Элис, мгновенно улетучилась, и она снова почувствовала себя слишком высокой, нескладной и некрасивой. Когда же она заметила, какие взгляды бросает рыжая чертовка на Реджи, ей захотелось ее убить.

Дэвенпорт снял со своего рукава руку женщины таким жестом, каким снимают прицепившуюся нитку.

— Если вам так не нравится Дорсет, то что же вы здесь делаете, Стелла? — поинтересовался он. — Вас ведь, кажется, зовут Стелла, я не ошибся?

Глаза Стеллы цвета лесного ореха злобно вспыхнули, а губы растянулись в полной яда улыбке. Покосившись на Элис, она прощепетала:

— Если хочешь, можешь обращаться ко мне каким-нибудь из тех чудесных словечек, что ты нашептывал, когда мы с тобой в последний раз были... вместе.

Это было произнесено таким тоном, что у Элис не возникло ни малейших сомнений, что имелось в виду под словом «вместе». Вероятно, в другой ситуации она бы возгордилась оттого, что рыжеволосая куртизанка считает ее соперницей, но не сейчас — ее захлестнула волна гнева. Больше всего Элис хотелось повернуться и уйти, но она осталась — ее удержали смущение, какое-то странное любопытство и непонятно откуда взявшееся ощущение, что Реджи происходящее так же неприятно, как и ей.

Поскольку Дэвенпорт никак не отреагировал на ее последнюю фразу, Стелла с игривой интонацией объявила:

— Если бы у меня был выбор, я бы ни за что сюда не поехала, но Джордж арендовал в этой глухомани дом. У него тут поблизости умирает тетушка, и он вынужден регулярно ее навещать, чтобы она не забыла его в своем завещании. Все это ужасно скучно, но он говорит, что скоро мы поедем в Брайтон.

— А где же Джордж? — со скучающим видом спросил Дэвенпорт.

Стелла пожала плечами, так что платье едва не соскользнуло с них окончательно.

— На улице, в экипаже. Он сейчас придет. Спутники Стеллы подошли и остановились рядом с ней. Один из мужчин хлопнул Реджи по плечу.

— Привет, Дэвенпорт, — сказал он с развязностью отпетого выпивохи. — Давненько не видел тебя в Лондоне.

— Это потому, что меня там не было, Уилдон, — произнес Реджи, едва сдерживая раздражение. Уилдон не был его приятелем, а фамильярности со стороны людей малознакомых Дэвенпорт не терпел. Неужели, подумал вдруг Реджи, и он вел себя подобным образом, находясь под хмельком? Это открытие его крайне огорчило. Реджи решил, что будет лучше, если он и Элис покинут зал.

Проклиная случай, занесший в Дорчестер Стеллу и ее покровителя, он взял Элис под руку.

— Рад был всех вас повидать. Передайте мои наилучшие пожелания Блейкфорду. Жаль, что нам с ним не довелось встретиться, но мы как раз собирались уезжать.

Дэвенпорт почувствовал, как напряглась рука Элис. Она была расстроена, что неудивительно: мало того что Стелла повела себя с вызывающей бестактностью — их диалог с Реджи вызвал любопытство многих обитателей Дорсета.

Прежде чем они успели уйти, Стелла сделала еще одну — и довольно успешную —

попытку привлечь всеобщее внимание.

— Реджи, дорогой, — замурлыкала она, с невинным видом хлопая накрашенными ресницами и покачивая бедрами, — разреши, пожалуйста, наш спор. Мы тут говорили о том, существуют ли еще на свете настоящие рыцари. Вот Мартин, к примеру, — указала Стелла на стоявшего рядом с ней не вполне трезвого джентльмена, — считает, что защищать честь женщины — это старомодно. Я же утверждаю, что Мартин не прав. Вот ты, например, джентльмен. Неужели ты не вступился бы за мою честь?

— А с какой стати? — Реджи изобразил удивление, мысленно ругая себя за то, что в свое время не смог удержаться от близости с продажной рыжей бестией. — Ты ведь о ней нисколько не заботишься.

Кто-то из присутствующих тихонько ахнул. В зале повисла тяжелая тишина. Потрясенные жители Дорсета словно окаменели.

Рот Стеллы искривился от злости. На лице ее, разом утратившем привлекательность, появилось угрожающее выражение. Сам Реджи, выпустив свою парфянскую стрелу, почувствовал некоторое замешательство. Ему не впервой было устраивать скандалы, но обычно при этом он был настолько пьян, что нисколько не заботился о последствиях. Оказалось, будучи трезвым, сохранять спокойствие в подобной ситуации куда сложнее.

Почувствовав, что Элис дрожит, он бросил на нее быстрый взгляд. Лицо ее было бесстрастным, но Дэвенпорту показалось, что она изо всех сил сдерживает либо смех, либо приступ истерики, а может быть, и то и другое одновременно. В любом случае ему следовало как можно скорее увести ее из зала.

Заметив приближающегося Блейкфорда, Дэвенпорт как ни в чем не бывало сказал:

— А, вот и Джордж. У меня есть гунтер, который мог бы его заинтересовать. Кто-нибудь знает, собирается он охотиться в этом сезоне?

Подвыпивший Уилдон начал было отвечать, но в это время снова заиграл оркестр, заглушая его слова.

Толпа, собравшаяся вокруг Реджи и Стеллы, поредела. Тем не менее Дэвенпорт был уверен, что его слова будут вспоминать в Дорсете еще не один год.

Пользуясь случаем, Элис высвободила свою руку и, не оглядываясь, начала пробираться к боковой двери. Когда ее высокая, стройная фигура исчезла из виду, Дэвенпорт, спохватившись, хотел последовать за ней, но тут к нему подошел Блейкфорд. Он казался более трезвым, чем его спутники, а в его глазах при виде Дэвенпорта зажегся интерес. Несколько минут, показавшихся Реджи вечностью, он вынужден был перебрасываться с Блейкфордом ничего не значащими фразами. Стелла сверлила его злобным взглядом. При первой же возможности Дэвенпорт извинился и направился к дверям, через которые вышла Элис.

Побродив немного по обсаженным цветами дорожкам, слабо освещенным редкими фонарями, Реджи наконец заметил Элис, сидевшую на каменной скамейке в самом дальнем углу сада. Лунный свет падал на ее волосы, заливая их расплавленным серебром. Наклонив голову, она осторожно гладила пальцами розу.

Реджи почувствовал, как она напряглась, стоило ему опуститься рядом с ней на скамейку. Дэвенпорт не мог разглядеть выражение ее лица — слишком густа была тень.

— В зале душно, и я решила глотнуть свежего воздуха, чтобы не упасть в обморок, — проговорила Элис сдавленным голосом.

Реджи, который был рад уже тому, что Элис не ругает его последними словами, мягко

спросил:

— В обморок? Вы? Женщина, способная в самый разгар лета без усталости работать по двенадцать часов в сутки?

Элис, не зная точно, что именно заставило Дэвенпорта последовать за ней, ответила:

— Ну хорошо, хорошо. Я ушла не потому, что боялась упасть в обморок, а потому, что была в бешенстве.

— Вот это больше похоже на леди Элис, которую я знаю, — одобрительно заметил Реджи. — Ну что, сейчас вы начнете упрекать меня в безнравственности, корить за дурные манеры и грозить мне адом?

Элис улыбнулась:

— Я подумывала об этом, но мне трудно винить вас за ваше... за поведение той особы.

— Вы вполне вправе поступить именно так, но мне бы очень этого не хотелось.

Наступило молчание, однако оно их не тяготило. Реджи сидел всего лишь в нескольких дюймах от Элис — так близко, что она чувствовала тепло, исходящее от его тела.

— Она довольно миленькая, хотя в ее внешности есть что-то вульгарное, — заметила Элис. — Поскольку мужчины — заложники собственных животных инстинктов, я вполне могу, понять, что подтолкнуло вас к... близости с ней, даже если у вас не было с ней ничего общего, кроме постели.

— Строго говоря, постель как таковая не фигурировала в наших отношениях, — усмехнулся Реджи. — Признайтесь, вас все это шокировало?

— Ничего подобного. Если что и могло меня шокировать, так это то, как вы с ней обошлись. Но мне почему-то ужасно хотелось рассмеяться, я едва сдержалась. — Элис покачала головой. — Честно говоря, Реджи, при всем том, что она вела себя действительно неприлично, я не могу понять, как вы могли прилюдно сказать такое.

— Это совсем не трудно. Оскорбления — мой конек. Из-за этого у меня частенько возникали неприятности. — Реджи вздохнул. — Вы, должно быть, заметили, что Стелла — женщина, мягко говоря, не слишком порядочная. И потом, я оскорбил ее только после того, как она задела вас.

Элис снова потеревала розу.

— Я не понимаю таких женщин, как она.

— Я тоже, — подхватил Реджи и, помолчав, тихо добавил:

— Мне очень жаль, что сегодня мое прошлое испортило нам вечер, Элли. Я знаком со многими мерзкими типами, но я не ожидал, что кто-то из них объявится здесь.

— Насколько я поняла, человек, о котором вы со Стеллой говорили, Джордж Блейкфорд, — ее любовник и покровитель. Он что, ваш друг?

— Да нет. Мы с ним знакомы много лет, но друзьями не стали. Впрочем, даже если бы мы были друзьями, теперь нашей дружбе пришел бы конец — Стелла наверняка расскажет ему о том, что я отмочил.

— Он может вызвать вас на дуэль? — встревожилась Элис.

— Вряд ли, — спокойно ответил Реджи. — Блейкфорд не дурак. Правда, он может наговорить обо мне каких-нибудь пакостей, но при моей репутации это уже не важно.

Элис хотелось поподробнее расспросить Реджи о Блейкфорде, но она понимала, что это может показаться странным. Удивительно, что до сих пор ей ни разу не пришлось столкнуться ни с кем, кто был так или иначе связан с ее прошлым.

В ночном воздухе отчетливо слышались музыка и шум голосов. Чувствуя, что пауза

слишком затянулась, Реджи спросил:

— Вы собираетесь вернуться на бал?

— Нет! — воскликнула Элис с излишней горячностью — ей не хотелось, чтобы нежелание возвращаться в бальный зал было воспринято как нерешительность или трусость. Впрочем, уж лучше это, лишь бы Дэвенпорт не узнал об истинной причине. — Простите, но я устала от всей этой сутолоки. Как вы думаете, удастся ли уговорить Мерри и Джулиана отправиться домой пораньше?

— Я уверен, что они не станут возражать. Да и танцы скоро закончатся.

Поднявшись, Реджи протянул Элис руку, чтобы помочь встать со скамейки. Этот галантный жест вернул ей ощущение собственной женственности, утраченное после встречи со Стеллой. Радуюсь тому, что Дэвенпорт взял на себя труд пролить бальзам на ее душевные раны, она сказала:

— Пока вы будете разыскивать молодежь, я распоряджусь, чтобы подали экипаж.

Слова Элис явно позабавили Реджи.

— С этим я тоже как-нибудь справлюсь, — заметил он. — Вы сегодня выглядите как настоящая леди и должны примириться с тем, что с вами и обращаются соответственно.

Все еще не отпуская руки Реджи, Элис взгляделась в его лицо, но в темноте было трудно разобрать его выражение.

Глядя ей в глаза, Реджи легонько провел кончиками пальцев по ее брови и щеке, по волосам на затылке и по шее. Элис затаила дыхание, чувствуя его близость, разом обессилев от захватившего ее чудесного ощущения его мужественности и силы. Изнемогая от желания, она в душе молила Бога, чтобы Реджи снова поцеловал ее.

Но на этот раз он был трезв, и губы его так и не коснулись ее губ. Видимо, чтобы снизойти до нее, Дэвенпорту нужно было быть пьяным. Элис постаралась отогнать эту горькую мысль, не позволяя ей перечеркнуть радость, которую доставил ей этот вечер.

Опустив руку, Дэвенпорт сделал шаг назад.

— Прежде чем я отправлюсь искать Мерри и Джулиана, я посажу вас в экипаж, — сказал он громче, чем нужно. Элис молча последовала за ним к воротам сада.

Пока Джордж Блейкфорд, сидя на козлах, правил экипажем, а его подвыпившие приятели галдели, предвкушая главное развлечение, которое готовил им этот вечер, взбешенная Стелла, предоставленная самой себе, молча обдумывала план мести.

Надо же — она еще обрадовалась, увидев Реджи Дэвенпорта! Надеялась, что он поможет ей разогнать скуку, которая охватывала ее всякий раз, когда Джордж отправлялся пресмыкаться перед своей тетушкой. Стелла не забыла последнюю встречу с Реджи в Лондоне, и мысль о том, что у нее появится возможность повторения того, что между ними тогда произошло, привела ее в восторг.

Однако после разговора с Реджи все ее надежды рухнули. Стелла плотнее закуталась в шаль, пожившись от воспоминания о том, как Дэвенпорт публично ее унижил. Должно быть, эта громадина, которая была рядом с ним, что-то для него значит — в противном случае Реджи ни за что не оскорбил бы ее подобным образом. Что ж, подумала Стелла, Реджинальд Дэвенпорт дорого заплатит за это оскорбление.

Блейкфорд недаром слыл опасным человеком, и Стелла не сомневалась, что, если ей удастся умело направить его действия в нужном направлении, он наверняка за нее отомстит. Нужно было всего лишь найти способ разжечь в любовнике злобу по отношению к

Дэвенпорту. Вся дорогу она думала, как это сделать.

Джордж казался задумчивым и по возвращении не набросился на нее, как это обычно бывало, когда они оставались вдвоем. Начав переодеваться, он сказал:

— Рядом с Дэвенпортом стояла очень высокая женщина в золотистом платье, но к тому времени, когда я к вам подошел, ее уже не было.

Стелла повернулась к Блейкфорду спиной, чтобы он расстегнул ее платье.

— Надеюсь, ты не влюбился? Она очень странная — слишком высокая, и вдобавок у нее глаза разного цвета. Одному Богу известно, что Дэвенпорт в ней нашел. Возможно, ему нравятся женщины на ходулях.

Блейкфорд на секунду замер и снова принялся нетерпеливо возиться с крючками.

— О вкусах не спорят, — заметил он. — Я, например, без ума от рыжих.

Стащив платье с плеч Стеллы, Блейкфорд стал ласкать ее грудь. Стелла почувствовала, что ее покровитель потерял голову от возбуждения, и решила, что наступил подходящий момент для осуществления ее плана.

— Это было ужасно — встретить сегодня вечером Дэвенпорта, — промолвила она дрожащим голосом. — Я надеялась, что никогда больше его не увижу после... после того, что он со мной сделал.

Схватив любовницу за плечи, Блейкфорд повернул ее лицом к себе. Губы его сжались в тонкую прямую линию.

— Что ты имеешь в виду?

Стелла широко распахнула глаза, стараясь выглядеть невинной жертвой. Она понимала, что, если ей не удастся убедительно сыграть свою роль, Блейкфорд разозлится на нее, а это было опасно.

— Помнишь тот вечер, когда вы играли в карты и ты проиграл Дэвенпорту пятьсот фунтов?

— Конечно, помню. — Лицо Блейкфорда злобно искривилось. — Я помню и кое-что еще — как ты виляла перед ним задом.

— Джорджи, дорогой, это не правда! — запротестовала Стелла. — Я всего-навсего старалась быть гостеприимной. Но... но он не правильно истолковал мое поведение. Ты ведь помнишь, он был совершенно пьян. И... и когда я случайно столкнулась с ним в коридоре...

Стелла опустила голову и поежилась, давая понять, что не в состоянии продолжать.

Пальцы Блейкфорда с такой силой стиснули ее плечи, что она скривилась от боли. Это было кстати, так как помогло Стелле выжать из себя самые настоящие слезы.

— И что же дальше?

— Он... он меня изнасиловал, Джордж. Это было так ужасно! Я пыталась кричать, но он зажал мне рот ладонью.

— Почему ты не рассказала мне об этом тогда же? — спросил, сузив глаза, Блейкфорд.

— Мне было страшно за тебя. Ты ведь знаешь, какая у него репутация. Он очень опасен. Я боялась, как бы с тобой чего-нибудь не случилось. — Стелла опытными ручками принялась расстегивать на своем любовнике рубашку. — Я подумала, будет лучше, если я забуду о том, что произошло. Но когда я увидела его сегодня вечером, то испугалась. И потом, он меня оскорбил при всех, без всякой на то причины. А как он на меня смотрел! — Рыжеволосая интриганка судорожно сглотнула. — А что, если он опять на меня набросится? Он такой большой, такой сильный, Каждое слово Стеллы было тщательно продумано. Каждой фразой Стелла давала понять Блейкфорду, что, по ее мнению, Дэвенпорт

превосходит его как мужчина, что Реджи сильнее его и опаснее. Она понимала: уязвленная гордость и оскорбленное чувство собственника вызовут у ее любовника желание отомстить, и, зная его, нисколько не сомневалась, что Блейкфорд отметет общепринятые понятия о чести, если они окажутся для него помехой в осуществлении мести. Это означало, что Дэвенпорта скорее всего найдут где-нибудь убитым выстрелом в спину и никто никогда не узнает, кто с ним расправился. Эта мысль доставила Стелле наслаждение.

Между тем она продолжала ласкать своего покровителя, и вскоре из груди Блейкфорда вырвался стон, в котором звучала уже не только ярость оскорбленного самца.

— Он заплатит, Стелла, заплатит за то зло, которое причинил тебе и мне! — хрипло пробормотал он и впился поцелуем в губы подружки. Блейкфорд не был до конца уверен в том, что Дэвенпорт в самом деле изнасиловал Стеллу, — он допускал, что рыжеволосая шлюха вполне могла ему в этом помочь. Но она была его шлюхой. Она принадлежала ему, Блейкфорду, и Дэвенпорт должен был заплатить за то, что позарился на чужое. Да и вообще Дэвенпорта давно следовало проучить как следует. Мало того, что он переспал со Стеллой, он еще и спас жизнь той, которая называла себя Элис Уэстон. Не окажись Дэвенпорт поблизости от ее дома в ту ночь, когда случился пожар, ее бы уже не было в живых, а на это Блейкфорд и рассчитывал.

Узнав, что Элис Уэстон спасена, Блейкфорд пережил огромное разочарование. Правда, тогда ему было все равно, жив Дэвенпорт или мертв. Теперь же, после разговора со Стеллой, у Блейкфорда появились основания расправиться с обоими.

Блейкфорд повлек любовницу к постели, полный решимости заставить ее забыть о других мужчинах — и в особенности о Дэвенпорте, которого она считала сильным и опасным.

Когда Джулиан Маркхэм впервые увидел Мередит Спенсер — перепачканную глиной, в мешковатом платье с чужого плеча, — она показалась ему удивительно хорошенькой. Через несколько часов, когда она спустилась к обеду, он решил, что она настоящая красавица. Проведя же в обществе Мерри три дня, Джулиан окончательно потерял голову.

Пьяный от любви, он тем не менее осознавал, что его восхищает не только красота золотоволосой Мередит, но и ее ум, доброта и рассудительность. Любовь была для Джулиана новым чувством, и он не торопился признаваться в нем, боясь сказать что-либо такое, что могло бы обидеть девушку. К счастью, молодые люди могли целыми днями быть вместе. Они гуляли и ездили верхом по Стрикленду и его окрестностям. Мерри познакомила молодого Маркхэма с местными достопримечательностями. Подобное времяпрепровождение было бы невозможно в Лондоне, да и в Дорсете стало возможным лишь благодаря тому, что Элис доверяла и своей воспитаннице, и Джулиану.

И Мерри, и Маркхэм полностью оправдывали это доверие. Однако чем дольше они общались, смеясь и болтая обо всем и ни о чем, тем сильнее в Джулиане крепла убежденность в том, что Мерри разделяет его чувство. По этой причине он решил объясниться с ней за день до своего отъезда. Он все же был не настолько самоуверен, чтобы уехать, не убедившись в том, что Мерри тоже к нему равнодушна.

В тот день, когда Джулиан должен был открыть Мерри свое сердце, молодые люди отправились на фабрику. Джулиану было интересно с Мередит везде и всегда, однако процесс превращения глины в красивую посуду его по-настоящему поразил.

— Когда-то на территории Британии было множество мелких гончарных мастерских, — поясняла Мерри, водя Джулиана по цеху. — Но теперь, когда дороги стали значительно лучше, появилась возможность перевозить посуду на более далекие расстояния. Поэтому производство концентрируется в местах, где имеется необходимое сырье, — например, в Стаффордшире.

— Вы столько всего знаете, — восхищенно заметил Джулиан, с нежностью глядя на профиль Мередит.

— Столько всего, о чем девушки обычно и понятия не имеют, — вы это хотели сказать? — хихикнула Мерри и, взяв со стеллажа одну из форм, показала ее Джулиану. — Видите, вот сюда заливается разжиженная глина. Затем с помощью гипса лишнюю воду удаляют, а глина остается внутри формы. И пожалуйста — мы получаем вазу или кубок. Таким образом можно делать очень красивые вещи.

— Мерри... — положил ладонь на ее руку Джулиан. — Это просто замечательно, что вы совершенно не похожи на других девушек.

Мерри бросила на Джулиана смущенный взгляд и отвернулась, чтобы положить форму на место.

— Так уж меня воспитывали — и моя тетя, и леди Элис. Ну что, хотите посмотреть, как происходит обжиг изделий?

Джулиан последовал за Мерри. Печь была настолько велика, что в ней при желании могли бы поместиться больше двух десятков людей. Она была наполовину заполнена посудой, которой предстояло повторно пройти обжиг. Мерри показала Джулиану изящные чайные чашки, заключенные в специальный защитный контейнер.

— Здесь кое-что из моих опытных образцов, — пояснила она. — Я разрабатываю новые модели и варианты росписи — они пригодятся, когда мы будем расширять производство.

— Замечательно... — пробормотал Джулиан, взгляд которого был прикован к лицу Мередит.

На какой-то миг ему показалось, что в глубине голубых глаз Мерри промелькнула тень печали, но она тут же лукаво улыбнулась:

— Мужчина, владеющий искусством флирта, всегда найдет возможность сказать женщине комплимент. — И продолжила пояснения:

— К завтрашнему дню печь будет заполнена и приведена в действие. После вторичного обжига я смогу заняться росписью опытных образцов. Похоже, все вышло удачно. Формы, во всяком случае, очень хороши.

— Ваши тоже, — брякнул Джулиан, восторженно глядя на силуэт девушки, отчетливо обрисовавшийся на фоне печного зева.

Мерри в ответ лишь тихо рассмеялась.

Выйдя из цеха, Мередит увидела фабричного мастера Джейми Палмера и приветливо помахала ему рукой.

По дороге в усадьбу Джулиан, собравшись с духом, объявил.

— Мерри, я хочу с вами поговорить.

В этот момент они проходили мимо живой изгороди. Словно не расслышав его слов, Мередит сорвала усеянную бледно-розовыми цветами веточку растения, тянувшегося к солнцу из зарослей боярышника.

— Вот это — валериана, — сказала она. — Между прочим, из ее корней готовят чай, который обладает успокаивающим действием и укрепляет сон.

— Почему вы уходите от разговора? — спросил Джулиан, глядя, как девушка нюхает розовые цветки.

— Я не хочу, чтобы наша летняя идиллия заканчивалась, — сказала она, стараясь не смотреть на Джулиана. — Но, боюсь, она близится к концу.

Джулиан с величайшей осторожностью взял Мерри за подбородок и, слегка запрокинув ее лицо, заглянул в сапфировые глаза. Он с ужасом увидел, что они наполняются слезами.

— Мерри, что случилось? Вы не хотите, чтобы я сказал вам, что люблю вас, поскольку не разделяете моих чувств? Мередит прикрыла глаза, и слезы покатались по ее щекам.

— О нет, дело вовсе не в этом.

Повинуясь порыву, Джулиан обнял Мерри и привлек ее к себе. Он знал, что любит девушку, искренне восхищаясь ее добротой и красотой, но в эту минуту на него вдруг нахлынула волна неизъяснимой нежности.

— Тише, моя дорогая, — прошептал он. — Если я люблю тебя, а ты любишь меня, к чему же плакать?

— Я никогда не думала, что любовь может причинять такую боль, — с виноватой улыбкой сказала Мерри, осторожно отстраняясь. — Элис всегда смеялась над тем, как тщательно я распланировала всю свою дальнейшую жизнь. Я решила, что найду себе в меру богатого мужчину, который бы меня обожал и лелеял, а я, в свою очередь, сделаю так, что он никогда не пожалует о том, что выбрал в жены меня.

Мередит достала из кармана носовой платок и высморкалась, пытаясь успокоиться и привести себя в порядок. Впрочем, Джулиану даже ее покрасневший нос казался очаровательным. Понимая, насколько важен их разговор, он уселся на траву в тени живой

изгороди и, потянув Мерри за руку, посадил рядом с собой.

— Почему вам кажется, что любовь способна приносить только горе и неудобства? Я никогда не был таким счастливым, как сейчас.

— Я не могу верить в наше счастливое будущее, и это причиняет мне боль, — сказала Мерри, грустно глядя на скомканный лоскуток муслина. — Из-за разницы в нашем происхождении и материальном положении между нами лежит пропасть. Почему, ну почему ваш отец — виконт, а не какой-нибудь человек попроще?

— Никогда бы не подумал, что вы не захотите стать виконтессой. Из вас получится замечательная виконтесса. — Джулиан накрыл своей рукой руку Мередит. — И потом, поскольку мой отец — человек здоровый и крепкий, вам предстоит в течение многих лет быть просто уважаемой миссис Маркхэм, прежде чем вы станете леди Маркхэм.

Мерри грустно улыбнулась.

— Джулиан, Джулиан, моя мать была дочерью сельского сквайра, мой отец — городской торговец, он успешно вел дела, но не сумел оставить наследство, достаточное для того, чтобы компенсировать недостатки моего происхождения. Моя часть наследства составит пять тысяч фунтов. По дорсетширским понятиям сумма вполне приличная, но я не поверю, что лорд Маркхэм примирится с подобным выбором своего единственного сына.

После этих слов Джулиан стал уважать Мередит еще больше. Было ясно, что она вполне трезво оценивает ситуацию.

— Я не надеюсь, что моему отцу это понравится, но он не имеет права запретить мне жениться или лишить меня наследства. — Джулиан ободряюще улыбнулся. — По идее, он должен обрадоваться, когда узнает о моем намерении вступить в брак, поскольку в течение последних двух лет не раз советовал мне подыскать супругу. Мне кажется, ему хочется удостовериться в том, что наш род будет продолжаться. — Молодой человек помедлил. — Но я, кажется, забегаю вперед. Мередит, вы согласны стать моей женой?

— Мне бы хотелось этого больше всего на свете, — ответила Мерри и, увидев, как на лице Джулиана засияла счастливая улыбка, тут же добавила; — Но только не ценой вашей ссоры с родными. — Мерри отвела глаза. — Вот почему от любви бывает больно. Оказывается, я больше думаю о вашем счастье, чем о своем собственном. Я... слишком хорошо знаю, что это такое — потерять родителей. Я не хочу быть яблоком раздора между вами и вашей семьей.

Джулиана снова захлестнула волна нежности. Прожив жизнь с Мередит, он, пожалуй, узнает о любви много такого, о чем прежде и понятия не имел. Во всяком случае, это куда более глубокое чувство, чем он себе представлял.

Солнечный луч пробился сквозь живую изгородь и засиял на золотистых волосах Мередит, словно нимб. Красота ее в этот момент показалась Джулиану поистине неземной, и молодой человек, чувствуя, что не в силах больше сдерживаться, наклонился вперед и прикоснулся губами к губам девушки. Сначала едва ощутимый, как касание крыльев мотылька, поцелуй становился все более настойчивым.

Мерри ответила на его поцелуй с такой милой непосредственностью, что у Джулиана защемило сердце от нестерпимого желания заключить ее в объятия и защитить от всех невзгод и напастей, которые только могли выпасть на ее долю. Он привлек Мерри к себе. Джулиан уже познал физическую сторону любви, но бесхитростный поцелуй Мередит потряс его куда глубже, чем страстные поцелуи тех женщин, с которыми ему приходилось иметь дело раньше.

Почувствовав, что ему хочется опрокинуть Мерри на мягкую траву, Джулиан понял, что пришло время остановиться.

— Нам лучше уйти отсюда, иначе я могу не оправдать доверия леди Элис, — сказал он, отстраняясь от девушки.

Мередит с озабоченным лицом поднялась, отряхнула измятую юбку и, взяв Джулиана под руку, прижалась к нему. Молодые люди снова зашагали по тропинке.

— Почему вы так уверены, что моя семья будет возражать против того, чтобы я женился на вас? — спросил Джулиан, овладев собой. — Вы ведь не опереточная танцовщица.

Мерри, как он и ожидал, хихикнула, но затем лицо ее посерьезнело.

— Я пытаюсь рассуждать логически, только и всего. Я не какая-нибудь романтическая особа, витающая в облаках, и понимаю, что вы могли бы найти себе куда более подходящую невесту.

Остановившись, Джулиан положил руки на плечи Мередит и повернул ее лицом к себе.

— Нет, не мог бы, — с нажимом произнес он. — Запомните это.

Потеряв сначала родителей, а затем и родную тетку, вынужденная несколько раз менять место жительства, Мерри привыкла смотреть на жизнь пессимистично, решил молодой человек. Главное, что она его любит. Следовательно, нужно лишь убедить отца в том, что лучшей девушки, чем Мерри, нет во всей Англии. Джулиан неохотно признался себе, что решить эту задачу будет не так-то просто, но у него не было ни малейшего сомнения в успехе.

Изо всех сил стараясь отогнать от себя страхи, Мерри на секунду приложила ладонь к щеке Джулиана. В житейских вопросах Джулиан гораздо наивнее, подумала она. Что ж, следовало благодарить судьбу уже за то, что она даровала им эту летнюю идиллию.

— А как вы познакомились с Реджи? — поинтересовалась Мередит.

Поняв, что Мередит хочет сменить тему разговора, Джулиан выпустил ее из объятий.

— Вообще-то я познакомился с ним в игорном притоне, — признался молодой Маркхэм. — Я только вернулся в Лондон после окончания Оксфордского университета и чувствовал себя таким светским львом. И представьте, меня угораздило затеять игру в вист с профессиональными картежниками, можно сказать, шулерами. За один вечер я проиграл все свои деньги, в том числе мое содержание и небольшое наследство, доставшееся от двоюродной бабки, и вынужден был оставить на столе долговые расписки, по которым моим партнерам по игре отходило все, что я надеялся получить в будущем.

— Боже правый! — воскликнула практичная Мерри, пораженная до глубины души. — Какой ужас. Вы проиграли все это Реджи?

— Нет, хотя он участвовал в той игре. Но играл он как-то небрежно и в итоге остался более или менее при своих. — Лицо Джулиана болезненно дернулось. — Пытаясь отыграться, я проигрывал все больше и больше, а Реджи наблюдал за мной, словно рассерженный орел, и от этого я чувствовал себя дураком. Вскоре я окончательно погряз в долгах, даже был готов броситься в Темзу. Это была самая ужасная ночь в моей жизни.

Разумеется, я был пьян и вид, наверное, имел жалкий. В конце концов у меня все же хватило ума выйти из игры. Я собирался уходить, но тут Реджи приказал мне сесть на место и следить за тем, как нужно играть. — Джулиан усмехнулся. — Ну а когда Реджи кому-нибудь говорит, чтобы он сел, этот человек обычно так и делает.

Мерри кивнула, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

— Никогда в жизни я не видел такой сосредоточенности. За четыре часа он отыграл

назад все мои деньги и выиграл еще несколько сот фунтов сверх того. Заявив, что я слишком пьян, чтобы ходить по улицам в одиночестве, он забрал меня к себе домой... Мне не слишком хотелось с ним ехать, но я не стал возражать, в противном случае пришлось бы отправиться в Маркхэм-Хаус, где меня ожидало объяснение с отцом, которого мне хотелось по возможности избежать.

На следующее утро я проснулся в состоянии жуткого похмелья, а Реджи принялся меня отчитывать, — улыбнулся Джулиан. — Мой отец в этом деле большой мастер, но Реджи, мне кажется, даже его заткнул за Пояс. Он назвал меня болваном и вороной и в самых ярких красках объяснил мне, какие глупости я вчера натворил. Затем он взял с меня слово, что я никогда не сяду играть в азартные игры, не научившись делать это как следует, после чего сжег мои долговые расписки.

— И он ничего не попросил у вас взамен? — Мерри была явно заинтригована рассказом молодого человека.

— Он заставил меня угостить его завтраком, — ухмыльнулся Джулиан.

Мерри засмеялась.

— Это совершенно невероятная история, — сказала она, отсмеявшись. — И тем не менее это похоже на Реджи. У меня давно сложилось впечатление, что его репутация повесы и кутилы не совсем соответствует действительности.

— Согласен с вами, — кивнул Джулиан. — Он научил меня играть в азартные игры с умом, не теряя головы, и с тех пор я никогда не ставил на карту больше, чем мог позволить себе проиграть. Лондон — коварный город, и мне очень повезло, что у меня появился друг, знакомый со всеми тонкостями столичной жизни. Самое смешное заключается в том, что мой отец твердо убежден, будто Реджи ведет меня по пути порока и рано или поздно погубит. Как я ни пытался внушить ему, что он не прав, у меня ничего не вышло.

— Значит, ваш отец не прислушивается к доводам разума? — Голос Мерредит звучал глухо.

Догадавшись, о чем она думает, Джулиан с нежностью погладил ее руку.

— Не всегда. Но в случае с вами — вернее, с нами — я сумею его убедить.

Мерри очень хотелось в это верить, но в глубине души она была убеждена, что после отъезда, намеченного на следующий день, больше никогда не увидит Джулиана Маркхэма.

В тот же день, когда леди Элис, вернувшись с полей, приняла ванну и переоделась к обеду, Джулиан встретился с ней с глазу на глаз для конфиденциального разговора. Элис была очень рада тому, что он просит руки Мерри, но выдвинула условие, состоявшее в том, что молодые люди не будут считаться официально помолвленными до тех пор, пока Джулиан не переговорит с отцом. Джулиан понял: мисс Уэстон также сомневается, что лорд Маркхэм одобрит его выбор.

Когда обитатели дома Дэвенпорта, вечер напролет распевавшие песни и разгадывавшие шарады, разошлись по своим комнатам, Джулиан рассказал обо всем Реджи. Мужчины расположились в библиотеке. Джулиан прихлебывал из бокала портвейн, а Реджи курил длинную, тонкую сигару. У открытых дверей, ведущих в сад, спала Немезида.

— Ну что же, чудесно, хотя для меня это отнюдь не неожиданность, — с улыбкой заметил Реджи, когда друг поведал ему о своих планах. — Только слепой мог не заметить, что все к тому идет.

Джулиан pokrutil головой в притворном отчаянии.

— А я-то думал, что веду дело так, что никто ничего не замечает. — Глаза его заблестели. — Мерри такая красивая...

Следующие полчаса Реджи терпеливо выслушивал поток восторженных панегириков многочисленным достоинствам Мередит, кивая там, где нужно было кивнуть, и время от времени роняя междометия в знак того, что полностью разделяет мнение своего молодого друга. Наконец Джулиан смущенно рассмеялся:

— Должно быть, я несу, как последний идиот, несусветную чушь, Редж?

— Да, но в сложившейся ситуации это совершенно естественно, — отозвался Реджи, хладнокровно стряхивая пепел с кончика сигары.

Джулиан нахмурился, глядя на бокал с портвейном.

— И Мерри, и леди Элис считают, что мой отец будет против этого брака. А ты как думаешь?

— Я думаю, что это вполне вероятно, — признал Реджи, — но все же надеюсь, что, проявив известное упорство и такт, ты сможешь с этим справиться. Конечно, Мередит для тебя не самая лучшая пара, если исходить из общепринятых представлений, но и не самая плохая. Ну а если почувствуешь, что никак не удастся убедить отца в твоей правоте, привези Мередит в Лондон и познакомь ее с ним.

— Замечательная идея, Редж! — с энтузиазмом воскликнул Джулиан. — Разве перед ней кто-нибудь сможет устоять? Опасаясь, что приятель снова сядет на любимого конька, Дэвенпорт предостерегающим жестом поднял руку.

— Не надо перечислять мне ее замечательные качества, — попросил он. — Думаю, за последние пять минут они несколько не изменились.

Смущенно улыбнувшись, Джулиан подошел к буфету и достал оттуда графин с самым лучшим бренди.

— Давай поднимем тост за то, чтобы мне удалось уговорить отца, и за мое будущее счастье, — предложил он. Реджи заколебался.

— Ты, наверное, заметил, что в последнее время я совсем не пью, — сказал он, — Да, верно, — жизнерадостно согласился Джулиан. — Но сегодня особый случай.

Он налил две щедрые порции в бокалы венецианского стекла и протянул один из них Дэвенпорту. Взяв бокал, Реджи взглянул на прозрачную, янтарного цвета жидкость и почувствовал, как рот его наполняется слюной, а сердце начинает биться быстрее. Он поклялся себе не употреблять алкоголя до тех пор, пока не исчезнет болезненное желание выпить. За последние две недели оно стало ослабевать, но время от времени все же мучило его с прежней силой.

И вдруг Реджи словно осенило: поскольку ему всегда доставлял наслаждение вкус спиртного, глупо было ожидать, что у него может совсем исчезнуть желание выпить. Это было все равно, что думать, будто половое воздержание может избавить мужчину от естественного влечения к женщине. Наоборот, оно лишь усиливало влечение — странно, что он не понял этого раньше. Соответственно воздержание от алкоголя должно было усилить его тягу к выпивке.

Дэвенпорт почувствовал огромное облегчение. Он доказал себе, что может бросить пить, пришло время вернуться к обычному образу жизни.

— Да, ты прав, это особый случай, — сказал он и поднял бокал. — Позволь мне первым пожелать тебе и Мерри счастья и долгих лет жизни.

Джулиан просиял. Осушив бренди одним большим глотком, Реджи швырнул бокал в

камин, так что осколки брызнули во все стороны, — тем самым давая понять, что тост произнесен от всей души. Дэвенпорт жадно прислушивался к своим ощущениям — ни с чем не сравнимому вкусу бренди, жжению в горле, к теплой волне, прокатившейся по всему телу и принесшей ему неизъяснимую радость и наслаждение, — и думал о том, каким болваном он был, в течение нескольких недель добровольно подвергая себя непрерывной пытке.

Подойдя к буфету, он налил себе еще бокал и, повернувшись к Джулиану, сказал: — Ну, за что теперь мы выпьем?

Поднявшись наверх довольно рано, Элис и Мередит зашли в комнату Мерри, чтобы побеседовать. Элис ожидала, что воспитанница начнет изливать ей восторг по поводу того, что ей удалось завоевать сердце Джулиана и добиться, чтобы он сделал предложение. Однако Мерри была погружена в глубокую печаль — она нисколько не сомневалась в том, что, уехав, Джулиан не вернется, поскольку отец не позволит ему этого сделать. И Элис не могла ее разубедить.

В конце концов, так ничего и не добившись, Элис ушла к себе. Однако, несмотря на то что позади был длинный день, полный всевозможных хлопот, заснуть ей никак не удавалось. Мысли невольно снова и снова возвращались к Мерри и Джулиану. Элис считала Джулиана Маркхэма честным и порядочным человеком и была уверена, что он не стал бы заводить разговор о женитьбе с Мередит и ее опекуншей, если бы существовала серьезная вероятность того, что его отец воспротивится этому браку. Тревога за судьбу Мерри не давала Элис забыться сном.

Шли часы, а она все ворочалась в постели, не смыкая глаз и думая о том, каковы же должны быть переживания родителей за своих детей, если, будучи приемной матерью Мередит, она буквально не находила себе места от тревоги.

Поскольку из комнаты Элис было отлично слышно все, что происходит на лестнице и в коридоре, она услышала, как Джулиан поднялся в свою комнату.

Наконец Элис решила спуститься и посмотреть, не сидит ли Реджи в библиотеке. Дэвенпорт обладал большим жизненным опытом и наверняка был знаком с отцом Джулиана. Он мог бы высказать свое мнение о будущем влюбленных.

Надев халат и домашние туфли, Элис направилась в библиотеку. Как она и ожидала, из-под двери пробивался лучик света. Однако то, что она увидела, открыв дверь, было для нее сюрпризом, и сюрпризом неприятным. Элис остановилась в дверном проеме, с отвращением озираясь.

Реджи сидел в своем любимом кресле, небрежно развалившись и вытянув скрещенные ноги. Судя по его виду, он был пьян как сапожник. Сюртук и галстук валялись на полу, рубашка и брюки залиты бренди. В воздухе стоял густой запах спиртного. Один графин, пустой, лежал, опрокинутый на бок, на буфете. Второй, почти пустой, стоял на столе рядом с Дэвенпортом.

Ночь была теплая, и потому застекленные двери, ведущие в сад, были открыты. У порога лежала Немезида. При виде Элис колли подбежала к ней, жалобно поскуливая, словно прося ее помочь своему хозяину. Собака на несколько секунд отвлекла внимание женщины, а когда Элис подняла глаза, она увидела на лице Реджи пьяную улыбку.

— Рад... очень рад видеть вас, милая Элли, — пробормотал он заплетающимся языком. — Джулиан уже на...пился и ушел к себе. Хороший парень, но удар держать не умеет. Еще совсем рано, и мне как раз нужен кто-то, с кем можно выпить. Хле... хлебните-

ка бренди.

Он с трудом поднялся и выплеснул остатки бренди из графина в чистый бокал, пролив половину на стол. Элис и прежде доводилось видеть его пьяным, но теперь его состояние было куда хуже, чем раньше. Поворачиваясь, чтобы подать ей бокал, он едва не упал.

— Я пришла сюда не для того, чтобы пить, — холодно ответила Элис. — Мне хотелось поговорить с вами об одном важном деле, но, как видно, вы не способны что-либо обсуждать.

Реджи поднял бокал и осушил его, причем бренди тонкой струйкой полилось у него из уголка рта. Уловив лишь часть того, что сказала Элис, он с радостным удивлением пробормотал:

— Вот и хорошо, что вы пришли не затем, чтобы пить. Я и сам хотел предложить вам занятие получше.

Для пьяного он двигался с поразительной быстротой. Стремительно преодолев разделявшее их расстояние, он грубо обхватил Элис руками. Элис была вынуждена попятиться и, натолкнувшись спиной на книжный шкаф, почувствовала, как Дэвенпорт все теснее прижимается к ней, Прикосновение его пахнущих бренди губ к ее губам, как и прежде, разбудило в ней страсть, и Элис, у которой голова шла кругом от всего происходящего, в течение нескольких секунд отвечала на его поцелуй. Затем Реджи, обняв ее еще крепче, прошептал ей на ухо:

— Мне трудно было держать себя в узде и не прикасаться к вам. У вас такая великолепная фигура — это любой вам скажет. Такая фигура может свести мужчину с ума.

Его слова заставили Элис опомниться.

— Отпустите меня, пьяный распутник, — процедила она и, упершись ладонями Дэвенпорту в грудь, резко оттолкнула его. — Вы замечаете мою великолепную фигуру только тогда, когда нарежете до чакон степени, что вам становится все равно, кто перед вами, — лишь бы женщина. Если похоть одолела, отправляйтесь к своей горничной.

— Не надо быть такой застенчивой, Элис, — укоризненно пробормотан он. — Я знаю, чего вам хочется, и б... буду рад вам это предоставить.

Реджи попытался нежно погладить ее по волосам и лицу, как он сделал это в саду, когда они ездили на бал.

— Вы пьяны, Реджи. Отправляйтесь в постель. Дэвенпорт принялся покрывать поцелуями ее щеку. Затем осторожно провел кончиком языка по ее уху. Когда Реджи прижал ладонь к ее груди, поглаживая сквозь бархатистую ткань халата сосок, из груди Элис вырвался стон наслаждения. По всему ее телу разливалась предательская слабость. Она с ужасом поняла, что вот-вот отдастся мужчине, который настолько пьян, что ему совершенно все равно, кто перед ним. Отчаяние от осознания того, что нечто подобное с ней уже было, придало ей сил, и она снова оттолкнула Дэвенпорта.

— Отстаньте же от меня, черт бы вас побрал! Пораженный, Реджи отлетел назад и наткнулся на маленький столик, на котором стоял глобус. Столик опрокинулся, рамка глобуса сломалась, и цветной шар запрыгал по ковру. Дэвенпорт едва устоял на ногах. Когда он выпрямился, выражение лица его было угрожающим. Как нередко бывает у пьяных, благодушное настроение сменилось вспышкой ярости.

— Ты со мной не играй, сучка, — зарычал он. — Думаешь, я не знаю, почему ты все время около меня трешься? Ты только с виду такая правильная, а на самом деле хочешь того же самого, что и остальные.

Элис не могла не признать, что Реджи прав, и это было просто невыносимо. Она почувствовала, что вот-вот расплчется. Ей хотелось убить Дэвенпорта — за то, что он слишком многое замечал, за то, что он с такой небрежной легкостью завладел ее душой и сердцем. Гнев сменился страхом, когда она увидела, что Реджи приближается к ней — злобный незнакомец со сверкающими холодным бешенством глазами.

Чтобы добраться до двери, ей нужно было проскользнуть мимо Реджи. Прикинув расстояние, Элис поняла, что это невозможно, она попала в ловушку. Элис медленно попятилась, не сводя глаз с Дэвенпорта и чувствуя, как ее охватывает настоящая паника, заставляющая сердце биться все быстрее и быстрее. Если Реджи захочет ее изнасиловать, у нее не хватит сил оказать ему достойное сопротивление.

Элис отступала назад, пока не оказалась в углу, у книжных полок. Мышцы ее напряглись — она приготовилась к схватке. Немезида, почуяв неладное, принялась снова между ней и Реджи, нервно поскуливая. Дэвенпорт споткнулся о нее и чуть не упал.

— Проклятая псина! — Он что есть силы пнул овчарку ногой по ребрам. Взвизгнув не только от боли, но и от страха, колли метнулась через всю комнату к застекленной двери и исчезла в саду. Она на несколько секунд отвлекла Дэвенпорта, и Элисхватило этого времени для того, чтобы подготовиться к отражению нападения. Она стащила с полки тяжелый том французских пьес и, стоило Реджи снова шагнуть вперед, занесла фолиант над головой:

— Не подходите!

Не обращая внимания на предупреждение, Дэвенпорт бросился к ней. Элис ударила его книгой в живот и снова замахнулась. Новый удар пришелся Реджи в висок, после чего увесистый том, падая, задел Дэвенпорта по колену.

— О черт! — выругался он и рухнул на пол, ловя ртом воздух. — Ах ты, сука!

Не теряя времени, Элис проскочила мимо него и бросилась к двери. Уже у самого порога она столкнулась с Маком Купером, вбежавшим в библиотеку, и если бы камердинер Дэвенпорта не подхватил ее, она бы упала.

Элис до этого не довелось общаться с Купером, он был для нее всего лишь энергичным, щеголевато одетым человеком, у которого неизвестно что на уме. Однако сейчас его лицо выражало неподдельную тревогу и сочувствие.

— С вами все в порядке, леди Элис? «Нет, не все!» — в сердцах подумала Элис, но вслух процедила ледяным тоном:

— Да, я в полном порядке, хотя ваш хозяин сделал все возможное для того, чтобы это было не так.

Мак отпустил ее и, сделав несколько шагов вперед, опустился на колени перед Реджи. Элис повернулась было, чтобы уйти, но камердинер Дэвенпорта попросил:

— Не уходите. Мне потребуется помощь, чтобы отвести его наверх.

— Почему бы не оставить его здесь? Ему было бы полезно провести ночь на полу, в луже собственной рвоты.

— Сомневаюсь. — Купер поморщился. — Утром он не будет помнить того, что случилось.

Слава Богу, подумала Элис. Она заколебалась. Купер, дождавшись, пока у его хозяина прекратились позывы на рвоту, тихонько сказал:

— Пора в постель, Реджи. Давайте-ка я помогу вам встать. Дэвенпорт, лицо которого не просто побледнело, а позеленело, невнятно пробормотал:

— Меня не надо вести домой, я и так уже дома.

Камердинер потянул его за руку, пытаясь заставить встать, но у него ничего не вышло. Видя, что эта задача одному Куперу явно не под силу, Элис решила ему помочь. Вдвоем они сумели заставить что-то бормочущего Дэвенпорта подняться на ноги и повели его в спальню.

Путь из библиотеки в спальню оказался долгим и трудным. На полдороге, когда они уже поднимались по лестнице на второй этаж, Реджи неожиданно рванулся куда-то, чуть не упал сам и едва не опрокинул обоих своих провожатых. Элис при этом сильно ударилась бедром о перила.

В ярде от собственной кровати Реджи внезапно пришел в неистовство и, отчаянно ругаясь, нанес своему камердинеру сильнейший удар. Попади он в цель, Куперу пришлось бы несладко, но Мак ловко увернулся и коротким, точно рассчитанным тычком в челюсть отправил хозяина в нокаут.

— Скажите, Купер, с ним часто такое случается? — поинтересовалась Элис.

— Да, хотя обычно все бывает не так плохо, как сегодня, — ответил камердинер, переворачивая Дэвенпорта на спину. — Он в последнее время совсем не пил и надеялся...

Купер умолк, не закончив фразу.

Элис с любопытством отметила, что камердинер Реджи заговорил с сильным акцентом, характерным для обитателей лондонских трущоб и рабочих кварталов.

— Почему вы с этим миритесь? — задала Элис новый вопрос.

Она, впрочем, не ожидала, что Купер ответит, и была немало удивлена, когда камердинер сказал, на этот раз уже без акцента:

— Я остаюсь при нем потому, что, если бы не Реджи, меня бы посадили в каталажку или повесили еще лет двенадцать назад. Да-да, леди Элис, не удивляйтесь. Я был вором и, чтобы прокормиться и выжить, крал все, что попадалось под руку. Дважды меня ловили и сажали в Ньюгейтскую тюрьму. Если бы я снова предстал перед судом, мне бы не стали больше делать скидок на мою молодость.

— И как же вы познакомились с Реджи? — спросила Элис, невольно заинтересовавшись рассказом Купера.

— Я грабил богатых посетителей питейных заведений, которые были слишком пьяны, чтобы сопротивляться. С Реджи у меня вышла осечка — он сломал мне руку. Когда это случилось, я стал хныкать и просить его не сдавать меня в полицию. А он мне на это сказал, что, раз я не умею воровать, мне надо найти себе нормальную работу. Я объяснил ему, что был бы рад работать, да только кто же наймет разбойника вроде меня? Тут он засмеялся и заявил, что ему нужен камердинер и что, если я готов кое-чему подучиться, он меня возьмет. И добавил, что, коли я еще раз попробую его обокрасть, он сломает мне не руку, а шею. — Купер криво усмехнулся. — Ну, первые несколько месяцев мне было несладко. Временами я даже думал, что лучше бы остался на улице. Но скучать не приходилось, это точно. Иногда из-за Реджи у нас бывали неприятности, но он же всегда и решал все наши проблемы.

— Зачем вы мне это рассказали? — поинтересовалась Элис, пристально глядя на Купера.

— Просто мне показалось, что было бы неплохо напомнить вам: у Реджи есть и кое-какие хорошие качества.

— Вы правы, — с горечью заметила Элис. — Я и в самом деле об этом забыла.

— Но он ведь не причинил вам никакого вреда, верно? — успокаивающим тоном сказал Мак. — Идите отдыхайте, леди Элис. А я пойду приберу в библиотеке.

Еще несколько секунд Элис смотрела на большое, сильное тело, распростертое на широкой кровати, а затем, вздохнув, вышла из комнаты.

Почему, ну почему Реджинальд Дэвенпорт не мог быть кем-то одним — или героем, или негодяем?

Священники были правы — ад действительно существовал, но только он был совершенно не таким, как они его себе представляли. Адский огонь — это бы еще полбеды, но страшная смесь тошноты, боли и черной, проникающей до самых глубин души тоски была куда ужаснее любой пытки, которую могло породить воображение средневекового теолога.

Реджи пошевелился и снова замер, чувствуя, что голова его вот-вот расколется на тысячу кусков. Ему хотелось умереть. Но должен же этот кошмар когда-нибудь закончиться, должно же в конце концов ему стать легче!.. Он вспомнил вычитанную где-то фразу о том, что пьянство можно считать идеальным грехом, поскольку оно несет в себе наказание тому, кто свел слишком близкое знакомство с алкоголем.

Реджи опять провалился в тяжелое забытие. Через некоторое время он снова попытался разлепить веки. Их словно чем-то склеили или сшили. Свет резкой болью отозвался в его голове и воспаленных глазных яблоках, в животе громко заурчало.

Этот образ жизни убивает тебя.

Должно быть, он застонал, потому что сквозь туман, окутывавший его сознание, вдруг проник спокойный голос Мака:

— Вы можете это выпить? Выпейте и почувствуете себя лучше.

С помощью камердинера, который поддерживал его голову, Реджи ухитрился сделать несколько глотков целебного эликсира, состоявшего на сей раз в основном из яблочного сока и виски. Ему действительно немного полегчало. Настолько, что он поинтересовался;

— Сколько сейчас времени и не случилось ли чего-нибудь такого, о чем мне следовало бы знать?

— Сейчас почти полдень. Мистер Маркхэм уехал, выразив сожаление по поводу того, что не может попрощаться с вами. — В голосе камердинера зазвучала едва заметная ирония. — О вас справлялся мистер Уильям. Он сказал, что сегодня утром вы должны были поехать кататься верхом. Я объяснил ему, что вам нездоровится.

Реджи застонал — он вспомнил, что действительно обещал взять мальчика покататься среди холмов. Придется отложить это до лучших времен.

— А ночью ничего не случилось?

— Об этом следует спросить леди Элис, — бесстрастно ответил Мак. — Я вам ничего сказать не могу.

У Реджи снова заурчало в животе. Он принялся вспоминать, что могло произойти с Элли, но безуспешно. Последнее, что запечатлелось в его памяти, — это то, как Джулиан зевнул и отправился в свою комнату. Может быть, Элис спускалась к нему в библиотеку? Или — о ужас! — он поднимался к ней в спальню? Что произошло, черт побери? Полный самых мрачных предчувствий, Реджи спросил:

— Где сейчас леди Элис?

— Как где? На работе, объезжает имение. Она взяла с собой хлеба и сыра и сказала, что ее не будет целый день.

Героическим усилием воли Реджи заставил себя сесть и, наклонившись вперед, замер, дожидаясь, пока все вокруг перестанет покачиваться.

— Принеси мне немного виски.

— Может, лучше выпьете кофе? — предложил Мак. — У меня уже готов кофейник.

— Тогда налей чашку кофе и плесни туда виски.

— Боюсь, это не лучшая идея, — усомнился Мак.

— Черт побери, делай что я тебе говорю!

Мак понял, что лучше не перечить. Через пару минут он вручил хозяину большую чашку кофе, щедро сдобренного виски. Тот опустошил ее почти мгновенно, обжигая язык и небо.

Через некоторое время Реджи смог встать с кровати и, пошатываясь и спотыкаясь, побрел в ванную. Умылся, почувствовал от этого некоторое облегчение, но побриться не рискнул — слишком сильно дрожали руки, эту операцию он поручил Маку.

Выпив еще две чашки кофе с виски, Дэвенпорт отметил, что понемногу приходит в себя. Стараясь не замечать встревоженного лица Мака, он переоделся в костюм для верховой езды и направился на конюшню, надеясь угадать, куда могла отправиться Элис. Он попытался вспомнить, закончена ли в поместье стрижка овец, но безуспешно. На душе у Дэвенпорта было беспокойно. Такое чувство, что ночью произошло что-то очень нехорошее, — недаром Мак предложил ему узнать о том, что случилось, у леди Элис. Реджи, разумеется, был уверен, что не причинил ей никакого вреда, да и потом, если бы с ней что-то случилось, она не уехала бы на целый день.

Физическая травма — не единственный и даже не худший вид ущерба, который можно нанести человеку.

Реджи тряхнул головой, пытаясь заставить внутренний голос замолчать, но тут же пожалел об этом, так как снова подступила тошнота. Наверное, нужно было выпить побольше виски с кофе.

А что привело тебя в подобное состояние?

Чертыхаясь себе под нос, Дэвенпорт открыл дверь конюшни — в уши ему ударило разъяренное оглушительное ржание.

Дэвенпорт замер на пороге как вкопанный. Похоже, ржал Буцефал, но что могло привести его в такое неистовство?

Ржание раздалось снова, но на этот раз за ним последовал тоненький, испуганный детский крик.

Уильям. Реджи похолодел. Ну конечно, кричал Уильям. Он всегда так восторгался Буцефалом. Реджи много раз говорил ему, что от коня с таким непредсказуемым характером следует держаться подальше, но, судя по всему, мальчик проигнорировал его предупреждения.

Забыв о недомогании, Дэвенпорт бросился к стойлу Буцефала в дальнем конце конюшни. К лошадиному ржанию и детскому крику теперь добавились удары копыт.

Добежав до стойла, Реджи заглянул в него через створку дверей и увидел, что Уильям, сжавшись в комочек, сидит в углу, подняв руки в наивной надежде защитить голову. На соломе была рассыпана морковь, которую мальчик, по всей видимости, принес, чтобы угостить коня. Буцефал издал оглушительное ржание и, повернувшись к мальчику крупом, на какой-то миг навис над ребенком и со страшной силой взбрыкнул задними ногами с огромными копытами в стальных подковах.

Одно копыто врезалось в загородку рядом с головой Уильяма, другое задело ребенка по руке. Жеребец подался вперед и снова попятился, чтобы повторить удар. Реджи схватил прислоненные к стене вилы и с громким криком вбежал в стойло, стараясь отвлечь коня.

Конь был слишком взбешен, чтобы узнать единственного человека, к которому испытывал хоть какую-то симпатию и привязанность. Издав злобное ржание. Буцефал

бросился на Реджи. Дэвенпорт выставил вперед вилы, надеясь причинить жеребцу как можно меньше вреда и понимая, что рискует его покалечить.

Вилы дрогнули и завибрировали в его руке, когда жеребец, рванувшись вперед, напоролся на острые зубья плечом. По шерсти коня потекла кровь. Буцефал попятился.

— Уильям, вон из стойла! — крикнул Дэвенпорт.

Мальчик метнулся к выходу. Дождавшись, пока ребенок окажется в полной безопасности, Реджи бросился наутек и, захлопнув двери стойла, запер их на засов. Разъяренный жеребец метался по стойлу, колотя копытами по стенам. Даже если рана, нанесенная вилами, окажется неопасной. Буцефал вполне может нанести себе смертельную травму.

Прислонив вилы к стене, Дэвенпорт повернулся к Уильяму. Мальчик, судя по всему, был невредим, но очень напуган. Подняв дрожащую руку, он вытер рукавом текущие по щекам слезы.

Страх за ребенка, похмелье и боязнь потерять любимого коня заставили Дэвенпорта на какое-то время совершенно потерять контроль над собой. Схватив Уильяма за плечи, он принялся изо всех сил трясти его, крича:

— Идиот проклятый! Ты знаешь, чего добился своим непослушанием? Теперь коня, возможно, придется пристрелить. Надо было позволить ему размозжить тебе башку!

Но тут в голове у Реджи словно что-то взорвалось, рассыпавшись осколками беспорядочных воспоминаний. Реджи видел перед собой Уильяма, бледного и дрожащего — нетрудно было заметить, что он напугал мальчика даже больше, чем разъяренный жеребец. И в то же самое время Дэвенпорт видел другого мальчика — темноволосого, младше Уильяма, но такого же испуганного. Этим мальчиком — Реджи отчетливо осознавал это — был он сам. Слух его резанул женский крик, а затем перед мысленным взором предстал мужчина — такой же высокий, как Реджи, и очень похожий на него. Мужчина был пьян и чем-то взбешен.

Чувствуя, как его захлестывает волна липкого, панического страха, вызванного неожиданно всплывшим в мозгу воспоминанием, Реджи вдруг с ужасом понял, что он, взрослый человек, чуть не ударил Уильяма — по-настоящему, изо всех сил.

Отпустив юного Спенсера, он выпрямился. Сцена, которая только что всплыла откуда-то из темных глубин его памяти, разыгралась не на конюшне, а в будуаре его матери — в комнате, заходить в которую он почему-то старательно избегал. Все это было очень давно. Между родителями в очередной раз возникла ссора из-за пьянства отца. Мать Реджи плакала и требовала, чтобы муж уехал из Стрикленда и никогда больше не возвращался. Она со слезами на глазах говорила, что не позволит ему бить детей. Отец сначала отвечал ей бранью, а затем окончательно рассвирепел.

Реджи слышал доносившиеся из комнаты звуки борьбы. Открыв дверь, он увидел картину, которая навсегда запечатлелась в его памяти. Родители стояли у окна. Отец своей могучей рукой ударил мать по лицу. Теперь Дэвенпорт невольно удивился, как он мог забыть это и как он мог хранить в себе такое воспоминание и не сойти с ума.

Ему тогда было всего три или четыре года, но он не колебался ни секунды. Услышав крик матери и отвратительный звук удара, он бросился на отца, крича от злости и размахивая кулаками. Вцепившись в ногу отца зубами, он попытался защитить мать.

Разъяренный отец, сознание которого было затуманено алкоголем, схватил его за плечи и, подняв, отшвырнул в сторону. Полет по воздуху длился какие-то мгновения, но Реджи он

показался очень долгим — время словно замедлило свой бег. Врезавшись в стену, Реджи не почувствовал боли, хотя отчетливо слышал хруст ломающихся костей. Глаза его были открыты, но он, лежа на полу, ничего не чувствовал и был не в состоянии пошевелиться. Казалось, душа его отделилась от тела и тихонько летает по воздуху, наблюдая за происходящим. Он услышал крик матери и видел, как она, подбежав, упала на колени и схватила его на руки. Мать кричала отцу, что он убил их ребенка, и Реджи подумал, что, наверное, это и в самом деле так, — должно быть, он действительно умер, раз может видеть и слышать, но не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Затем он снова вернулся на землю и внезапно ощутил свое тело. Он почувствовал объятие матери, услышал, как бьется ее сердце, ноздри его уловили исходящий от нее запах роз. Реджи отлично помнил слезы отчаяния, лившиеся из ее глаз, и выражение страдания на лице отца, кричавшего, что он не хотел, что все произошло случайно.

Реджи вспомнил атмосферу гнева и отчуждения, сгустившуюся в комнате. Уже теряя сознание, он, глядя в искаженные ужасом лица отца и матери, сказал себе, что не должен умереть. Хотя Реджи был еще слишком мал, чтобы выразить это словами, он понял: его смерть разлучит родителей навсегда и превратит жизнь отца в ад, не оставив надежды на прощение.

Тряхнув головой, пытаясь отогнать призраки прошлого, Реджинальд Дэвенпорт вдруг увидел, что стоит в проходе между стойлами, тупо уставившись в стену и упираясь руками в сколоченную из неоструганных досок перегородку. В отчаянии он сжал правую руку в кулак и что было сил ударил по стене, и еще раз, и еще. Реджи методично молотил кулаками по стене, безуспешно пытаясь стереть, вытравить из памяти воспоминания, причинявшие ему нестерпимую боль.

Боль от ударов пронзила кулак, запястье и предплечье. Радуюсь этой боли, он взглянул на руку и с удовлетворением отметил, что костяшки пальцев разбиты в кровь и по пальцам стекают красные струйки. Тут Реджи вспомнил, что он не один. Повернувшись, увидел Уильяма. По круглому лицу мальчика катились слезы. Он смотрел на Реджи так, словно видел в первый раз. Не приходилось сомневаться: ребенок до смерти напуган странным поведением Дэвенпорта. Реджи сделал глубокий вдох, стараясь хоть немного успокоиться. Затем он опустился на колени, чтобы его лицо находилось примерно на одном уровне с лицом Уильяма, и хрипло позвал:

— Иди сюда.

Поколебавшись, Уильям приблизился. Реджи положил руку ему на плечо.

— С тобой все в порядке?

Уильям робко кивнул.

Глядя мальчику в глаза, Реджи сказал:

— Прости, что я так рассердился. Просто я испугался, как бы конь тебя не убил. Когда я понял, что все обошлось, на меня будто помрачение нашло. Конечно, это было глупо с моей стороны, но взрослые часто ведут себя глупо.

Уильям снова кивнул — на этот раз уже более уверенно.

— Теперь ты понимаешь, почему я просил тебя держаться подальше от Буцефала?

— Да, — ответил мальчик и напряженно сглотнул. — Извините, что я причинил столько неприятностей. Я... просто хотел с ним подружиться. Скажите, а Буцефала правда придется застрелить?

— Надеюсь, что нет. — Реджи встал. — Пойди позови главного конюха. Надо

осмотреть коня.

Уильям бросился к выходу из конюшни, а Реджи осторожно приоткрыл верхнюю створку двери, ведущей в стойло Буцефала. Взмыленный, лоснящийся от пота жеребец к этому времени прекратил злобно ржать и метаться в стойле, но все еще беспокойно перебирал ногами. Реджи заговорил с конем, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее и спокойнее. Это помогло успокоиться не только коню, но и Дэвенпорту. Когда пришел с обеда главный конюх, Реджи был уже в стойле и, ласково похлопывая Буцефала по шее, исследовал раны, нанесенные вилами. Они оказались неглубокими, хотя было ясно, что на шкуре коня навсегда останутся шрамы. Кроме того, у Буцефала оказалось слегка растянутым коленное сухожилие, но в целом можно было сказать, что серьезных травм у него нет.

Реджи поручил конюху позаботиться о жеребце, а сам отправился в дом и, пройдя в библиотеку, тяжело опустился в старое кожаное кресло.

Когда-то библиотека была любимым местом отдыха его отца, а кожаное кресло, в котором сейчас сидел Реджи, — его любимым креслом. Откинувшись на спинку, Дэвенпорт закрыл глаза. В памяти ожили те эпизоды его детства, которые долгие годы хранились где-то в ее самых отдаленных уголках. Не было ничего удивительного в том, что он не помнил себя до четырехлетнего возраста, как неудивительно было и то, что Джереми Стэнтон изумился, когда Реджи сказал ему об этом. Кажется, крестный отец сказал какую-то многозначительную фразу, смысл которой сводился к тому, что Реджи наверняка все вспомнит, если потребуется.

Все то, что Реджи бессознательно вычеркнул из своей памяти, было связано с атмосферой страха, царившей в доме из-за пьянства его отца, и со скандалами, которые то и дело возникали на этой почве. Мать Реджи очень страдала от этого, в ее душе надежда сменялась отчаянием, Реджи, будучи очень чутким и восприимчивым ребенком, понимал, что в их семье происходит что-то ужасное.

Реджи обожал отца, но в то же время боялся свойственных ему резких перепадов настроения. Иногда общение с отцом доставляло мальчику огромное удовольствие, но временами Дэвенпорту-старшему не следовало попадаться на глаза. Именно тогда, в раннем детстве, у Реджи возникла привычка внимательно наблюдать за поведением других людей и выискивать у них слабости, которыми можно было бы в случае необходимости воспользоваться для самозащиты.

Вскоре после рождения второго сына, Джулиуса, очередной скандал в семье Дэвенпортов завершился той безобразной сценой, невольным свидетелем и участником которой стал Реджи. Придя в ужас от того, что наделал, отец Реджи после этого бросил пить.

Реджи долго пролежал в постели с сотрясением мозга и переломами плеча и нескольких ребер. В первый раз, когда отец зашел в комнату проведать его, он страшно испугался. Отец, с лица которого не сходило выражение вины и душевной боли, терпеливо восстанавливал утраченное доверие и любовь сына, играя с мальчиком и читая ему вслух.

К тому времени когда Реджи окончательно поправился, отец полностью вылечился от алкоголизма. Энн Дэвенпорт перестала настаивать на том, чтобы муж уехал из Стрикленда, и отношения в семье наладились. Затем наступил период, который Реджи называл про себя Золотым веком. Его родители были в это время по-настоящему счастливы. Наполненные смехом и радостью дни казались удивительно длинными и в то же время сменяли друг друга с поразительной быстротой. У Дэвенпортов родился еще один ребенок — крохотное рыжеволосое создание по имени Эми.

Реджи пребывал на седьмом небе. Целыми днями он бродил вместе с отцом по всему имению, играл с братишкой и сестренкой. Он совершенно забыл о том ужасе, которым прежде была пронизана вся жизнь его семьи, и не вспоминал до сегодняшнего дня, пока пьянство не довело его до того, что он сам едва не покалечил ребенка. При мысли об Уильямсе и о том мальчике, которым когда-то был он сам, в груди у Дэвенпорта что-то болезненно сжалось.

Реджи беспокойно заерзал в кресле, взгляд его упал на лежавшую на столе рядом с ним брошюру. Судя по всему, кто-то специально положил ее так, чтобы он не мог не заметить. Реджи прочел название: «Воздействие горячительных напитков на человека». Ниже было напечатано имя автора и выходные данные: «Бенджамен Раш, врач. Филадельфия, 1784 год».

Реджи принялся гадать, кто мог подбросить брошюру ему на стол, но в конце концов оставил это бессмысленное занятие и раскрыл первую страницу. Сердце у него екнуло, и по спине побежали мурашки — на форзаце твердым мужским почерком было написано: «Реджинальд Дэвенпорт».

Несколько минут Дэвенпорт раздумывал над тем, а не купил ли эту книжонку он сам. Неужели, ужаснулся Реджи, он даже это не в состоянии удержать в памяти? Почерк казался похожим на его собственный, но все же надпись была сделана не его рукой. Его назвали Реджинальдом в честь отца, который, по всей видимости, и приобрел в свое время брошюру. Вероятнее всего, с тех самых пор она и хранилась в библиотеке.

Реджи заглянул в текст. Время шло, а он все читал и перечитывал сочинение Бенджамена Раши, не в силах от него оторваться. Монография была короткой, однако автору удалось детально и со знанием дела описать воздействие алкоголя на организм человека, подробно охарактеризовав особенности поведения людей, злоупотребляющих спиртным, в том числе необычную словоохотливость, придирчивость и предрасположенность к ссорам и скандалам, а также несдержанность, агрессивные действия и временное помрачение рассудка. Бенджамен Раш называл алкоголизм отвратительной болезнью и, описывая ее симптомы и физиологическое воздействие на человека, отмечал, что алкоголизм во многом сходен с некоторыми наследственными, семейными и заразными болезнями, из чего Реджи сделал вывод, что страсть к спиртному может передаваться от отца к сыну.

Горячительные напитки... разрушают память, ослабляют способность человека адекватно воспринимать окружающий мир и оказывают пагубное воздействие на его моральные качества... Что ж, вынужден был признать Реджи, и тут все сходится.

Он еще раз пролистал последние страницы брошюры, где автор в мрачных тонах описывал, как пьянство разрушает человеческую жизнь. Бенджамен Раш считал преждевременную смерть вполне логичным результатом алкоголизма, но при этом отмечал, что смерть наступает не потому, что так угодно Богу, а в результате действий самого пьяницы и, значит, может быть приравнена к самоубийству.

Закрыв глаза, Реджи снова и снова вспоминал, как внутренний голос неоднократно предупреждал его. Этот образ жизни убивает тебя. Теперь он узнал этот голос — он принадлежал его отцу, которого тоже звали Реджинальдом Дэвенпортом. Это был голос человека, который из-за пристрастия к алкоголю едва не загубил собственную жизнь, чуть не разрушил семью и лишь чудом не убил собственного сына-первенца.

Реджи невольно подумал о том, что, возможно, отец наблюдает за ним и старается удержать сына от повторения его ошибок. Какой бы странной ни была эта мысль, она стала для Дэвенпорта единственным за весь день источником положительных эмоций.

Реджи был вынужден признать: он идет потому же пути, по которому в свое время шел его отец. Джереми Стэнтон скептически отнесся к его намерению сократить потребление алкоголя и дал понять, что единственным путем к спасению является полный отказ от употребления спиртного. Что ж, все указывало на то, что умудренный опытом Стэнтон, не понаслышке знавший о том, что значит алкоголизм и как от него можно излечиться, был прав. Стоило вчера вечером Реджи опрокинуть первый бокал бренди, весь его здравый смысл и вся решимость покончить с употреблением горячительных напитков разом улетучились, и он напился так, как никогда раньше. Соответственно и похмелье оказалось особенно тяжелым.

Выходило, что те несколько недель, в течение которых он не брал в рот ни капли алкоголя, нисколько не отвалили его от спиртного. Скорее его положение ухудшилось. Если доктор Раш был прав, считая алкоголизм болезнью, получалось, что недуг, которым был поражен Дэвенпорт, прогрессировал и единственным лекарством", способным его исцелить, по всей видимости, действительно была абстиненция.

Массируя пальцами виски, Реджи снова откинулся на спинку кресла, мучаясь от доводившей его до иступления головной боли и тяжелой, черной тоски. Даже сейчас он каждой клеткой своего тела ощущал сильнейшее желание выпить. Опыт подсказывал: это избавило бы от боли, пульсирующей в черепе. Стоило только приложиться к бутылке — и он разом избавился бы и от мучительных воспоминаний, и от чувства вины, и от ощущения безнадежности...

Но Реджи осознавал, что это будет таким же самоубийством, как если бы он выстрелил из пистолета себе в голову, — только растянутым во времени и гораздо более мучительным.

Весь день Элис с угрюмой сосредоточенностью занималась делами, пытаясь стереть из памяти грубые приставания своего пьяного нанимателя, закончившиеся попыткой изнасилования. Его алкоголизм явно прогрессировал. А раз так, Элис и Спенсерам следовало немедленно покинуть дом Реджи. Элис содрогнулась от одной только мысли, что объектом приставаний Дэвенпорта могла стать Мерри.

Элис не возвращалась в усадьбу до самого вечера, предпочитая оставаться в одиночестве. Войдя в дом, она обнаружила, что ее с нетерпением ожидают Мерри, в чьих сапфировых глазах затаилась боль от разлуки с Джулианом, Уильям, у которого был необычайно сконфуженный вид, и Мак Купер с непроницаемым лицом. Отсутствовал только Питер, проводивший каникулы в семье школьного приятеля.

Элис окинула взглядом собравшихся, и в душу ее закралась тревога.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Ничего страшного, — ответила Мерри, — но мы беспокоимся за Реджи.

— Он что, снова куда-нибудь ускакал? Похоже, это входит у него в привычку. — Элис старалась, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее.

— Нет, он дома, — сказал Купер. — Просто после случая с этим черным дьяволом — я имею в виду его жеребца — он целый день сидит в библиотеке и не желает оттуда выходить.

С нарастающей тревогой Элис выслушала рассказ младшего Спенсера о том, как Реджи в очередной раз выступил в роли спасителя, после чего с трудом сдержался, чтобы не свернуть Уильяму шею. Элис не так трудно было его понять — подобное желание время от времени возникало и у нее самой, но ее всерьез обеспокоило то, как Реджи, если верить Уильяму, молотил кулаком по стене. Неужели пьянство довело его до безумия?

Элис взглянула на Купера.

— Если вы все так сильно встревожены, почему никто не пойдет в библиотеку и не поговорит с ним? — поинтересовалась она.

— Я как раз собирался это сделать перед вашим возвращением, — ответил камердинер Дэвенпорта. — Но, пожалуй, будет лучше, если с ним побеседуете вы, леди Элис.

— Почему именно я? — разозлилась она, но Купер выдержал ее сердитый взгляд.

Что ж, решила Элис, была определенная логика в том, что именно она, управляющая, в течение нескольких лет распорядившаяся абсолютно всем в поместье, теперь должна пойти и убедиться в том, что хозяин Стрикленда жив и здоров.

Пытаясь подавить внезапный приступ беспокойства, она постаралась убедить себя в том, что Реджи, конечно же, не мог совершить такую глупость, как самоубийство.

— Он что-нибудь ел сегодня? — спросила она. Купер и Мерри переглянулись.

— Насколько я знаю, нет, — ответил камердинер.

— Скажите поварихе, чтобы собрала поднос с едой на двоих и приготовила большой чайник горячего чая, — распорядилась Элис. — Я немножко приведу себя в порядок и пойду проведу мистера Дэвенпорта.

Чтобы не терять времени, Элис не стала принимать ванну и переодеваться, ограничившись лишь тем, что умылась и расплела косы, — от того, что волосы были целый день стянуты, у нее разболелась голова. Спустившись вниз, она попросила Мерри, Уильяма и Мака разойтись по своим комнатам, объяснив, что Дэвенпорт ни за что не покинет библиотеку, если они будут толпиться в коридоре и глазеть на него.

Взяв поднос с едой и чаем, она вошла к нему. Реджи сидел в своем любимом кресле вполоборота к ней. В комнате было слишком темно, чтобы она могла разглядеть его лицо, но одежда его была в полном порядке. Изо всех сил надеясь, что после того, что произошло между ними ночью, он не притрагивался к спиртному, Элис, поставив поднос на стол слева от двери, тихонько спросила:

— Вы живы, мистер Дэвенпорт? Реджи повернул голову в ее сторону и после долгой паузы ответил низким, хриплым голосом:

— Мне доводилось читать о сгрудившихся на льдине пингвинах, которые, чтобы определить, нет ли поблизости акул, сталкивают одного из собратьев в воду. Если хищник его не съедает, вся стая прыгает в море. Вы, как я понимаю, пингвин, принесенный в жертву.

Элис невольно улыбнулась — Дэвенпорт не просто был жив, он, похоже, оставался верен себе.

— Меня, случалось, называли по-всякому, но пингвином, принесенным в жертву, — никогда. А откуда вы знаете, что там, за дверью, собрался целый митинг, участники которого пытались решить, что с вами делать?

— Просто иногда кто-то слегка приоткрывал дверь — очень, очень осторожно, — а потом снова закрывал.

— Видно, тому, кто это делал, казалось, что в воде действительно рыщет акула. — Не спрашивая, хочет ли он чая, Элис наполнила две чашки крепким горячим напитком, щедро добавив молока и сахара в ту, что предназначалась Реджи. Вглядевшись в его лицо, Элис убедилась, что выглядит он ужасно — глаза ввалились, кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок. — Ну что вы так смотрите? Этот напиток называется чай. Люди его пьют. В Британии он считается лекарством от всех болезней.

На губах Дэвенпорта появилось подобие улыбки. Взяв у нее из рук чашку, он отпил

большой глоток.

— В таком случае вы могли бы принести чайник побольше. Элис невольно поморщилась, заметив, что костяшки пальцев на правой руке Реджи сбиты, — позже нужно будет как следует обработать и продезинфицировать ссадины.

Сейчас, однако, куда важнее было позаботиться о лечении ран душевных, которые, по всей видимости, причиняли Реджи серьезные страдания. Поставив поднос рядом с ним и устроившись в кресле напротив, она принялась накладывать себе на тарелку еду. Элис сильно проголодалась, и плотный ужин пришелся бы ей очень кстати.

— Говорят, вы целые сутки ничего не ели, — заметила она между делом. — Вам обязательно надо перекусить. Мне сказали, что жареный цыпленок и маринованные грибы сегодня вкусны, как никогда.

Дэвенпорт медленно наполнил свою тарелку и тоже принялся за еду. Элис время от времени подливала ему и себе чаю. Когда она уже доедала пудинг, Дэвенпорт неожиданно спросил:

— Скажите, много я натворил такого, за что мне следует просить прощения?

— А вы не помните, что случилось вчера ночью?

— Нет, но Мак намекнул мне, будто по отношению к вам я вел себя очень нехорошо.

Элис задумалась. При виде изможденного лица Реджи гнев, целый день кипевший у нее в груди, заметно поутих. Она понимала, что ему тоже пришлось несладко. Более того, интуиция подсказывала ей: в его душе за минувший день совершилась какая-то серьезная работа.

— Вы были пьяны и жаждали любви, — сказала она наконец, решив не скрывать от Дэвенпорта правду, но в то же время выразить ее как можно мягче.

— *In vino veritas*, — пробормотал Реджи. — Этого я и боялся. Скажите, я... я не сделал вам ничего плохого?

— Вы были близки к этому, — призналась Элис. — Когда я отвергла ваши домогательства, вы загнали меня в угол между книжными шкафами, и мне пришлось защищаться, швыряя в вас книгами.

— Черт побери. — Реджи закрыл рукой лицо. — Слава Богу, что вы храбрая женщина и умеете за себя постоять. Я чувствую себя виноватым. — Он тяжело вздохнул. — Похоже, мне придется извиняться перед вами всю оставшуюся жизнь, Элли. Я очень сожалею о случившемся, поверьте мне.

— Думаю, мы почти квиты, — задумчиво проговорила Элис. — Вам тоже пришлось несладко, когда вам в живот угодил том пьес французских авторов.

Дэвенпорт поднял голову, и Элис заметила на его губах слабую улыбку.

— От избытка французских пьес у кого угодно может разболеться живот.

Элис обрадовалась, поняв, что Реджи повеселел.

— Признайтесь, вы разыскали эту книжицу и оставили на столе, намекая на то, что мне следует ее прочесть? — протянул он Элис брошюру доктора Раша.

Название на обложке — «Воздействие горячительных напитков на человека» — почему-то показалось ей знакомым. Элис на секунду задумалась.

— Кажется, она упала с полки, когда я хватала книги, чтобы запустить в вас. Видимо, Мак нашел ее, когда прибирал здесь. Эта брошюрка, похоже, оказалась тут весьма кстати.

— Ее написал американский врач. Он утверждает, что пьянство — это болезнь.

Мысль показалась Элис интересной.

— Как вы могли заметить, несколько недель я не пил.

Думал, сумею взять себя в руки и изменить свою жизнь. — Реджи вздохнул. — Вчера ночью мне стало ясно: так у меня ничего не выйдет. Короче говоря, я пришел к выводу, что нужно совсем отказаться от спиртного.

— Боюсь, это будет нелегко, — сказала Элис. Она понимала, что ее замечание не совсем уместно, но что тут еще скажешь.

— Я и не думаю, что это просто. Однако я не вижу иного выхода, — сказал Реджи таким ровным, безмятежным тоном, словно речь шла о погоде, а не о важнейшем решении, которое, по всей видимости, далось ему нелегко.

— Если я могу вам чем-нибудь помочь... — начала было Элис.

— Благодарю вас, — перебил ее Реджи. — В таких вещах вряд ли кто-нибудь может помочь, но все-таки спасибо за предложение.

— Пойдемте в сад, — предложила Элис, поднимаясь. — Вечер сегодня просто чудесный.

— С удовольствием, — согласился Реджи.

Лужайку перед домом только что подстригли, и ноздри щекотал чудесный аромат свежескошенной травы. Заходящее солнце заливало полнеба золотисто-оранжевым пламенем, на фоне которого отчетливо вырисовывались сизые вавилоны облаков. В саду было светлее, чем в библиотеке, и Элис могла теперь разглядеть лицо Реджи. Выражение его было решительным, но спокойным.

Реджи и Элис дошли до озера и, не сговариваясь, одновременно опустились на скамейку. Наблюдая за тем, как угасают краски заката, они молчали, но Элис почему-то казалось, что ее присутствие действует на Дэвенпорта благотворно.

— Уже поздно, у вас сегодня был трудный день. Вам надо хорошенько отдохнуть, — сказал Реджи, когда солнце село.

— Знаете, иногда бывает очень приятно помолчать. Мне редко представляется такая возможность. — Элис встала. — Мне хочется вам кое-что показать — одно из тех маленьких чудес, которые нам дарит жизнь.

Элис повела Дэвенпорта в дальний амбар, где хранилась овечья шерсть. Открыв дверь, Элис взяла скатанное валиком руно и расправила. В сгущавшихся сумерках казалось, что руно светится, словно окутанное легким туманом.

— Видите? Руно еще теплое, живое. А когда солнце сядет, оно станет холодным.

Дэвенпорт взял у нее руно.

— Интересно. Кто бы подумал, что овечья шерсть может покрываться такой своеобразной росой, — не знаю, как еще можно это назвать.

— Это еще не все. Прислушайтесь-ка.

Замерев, Реджи и Элис напряженно вслушивались в вечернюю тишину. К изумлению Реджи, он услышал, что из наполненного шерстью амбара доносится едва различимый звук, чем-то похожий на дыхание. Поймав вопросительный взгляд Дэвенпорта, Элис, слегка смущаясь оттого, что объяснение было слишком прозаичным, сказала:

— Это шуршание будет продолжаться всю ночь. Руно слеживается и принимает новую форму. Можно сказать, что оно, как и человек, приспосабливается к новым условиям.

Напряженное выражение лица Реджи смягчилось.

— Жизнь в самом деле полна маленьких чудес, — заметил он. — Спасибо вам за то, что познакомили меня с одним из них.

Глаза их встретились, и они почувствовали ту необъяснимую духовную близость, которую им уже доводилось испытывать прежде. Именно в этот момент Элис приняла решение не торопиться с переездом из дома Реджинальда Дэвенпорта — по крайней мере до тех пор, пока он будет придерживаться трезвого образа жизни. Было ясно, что ему может потребоваться помощь и поддержка.

Реджи положил руно на место, и они с Элис направились к дому. Неожиданно из темноты, радостно помахивая хвостом, вынырнула Немезида и, встав на задние лапы, положила передние на грудь Реджи, требуя, чтобы он ее приласкал. Дэвенпорт потрепал ее за уши, отчего собака пришла в неистовый восторг.

— Ты где была, глупая псина? — Реджи опасно покосился на Элис. — А с ней я ничего такого не сделал вчера ночью?

— Вы пнули ее ногой, — неохотно ответила Элис. — Но ей было не очень больно. Просто она удивилась.

Реджи поморщился и сбросил передние лапы собаки на землю.

— Порядочный человек никогда не станет пинать свою собаку, — пробормотал он.

— Не переживайте так. По-моему, совершенно очевидно, что она вас простила.

— Если бы так просто можно было стряхнуть с себя груз всех своих грехов и преступлений... — Помолчав немного, Реджи снова заговорил хриплым, измученным голосом, в котором чувствовалось отчаяние человека, заранее смирившегося со своим поражением:

— Я не знаю, смогу ли побороть себя, Элли. Мне было очень трудно бросить пить даже на какое-то время...

Элис попыталась поставить себя на место Дэвенпорта. Представила, что нужно отказаться от утренней чашки кофе. Одна мысль о том, что ей следует на всю жизнь лишиться себя этого удовольствия, вызвала у Элис прилив сочувствия к Реджи. Но ведь привычка баловать себя кофе по утрам никогда не превращалась у нее в болезненную страсть. Как же трудно придется Реджи, который в течение многих лет употреблял спиртное в огромных количествах и теперь был подвержен недугу под названием алкоголизм...

Сочувствие к Дэвенпорту натолкнуло Элис на неожиданную мысль:

— Вся жизнь — это слишком большой срок. Вы можете не пить хотя бы сегодня вечером?

— Да, это, я думаю, мне по силам, — устало вздохнул Дэвенпорт.

— Тогда думайте только об этом. А завтра утром — только о том, чтобы не пить в течение завтрашнего утра. Жизнь складывается из минут и часов, не так ли? Вы всегда сможете заставить себя удержаться от употребления спиртного в течение, скажем, следующих пяти минут. А если и это трудно — то хотя бы в течение одной следующей минуты.

Было уже темно, и, когда Реджи повернулся к Элис, глаза его невозможно было разглядеть — лицо казалось неясным светлым пятном.

— Возможно... возможно, в конечном итоге я все-таки выкарабкаюсь. — Он осторожно дотронулся пальцами до щеки Элис. — Спасибо вам, Элли. Спасибо за все.

Она на какое-то мгновение накрыла руку Реджи своей, словно давая молчаливое обещание помочь в его борьбе с самим собой.

По дороге домой она корила себя за то, что, радуясь решению Реджи бросить пить и обещая ему посильную помощь, она в глубине души сожалела о том, что теперь Дэвенпорт

никогда уже ее не поцелует.

Приехав в Ашбуртон-Хаус, граф Уоргрейв тут же удостоился чести видеть хозяина дома, лорда Майкла Кеньона.

— Ричард, я так рад, что вы в Лондоне! — радостно приветствовал графа Кеньон. — У нас получилась прямо-таки встреча бывших офицеров девяносто пятого пехотного полка — только мой старый друг Рэйф составляет исключение.

Кеннет Уайлдинг, он же виконт Киббол, недавно вступивший в законный брак/пожал графу Уоргрейву руку со словами:

— Мы так давно не виделись, лорд. Кажется, в последний раз мы встречались с вами во время битвы при Ватерлоо?

— Вы правы, — кивнул Ричард. — Меня увезли оттуда в Лондон с перебитой ногой, а вы отправились в Париж с оккупационной армией. Надеюсь, выполняя свой воинский долг во французской столице, вы взяли от жизни все что можно.

Все расхохотались.

Ричард поприветствовал друга Майкла, Рэйфа, герцога Кондоверского, с которым был знаком по палате лордов, и все четверо направились в столовую. После обеда, когда они уже попивали портвейн, беседуя о том о сем, Майкл вдруг сказал:

— Вы что-то сегодня даже молчаливее обычного, Ричард. Неужели на вас так давит груз отцовства?

— Простите, Майкл. Груз отцовства — это очень приятное бремя. Я просто думаю о том, как поживает мой непутевый двоюродный брат.

— Никаких сообщений о том, что Дорсет разрушен или сдут ветром в море, пока не поступало, так что Реджи скорее всего ведет себя более или менее прилично, — сказал Майкл, иронично подняв бровь.

— А я и не знал, что вы с ним знакомы, — улыбнулся Ричард.

— В Итоне он был поистине легендарной личностью. Его знали все, кто учился там в одно с ним время. — Майкл легонько подтолкнул графин с портвейном, он заскользил по гладкой полированной поверхности стола из красного дерева к Рэйфу. — К великому сожалению.

— Реджи был вовсе не так плох, — мягко заметил герцог. Глаза Майкла сверкнули весельем.

— Готов признать, что отношусь к нему предвзято. Мы с Реджи довольно близко знаем друг друга уже добрых три десятка лет, но наши отношения, что называется, не сложились. Рэйф ладил с ним куда лучше.

— Вы писали мне о вашем двоюродном брате, Ричард, но при этом не сообщили мне о нем почти ничего — если не считать того, что он ваш наследник и что вы передали в его собственность какое-то имение. Почему вы назвали его непутевым? Он что, бесчестный человек? — любопытствовал Кеннет Уайлдинг.

Вместо ответа Ричард вопросительно взглянул на Майкла, который тут же сказал:

— Видите ли, Реджи Дэвенпорту никогда нельзя было дать однозначную оценку. Он не бесчестный человек — как раз наоборот, он человек чести, хотя понятия о чести у него свои, и подчас весьма странные. Но нормального человека он может свести с ума.

— Что вы имеете в виду? — задал новый вопрос Кеннет, художник, живо

интересующийся людскими характерами.

— Проблема Реджи в том, что он всегда заходит несколько дальше, чем следует, — принялся рассуждать вслух Рэйф. — Существуют определенные нормы поведения. Их порой трудно четко определить, но я, к примеру, всегда точно знаю, где проходит черта, которую не следует переступать. В этом и состоит секрет моего успеха. — Рэйф слегка улыбнулся, словно подсмеивался над собой. — Что же касается Реджи, то он обычно переступает эту черту. Что и сделало его опасным человеком.

— Он что же, с юности был таким? — поинтересовался Ричард.

— Да нет, пожалуй, — признал Майкл. — Я познакомился с ним, когда он попал под опеку своего дяди. Поскольку мой отец дружил с дядюшкой Реджи, а поместье Уоргрейвов расположено почти на полпути из Ашбуртона в Итон, у кого-то возникла блестящая идея — отправить нас учиться вместе. Погода, помнится, стояла ужасная, экипаж едва полз, мы провели в дороге три бесконечных дня и имели достаточно времени, чтобы хорошо узнать друг друга. — Лорд Кенъон задумчиво отхлебнул глоток портвейна. — Реджи рано потерял семью и неожиданно оказался среди чужих людей, довольно недоброжелательно к нему настроенных, а теперь ему снова приходилось менять среду обитания. Он вел себя, как обзленная собака, которая рычит и кидается на всех без разбора. Будь я постарше, я бы, наверное, понял его состояние, но тогда его поведение не вызвало у меня ничего, кроме раздражения — Реджи был стипендиатом Королевского колледжа — остальные ученики дразнили таких, как он, «бурсаками», — заговорил Рэйф. — Вам известно, сколь суровую жизнь вынуждены вести ученики государственных школ. Ну а «бурсакам» приходилось еще хуже. Они жили в ужасающих условиях. Самые бездушные родители колебались, прежде чем подвергнуть своих сыновей подобному испытанию. Всегда было много незаполненных вакансий.

— Несмотря на то что «бурсаки», обучаясь в Итоне, получали стипендию, со временем автоматически становились студентами Королевского колледжа в Кембридже и, если хотели, могли обеспечить себе спокойную и безбедную жизнь в качестве членов совета упомянутого колледжа, — добавил Майкл.

— Понимаю, — протянул Ричард. — По всей вероятности, Реджи сделали стипендиатом Королевского колледжа потому, что это показалось опекуну наиболее простым и дешевым способом устроить его будущее.

— Способ в самом деле простой, но жестокий, — кисло заметил Рэйф. — С «бурсаками» обращались, как с животными в зоопарке. Их кормили раз в день, одной жареной бараниной и вареной картошкой. Жили они — человек пятьдесят или шестьдесят — в огромной комнате на верхнем этаже каменного здания, построенного лет триста назад. В восемь вечера их закрывали на ключ и не выпускали до семи утра. — Рэйф покачал головой. — За порядком там никто не следил, они были предоставлены сами себе. Слава Богу, что там не случилось пожара, не то все сгорели бы заживо. Кеннет невольно поморщился.

— А я-то думал, что мне плохо жилось в Хэрроу, — сказал он. — То, о чем вы рассказываете, — настоящий ад, царство закона джунглей.

Рэйф глотнул портвейна, и взгляд его сделался суровым.

— К несчастью, в первые годы обучения Реджи был самым маленьким среди «бурсаков» — и по возрасту и по росту. И к тому же — очень милостивым ребенком, что лишь усугубляло его и без того незавидное положение.

Глаза Ричарда сузились — он понял, что имел в виду Рэйф.

— Вы хотите сказать, что старшие ученики насильовали его?

— У них ничего не вышло. — Подозвав слугу, Майкл знаком приказал ему наполнить опустевший графин. — Собственно, тогда и пошла слава о вашем кузене. Реджи дрался, как бультерьер. Он никогда не отступал, сколь бы туго ему ни приходилось. Раз или два его избивали до потери сознания, но, стоило ему прийти в себя, он снова кидался на обидчиков. В конце концов даже самые задиристые из «бурсаков» поняли, что с ним лучше не связываться. — Кеньон восхищенно покрутил головой. — Вы только представьте себе — шестнадцатилетние лбы боялись восьмилетнего мальчишки. То же самое и с учителями. Как бы его ни изводили, как бы ни секли розгами — он никогда не сдавался.

— Жаль, что он не пошел на военную службу, — сказал Кеннет с сочувствием в голосе. — Из него получился бы отличный солдат.

— Он и сам хотел стать военным, но дядя отказался купить ему офицерский патент, — грустно улыбнулся Майкл. — В то время я бы ни за что в этом не признался, но теперь могу сказать, что я втайне восхищался Реджи. Мало того что он был сильнее любого ист-эндского грузчика — он вдобавок был одним из лучших учеников и лучших спортсменов нашей школы. Но мы с ним с самого начала не ладили и так никогда и не смогли преодолеть взаимную неприязнь.

— Что ж, вы рассказали о моем двоюродном брате много такого, что мне было неизвестно, благодарю вас, — сказал Ричард, уставившись в одну точку отсутствующим взглядом. — Думаю, теперь я несколько лучше его понимаю.

— Надеюсь, когда-нибудь у меня будет возможность с ним встретиться, — улыбнулся Кеннет.

— Пожалуй, мне стоит навестить кузена, — задумчиво проговорил Ричард. — У меня есть кое-какие дела в Хэмпшире, а это не так далеко от Стрикленда.

Услышав это, Майкл подумал, что Ричард, по всей видимости, чересчур серьезно относится к своей роли главы семьи Дэвенпортов и что такой непростой человек, как Реджи, вряд ли примет графа Уоргрейва в соответствии с действующими в цивилизованном обществе законами гостеприимства и уж тем более не встретит его с распростертыми объятиями.

Хотя иногда люди все же меняются в лучшую сторону. Самому Майклу это, во всяком случае, удалось. Когда присутствующие встали из-за стола, Майкл Кеньон, в молодости тайно восхищавшийся Реджинальдом Дэвенпортом, решил, что было бы замечательно, если бы и Реджи все же сумел, пока еще не слишком поздно, изменить свою жизнь к лучшему.

Реджи знал, что у него ничего не выйдет. Он чувствовал себя, как человек, медленно сползающий по крутому, скользкому скату крыши. Бросив пить на несколько недель, он обрек себя на мучения, но мучения эти должны были вскоре закончиться. Теперь же все было иначе. Собирая волю в кулак, он пытался следовать предложению Элис и ставить перед собой реальные задачи — продержаться без выпивки день, час или минуту, но его все время преследовало ощущение, что скоро наступит момент, когда он не выдержит.

Общаться с Реджи было делом нелегким. Большую часть времени Дэвенпорт занимался тренировкой гунтеров, поскольку, по его наблюдениям, ему сейчас требовалась не просто физическая нагрузка, но движение к какой-то цели. По вечерам он сидел в гостиной вместе с остальными обитателями дома. Сам говорил довольно мало, но, слушая разговоры

остальных, все же немного отвлекался от навязчивых мыслей о выпивке.

По настоянию Элис Мередит и Питер принялись разрабатывать планы улучшения внутреннего убранства дома. Это хоть немного отвлекло Мерри от грустных мыслей о Джулиане и давало Питеру возможность проявить свой художественный вкус. Спенсеры обсуждали свои соображения с Реджи, которому, естественно, принадлежало право решающего голоса. Дэвенпорт не мог не отметить, как ловко и ненавязчиво Элис сумела задействовать в этом проекте всех троих.

Он купил себе трубку — бесконечная возня с ней, как и сам процесс курения, помогали ему отвлечься. Кроме того, он продолжал купаться по ночам. Только Элис и Мак понимали, чего он добивается, и внимательно наблюдали за его действиями, стараясь, однако, не вызывать у него раздражения.

В самые тяжелые моменты, когда Реджи чувствовал, что силы на исходе, он вот-вот сорвется и покатится по наклонной плоскости, рядом с ним всегда оказывалась Элис. Временами Дэвенпорту начинало казаться, что излечение его от тяги к алкоголю для Элис Уэстон — лишь один из многочисленных проектов управляющей именем, а он сам — некий не представляющий большой ценности хозяйственный объект, стоимость которого она пыталась увеличить за счет его усовершенствования.

Как бы там ни было, он был благодарен ей за помощь. По вечерам, когда молодые Спенсеры расходились по своим комнатам, они с Элис засиживались вдвоем допоздна, беседуя о сельском хозяйстве, политике, литературе и множестве других вещей. Не обсуждались лишь две темы — ее прошлое и его будущее. Реджи все больше интересовала жизнь Элис до того, как она стала гувернанткой, но она никогда об этом не говорила, и он чувствовал, что не имеет права расспрашивать.

Дни сменяли друг друга. В жизни Реджи происходило очень немного значительных, запоминающихся событий. Одно из них случилось, когда он вместе с Мередит и Питером отправился в Дорчестер, чтобы взглянуть на только что завезенные из Лондона обои. Питер с гордостью забрался на козлы, горя желанием продемонстрировать свое мастерство в управлении экипажем.

Милое личико Мерри было безмятежным, пожалуй, даже слишком. Элис призналась Реджи, что Джулиан пишет девушке довольно часто, сетуя, что страшно по ней соскучился, и вообще собирается приехать в Стрикленд через месяц. Однако тот факт, что Маркхэм ни разу не упомянул о реакции своего отца на сообщение о его намерении жениться, наводил на весьма мрачные мысли.

В Дорчестере Реджи высадил Питера и Мерри у магазина, а сам отогнал экипаж на специальную площадку, где те, кто оказался в городе проездом, обычно оставляли лошадей. Возвращаясь оттуда, он нос к носу столкнулся с Джорджем Блейкфордом. Едва не застонав от досады, Реджи тем не менее решил соблюсти приличия и поприветствовать знакомого.

— Доброе утро, Блейкфорд.

Застыв на месте, Блейкфорд бросил на Дэвенпорта свирепый взгляд.

— Мне следовало бы вызвать вас на дуэль за то, что вы сделали со Стеллой! — прорычал он.

— И что же я, по ее словам, с ней сделал? — не без любопытства осведомился Реджи.

— Она сказала мне, что в тот вечер, когда впервые вас увидела, вы изнасиловали ее, а недавно еще и публично оскорбили на балу.

— Первое обвинение я отвергаю. Что же касается второго, то мне остается лишь

признать свою вину, — сказал Реджи, почувствовав, как на него вдруг навалилась усталость. Судя по всему, он правильно оценил Стеллу, предположив, что она постарается отомстить. — Разумеется, мне не следовало ее оскорблять, но все же это не повод для дуэли. А теперь — извините, мне пора...

Блейкфорд шагнул вперед и крепко ухватил Реджи за локоть.

— Не думайте, что вам удастся так легко от меня отделаться. Я вам вот что скажу: если вы еще раз приблизитесь к Стелле, вы — покойник.

Резким движением высвободив руку. Реджи, в свою очередь, схватил Блейкфорда за запястье и с такой силой вывернул его, что едва не вывихнул противнику сустав.

— Не смейте угрожать мне, Блейкфорд. — В голосе Дэвенпорта звучала ярость. — Советую вам тратить имеющийся у вас излишек энергии на Стеллу, возможно, тогда она не будет вертеть хвостом и засовывать руки в штаны любому, кто окажется рядом.

— Ах ты, подонок! — проревел Блейкфорд, безуспешно пытаясь высвободиться и покраснев от боли и от натуги.

— Не будьте идиотом и не затевайте публичной ссоры из-за того, что кто-то, видите ли, задел честь какой-то шляхи, — с презрением процедил Реджи, отпуская руку Блейкфорда. — Если бы вы в самом деле верили, что я ее изнасиловал, то должны были отстегать меня кнутом еще несколько недель назад.

Эти слова, казалось, образумили Блейкфорда. Стараясь взять себя в руки, он проворчал:

— Вы пожалеете об этом, Дэвенпорт. Слишком много лет вы делали все что хотели, не заботясь о последствиях, но возмездие близко.

— Не сомневаюсь, — холодно бросил Реджи. — Пока же прошу извинить — меня ждут.

Реджи направился в сторону Хай-стрит, чувствуя, как Блейкфорд сверлит взглядом его спину. Дэвенпорт был уверен, что Блейкфорд наверняка бы его убил, окажись у него в эту минуту пистолет. Он мрачно подумал, что совершил ошибку, дав волю раздражению и непочтительно отозвавшись о Стелле, хотя она вполне того заслуживала. Когда дело касается женщин, мужчины ведут себя совершенно нелогично. У Реджи появилось неприятное предчувствие, что ссора с Блейкфордом не обойдется без последствий.

Стоило Дэвенпорту войти в магазин, Питер и Мерри тут же вовлекли его в разговор об обоях. Слушая их, Реджи думал о своем. И в конце концов философски пожал плечами — его репутации уже ничто не могло повредить.

Джордж Блейкфорд с трудом подавил желание схватить Дэвенпорта за горло и задушить его голыми руками, превратить это бесстрастное лицо в кровавое месиво. Только мысль о том, что у него есть куда более важная цель, не позволила ему поддаться искушению. В самом деле, куда важнее расправиться с Элис Уэстон. Причем погибнуть она должна при таких обстоятельствах, чтобы никому и в голову не пришло связать ее смерть с ним, Джорджем Блейкфордом.

Попытка покончить с Элис при помощи пожара не удалась. Теперь, как Блейкфорд ни старался, он не мог придумать ничего такого, что позволило бы столь же убедительно обставить убийство Элис как несчастный случай. Второй пожар мог вызвать подозрения. Кроме того, поджог на поверку оказался не слишком эффективным методом расправы.

Блейкфорд был вынужден признать, что на удивление трудно добраться до человека, который целый день разъезжает по имению, где все его знают и где любой незнакомец сразу же привлечет к себе внимание. Задача усложнялась еще и тем, что предусматривала

убийство не только Элис Уэстон, но и Реджи Дэвенпорта.

В конце концов Блейкфорд пришел к выводу, что осуществить задуманное можно только одним способом — устроив засаду где-нибудь на дороге. Это позволяло возложить вину за убийство на банду головорезов, промышлявших разбоем, — тем более что их развелось немало после окончания войны, когда тысячи демобилизованных солдат оказались брошенными на произвол судьбы. Однако, чтобы подобрать для этой цели людей, требовалось время. Исполнители плана не должны были быть местными жителями.

Блейкфорд уже нашел двоих отчаянных сорвиголов, за деньги готовых на что угодно. Один из них когда-то служил в армии и отличался исключительной меткостью стрельбы. Подыскав еще двух-трех человек, Блейкфорд должен был дожидаться какого-то события, которое выманило бы обе будущие жертвы за пределы Стрйкленда. На это могли уйти недели и даже месяцы, но Блейкфорд готов был выждать столько, сколько нужно, лишь бы не оставить Элис Уэстон и Реджинальду Дэвенпорту малейшего шанса избежать гибели. Пока же он тешил себя предвкушением мести.

Войдя в свою спальню, Элис застала там горничную. Джилли занималась уборкой.

— Я сейчас уйду, мисс, — извинилась она.

— В этом нет необходимости. Я просто хочу надеть рубашку полегче. — Элис направилась к платяному шкафу и открыла один из ящичков. — На улице даже жарче, чем я ожидала. Наверное, дождь собирается.

Вынув из шкафа свежую рубашку, она обернулась как раз в тот самый момент, когда девушка пошатнулась и уронила на пол фарфоровый тазик для умывания — едва ли не самую красивую вещицу из всех, что были изготовлены на местной фабрике керамических изделий. Лицо Джилли позеленело.

Обеспокоенная Элис подхватила девушку под руку.

— Сядьте и наклоните голову как можно ниже, чтобы не упасть в обморок, — скомандовала она.

Джилли вяло повиновалась. К счастью, стоявший в спальне кувшин был полон воды, и Элис, дернув за шнур звонка, чтобы вызвать экономку, намочила полотенце и стала протирать им лицо горничной.

Джилли слегка порозовела.

— Спасибо, леди Элис. Извините меня, — едва слышно проговорила она, выпрямляясь в кресле. — Я сейчас все уберу.

— Посидите еще немного. В такую жару кто угодно может почувствовать себя плохо.

— Жара тут ни при чем, мисс, — сказала девушка с жалкой улыбкой.

Прежде чем Элис успела как-либо отреагировать на ее слова, в комнате появилась экономка. Мгновенно оценив ситуацию, Мэй Геральд распорядилась:

— Ложись и не вставай до самого вечера, Джилли. Тебе надо получше заботиться о себе.

— Я стараюсь делать всю ту работу, которая мне по силам, мэм, — ответила горничная, упрямо вздернув подбородок.

— Я все понимаю, но не будь дурочкой, дорогая. Благодарю Бога за то, что тебе повезло, и пользуйся этим, — нахмурилась миссис Геральд. — Все, отправляйся к себе.

Застенчиво кивнув Элис, Джилли осторожно встала и вышла из комнаты.

— Миссис Геральд, неужели эта девушка беременна? Она же сама еще ребенок! —

сдвинув брови, спросила Элис, когда за горничной закрылась дверь.

— Да. Разве вы об этом не слышали? — Экономка принялась собирать с пола осколки разбитого тазика. — Знаете, я сама нисколько этого не одобряю, но не могу не заметить, что мистеру Дэвенпорту делает честь то, что он ее не выгнал. Большинство джентльменов в таких случаях нисколько не заботятся о дальнейшей судьбе глупых девиц вроде Джилли. — Миссис Геральд выпрямилась. — Я пришлю кого-нибудь из девушек закончить уборку, — добавила она и выскользнула за дверь.

Элис почувствовала себя так, словно ее ударили в живот. Значит, тогда ночью из спальни Дэвенпорта вышла Джилли. Мало того, Джилли забеременела. Элис понимала, что удивляться тут совершенно нечему, беременность и роды были вполне естественными последствиями физической близости между мужчиной и женщиной. Казалось бы, у Элис не было никаких оснований чувствовать себя так, будто ее предали. Но никакие логические доводы не могли избавить ее от этого ощущения. Плохо понимая, что делает, Элис онемевшими пальцами сняла с себя влажную от пота рубашку и надела чистую. Прежде чем выйти из спальни, ей надо было хоть немного оправиться от полученного удара — в противном случае лишь слепой бы не заметил, что она чем-то расстроена.

Присев на краешек кровати, Элис попыталась сосредоточиться и понять, что же ее так больно задело. Через некоторое время ей это удалось.

Она любила Реджи — вот в чем было дело. Любила такого, каким он был, со всеми его достоинствами и очевидными недостатками. Непонятно было лишь одно — каким образом ей так долго удавалось это скрывать от самой себя.

Наверное, так было легче, именно поэтому она внушала себе, что Дэвенпорт — лишь удобный объект для фантазий и грез, которые тревожили ее по ночам. Но в действительности дело обстояло иначе. Да, конечно, ее влекло к нему больше, чем к любому другому мужчине. Но ведь он еще и обращался с ней как с равной. Уважительно относился к ее мнению, прислушивался к советам. Временами он подтрунивал над ней, но именно это подтрунивание помогло проявиться тем качествам, которые были похоронены где-то на самом дне ее души. Наконец, он одарил ее тем, что так редко выпадало на ее долю, — своей дружбой.

Какое же жалкое, должно быть, зрелище являла она собой — старая дева, которую не устраивают одни лишь дружеские отношения! Ей, видите ли, хотелось, чтобы порочный и циничный мужчина словно по мановению волшебной палочки превратился в прекрасного принца, поклялся ей в вечной любви и предложил руку и сердце — и, разумеется, никогда в жизни даже не посмотрел бы больше ни на одну женщину, кроме нее.

Все это было не более чем глупыми мечтами. В реальности же Реджи спал с горничной, которая от него забеременела, а в Элис видел женщину только тогда, когда надирался как сапожник.

Элис старалась отогнать причинявшие ей боль мысли. К ней возвращалось спасительное чувство собственного достоинства. Она могла примириться с тем, что ее считали особой мужеподобной и эксцентричной, но не намерена была выставлять себя на посмешище перед кем бы то ни было — а уж тем более перед Реджи. Ему была нужна не очередная любовница, а друг — что ж, она любит его, но будет ему другом. В конце концов, дружба — это все же лучше, чем ничего. Впрочем Элис догадывалась, что ей скорее всего придется очень нелегко.

Распространившиеся среди прислуги слухи о том, что Джилли плохо себя чувствует,

быстро дошли до Мака Купера. У него как раз выдалось свободное время, и Мак нарвал в саду букет цветов и, поставив в вазу, отнес в мансарду.

Джилли лежала, закрыв глаза, на узкой кровати. Ее каштановые волосы в беспорядке рассыпались по подушке. Мак тихонько поставил вазу с цветами на туалетный столик и повернулся, чтобы уйти.

Однако прежде чем он успел шагнуть за порог, Джилли открыла глаза. Маку очень хотелось, чтобы усталые морщинки на ее лице разгладились, но он понимал, что это не может произойти так быстро.

— Не беспокойтесь, я сейчас уйду, — сказал он мягким, успокаивающим тоном. — Я просто принес вам цветы. Спите.

— Вообще-то я не спала. — Джилли увидела цветы, и в ее карих глазах вспыхнуло радостное удивление. — Большое спасибо, мистер Купер. Мне никто никогда не дарил цветов.

— В этом нет ничего особенного, — пробормотал Мак, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Нет, есть. — Девушка посмотрела ему в глаза. — Когда вы стали приглашать меня пойти погулять и дарить мне маленькие подарки, я думала, вы хотите со мной переспать, но вы ни разу не намекнули на это. — Губы Джилли горько искривились. — Добрая половина мужчин в этом имении предлагали мне переспать с ними. Всем известно, что я за птица.

Купер давно ждал, когда ему представится подобный случай, и потому, пододвинув к себе стул, оседлал его, опершись локтями на спинку.

— Они просто не знают, что вы за человек. А я знаю. Поэтому-то и не позволял себе ничего лишнего.

— Я что-то не понимаю, — произнесла Джилли с мягким дорсетским акцентом.

Мак нахмурился.

— Если раз в жизни вы допустили ошибку, это вовсе не значит, что вы непорядочная женщина. Я так понимаю, вы любили того парня. К сожалению, он оказался слишком глуп, чтобы понять, какое счастье ему привалило.

Джилли закрыла глаза, из-под смеженных век потекли слезы.

— Простите, в последнее время я очень часто плачу, — дрожащим голосом проговорила она. — Почему вы так добры ко мне?

Купер помедлил, раздумывая над ответом.

— Вы мне нравитесь, — просто сказал он наконец. — И еще потому, — дальнейшее далось ему с большим трудом, — что мне, пожалуй, пора подыскать себе жену.

Карие глаза девушки распахнулись от изумления:

— Вы... вы хотите жениться на мне?

Ее реакция задела Мака.

— Что в этом странного? — спросил он слегка обиженным тоном. — Не такая уж плохая партия.

— О нет, я имела в виду совсем не это, — поправилась Джилли. — Я хотела сказать, что вы — лондонский джентльмен, а я — какая-то жалкая провинциалка. Вы — камердинер хозяина, а я — простая горничная. К тому же беременная горничная. С какой стати вам на мне жениться? Вы можете найти себе кого-нибудь получше.

Куперу было очень трудно разобраться в хитросплетении тех чувств, которые вызывала у него Джилли, — здесь были и нежность, и стремление ее поддержать и защитить, и

обыкновенное мужское желание.

— Вы очень красивая и умная девушка, и у вас доброе сердце. Я с самого начала обратил на вас внимание. И потом... понимаете, вам, как мне кажется, нужен мужчина, — сказал он, тщательно обдумывая каждое слово, и тут же, чувствуя себя неловко под пытливым взглядом карих глаз, добавил:

— Но я не стал бы жениться на вас только потому, что вам нужен муж.

Джилли была искренне тронута его смущением. До сих пор она видела в нем столичного франта, по каким-то необъяснимым причинам оказывающего ей знаки внимания. Теперь же он предстал перед ней в новом свете, и Джилли понравилось то, что она увидела. Купер был еще довольно молод, не старше тридцати. Он не мог похвастать атлетическим сложением, но был поджар и жилист, и это Джилли тоже вполне устраивало. А самое главное, она ему нравилась.

— Я и не пошла бы под венец только ради того, чтобы заполучить мужа, — сказала она, застенчиво улыбаясь.

Больше о женитьбе не было сказано ни слова, но когда Мак собрался уходить, он был уверен в том, что они с Джилли достаточно хорошо поняли друг друга. Поэтому, когда он, наклонившись, легонько поцеловал ее в губы, а она ответила на его поцелуй, это было воспринято обоими как нечто вполне естественное.

Вечер проходил как обычно. Дэвенпорт обучал триктраку Уильяма, обнаружившего поразительный талант к этой игре, и с удовольствием разглядывал акварельные наброски Мерри, на которых была изображена по-новому оформленная гостиная. И все-таки Реджи чувствовал себя так, словно был отгорожен от остальных невидимой стеклянной стеной, сквозь которую с трудом пробивались голоса Элис и молодых Спенсеров.

Ему казалось, некий демон, стоя у него за спиной, нашептывает ему на ухо, что трезвый образ жизни — сомнительная цель, не стоящая усилий, которые приходится тратить для ее достижения. В конце концов, все мужчины употребляют спиртные напитки, а Реджи в этом смысле всегда отличался особой выносливостью. И потом, разве он причинил кому-то вред? Ему всего-навсего захотелось наказать непослушного мальчишку, который совершил весьма серьезный проступок.

Реджи, как мог, сопротивлялся этому демону, равно как и другому, который нашептывал ему, что у него все равно ничего не выйдет, бесполезно противиться своим желаниям. С какой стати он решил, что способен добиться успеха в чем-нибудь, кроме карт и скачек? И вообще, вопрошали демоны, даже если он добьется своего и бросит пить, что это ему даст?

Борьба с демонами продолжалась целыми днями, но с каждым часом они становились все настойчивее. В глубине души Дэвенпорт знал, что их победа — лишь вопрос времени. Но пока он не намерен был сдаваться.

После вечернего чая, когда воспитанники Элис разошлись по комнатам, Реджи спросил: — Элли, вы не сыграете со мной партию в шахматы? — Он старался, чтобы голос звучал как можно более непринужденно. — Время еще раннее.

Реджи был почти уверен, что Элис согласится, как это всегда бывало в последнее время. Однако на этот раз она отказалась:

— Не сегодня, Реджи. У меня побаливает голова.

Провожая ее взглядом, Дэвенпорт понял, что его силы на исходе. Чувствуя, как телег сотрясает нервная дрожь, он отправился в библиотеку и стал в очередной раз читать брошюру о вреде алкоголя. Судя по тому, как были истрепаны страницы, его отец тоже множество раз перечитывал ее, чтобы набраться терпения и устоять перед соблазном.

Как бы то ни было, отец бросил пить. То же самое сделал и Джереми Стэнтон. Если это оказалось по силам им, значит, и он, Реджинальд Дэвенпорт, сможет добиться цели. Он много раз доказывал себе и другим, что у него сильная воля.

Реджи подошел к застекленным дверям и хотел было выйти в сад, но задержался на пороге. Перед его мысленным взором отчетливо предстали бутылки на полках буфета. Лоб Дэвенпорта заблестел от испарины. Переехав в Стрикленд, он запасся огромным количеством спиртного, полагая, что будет пьянствовать всю оставшуюся жизнь и что окружать его будут такие же пьяницы. Что ж, возможно, он и в самом деле требовал от самого себя слишком многого...

Реджи понимал, что нужно сейчас же выйти на улицу, иначе будет слишком поздно и демоны одержат над ним победу.

Попробуйте потерпеть хотя бы в течение ближайшего часа. Если это слишком трудно, то не сдавайтесь хотя бы в течение следующей минуты.

Дэвенпорт стиснул ручку двери с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев.

К чему эти мучения? Что, собственно, ты пытаешься доказать? А главное, кому?

Реджи пересек комнату, распахнул дверцу буфета и, схватив первую попавшуюся под руку бутылку, откупорил. Едва не оглохнув от звучащих у него в мозгу голосов — ликующих и предостерегающих, — он поднес горлышко к губам и сделал глоток.

Готовясь ко сну, Элис медленно разделась и начала расплетать и расчесывать волосы, думая о том, что ей следовало остаться внизу и поиграть с Реджи в шахматы. Она прекрасно знала, что последние две недели были для него очень трудными.

Элис поклялась себе, что будет ему другом, но боль от сознания того, что Джилли — любовница Дэвенпорта, была еще слишком сильна. Если бы они с Реджи сели за шахматы, она наверняка принялась бы гадать, продолжается ли связь хозяина поместья и горничной, или раздумывать о том, сколько женщин воспитывают незаконнорожденных детей, отцом которых был Реджи. Вероятнее всего, уже завтра она сможет с этим примириться, думала Элис, но сегодня вечером душевная рана была еще чересчур свежа.

Элис глянула на разобранную постель — день выдался тяжелый, она порядком устала. Но желание отдохнуть отступало перед нарастающим чувством тревоги. Что-то было не так. Зная, что интуиция ее почти никогда не подводит, Элис, заплетя косу, поспешила по слабо освещенным коридорам в библиотеку.

Открыв дверь библиотеки, она застыла на пороге, не в силах произнести ни слова. Реджи стоял в дальнем конце комнаты, около буфета, с наполовину пустой бутылкой в руке. У него было лицо человека, потерпевшего поражение.

Услышав звук открывающейся двери, он вскинул голову. Взгляды Реджи и Элис встретились. В его глазах читалась безнадежность, Элис же смотрела на него с ужасом. Оба молчали, все было ясно без слов.

Элис хотелось плакать от возмущения и отчаяния, хотелось крикнуть Дэвенпорту, чтобы он не сдавался, наконец, сказать ему, что от пьянства он погибнет, а ей становится плохо от одной мысли о том, что он может умереть. Но Элис лишь молча смотрела на Реджи. Так продолжалось несколько секунд, показавшихся ей вечностью. Она повернулась и бросилась прочь. Реджи в отчаянии смотрел ей вслед. Элли верила в него, помогала ему всем чем могла, а он не оправдал ее ожиданий, представ перед ней в самом неприглядном виде — спивающийся тип, incapable взять себя в руки.

Реджи выпил недостаточно для того, чтобы выражение лица Элис сразу же стерлось из его сознания, и потому, поднеся бутылку к губам, он сделал большой глоток. Он малодушный, слабый человек, убеждал себя Дэвенпорт, какой с него спрос?

Однако на этот раз сладкий огонь, обжегший горло, не успокоил Дэвенпорта, не усыпил его волю и совесть. Наоборот, в груди вспыхнуло яростное желание сопротивляться.

— Нет, — прошептал он, уставившись на бутылку. Охваченный яростью от сознания собственного бессилия, он швырнул бутылку в пустой камин. Ударившись о камни, она брызнула во все стороны осколками.

— Нет! — Теперь он уже кричал.

Нет! Повинуясь безотчетному порыву, он схватил другую бутылку и тоже запустил ее в камин, вложив в бросок всю свою силу. Следом за бутылкой отправился стеклянный графин. Уже на лету из него выскочила пробка. В следующее мгновение графин разбился вдребезги, ударившись о каминную плиту, осколки его рассыпались по ковру.

По всей комнате разлился резкий запах бренди, мадеры и портвейна. В буфете

хранилась еще добрая дюжина бутылок, и Реджи, которому звук бьющегося стекла доставлял какое-то странное удовольствие, в исступлении швырял их в камин одну за другой. Когда с бутылками было покончено, он принялся за бокалы. В какой-то момент ему захотелось броситься на кучу битого стекла. Несколько долгих секунд он боролся с этим искушением, а затем выбежал через застекленные двери в ночной сад.

Молодая луна светила неярко. В такую ночь животные, которым судьба уготовила роль жертвы, могли без труда укрыться от рыщущих в поисках добычи хищников. Гонимый вперед отчаянием, Реджи бросился бежать, не разбирая дороги.

Ноги понесли его в сторону безлюдных холмов. Через некоторое время, тяжело дыша и согнувшись от острой боли в правом боку, он перешел на шаг, но стоило боли немного отпустить, как Реджи снова пустился бегом, понимая, что его преследователь — сама смерть.

Уткнувшись в подушку, Элис безутешно рыдала. Она оплакивала Реджи, словно он был уже мертв. Элис была убеждена, что если Дэвенпорт снова начнет пить, то очень скоро умрет и смерть его будет мучительной и страшной. Эта мысль приводила ее в отчаяние.

Элис проклинала себя за то, что не осталась с Реджи, когда он ее об этом попросил. Сев в кровати, она дрожащей рукой отбросила назад волосы. Если бы она пришла в библиотеку чуть раньше, твердила она себе, может быть, Реджи не взялся бы за бутылку.

Спустившись в библиотеку, Элис была поражена картиной разгрома, оставленного Дэвенпортом. Однако самого Реджи в комнате не было.

Все-таки он не потерпел еще окончательного поражения, подумала, оглядевшись, Элис. Вернувшись к себе, она надела брюки, понимая, что поиски Дэвенпорта могут оказаться долгими и трудными. Элис вышла на улицу и нырнула в ночь.

Реджи падал, поднимался и вновь бежал вперед, не обращая внимания на ссадины и разорванную одежду. Из последних сил он, не останавливаясь, продвигался вперед, взбираясь на холмы, пересекая покрытые сочной травой луга, шагая вдоль живых изгородей. Он ни о чем не думал — не мог, душа его была переполнена болью, такой же острой, как после гибели его семьи.

Наконец, когда уже каждая мышца, каждая косточка и каждое сухожилие в его теле болели и ныли от усталости, он оказался у озера, на своей любимой поляне, и обессиленно рухнул на землю. В гладкой как зеркало поверхности озера отражались звезды. Реджи подумал, что, наверное, сможет покончить счеты с жизнью и обрести вечный покой именно здесь. Стоит только войти в спокойную воду и нырнуть так глубоко, чтобы выплыть уже не хватило сил...

Однако сейчас у него не было сил даже для того, чтобы обдумать идею самоубийства. Не в состоянии пошевелиться, он лежал, раскинувшись в мягкой траве, и прислушивался к тихому шороху трепещущей под дуновением ночного ветерка листвы берез. Земля Стрикленда звала его к себе, здесь он должен был навсегда обрести успокоение.

Внезапно в памяти Реджи всплыл рассказ Джереми Стэнтона о том, как он, поняв, что не в силах справиться с одолевающим его недугом, прибег к молитве, призывая Всевышнего помочь. Дэвенпорт привык считать себя куда более сильным и волевым человеком, чем его крестный отец, но теперь убедился, что одной силы воли для этого недостаточно.

Отчаяние, казалось, вот-вот захлестнет его с головой, лишив всякой надежды на излечение. И все же, неизвестно почему, Реджи вдруг показалось, что оно уже прошло свою

высшую точку. Никакого прозрения, никакого внезапного озарения не случилось. Просто, перебирая в памяти полузабытые обрывки молитв, Реджи вдруг понял, что он не одинок — и никогда не был одинок. Если он не понимал этого раньше, то виной тому была его душевная слепота и чрезмерная погруженность в свои проблемы и переживания.

Всегда непросто уловить момент, когда прилив сменяется отливом. Точно так же Реджи не смог бы точно сказать, в какой момент черное, беспросветное отчаяние, царившее в его душе, пронизал тоненький лучик надежды.

Лежа на спине, Дэвенпорт смотрел на звезды и думал о том, что битва еще не проиграна. Разумеется, он понимал, что впереди его ждал долгий путь борьбы и сомнений, но он знал также и то, что, если ему потребуется помощь, он ее получит. Вскоре после того как он утвердился в этой мысли, рядом с ним возникла Элис.

Несмотря на темноту, Реджи сразу понял, кто это. Не говоря ни слова, она села на землю рядом с ним, скрестив ноги. Реджи протянул Элис руку, которую она без всяких колебаний взяла в свою. Ее рука была гораздо теплее. Реджи осторожно приложил ее к своей груди, чувствуя, что луч надежды в его душе становится все ярче.

— Как вы? — тихо спросила Элис.

— Лучше. — Голос Дэвенпорта прозвучал хрипло и глухо. — Поговорите со мной, Элли. Пожалуйста.

Элис стала рассказывать ему о Стрикленде, о своих воспитанниках, о планах, которые она разработала для керамической фабрики, о том, как идут дела в организованной ею школе. Реджи молча слушал, наслаждаясь спокойным журчанием ее речи, погружаясь в детали нормальной человеческой жизни, которой жили обитатели его поместья.

— Кажется, я вот-вот охрипну, — призналась наконец Элис. — По-моему, я вам рассказала все, что знала. Больше ничего не могу придумать.

Пальцы Реджи сжали ее кисть. Элис показалось, что он улыбается.

— Благодарю вас, вы молодец, — сказал Дэвенпорт уже почти совсем нормальным голосом. — Теперь моя очередь.

Он рассказывал ей о проведенном в Стрикленде детстве, о тех страшных днях, когда его отец пил, и о том замечательном времени, когда их семья жила дружно и счастливо...

— Что же случилось с вашей семьей? — спросила Элис.

— Оспа, — последовал краткий ответ.

Элис содрогнулась — теперь она поняла, почему Дэвенпорт так настаивал, чтобы всем обитателям поместья были сделаны прививки.

— Впрочем, это еще не все, — вздохнув, снова заговорил Реджи. — Когда в поместье разразилась эпидемия, мой отец находился в отъезде. В деревне заболевших было не так уж много, но у нас в усадьбе оспа свирепствовала вовсю. Первой умерла моя маленькая сестренка Эми, потом брат.

— Вы тоже заболели? — спросила Элис, полагая, однако, что Реджи каким-то чудом не заразился. И с изумлением услышала:

— Да, и я тоже. Кроме этого случая, я не болел ни разу в жизни. Странный каприз судьбы, правда? Оспа убила всех остальных, а на мне не осталось ни единого шрама. Кажется невероятным, но, видимо, у меня иммунитет против этого заболевания. Иначе я бы умер много лет назад. — Реджи ненадолго умолк. — Как-то раз, уже выздоравливая, я проснулся со странным чувством. Что-то подсказывало мне, что я должен немедленно пойти в комнату моей матери. Ходил я еще с трудом. Дело было ночью, и в доме стояла тишина. Из

прислуги у нас оставалась только одна старушка, которая еще в детстве переболела оспой. Она, однако, устав за день, спала.

Моя мать была при смерти, но, когда я вошел в комнату, она открыла глаза. Она... улыбнулась. — Реджи стиснул руку Элис с такой силой, что у нее онемели пальцы. — Она сказала, что рада тому, что один ее ребенок выживет и станет взрослым. Это были ее последние слова. — Реджи тяжело вздохнул. — К отцу был отправлен человек с письмом, в котором его уведомляли о том, что все члены его семьи либо умерли, либо на краю гибели. Он отправился в Стрикленд и погиб в результате столкновения экипажей. Я... часто думал о том, что он, возможно, правил бы лошадьми с большей осторожностью, если бы знал, что я выживу.

Элис едва не расплакалась. Но прежде чем она успела что-либо сказать, Реджи с горечью добавил:

— К сожалению, я плохо использовал подарок, который выпал на мою долю, — собственную жизнь.

— Не надо винить себя за то, что вы остались живы, — мягко произнесла Элис. — Человек не вправе судить о таких вещах.

— Вы верите в Бога, Элли?

Элис не ожидала от Дэвенпорта подобного вопроса, но ведь он всегда был непредсказуемым.

— Верю, но боюсь, что моя вера вряд ли заслужила бы одобрение Джуниуса Харпера, — медленно проговорила она. — Я верю в то, что между событиями существует причинно-следственная связь. Я убеждена, что мои поступки пусть и очень незначительно, но влияют на события, происходящие на земле, в мире. Если у меня и есть какая-то мечта, то она состоит в том, чтобы после моей смерти мир стал хоть чуточку лучше, чем он был до моего рождения.

— Вы очень умная, добрая, хорошая женщина, Элли, — сказал Реджи так тихо, что Элис едва расслышала его слова. — Я потратил свою жизнь, сражаясь с ветряными мельницами, стараясь изменить то, что изменить невозможно, стремясь добиться одобрения самодовольного и эгоистичного старика. Все свои силы я вложил в борьбу, которая была лишена всякого смысла.

— Вы имеете в виду своего дядюшку?

— Да. После того как все мои родные умерли, он прислал в Стрикленд секретаря, который увез меня отсюда. Я был одинок и напуган и все еще не мог полностью оправиться после болезни. Когда мы приехали в Уоргрейв-Парк, я в какой-то момент готов был поверить, что граф — мой отец. Все мужчины у нас в роду были высокими, темноволосыми, и глаза у всех были с какой-то чертовщинкой. Я подошел к нему, и тут он... шагнул в сторону, можно сказать, почти отшатнулся от меня, как от чумного. Он заявил, что, зная моего отца, не ожидает от меня ничего хорошего, но все же надеется, что я не буду позорить свой род.

У Элис защемило в груди, когда она попыталась представить себе, какую боль могли вызвать жестокие слова в душе такого чувствительного мальчика, как Реджи, который в то время был ненамного старше Уильяма.

— Значит, именно с той поры вы начали вести себя так, что впоследствии вас прозвали Проклятием рода Дэвенпортов?

— Вы весьма догадливы. Очень скоро я обнаружил, что, так бы я ни старался, мне ни за

что не удастся добиться одобрения моего дядюшки, но обратить на себя его внимание мне вполне по силам. Чем больше усилий он прилагал для того, чтобы заставить меня быть примерным мальчиком, тем хуже я себя вел.

Реджи рассмеялся:

— В Итоне я сделал замечательное открытие. Большинство стипендиатов Королевского колледжа получали от своих родителей денежное содержание и имели возможность приобретать кое-какие продукты в дополнение к казенному пайку — он был настолько скудным, что можно было запросто протянуть ноги. Поскольку у меня денег не было, я стал приобретать продукты в лавчонке, расположенной на территории школы, в кредит. Эта лавка, которая называлась «Кристофер», многих учеников спасла от голодной смерти. Так вот, вскоре я выяснил, что мой дядя, не желавший давать мне живые деньги, всегда оплачивал мои счета. Поняв это, я стал отовариваться в кредит не только в продуктовой лавке, но и у торговца мануфактурой, таким же манером обслуживаться у портного и приобретать книги. Когда пришла пора отправляться в Кембридж, я уже жил на широкую ногу и впоследствии продолжал делать то же самое — какую бы неприязнь ни испытывал ко мне старый граф Уоргрейв, он вынужден был оплачивать мои счета и возвращать долги, дабы не запятнать чести семьи.

Элис с удивлением отметила, что Реджи, оказывается, учился в Королевском колледже Кембриджа.

— И что же дальше — вы окончили Королевский колледж и стали членом его совета?

— Да, хотя об этом знают немногие. Впрочем, через год я вышел из совета. У меня был неподходящий для преподавателя характер, — усмехнулся Реджи. — Я хотел пойти на военную службу. Граф в то время был намерен сделать своими наследниками собственных сыновей, но для страховки хотел иметь еще одного, «запасного» претендента на наследство, живого и здорового, и счел возможным отказать мне в покупке офицерского патента и обмундирования. Он потребовал, чтобы я оставался в Лондоне, и стал выплачивать мне денежное содержание — впрочем, не слишком щедрое. Впоследствии, когда двое из его сыновей так и не женились, а третий, которого он лишил наследства, покинул страну, я стал олицетворением будущего семьи, так сказать, продолжателем рода. Должен признаться, мне доставляло немалое удовольствие сознавать, что, как бы мой дядюшка меня ни презирал, именно я в конце концов должен был унаследовать титул графа Уоргрейва.

— Что ж, это было довольно низко, но вас можно было понять, — вставила Элис.

— Это было не только низко — это было глупо, — заявил Дэвенпорт, в голосе которого явственно прозвучало отвращение к себе. — Мне следовало послать дядюшку ко всем чертям и заплатить за офицерский патент, в очередной раз сорвав солидный куш за игорным столом.

— Почему же вы этого не сделали?

— Потому что, будучи членом его семьи и находясь под его опекой, я был убежден, что именно дядюшка должен был внести эти деньги. Однако он предпочел помешать осуществлению моего желания, хотя служба в армии обошлась бы ему гораздо дешевле, чем мое пребывание в Лондоне. Он был человеком, который испытывал патологическое желание контролировать всех и вся. Я же в ответ на его попытки манипулировать мной старался заработать славу человека скандального и неуправляемого. Между нами шла невидимая война. Я считал, что в конечном итоге победа будет за мной — при условии, разумеется, что мне удастся пережить старого негодяя. Но победил все-таки он. Он поручил стряпчему

отыскать других наследников, и тот в конце концов нашел моего двоюродного брата Ричарда.

— Должно быть, вам было трудно с этим примириться, — сочувственно заметила Элис.

— Что правда, то правда, — со смешком согласился Дэвенпорт. — Я готовился всех удивить, умело управляя имениями графа Уоргрейва и получая от них солидный доход.

— Судя по тому, как вы ведете дела в Стрикленде, вам это было бы вполне по силам.

Реджи осторожно пожал руку Элис.

— Возможно, вы правы. Должен признаться, что, поскольку я практически всю свою сознательную жизнь провел в непосредственной близости от высшего света, но при этом никогда не был в него вхож, мне очень хотелось заполучить титул графа и соответствующее положение в обществе. Но еще больше мне хотелось... — Реджи умолк, подбирая подходящие слова. — ...Чтобы люди поняли, что я что-то представляю собой как человек, как личность.

Реджи замолчал, а когда заговорил снова, голос его был совершенно бесцветным.

— К сожалению, мое желание не осуществилось. Я мог бы добиться в жизни куда большего, если бы воспользовался выпадавшими время от времени возможностями, но по причине гордости и упрямства я продолжал бесцельную борьбу со злобным стариком. И вот теперь я понимаю, что растратил жизнь в погоне за миражами — хотя, возможно, в этом не только моя вина.

Элис вытянулась рядом с Реджи в траве, положив голову ему на плечо, в то время как рука ее по-прежнему покоилась у него на груди. Он обнял ее.

— Мне слишком хорошо известно, что такое гордость и упрямство, — тихо сказала Элис. — Я едва не разрушила собственную жизнь по той же причине. Но я все же решила, что должна выкарабкаться и спасти то, что еще можно спасти.

Дэвенпорт осторожно прижался щекой к ее волосам.

— Вы умнее, чем я, Элли, — шепнул он и неожиданно рассмеялся. — Разумеется, это еще не повод для того, чтобы я сложил оружие. Но вообще-то в канун Дня всех святых мне исполнится тридцать восемь, а в таком возрасте наивность и слабое знание жизни не могут служить человеку оправданием.

Элис улыбнулась — раз к Реджи снова вернулось чувство юмора, значит, кризис миновал. Она теснее прижалась к нему.

В их объятии не было ничего эротического, но оно доставляло ей огромное удовольствие.

— Вы в самом деле родились в канун Дня всех святых?

— Да. Только не говорите мне, что в детском возрасте в меня мог вселиться какой-то злой дух, — сухо заметил Дэвенпорт. — Мне уже приходилось слышать это раньше.

— Я хотела сказать вовсе не это, — с чувством оскорбленного достоинства отмела обвинение Элис. — Мне кажется, что канун Дня всех святых — очень даже подходящий день для того, чтобы появиться на свет. Я это знаю точно, потому что тоже родилась в канун Дня всех святых.

— Вы серьезно? — На губах Реджи заиграла улыбка. — Вы хотите сказать, что у нас в самом деле есть нечто общее, помимо Стрикленда?

— Это совершенно очевидно, — засмеялась Элис и, протянув руку, обняла Реджи за талию.

Чувствуя рядом теплое тело Элис, замершей в его объятиях, Реджи подумал, что в этот

момент они гораздо ближе друг к другу, чем большинство мужчин и женщин в самые интимные моменты. Между ним и Элис Уэстон в самом деле очень много общего. Оба были горды и упрямы — разница состояла лишь в том, что Элис, в отличие от Реджи, стремилась к созиданию, а не к разрушению. Они были двумя сторонами одной медали: он — повеса — растратил отпущенное ему время на кутежи, она — управляющая имением — старалась изменить окружающий мир к лучшему; он — циник, она — мечтательница.

Разумеется, разница состояла еще и в том, что он был мужчиной, а она — женщиной.

Вдохнув аромат волос Элис, Реджи вдруг осознал, что его чувства к ней отнюдь не исчерпывались уважением, симпатией и сильнейшим физическим влечением. Возможно, этой ночью он смог бы обойтись и без ее помощи, но ее присутствие, ее душевная щедрость укрепили в нем надежду на исцеление.

Реджи пока не был готов выразить свои чувства к Элис Уэстон каким-то определенным словом, но знал, что когда-нибудь, когда он будет уверен в себе и в том, что ему удалось победить терзающий его недуг, он обязательно это сделает. И тогда, возможно, если Элли будет не против...

Реджи и Элис незаметно для себя задремали. Через некоторое время, когда начало светать, Дэвенпорт проснулся. Было довольно прохладно. Его одежда, как и одежда Элис, намочена от обильной предутренней росы. Почувствовав, что он зашевелился, проснулась и Элис.

— Я определенно слишком стар, чтобы спать на голой земле, — задумчиво сказал Реджи.

Он поднялся на ноги, чувствуя ломоту во всем теле от долгого лежания на земле и ушибов, полученных во время ночного пробега по поместью. Ухватившись за его руку, Элис тоже встала, и они направились к усадьбе. Реджи легонько придерживал Элис за талию.

Войдя в библиотеку, они обнаружили, что все следы ночного погрома, устроенного Дэвенпортом, исчезли, если не считать витающего в воздухе запаха бренди.

— Похоже, здесь побывал Мак, — заметил Дэвенпорт. — Он всегда облегчал мне жизнь, чем бы я ни занимался.

Чувствуя, что слишком устал для того, чтобы рассуждать и делать какие-то выводы, он последовал за Элис к лестнице. Когда они дошли по коридору до ее двери, Реджи привлек Элис к себе и с радостью ощутил, как она всем телом прижалась к нему. Он почувствовал, как просыпается желание.

Погладив ее по спине и чувствуя прикосновение ее шелковистых волос к своему лицу, он тихонько прошептал:

— Спасибо вам, Элли. Мне кажется, самое страшное уже позади.

— Я знаю, — шепнула она в ответ. — Когда я нашла вас на поляне, что-то подсказало мне, что вы уже не тот, что прежде, — в хорошем смысле слова.

Да, подумал Дэвенпорт, Элис Уэстон в самом деле необыкновенная женщина — добрая, щедрая душой и к тому же удивительно привлекательная. Ему захотелось поцеловать ее, но он не решился. Выпустив ее из объятий, он пошел к себе, твердо убежденный в том, что с сегодняшнего дня начнет жить по-новому.

Глава 21

Лето 1817 года было счастливейшим временем в жизни Элис. Поборов депрессию, Реджи превратился в совершенно другого человека. Он стал жизнерадостным и общительным, много шутил и смеялся, мрачные воспоминания о прошлом и тяга к спиртному тревожили его все реже. Они с Элис часто засиживались допоздна, беседуя о всякой всячине, но уже не потому, что Реджи надо было как-то отвлечься от мыслей о выпивке, просто они стали друзьями, и им всегда было о чем поговорить.

Как друг и собеседник Реджи был на редкость интересен — обладая широчайшим кругозором, он часто высказывал удивительно оригинальные суждения, которые вызывали у Элис уважение и восхищение, хотя подчас шли вразрез с ее собственными представлениями.

Реджи по-прежнему много трудился физически, работая в поле или выезжая лошадей, — эти занятия доставляли ему огромное удовольствие. Нездоровая бледность исчезла — теперь лицо его было покрыто загаром, красиво оттенявшим аквамаринный цвет глаз. Выглядел он просто великолепно, и его мужское обаяние по-прежнему восхищало Элис днем и лишало сна ночью. Однако, несмотря на то что приходилось скрывать влечение к Дэвенпорту, она была счастлива.

Однажды, когда лето уже клонилось к концу и приближалась жатва, во время их обычной вечерней партии в шахматы Реджи как бы между прочим обронил:

— Через пару дней нас навестит мой кузен Уоргрейв, — В самом деле? Вы его приглашали?

— Он сообщил мне, что будет неподалеку от Стрикленда, и попросил разрешения заехать. — Реджи ухмыльнулся. — Разумеется, Ричард хочет проверить, как идут дела у Реджинальда Дэвенпорта, известного мота и повесы. Что ж, его желание вполне понятно.

— Вы против? — поинтересовалась Элис, сделав ход ладьей и снимая с доски одну из пешек Реджи.

— Вообще-то нет. Ричард проявил по отношению ко мне удивительную терпимость, доброжелательность и справедливость. В начале нашего знакомства мы в течение нескольких недель жили под одной крышей, и он ни разу не видел меня трезвым за это время. И держался я, надо признать, отвратительно. — Реджи задумчиво принялся набивать пенковую трубку. — Я всю жизнь только тем и занимался, что сжигал мосты — пора наконец начать их строить.

Элис подперла подбородок ладонью.

— Мне не терпится увидеть, как он отреагирует, когда узнает, что это я тот самый мистер Уэстон, которому он обещал подыскать подходящее место, если мы с вами не сработаемся.

— И мне тоже, Элли. И мне тоже, — рассмеялся Реджи, и глаза его дьявольски блеснули.

Граф Уоргрейв оказался совсем не таким, каким его представляла себе Элис. Она помнила слова Реджи о том, что все Дэвенпорты высоки ростом, темноволосы и глаза у них с какой-то чертовщинкой, и потому немало удивилась, когда, вернувшись однажды к вечеру домой, увидела, как одновременно с ней к главному входу в усадьбу подъехал всадник.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила Элис, когда мужчина спешил.

Незнакомец был молодым человеком приятной наружности, примерно одного роста с Элис. Она не могла не отдать ему должное — он не выказал удивления, увидев, что она необычно высока и одета в бриджи и сапоги.

— Я бы хотел видеть моего кузена, Реджинальда Дэвенпорта, — произнес молодой человек мягким баритоном. — Он меня ждет.

Элис на секунду растерялась, но тут же поняла, кто перед ней.

— Боже мой, да ведь вы, должно быть, граф Уоргрейв!

— Стараюсь им быть, хотя не знаю, насколько хорошо это у меня получается, — сказал гость с нарочитой серьезностью.

Элис расхохоталась — двоюродный брат Реджи ей понравился. Предвкушая сюрприз, который она собиралась ему преподнести, Элис протянула графу руку. Она всегда поступала так, когда была одета в мужское платье, тем самым избавляя мужчин от необходимости раздумывать над тем, как ее приветствовать — поклоном или рукопожатием.

— Моя фамилия Уэстон, — представилась она. — Я — управляющая поместьем Стрикленд.

В глазах гостя мелькнуло изумление, но лишь на миг, — Значит, это вы тот самый эксперт по финансовым вопросам и проблемам сельского хозяйства, благодаря которому имение стало приносить такой солидный доход, — сказал он, крепко пожимая руку Элис. — Если я правильно понимаю, больной родственник, из-за которого вы были вынуждены отлучиться из поместья во время моего первого визита сюда, оказался не настолько болен, как вы опасались?

— Вы угадали. Скажите, милорд, если бы вы узнали, что я женщина, то лишили бы меня работы?

— Учитывая то, как вы справляетесь с делами, я бы никогда так не поступил.

— Кажется, Реджи сейчас занимается с лошадьми в загоне, — сказала она. — Может быть, пойдем поищем его?

Уоргрейв согласился и, ведя свою лошадь под уздцы, зашагал следом за Элис к конюшне. Предоставив животное попечению конюхов, они направились к загону. Прежде чем Реджи их заметил, они успели получить массу удовольствия, наблюдая за тем, как он управляется с лошадьми.

— Я не раз слышал, что он очень хорош в седле, и это в самом деле так, — тихо сказал Уоргрейв.

— Что правда, то правда, — согласилась Элис. Увидев наконец, что он не один, Реджи подъехал к загородке загона. Элис почувствовала, что граф Уоргрейв нервничает.

Тем временем Реджинальд, соскочив с лошади, улыбнулся Ричарду с таким видом, словно между ними отродясь не было никаких раздоров, и протянул ему руку со словами:

— Добро пожаловать в Стрикленд, кузен.

Уоргрейв просиял и с чувством пожал руку Реджинальда. Элис облегченно вздохнула — ей стало ясно, что никаких осложнений не будет.

Блейкфорд ликовал. Ему хотелось завопить от радости, чтобы эхо долго гуляло среди холмов. Он все-таки дождался, все складывалось именно так, как ему было нужно. Он нашел подходящих людей, завел информаторов, и вот теперь ему представился благоприятный случай для того, чтобы осуществить свой план. Через два дня в Дорчестере должна была состояться сельскохозяйственная выставка, на которую Элис Уэстон и Реджинальд

Дэвенпорт собирались отправиться вместе. Информация была, казалось бы, совершенно безобидная — во всяком случае, так думал человек из стриклендской прислуги, сболтнувший об этом за пинтой портера.

Блейкфорд подобрал идеальное место для засады — в неглубоком овраге, где густой кустарник подступал к самой дороге. Там его люди могли спрятаться, чтобы их нападение было для Элис Уэстон и Дэвенпорта полной неожиданностью. В этом случае у последних не будет ни малейшего шанса на спасение. Блейкфорд решил тоже пойти в засаду, чтобы иметь возможность увериться в том, что все сделано как надо. Мало того, он хотел своими руками убить хотя бы одну из жертв. Ему доставляло удовольствие размышлять о том, кого из двоих — Элис Уэстон или Реджи Дэвенпорта — он убил бы с большим наслаждением.

Граф Уоргрейв оказался идеальным гостем. Находясь в доме Дэвенпорта, он ни словом, ни жестом ни разу не выказал своего удивления, хотя многое из того, что он видел, могло показаться ему странным. Он совершенно спокойно отреагировал даже на то, что за обеденным столом вместе со взрослыми сидел семилетний ребенок. Уоргрейв сохранил полное хладнокровие и тогда, когда молодежь забросала его вопросами, хотя Элис показалось, что временами ему стоило немалого труда сдерживать улыбку.

Питер был неприятно поражен тем обстоятельством, что граф не стал брать с собой камердинера и приехал налегке. Было очевидно, что знакомство с Уоргрейвом не поколебало убежденности юноши в том, что образцом благородного джентльмена из высшего света является Джулиан Маркхэм.

Хотя граф торопился домой, к супруге, он принял приглашение Реджи задержаться в Стрикленде, чтобы посетить выставку. На следующее утро после прибытия Уоргрейв вызвался сопровождать Элис в поездке по имению. Граф молча смотрел по сторонам, лишь время от времени задавая вопросы, из которых было ясно, что он неплохо разбирается в сельском хозяйстве.

В полдень по пути на пастбище, предназначенное для откорма молочного скота, Элис сказала:

— Для человека, который еще год назад не имел ни малейшего представления о сельскохозяйственном производстве, вы успели многое узнать и многому научиться.

— Я старался изо всех сил. — Граф широким жестом повел рукой. — Ни в одном из поместий Уоргрейвов дела не идут так хорошо, как в Стрикленде. Если я не научусь задавать толковые вопросы и нанимать толковых людей, мне никогда не добиться ничего подобного.

— У вас все получится, милорд, — сказала Элис. — Я в этом несколько не сомневаюсь.

Когда они поднялись на вершину очередного холма, граф, устремив на Элис взгляд, осторожно осведомился:

— Ответьте, пожалуйста, мне это кажется, или кузен в самом деле стал другим человеком?

— Вам это вовсе не кажется, — ответила Элис, отдавая должное наблюдательности гостя.

— Пожалуй, моя благодарность будет в данном случае не совсем уместной, — тихо произнес Уоргрейв, — но я хочу сказать вам спасибо за то, что он так переменялся. Мне кажется, вы сыграли в этом не последнюю роль.

Элис почувствовала, что краснеет.

— Если я и сыграла какую-то роль, то это произошло чисто случайно.

— Вот как? — удивился граф, давая понять, что ответ Элис его не убедил.

Неужели Уоргрейв догадался о том, какие чувства она испытывает по отношению к Реджи? Похоже, пронизательность — фамильное качество Дэвенпортов, в смятении подумала Элис.

Чтобы сменить тему разговора, она указала на стадо коров, рассыпавшееся по пастбищу.

— Наши молочные коровы — гернсийской породы, — принялась объяснять она. — Их молоко имеет большую жирность, чем молоко коров других пород, так что мы довольны результатами их разведения. Если у себя в Уоргрейв-Парке вы держите молочное стадо, возможно, вы тоже захотите приобрести таких.

Что и говорить, крупный рогатый скот был вполне безопасной темой для разговора.

Для всех троих поездка на сельскохозяйственную выставку была чем-то вроде праздника. День выдался солнечный, утренний воздух был прозрачен и свеж, и Элис, ехавшая верхом между Реджи и графом Уоргрейвом, чувствовала, как радость переполняет ее душу. Поскольку на этот раз ей предстояло отправиться за пределы Стрикленда, она, чтобы никого не шокировать, была одета в женский костюм для верховой езды и сидела в седле не по-мужски, как обычно, а по-женски — боком. Впрочем, даже это не могло испортить ей настроение.

Примерно в пяти милях от Стрикленда дорога сбегала в неглубокий овраг, густо поросший кустарниками и деревьями. Когда они подъехали к этому месту, Уоргрейв, натянув поводья, слегка придержал свою лошадь и пробормотал:

— Клянусь честью, я уже видел нечто подобное...

— Что случилось? — спросил Реджи, метнув на него быстрый взгляд.

— Да нет, ничего особенного. — Уоргрейв пожал плечами. — Просто этот участок дороги идеально подходит для засады. В Испании я научился остерегаться таких мест. Когда я их вижу, у меня волосы на затылке встают дыбом. — Граф говорил подчеркнуто легкомысленным тоном, но при этом напряженно всматривался в заросли. — В ваших краях разбойники не пошаливают?

— Я, во всяком случае, об этом не слышал, — рассмеялся Реджи.

От Элис, однако, не укрылось, что он тоже насторожился.

Сидя в засаде за деревьями, Блейкфорд хмуро наблюдал за тремя приближающимися всадниками. Он не рассчитывал, что с Элис Уэстон и Реджинальдом Дэвенпортом может оказаться кто-то еще. Однако их спутник на вид не казался серьезным противником. Кем бы он ни был, решил Блейкфорд, его тоже придется убить. Что поделаешь, бедолаге следовало лучше выбирать себе приятелей.

Блейкфорд надел узкую черную маску, поднял свой легкий, пристрелянный охотничий карабин и приготовился к стрельбе. Он сам и четверо его вооруженных сообщников были готовы в любой момент верхом на лошадях атаковать свои жертвы с фронта и с тыла. Еще один участник нападения, бывший армейский стрелок, лежал на животе, уверенно держа в руках ружье, которым его снабдил Блейкфорд. Этот человек, в совершенстве владевший искусством стрельбы, был для Блейкфорда настоящей находкой. Именно он должен был первым же выстрелом убить Элис Уэстон. С Дэвенпортом Блейкфорд намеревался расправиться сам. Что же касается неизвестно откуда взявшегося спутника Элис и Реджи, у кого-нибудь из нанятых Блейкфордом головорезов хватит соображения прикончить и его.

Все это надо было сделать как можно быстрее — в этом Блейкфорд видел едва ли не главное условие успеха.

Как только всадники приблизились на расстояние выстрела, Блейкфорд шепнул человеку с ружьем, изготовившемуся к стрельбе из положения лежа:

— Прикончи того, что в середине. Стрелок чуть повел стволом ружья, наводя его на цель, но вдруг удивленно вскинул голову и пробормотал:

— Я не стану убивать женщину.

На какой-то миг у Блейкфорда от удивления отвисла челюсть.

— Когда я тебя нанимал, ты ничего не говорил мне насчет того, что не стреляешь в женщин, — сказал он свистящим шепотом, вне себя от злости. — Все это затеяно в первую очередь для того, чтобы отправить на тот свет ее.

— Я сказал — женщину убивать не стану, — повторил мужчина и упрямо покачал головой.

Блейкфорд пришел в бешенство, но времени на споры не оставалось.

— Тогда пали в мужчину — вон в того, высокого. С женщиной я разберусь сам.

Стрелок изменил прицел, но тут взгляд его случайно скользнул по третьему всаднику.

— Боже правый, да ведь это капитан Далтон! — Мужчина вскочил на ноги и громко закричал, стараясь предупредить путников об опасности:

— Берегись, засада!

Блейкфорд похолодел — тщательно продуманный план висел на волоске. Не долго думая, он ударил кричавшего прикладом по голове, чтобы заставить его замолчать. Стрелок обмяк и ничком рухнул на землю. Тело его вместе с ружьем покатило по крутому склону к краю дороги.

Понимая, что медлить нельзя, Блейкфорд махнул наемникам рукой:

— Вперед!

И, вскинув карабин, прицелился в голову Элис Уэстон.

Хотя предупреждение Уоргрейва о том, что овраг представляет собой очень удобное место для засады, не было воспринято Реджи и Элис с должной серьезностью, все трое стали более внимательными. Однако когда откуда-то сверху, из-за деревьев, растущих на склоне оврага, послышался чей-то крик:

«Берегись, засада!» — и Элис, и Реджи, и Ричард замерли на месте от удивления.

Первым опомнился Реджи:

— Пригнитесь и пришпорьте лошадей!

Все трое низко наклонились в седлах и пустили лошадей галопом. В ту же секунду на дорогу выкатилось чье-то бесчувственное тело, а в непосредственной близости от всадников оглушительно захлопали выстрелы.

Благодаря тому что Элис и ее спутники пригнулись, пули не попали ни в одного из них, но, прежде чем они успели проскочить опасное место, спереди и позади них на дорогу выехали несколько всадников весьма зловещей наружности.

Натянув поводья, Элис избежала столкновения с лошадью одного из разбойников, размахивавшего ножом. Крики, звук ударов, стук копыт — все это сливалось в общую какофонию схватки. Раджи и Ричард, находившиеся по обе стороны от Элис, вынуждены были отбиваться каждый от двух нападавших противников.

Реджи потеснил одного из нападавших, и в строю бандитов образовалась брешь.

Отразив удар ножом, он крикнул:

— Элли, бегите!

Элис попыталась воспользоваться замешательством противника и оторваться от нападавших, чтобы получить возможность выхватить пистолет, но пятый бандит, в черной маске, преградил ей дорогу. Она попыталась его объехать, но он вскинул карабин и прицелился в нее с расстояния, не превышавшего двенадцать футов.

Промахнуться, стреляя практически в упор, было невозможно. Черный глазок ствола уставился на Элис. Она инстинктивно натянула поводья, заставив кобылу попятиться и встать на дыбы. Выхватив из кобуры пистолет, она взвела курок.

Мужчина в маске нажал на спусковой крючок. Выстрел был сделан с такого близкого расстояния, что Элис показалось, она почувствовала запах пороха, однако пуля пролетела мимо. Человек в маске на какое-то время перестал представлять непосредственную угрозу, поэтому Элис развернула лошадь, чтобы посмотреть, что происходит у нее за спиной.

Позади Элис развернулась настоящая битва. Несмотря на численное превосходство нападавших, которые к тому же были вооружены, им пришлось нелегко, поскольку их противники оказались хорошо подготовленными, тренированными бойцами и действовали решительно и бесстрашно. Элис видела, как Уоргрейв, резким нырком уклонившись от сабельного удара, перехватил руку своего противника и, безжалостно вывернув ее, обезоружил разбойника и выбил его из седла. Реджи, схватившийся с другим бандитом, также сбросил его на землю ударом кулака.

Видя, что третий нападавший прицелился в спину Реджи из пистолета, Элис предостерегающе выкрикнула имя Дэвенпорта и выстрелила. Оттуда, где она находилась, сделать точный выстрел было почти невозможно, но ей повезло — пуля угодила бандиту в руку, и он, громко вскрикнув, выронил пистолет.

Тем временем разбойник в маске снова атаковал Элис. Перезарядить свое оружие она не могла. Лихорадочно раздумывая над тем, почему человек, скрывающий свое лицо под маской, так упорно старается ее убить, Элис изо всех сил швырнула в него бесполезный теперь пистолет. Мужчина отшатнулся и снова дал промах.

— Ах ты, сука! — выругался он. Ухватившись рукой за уздечку лошади Элис и таким образом лишив ее возможности маневрировать, он выхватил из сапога длинный, острый как бритва нож.

В этот момент Реджи оглянулся и с ужасом увидел, что Элис не в состоянии увернуться от бандита, который уже занес руку с ножом для удара. Спрыгнув с лошади, Реджи схватил ружье, лежавшее на земле.

Элис крутилась в седле, стараясь уклониться от удара, и пришпоривала лошадь, чтобы освободиться, но все ее старания были напрасны. Реджи показалось, что время замедлило свой бег.

Он увидел, что рука бандита взмыла вверх, и успел даже заметить, как луч утреннего солнца блеснул на тонком лезвии.

Слишком напуганный, чтобы молиться, Реджи опустился на одно колено и оперся локтем о другое, желая придать ружью устойчивость. Видя, что рука с ножом уже начала опускаться, он взвел курок и, тщательно прицелившись, нажал на спусковой крючок, желая только одного — не промахнуться.

Пуля угодила мужчине в грудь и сбросила его с лошади. Нож, описав в воздухе сверкающую дугу, упал на землю. Эхо ружейного выстрела заметалось между склонами

оврага. Бандиты, видя, что схватка складывается не в их пользу, бросились наутек, пустив лошадей галопом.

Вся стычка заняла не более двух минут. После того как стук копыт удиравших злодеев смолк вдаль, в овраге наступила полная тишина. Молчали даже птицы, вспугнутые выстрелами. Разбойник в маске лежал неподвижно, на одежде его расплывалось кровавое пятно. Мужчина, скатившийся с откоса к краю дороги, тоже не вставал и не шевелился — по всей видимости, он еще не пришел в себя.

Не говоря ни слова, Реджи подошел к сидевшей на лошади Элис и протянул к ней руки. Она соскользнула в его объятия. Хотя она только что дралась как тигрица и, возможно, спасла Реджи жизнь, теперь, когда опасность миновала, ее била крупная дрожь. Реджи крепко прижал Элис к себе, благодаря Бога за то, что она осталась жива.

К ним подъехал Уоргрейв. Он был совершенно невозмутим, словно джентльмен, катающийся верхом в одном из лондонских парков, однако на плече его коричневого, охристого оттенка сюртука красовалась дыра с черными, обугленными краями.

— Надеюсь, никто из вас не ранен? — спросил граф. Уоргрейву было куда легче сохранить хладнокровие, чем Реджи, — ведь это не его любимая только что подвергалась смертельной опасности. Если до этого момента у Реджи еще были какие-то сомнения по поводу того, что Элис Уэстон — это та самая единственная женщина, которая ему по-настоящему нужна, то теперь они исчезли.

— Кажется, мы оба в полном порядке. Верно, Элли?

— Да. Я несколько не пострадала. Извините, что я вся трясусь, словно желе, — сказала Элис, осторожно высвобождаясь из объятий Реджи.

— Вам вполне позволительно немного нервничать, — заметил Уоргрейв, спрыгивая с лошади. — Для новобранца, принявшего боевое крещение, вы прекрасно себя показали.

— Если бы не ты, Ричард, у нас не было бы никаких шансов уцелеть. Благодарю тебя.

Чувство благодарности, которое он испытывал в этот момент по отношению к графу Уоргрейву, было глубоким и искренним.

— В твоём лице армия потеряла прекрасного солдата, — заметил Уоргрейв.

Обменявшись чисто мужскими комплиментами, Реджи и Ричард всего лишь какой-то миг смотрели друг другу в глаза, но этого было достаточно, чтобы Реджи понял: с этого момента они с двоюродным братом стали друзьями.

Реджи снова крепко обнял Элис одной рукой. Граф тем временем опустился на колени и снял с убитого маску. На мертвом лице разбойника застыла злобная гримаса. Элис тихо ахнула.

— Блейкфорд! — воскликнул Реджи.

— Ты его знаешь? — вопросительно взглянул на кузена Уоргрейв.

Элис почувствовала, как рука Реджи напряглась.

— Да, я его знаю, — мрачно сказал он. — В последнее время мы с ним были в ссоре, но причина слишком незначительная, чтобы стать основанием для убийства.

— Возможно, она и была незначительной для тебя, но никак не для него, — заметил граф. — Пусть тебя не мучает совесть. Человек, который нанимает банду головорезов, чтобы расправиться с противником из засады, а заодно прикончить и тех, кто случайно оказался рядом с ним, вполне заслуживает смерти.

Хотя слова Уоргрейва были вполне справедливы, Элис почувствовала, как по спине у нее побежали мурашки. Реджи мог считать, что нападение было задумано Блейкфордом,

чтобы убить его, но она знала: это не так. Элис прекрасно понимала, что охотились в первую очередь именно на нее, и причина покушения была ей известна.

Кто бы мог подумать, что ее прошлое настигнет ее таким страшным образом? Один человек погиб, пытаясь убить ее, и еще двое могли умереть только потому, что находились с ней рядом. При мысли о том, какая опасность грозила ей и ее спутникам, Элис почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

Лежавший у края дороги незнакомец, одетый в сюртук военного покроя, который, как видно, когда-то был темно-зеленым, но вылинял настолько, что точно определить его изначальный цвет было практически невозможно, застонал и пошевелился, приходя в себя. С трудом приподнявшись, он сел, осторожно ощупал голову и бросил затравленный взгляд на стоящую поодаль троицу. На худощавом лице мужчины отразился страх.

Граф Уоргрейв пересек дорогу и подошел к незнакомцу.

— Это вы кричали, пытаясь нас предупредить? — поинтересовался он.

— Да, я, — кивнул мужчина. — Я отказался стрелять в женщину, а когда стал целиться вон в того высокого мужчину, вдруг узнал вас, капитан Далтон.

— Да, я в самом деле когда-то был капитаном Далтоном, но год назад узнал, что моя настоящая фамилия — Дэвенпорт. Теперь я ношу титул графа Уоргрейва. — Прищурившись, граф пригляделся к сюртуку собеседника. — Ваше лицо кажется мне знакомым, но, по моему, мы с вами никогда раньше не разговаривали. Вы служили в девяносто пятом пехотном полку, в роте Кеннета Уайлдинга, не так ли?

— Так точно, сэр. Капрал Уиллит, сэр. В нашем полку вас все знали. Вы были отличным офицером. — Мужчина приложил руку к сочащейся кровью ране на голове. — Увидев вас, я понял, что оказался не на той стороне.

— Что может быть общего у бывшего солдата пехотного полка с бандой убийц? — сухо осведомился граф.

— Надо как-то кормить семью, сэр, — мрачно бросил Уиллит. — После того как мы рисковали своей задницей на войне... — Бывший капрал перевел взгляд на Элис. — Извините, мэм. На войне мы рисковали жизнью, подставляя грудь под пули французов, а вернувшись домой, оказались у разбитого корыта, без работы, без денег. Моя жена и ребенок были вынуждены месяцами ночевать под открытым небом, пока тот тип, который там лежит, узнав, что я здорово стреляю, не предложил мне поработать на него. Он, конечно, мерзавец, но он предложил пятьдесят фунтов за то, за что король платил мне жалкие гроши.

— Ваше сравнение не совсем корректно, но мне понятны причины, которые вынудили вас принять его предложение. — Граф нахмурился и, помедлив немного, добавил:

— Если у вас нет возражений против того, чтобы переехать вместе с семьей в Глостершир, я найду вам подходящую работу в моем имении.

Бывший пехотинец с трудом встал. Лицо его засветилось надеждой, но в глазах мелькнуло недоверие — судя по всему, этот человек давно уже утратил веру в справедливость.

— И вы не сдадите меня констеблям? — спросил он.

— Вы заслуживаете лучшей участи. Если бы не ваше предупреждение, мы все могли погибнуть. — Граф бросил на Уиллита жесткий взгляд. — Надеюсь, вы никогда не повторите подобной ошибки.

— Так точно, сэр! — отчеканил Уиллит и, вытянувшись, по всем правилам отдал графу честь.

Остановив экипаж у конюшни Стрикленда, Джулиан Маркхэм почувствовал себя так, словно вернулся домой. Местный конюх, распрягая лошадей, назвал его блудным сыном, после чего, озорно подмигнув, сообщил молодому человеку, что мистер Дэвенпорт и леди Элис уехали на сельскохозяйственную выставку в Дорчестер, а мисс Мередит дома.

Было совершенно ясно, что всем обитателям усадьбы известно об отношениях Мерри и Джулиана. У Маркхэма даже мелькнула мысль, что скорее всего они заключали пари, вернется он в Стрикленд или нет. Если бы они только знали, с каким нетерпением он ждал того момента, когда снова окажется здесь!

Перескакивая через две ступеньки, он поднялся на крыльцо и нетерпеливо постучал в дверь. Ему открыла горничная, но прежде чем он успел открыть рот, чтобы справиться о мисс Спенсер, через заднюю дверь в дом вошла Мерри с корзиной только что срезанных цветов. Джулиан успел заметить в ее голубых глазах глубокую печаль. Спустя мгновение голубые глаза Мередит широко распахнулись от удивления и неожиданности.

За несколько недель разлуки у Джулиана поубавилось уверенности в нежных чувствах Мерри.

— Вы мне рады? — нерешительно спросил он. С восторженным возгласом Мерри бросилась к нему, отшвырнув корзину с цветами. Цветы пестрым ковром устлали пол. Мередит и Джулиан сжали друг друга в объятиях, шепча ласковые слова. Счастье их было настолько полным, что даже горничная смотрела на них с нескрываемым одобрением.

Придя в себя, Джулиан повел девушку в гостиную. На щеках Мередит блестели слезы.

— В чем дело, Мерри? — спросил он с беспокойством. — Что-нибудь случилось?

Она покачала головой и улыбнулась:

— Простите, что у меня глаза на мокром месте. Просто я думала, что никогда больше вас не увижу.

Джулиан не стал упрекать девушку за недоверие к его обещаниям. Усадив ее на диван и усевшись рядом, он обнял Мерри за плечи.

— Я все-таки вернулся. Только теперь я не такой завидный жених, каким меня можно было назвать в начале лета, — сказал он и, видя вопросительный взгляд Мередит, пояснил; — Вы были правы. Несколько недель я спорил с отцом, стараясь убедить его согласиться на наш брак, но он твердо стоял на своем, считая, что мы не пара.

Джулиан невольно стиснул зубы при воспоминании о том, что говорил ему отец. У лорда Маркхэма были серьезные возражения против женитьбы сына на Мередит Спенсер. Его смущало и то, что Мерри жила под одной крышей с Реджинальдом Дэвенпортом. Джулиан предлагал отцу пригласить Мерри погостить у них, чтобы лорд Маркхэм мог лично убедиться — она будет его сыну прекрасной женой, но виконт наотрез отказался принимать у себя в доме особу, которую он назвал охотницей за состояниями.

Мерри резко выпрямилась.

— Джулиан, я не могу допустить, чтобы из-за меня вы порвали со своей семьей.

Молодой человек с нежностью прикоснулся пальцем к ее губам.

— Похоже, у меня нет другого выхода. Поверьте, Мерри, я знаю, что делаю. Отец может лишить меня содержания, но он не может запретить мне вступать в брак. Он не может даже лишить меня права унаследовать его титул. И уж что ему определено не по силам, так это заставить меня поступить вразрез с велением моего сердца.

Молодой человек глубоко вздохнул и решился наконец сообщить Мередит главную

НОВОСТЬ:

— Я так долго отсутствовал по той причине, что подыскивал себе место. Один мой кузен, который всегда не ладил с моим отцом, помог мне устроиться на вакантную должность в Уайтхолле. Жалованья и небольшого наследства, которое я получил несколько лет назад, нам вполне хватит. Мы не будем богаты, но вполне обеспеченное существование я вам гарантирую, — подытожил Джулиан и шепотом добавил:

— Разумеется, если вы все еще согласны стать моей женой.

Именно в этот момент Мерри поняла, что Джулиану Маркхэму, блестящему, уверенному в себе столичному джентльмену, она нужна так же, как и он ей. Мередит нежно поцеловала его в теплые губы и прошептала:

— Неужели вы в этом все еще сомневаетесь?

Обняв ее, Джулиан подумал, что Мерри, безусловно, стоит всего того, от чего он отказывался.

Вернувшись домой, Элис увидела на диване в гостиной нежно воркующих Мерри и Джулиана. Впрочем, она вынуждена была признать, что это был куда более приятный сюрприз, нежели нападение шайки убийц. Элис, Реджи и Ричарду пришлось провести в Дорчестере несколько часов, давая показания и приводя себя в порядок после схватки. Реджи был мрачен. Что касается его двоюродного брата, то он держался куда спокойнее и философски заметил, что чистка одежды после боя всегда занимает куда больше времени, чем сам бой.

Граф отдал необходимые распоряжения для отправки в Глостершир вновь нанятого работника и его семьи. Когда Элис, Реджи и Уоргрейв уезжали, Уиллит и его домочадцы, не веря своему счастью, сидели на одном из лучших постоянных дворов Дорчестера за столом, накрытым обильным ужином.

Поскольку бывший капрал спас жизнь ему и Элис, Реджи предложил оплатить дорожные расходы Уиллитов, но граф заявил, что пехотинцы обычно сами заботятся о себе, и тем самым пресек дальнейшие разговоры на эту тему. Элис украдкой улыбнулась, подумав, что граф Уоргрейв несколько не уступает своему кузену в упрямстве.

Она сочла необходимым побеседовать с Джулианом и обсудить его новое положение. Должность, на которую он поступил, должна была позволить ему обеспечить Мерри жизнь если не в роскоши, то, во всяком случае, в условиях, которые можно было назвать вполне комфортными. В перспективе Мередит должна была стать виконтессой и весьма обеспеченной женщиной, но это было для Элис уже не так важно. Самое главное для нее состояло в том, что ее воспитанница станет женой человека, который ее любит, любит настолько, что ради нее решил полностью изменить свою жизнь.

Радуюсь за Мередит, Элис с горечью думала о том, что в ее собственной жизни не могло случиться ничего подобного. Однако она безжалостно подавила в душе это чувство. Элис давно уже примирилась с тем печальным фактом, что роль героини романтической любовной истории — не для нее.

В тот вечер за обеденным столом царило веселье — Мерри и Джулиана поздравляли с официальной помолвкой, а Элис, Реджи и графа Уоргрейва — с тем, что им удалось уцелеть в схватке с бандитами. Из винного погреба достали шампанское. Собравшиеся произносили тосты за здоровье жениха и невесты. Даже Уильяму разрешили выпить за счастье сестры.

Бокал Реджи был наполнен водой. Что он чувствовал, понимая, что на всю оставшуюся жизнь лишен возможности немного выпить вместе со всеми? Если подобная мысль и тяготила его, то со стороны этого не было заметно. Он был весел и держался как радушный хозяин, собравший в своем доме близких друзей.

Все были настолько поглощены разговорами, что не услышали, как через парадную дверь в дом вошел человек. Только после того, как он, отстранив горничную, прошел в столовую, нежданного гостя заметили. Это был джентльмен средних лет, с приятным/волевым лицом, одетый в пальто, на котором блестели дождевые капли.

— Отец! — воскликнул сидевший рядом с Элис Джулиан и вскочил.

Элис, однако, и без того уже догадалась, что неожиданный визитер — не кто иной, как лорд Маркхэм.

Сидевшие за столом не сводили глаз с отца Джулиана.

— Я приехал сюда, чтобы раз и навсегда покончить с блажью, которая взбрела в голову моему сыну, решившему, что он может жениться бог знает на ком, — заявил лорд Маркхэм.

— Мы обсуждали этот вопрос в течение нескольких недель, сэр, и я не намерен отступить от своего решения, — твердо возразил побледневший Джулиан. — Я предпочел бы жениться с вашего благословения, но отсутствие оногo меня не остановит.

— Боже правый, мой мальчик, неужели ты совершенно утратил гордость и готов жениться на любовнице повесы и пьяницы, которому она скорее всего просто надоела? — Виконт бросил испепеляющий взгляд на Реджи, который сидел во главе стола и, прищурившись, внимательно наблюдал за происходящим.

На какое-то время в комнате воцарилась мертвая тишина. Прежде чем взбешенный Джулиан успел произнести хоть слово, со своего места вскочил Питер.

— Милорд, вы оскорбили мою сестру. Если вы примете вызов от человека моего возраста, то будьте готовы драться на пистолетах завтра на рассвете! — произнес он с хладнокровием, достойным не мальчика, но мужа.

Хотя слова Питера прозвучали, возможно, несколько напыщенно, ни у кого не было сомнений в его искренности, равно как и в том, что он разгневан до глубины души. Виконт, не скрывая своего изумления, уставился на дерзкого мальчишку.

— Маркхэм, неужели вы в самом деле думаете, что я стал бы держать в своем доме любовницу вместе с ее младшим братом? — лениво процедил Реджи. — Так не делается — поверьте мне, уж я-то знаю толк в подобных вещах.

Вспомнив о том, что вместе со взрослыми за столом сидит и Уильям, Элис одарила мальчика самым строгим из своих взглядов и кивком головы дала понять, что он должен немедленно выйти из комнаты. Уильям воинственно уставился на опекуницу, но по выражению ее лица понял, что сопротивление ни к чему хорошему не приведет, и неохотно направился к выходу.

— Вы оскорбили не только сестру Питера, но и мою воспитанницу, милорд, — заявила

она, воспользовавшись наступившей паузой. — Заверяю вас, что мисс Спенсер воспитывалась в соответствии с самыми строгими правилами приличий. Лишь несчастье, лишившее нас крова, вынудило меня воспользоваться гостеприимством мистера Дэвенпорта, который был настолько любезен, что принял нашу семью у себя.

— А вы кто такая? — холодно осведомился лорд Маркхэм, повернувшись в ее сторону.

— Меня зовут леди Элис Уэстон, — высокомерно проговорила Элис. Когда в этом возникала необходимость, она прекрасно умела играть роль чванливой светской дамы. Для вящей убедительности Элис гордо приподняла подбородок, хотя эффект оказался несколько смазанным, поскольку она сидела, а не стояла во весь рост.

Немало обескураженный холодным высокомерием Элис, лорд Маркхэм перевел взгляд на двоюродного брата Реджи.

— Если эта женщина — леди, то вы, по всей видимости, герцог Веллингтонский? — съехидничал он.

— Разумеется, нет, — ответил Ричард, вставая. — Для этого я носом не вышел. Я граф Уоргрейв. — Он поприветствовал отца Джулиана вежливым полупоклоном. — Насколько мне известно, вы у себя в Маркхэмстеде проводили очень интересные эксперименты в области животноводства.

Виконт едва не заговорил о разведении свиней в своем поместье, но чувство долга не позволило ему оседлать любимого конька.

— Что же вы здесь делаете? — обратился он к Ричарду. — Всем известно, что вы лишили своего непутевого кузена содержания и приказали ему убраться из Лондона и не позорить больше род Дэвенпортов.

Ричард удивленно поднял брови.

— Не представляю, откуда берутся такие неточные сведения, — процедил он ледяным тоном. — Как видите, у нас с кузеном прекрасные отношения.

Элис с трудом подавила улыбку. Было ясно, что граф, на редкость простой и легкий в общении человек, тоже в случае необходимости умеет быть холодным и высокомерным.

Атакованный сразу с нескольких сторон, лорд Маркхэм растерянно замолчал. Решив, что настало время, когда она должна побороться за свое счастье, Мерри встала, подошла к отцу Джулиана и, с упреком оглядев всех сидевших за столом, мягко сказала:

— Не будьте слишком строги к лорду Маркхэму. Он проделал длительное путешествие под дождем, потому что беспокоится за будущее Джулиана. Это вполне естественно — ведь он его отец. Вы, должно быть, устали и замерзли, лорд Маркхэм. Не хотите ли перекусить? Может, выпьете бокал вина?

Виконт заколебался. Предложение Мерри показалось ему очень заманчивым. Похоже, эта золотоволосая девушка была среди присутствующих единственной, кто с пониманием и сочувствием относился к его желанию спасти своего сына и наследника от брака, который не мог принести ему ничего, кроме несчастья.

— Вы и есть та самая девушка, на которой хочет жениться Джулиан? — сухо осведомился он.

— Да, — кивнула Мерри, и ее милое лицо помрачнело. — Клянусь, я не хочу становиться причиной ссоры Джулиана и его семьи. Я знаю, что и вы, и он тяжело переживали бы разрыв. — Голос Мерри задрожал. — Но мы с Джулианом так любим друг друга...

В явном замешательстве лорд Маркхэм посмотрел в голубые глаза Мерри, полные слез.

Он отправился на перекладных в Дорсет сразу же после того, как узнал, что Джулиан решил послушаться его приказа порвать с девушкой, которая совершенно не годилась ему в жены. Виконт ожидал резкой конфронтации, даже скандала, но никак не того, что произошло, — на какой-то момент он невольно почувствовал себя злодеем, заставившим плакать стоявшее перед ним очаровательное существо.

Однако замешательство быстро прошло, лорд Маркхэм снова вспомнил об отцовском долге. Разумеется, подумал он, избранница Джулиана хороша собой — иначе и быть не могло. Молодые люди редко теряют голову из-за женщин с заурядными внешними данными.

Элис посмотрела на Реджи, пытаясь выяснить его реакцию на неожиданное вторжение лорда Маркхэма и оскорбления в свой адрес и в адрес людей, живущих с ним под одной крышей. По возбужденному блеску глаз она поняла, что Дэвенпорт готов бросить виконту вызов и сделает это со свойственной ему изобретательностью.

— Ради всего святого, Маркхэм, — небрежно процедил он, — не хватало еще, чтобы и вы поддались обаянию этих голубых глазок. Такой блестящий молодой человек, как Джулиан, может выбрать себе жену среди самых богатых наследниц Англии. Связать себя на всю жизнь с молодой особой, единственным достоинством которой является смазливая мордашка, — отчаянная глупость.

Головы всех присутствующих повернулись в сторону Реджи. В то время как лорд Маркхэм продолжал бурлить, словно закипающий чайник, Питер и Мерри были откровенно потрясены его словами. Уоргрейв казался задумчивым, а по лицу Джулиана было видно, что он шокирован и считает, что Реджи его предал.

Элис, успевшей разглядеть подозрительный блеск в глазах хозяина Стрикленда, показалось, что она поняла его замысел. Она толкнула Джулиана ногой под столом прежде, чем тот успел обрушиться с упреками на вероломного друга, и покачала головой, давая понять, что вмешиваться не следует.

Пока Джулиан пытался сообразить, что мог означать жест леди Элис, лорд Маркхэм гневно накинулся на Реджи.

— Откровенно говоря, я думал, что даже такой пошляк, как вы, которому на все и на всех наплевать, должен понимать, что деньги — не единственный и даже не самый главный критерий при заключении брака, — заявил он.

— Ну разумеется. — Реджи надменно поднял брови. — Существуют еще такие критерии, как земля, титул и положение в обществе.

— Это вы так считаете — вы, охотник за состояниями, о меркантильности которого не раз писали в газетах, — отрезал виконт, бросив на Реджи убийственный взгляд. — Порядочные люди знают, что главным для прочного и счастливого брака являются взаимная любовь и уважение. — Лорд Маркхэм перевел взгляд на Мерри, и лицо его смягчилось. — Если молодая женщина добра и любит своего будущего мужа, это гораздо важнее и ценнее любого богатства. Более того, девушки, не имеющие большого приданого, как правило, не бывают избалованными и не бросают деньги мужа на ветер.

Реджи лишь презрительно пожал плечами:

— Тот, кто полюбил бедную девушку, с таким же успехом может полюбить и богатую, а непостоянство молодых людей — притча во языцех. Не пройдет и нескольких месяцев, как ваш сын и думать забудет о Мерри.

После этих слов Мередит озадаченно нахмурилась, но затем лицо ее снова прояснилось, а глаза лукаво блеснули.

— Двадцатипятилетний мужчина — не мальчик, — отрезал лорд Маркхэм. — К тому же мой сын — в отличие от вас и вам подобных — не безответственный волокита, готовый бежать за каждой юбкой. Он — настоящий джентльмен. Иметь такого сына — большая честь для порядочного человека. Джулиан ни за что бы не сделал предложения мисс Спенсер, если бы у него не было серьезных намерений.

— Что ж, вам лучше знать вашего сына, — парировал Реджи с выражением скуки на лице. — Хотя мне всегда казалось, что в Лондоне вы держали его на коротком поводке именно потому, что не доверяли. Если не ошибаюсь, вы даже отказались дать ему возможность проявить себя в качестве управляющего одного из ваших поместий, совсем небольшого.

На лице Джулиана, который только теперь раскусил хитрость Реджи, промелькнуло озорное выражение.

— Вы не только аморальный тип, Дэвенпорт, вы еще и крайне плохо информированы, поскольку питаетесь сплетнями. Джулиан подготовил замечательный план управления имением в Мортоне, и я намерен передать это имение в его руки по случаю его женитьбы.

У Джулиана глаза на лоб полезли от изумления. Лорд Маркхэм посмотрел на сына с некоторым смущением.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты зазнался, но на меня произвели огромное впечатление разработанные тобой планы, мой мальчик, да, огромное. Я считаю, что молодому человеку следует приобрести некоторый жизненный опыт, равно как и опыт в ведении дел, прежде чем решаться на такой ответственный шаг, как создание собственной семьи, но раз уж ты твердо намерен вступить в брак — что ж, пусть будет так. — Лорд Маркхэм снова прожег взглядом Реджи. — И чем больше я над этим размышляю, тем больше убеждаюсь, что тебе следует уехать из Лондона, где слишком много соблазнов и где очень легко подпасть под дурное влияние.

— Пожалуй, ваш сын не сможет натворить слишком больших бед в одном имении, но я полагаю, что вы сделаете большую глупость, позволив ему связать свою судьбу с особой, которая ему совсем не пара, — с непередаваемым апломбом заявил Реджи.

Виконт, дрожа от ярости, разогнался было к нему, но, сделав несколько шагов, остановился, сжав кулаки.

— Мне искренне жаль, что здесь присутствуют дамы! — проревел он. — Не смейте давать мне советы! Я сам разберусь, как мне поступать в отношении моего родного сына. Меня не интересует ваше мнение, какая женщина годится ему в жены, а какая нет! Что вы можете знать о порядочных женщинах? — Лорд Маркхэм снова взглянул на Мередит. — Мисс Спенсер производит впечатление настоящей леди. Она — девушка из приличной семьи и располагает определенными средствами, а главное — мой сын выбрал в жены именно ее. Чем скорее они поженятся и избавятся от вашего разлагающего влияния, тем лучше! — Виконт повернулся к Джулиану:

— Я больше ни одной минуты не намерен оставаться в доме этого негодяя. Я уже договорился насчет комнаты в «Молчаливой женщине». Жду тебя и твою невесту там завтра в десять утра. Нам надо о многом поговорить. — Лорд Маркхэм в последний раз тепло посмотрел на Мерри. — Мне хочется лучше познакомиться с будущей невесткой.

С этими словами отец Джулиана повернулся и вышел из столовой, хлопнув за собой дверью с такой силой, что фарфоровая посуда в буфете жалобно зазвенела. Несколько секунд после его ухода в комнате стояла мертвая тишина, а затем граф Уоргрейв, откинувшись на

спинку стула, громко захохотал.

— Ну, кузен, — с трудом проговорил он, хватая ртом воздух, — такое не часто увидишь.

Его слова послужили сигналом для остальных — в столовой воцарилось всеобщее ликование. Джулиан, обогнув стол, подошел к Мерри и крепко ее обнял.

Разыграв из себя отпетого мерзавца, Реджи получил результат, которого Джулиан не мог добиться в течение нескольких недель, приводя в обоснование своего решения множество весомых и убедительных, с его точки зрения, аргументов. Дэвенпорт вел рискованную игру, но риск оправдал себя как нельзя лучше.

Весть о посещении Стрикленда лордом Маркхэмом мгновенно распространилась по усадьбе, причем все обитатели дома выразили восхищение изобретательностью Реджи. Горничная Джилли, тайком наблюдавшая за происходящим в столовой через щелочку в двери, закончив уборку, разыскала Мака Купера и рассказала ему обо всем, что видела и слышала. У Джилли уже вошло в привычку делиться с ним новостями — она получала немалое удовольствие, вводя Мака в курс последних событий.

На улице лил холодный дождь, а Джилли неважно себя чувствовала, и они с Маком не стали уходить далеко, укрывшись от непогоды в амбаре. Удобно расположившись на охапке сена, Джилли принялась пересказывать Куперу разговор в столовой, стараясь не пропустить ни слова. Когда Джилли закончила рассказ, Купер описал ей несколько случаев из жизни своего хозяина — разумеется, подвергнув их тщательной цензуре.

Когда они совсем обессилели от смеха, Мак, повернувшись на бок, поцеловал Джилли в задорно вздернутый нос.

— Похоже, Мерри и Джулиан вот-вот поженятся, — сказал он. — Может, и нам пора под венец, а, Джилли?

Горничная, посерьезнев, бросила пытливый взгляд на Купера. Хотя их отношения крепились день ото дня, после той памятной беседы в мансарде господского дома он ни разу не заговаривал с ней о женитьбе. Смутившись, Джилли, бессознательным движением положив руку на свой уже заметно увеличившийся живот, смущенно сказала:

— Я бы с радостью стала твоей женой, Мак. Вот только... — Она замолчала, с трудом подбирая слова, чтобы выразить свое беспокойство. — Боюсь, тебе будет неприятно, что ребенок не от тебя.

Мак накрыл своей ладонью руку Джилли — и даже привстал от удивления.

— Малыш-то брыкается, — сказал он. — Шустрый чертенок, верно? Знаешь, Джилли, моя мать тоже была горничной, как и ты. Она говорила, что мой отец — шикарный лондонский джентльмен, не иначе как лорд. Ничего себе джентльмен! — Купер с горечью рассмеялся. — Когда она забеременела, просто вышвырнул из дому. Денег у нее было всего десять фунтов. И не нашлось никого, кто позаботился бы о ней и обо мне, а ребенку ведь нужен отец. — Мак ненадолго замолчал, а потом заговорил снова:

— Мать сделала все, что могла, чтобы поднять меня, но ей пришлось работать на панели, и она, растратив здоровье, умерла, когда мне было шесть лет.

У Джилли заболело сердце при мысли о доведенной до отчаяния молодой женщине и одиноком, покинутом ребенке, которым был когда-то Мак. Но страх, что Купер не захочет усыновить ее малыша, вдруг исчез. Джилли была простой девушкой из сельской местности, но все же обладала достаточной проницательностью для того, чтобы понять, как сильно хочется ему иметь свою семью, близких людей, которых он мог бы окружить любовью и

заботой, и как сам Мак нуждается в любви и ласке.

Джилли поверила ему.

— Если ты в самом деле хочешь на мне жениться, Мак, — тихо сказала она, погладив его по щеке, — то я с удовольствием принимаю твое предложение. И я горжусь тем, что ты оказал мне честь, прося моей руки.

Мак нежно поцеловал ее, но последовавшее за этим объятие сделало его поцелуй более страстным и настойчивым. Джилли с радостью убедилась, что, столичный житель, Купер знает о поцелуях гораздо больше, чем ее бывший ухажер Билли.

Далее события начали развиваться весьма бурно, однако в какой-то момент Мак вдруг резко отстранился.

— Прости, Джилли, детка, — сказал он, тяжело дыша. — Я не хочу, чтобы ты думала, будто я один из тех типов, которые врут женщинам только для того, чтобы получить свое. Подождем, пока мы с тобой не поженимся честь по чести.

— А я не хочу ждать! — воскликнула Джилли. Лицо ее покраснелось, к волосам прилипли соломинки. — Тем более что нам ничто не грозит — я не забеременею, это уж точно.

Мак засмеялся, и маска сурового, все повидавшего кокни, в свое время едва не угодившего в беду из-за неприятностей с законом, слетела, он превратился в молодого, веселого парня, каковым на самом деле и был. Он бережно заключил Джилли в объятия, и они утонули в мягком, душистом сене.

После отъезда графа Уоргрейва жизнь в поместье вернулась в обычную колею. Джулиан и Мерредит дней на десять уехали в семейное поместье Маркхэмов. Мерри так очаровала лорда Маркхэма, что он уже почти забыл о своем намерении предотвратить этот брак. Свадьбу запланировали на осень с тем расчетом, чтобы Элис успела управиться со сбором урожая и могла присутствовать на свадебном торжестве в качестве матери невесты.

Вскоре распространились слухи о том, что камердинер Дэвенпорта собирается жениться на горничной Джилли. Узнав об этом, Элис брезгливо поморщилась, но ничего не сказала. А потом подумала, что, пожалуй, напрасно возмущается, поскольку подобные вещи, как они ни отвратительны, вполне обычное явление. Все было ясно как день: Реджи сбрасывал с плеч обузу, а Мак Купер — Элис в этом нисколько не сомневалась — наверняка получил щедрую компенсацию за то, что согласился избавить хозяина от лишних проблем и жениться на его забеременевшей любовнице.

На следующий день после отъезда Джулиана и Мерри Элис и Реджи, наслаждаясь покоем после того, как мальчики наконец отправились спать, сидели в библиотеке. Элис больше всего любила эти вечерние часы. В присутствии Реджи все мысли о его недостойном поведении мигом улетучивались у нее из головы.

Библиотека была единственным местом в доме, где Реджи позволял себе курить. Сидя в кресле, он попыхивал трубкой. Немезида и Аттила, не обращая друг на друга внимания, дремали у ног своих хозяев. Кот и собака заключили перемирие — вероятно, это в значительной степени объяснялось тем, что, по мнению Аттилы, черно-белая колли оказалась слишком трусливой, чтобы ее можно было считать серьезным противником.

— Почему бы вам не выпить немного бренди? — предложил Реджи, выпустив изо рта очередной клуб дыма. — Перед визитом Ричарда я снова наполнил буфет достойными напитками.

После минутного колебания Элис подошла к буфету и налила себе небольшую рюмку бренди.

— Вас не беспокоит, что здесь хранятся запасы спиртного? — поинтересовалась она.

— Хотите верьте, хотите нет, но не беспокоит. Я постоянно думал о выпивке в течение первых трех или четырех недель после того, как отказался от употребления алкоголя, но теперь это позади. — Реджи пожал плечами. — Сейчас я понимаю, что уже в течение многих лет не получал от спиртного никакого удовольствия. Пил просто потому, что не понимал, как можно не пить. Теперь, когда я стал трезвенником, у меня нет ни малейшего желания снова возвращаться к прошлому. Сейчас я получаю гораздо больше удовольствия от жизни, чем тогда.

Элис вернулась в свое кресло, смущенная нежностью, светившейся в его глазах. Теперь в Реджи трудно было узнать того резкого на язык, ни с кем не считавшегося скептика, который появился в Стрикленде, казалось бы, еще совсем недавно. Реджи стал совсем иным человеком — спокойным, физически и духовно здоровым, неотразимо привлекательным.

Почувствовав, что ее мысли отклоняются в нежелательном направлении, Элис сочла за благо продолжить беседу.

— Меня очень удивило, как это лорд Маркхэм не заметил, что вы манипулируете им. У вас с ним какие-то старые счеты? Реджи ухмыльнулся:

— Несколько лет назад мы с ним повздорили из-за женщины. Дама предпочла меня, и Маркхэм этого не забыл и не простил. Я готов был побиться об заклад — он сделает все что угодно, лишь бы это было в пику мне.

— Как я посмотрю, у вас всегда и во всем замешаны женщины, — раздраженно обронила Элис.

— К сожалению, вы правы, — ответил Реджи, и лицо его стало непроницаемым. — Если бы у меня хватило ума держаться подальше от любовницы Блейкфорда, он сейчас был бы жив, — пробормотал он.

— Ссора из-за женщины редко толкает мужчин на убийство. — Элис задумчиво повертела в руке рюмку. — Вам не следует винить себя за то, что Блейкфорд пошел на такую крайность.

— Вы так считаете? — Реджи удивленно поднял брови. — Блейкфорд всегда был странным, мрачным типом. Так или иначе, факт остается фактом: мое неосторожное поведение заставило его переступить грань и решиться на убийство.

— Возможно, он устроил засаду вовсе не из-за того, что ревновал к вам свою любовницу, — сказала Элис, надеясь, что ей удастся избавить Реджи от угрызений совести, в то же время не раскрывая ему глаза на истинное положение вещей.

— А что, вы можете предложить другое объяснение? — Реджи болезненно поморщился. — Я просто не представляю себе, чтобы кто-то захотел расправиться с вами или с Ричардом, но людей, которые с радостью сплясали бы на моей могиле, сколько угодно, и Блейкфорд, разумеется, был одним из них.

Элис не могла больше видеть терзаний Дэвенпорта и решила сказать ему часть правды.

— Вполне возможно, что Блейкфорд, пользуясь удобным случаем, захотел бы отправить на тот свет и вас, но уверяю — главной мишенью была я. У нас с Блейкфордом старые счеты.

— Блейкфорд вас домогался?! — поражение воскликнул Дэвенпорт.

Элис задела его интонация. Она стремилась избавить Реджи от душевной боли, но в награду получила реакцию, заставившую забыть о всякой осторожности.

Вот уже несколько месяцев она жила под одной крышей с человеком, которого любила и к которому испытывала сильнейшее физическое влечение. Всякий раз, когда он небрежно упоминал о той или иной своей бывшей любовнице, о том или ином своем романе, сердце ее сжималось от боли. В душе Элис все еще не зажила рана, которую, сам того не подозревая, нанес ей Реджи своей связью с горничной. А теперь он, видите ли, был поражен тем, что какой-то мужчина мог испытать по отношению к ней, Элис, нормальные чувства, которые и должен испытывать мужчина по отношению к женщине!

Элис буквально затрясло от боли и возмущения. Отставив в сторону рюмку, она встала.

— Ну разумеется, вы удивлены. Как же — до меня ведь ни один мужчина не дотронется, если, конечно, он не пьян или не ожидает получить в качестве компенсации за женитьбу огромное состояние. — Голос Элис задрожал. — Вам, человеку, который переспал чуть не с половиной женского населения Англии, прежде чем поцеловать меня, нужно надраться в стельку. Не очень-то любезно с вашей стороны напоминать мне, что как женщина я не заслуживаю ни малейшего интереса.

Сказав это, Элис пришла в ужас от своих слов. Ей казалось, что, открывшись Реджи, она унизила себя самым недопустимым образом. Слепнув от слез, она ринулась к двери, не желая услышать слова жалости или сочувствия, и не видела, как, дружелюбно помахивая хвостом, наперерез ей двинулась Немезида. Элис налетела на овчарку и, споткнувшись, неловко плюхнулась на ковер.

— Черт бы побрал эту собаку! — выкрикнула она, чувствуя, что вот-вот зарыдает в голос.

Реджи был потрясен до глубины души. Подозрение, что Элис когда-то была любовницей Блейкфорда, вызвало у него неожиданный всплеск ревности, настолько же сильный, насколько и необъяснимый. Очевидно, что Элис почувствовалось презрение в его голосе. То, как она отреагировала на его слова, не оставляло сомнений: он, сам того не желая, разбередил в ее душе какую-то глубокую старую рану, мучившую ее уже много лет.

Элис всегда была такой твердой, сильной и уравновешенной. Реджи и в голову не приходило, что у нее могут быть какие-то слабости и уязвимые места. Однако теперь у него не оставалось сомнений, что ахиллесовой пятой Элис была ее убежденность в том, будто она лишена женской привлекательности. Для человека с ее темпераментом это было настоящей трагедией.

Все это пронеслось в его мозгу за какие-то мгновения.

Вскочив с кресла, Реджи опустился рядом с ней на колени.

— Элли, когда я понял, что Блейкфорд мог быть вашим любовником, я почувствовал не удивление, — сказал он. — Я "Почувствовал ревность".

Элис уставилась на него, не веря своим глазам.

— Вы подумали, что у меня был роман с Блейкфордом? В таком случае вы еще глупее, чем я думала.

Уловив в ее голосе неподдельное отвращение, Дэвенпорт успокоился. Глядя Элис в глаза, он с нажимом проговорил:

— Если кто-то из нас и глуп, так это вы. Да я, между прочим, только о вас и думаю с того самого момента, когда впервые вас увидел.

— Не смейте мне лгать! — Элис попыталась встать, однако Реджи схватил ее за плечи и повернул лицом к себе. Волосы ее растрепались и рассыпались по плечам и по лицу каштановой шелковистой волной, отливающей золотом.

— Я вовсе не лгу. Вы чудесная, обольстительная женщина, и мне стоило чертовских усилий не давать себе воли, находясь рядом с вами.

— Надо же, какой вы, оказывается, воспитанный джентльмен, — я даже ничего не заметила.

Она сделала резкое движение, пытаясь освободиться, но Дэвенпорт лишь крепче стиснул ее плечи.

— Значит, вы думаете, что мне хотелось целовать вас только в те моменты, когда я был пьян. Ну так вот что я вам скажу: мне все время этого хотелось, но, когда я бывал навеселе, я отбрасывал приличия и поступал в соответствии с желаниями.

— *In vino veritas?* — Элис горько рассмеялась. — Получается, что эту фразу следует переводить не как «истина в вине», а как «похоть в вине». Пьяному мужчине сгодится любая женщина. — Элис ударила Реджи по руке, пытаясь заставить его разжать пальцы.

Реджи видел, что Элис слишком расстроена, чтобы поверить ему. По-видимому, горечь и обиды годами копились в ее душе, и теперь произошел прорыв плотины, смывший с лица Элис маску хладнокровной, уверенной в себе женщины. Его сдержанность, продиктованная лучшими побуждениями, лишь усугубила проблему. Дэвенпорт чертыхнулся про себя — воистину: благими намерениями вымощена дорога в ад.

Было ясно, что словами Элис не убедить.

Реджи сжал ладонями ее лицо и осторожно поцеловал в уголок зажмуренного глаза, почувствовав на губах соленый вкус слез. Элис ахнула и, перестав вырываться, обмякла в его руках. С жадностью, которую ему приходилось сдерживать в течение нескольких месяцев, Реджи прильнул губами к ее полуоткрытым губам. Элис горячо ответила на его поцелуй. Она обвила руками его шею, и вскоре они оба вытянулись на полу. Прикосновение к ее стройному телу возбудило Реджи куда сильнее, чем самое лучшее бренди. Наклонившись, он поцеловал сквозь ткань платья ее грудь, чувствуя, как сосок мгновенно затвердел под его губами. Элис застонала и выгнулась навстречу Реджи. Он было принялся расстегивать платье Элис, но стон, который она издала, слегка отрезвил его, напомнив, что они находятся в библиотеке. Он неохотно отодвинулся и встал. Элис открыла глаза.

— Не останавливайтесь, — прошептала она. — Не останавливайтесь хотя бы на этот раз.

— Я и не собираюсь. — Тяжело дыша, Реджи поднял ее с пола и поставил на ноги. — Просто мне не хочется, чтобы это происходило на полу в библиотеке, — вы заслуживаете лучшего.

Он снова привлек ее к себе для поцелуя, еще более смелого. Элис было все равно, где произойдет то, что должно было наконец произойти. Она уже ни о чем не думала и только наслаждалась тем восхитительным ощущением, которое будила в ней близость любимого. Реджи обхватил ее за талию и повел вверх по лестнице. Тела их тесно соприкасались, заставляя сердца биться все быстрее.

Наконец они вошли в спальню Дэвенпорта. Чувствуя, что он снова отстранился от нее, Элис невнятно запротестовала.

— Я не собираюсь никуда уходить. — В голосе Реджи прозвучало сдерживаемое желание. Он запер дверь на задвижку. — Просто я хочу видеть вас всю — каждый дюйм вашего прекрасного тела. Мы с вами очень долго ждали этого момента, не следует торопиться или прятаться друг от друга в темноте.

Реджи зажег несколько свечей, пока свет не залил постель.

— Всю-всю, — повторил он, обращившись к Элис. Он стащил с нее платье — теперь на ней не было ничего, кроме тонкой нижней рубашки. Реджи осторожно снял и ее. Она почувствовала, как от этого прикосновения теплая волна пробежала от ее головы к ногам. По тяжелому, хриплому дыханию Реджи нетрудно было понять, насколько нестерпимо овладевшее им желание, какой, оказывается, огромной женской силой обладает Элис Уэстон.

Не говоря ни слова, она принялась расстегивать на Дэвенпорте рубашку — ей тоже хотелось увидеть его обнаженным. Реджи был прекрасен — его широкие плечи, узкая талия и мощные бедра, приобретшие особую рельефность благодаря тяжелой физической работе, наверняка вызвали бы восторг у любого скульптора. Элис нерешительно погладила волосы на его груди, затем рука ее скользнула ниже. Она почувствовала, как напрягаются его мышцы под ее ладонью.

Реджи затаил дыхание, когда рука Элис коснулась его восставшей мужской плоти, и опустился на кровать, увлекая ее за собой. Верный своему слову, он не торопился, и под лаской его опытных рук и губ, познающих ее тело, страсть Элис росла и распускалась, словно цветок под лучами солнца. Все страхи и сомнения, так долго мучившие ее, улетучились, а ее сладкие ночные грезы превратились в реальность.

Чувствуя, что она не может больше ждать, Реджи впился в ее губы жадным поцелуем. И все же Элис казалось, что он действует медленно, слишком медленно. У нее мелькнула мысль, что Реджи скорее всего считает, ее девственницей и потому проявляет особую осторожность. Сгорая от нетерпения, она не стала вдаваться в объяснения и прошептала ему на ухо:

— Пожалуйста, скорее.

Ощувив в своем теле мужскую плоть, она замерла от удовольствия. В ту же секунду Реджи, застонав, сдался и глубоко проник в нее одним мощным движением. На какое-то время оба замерли, а затем Реджи, восстановивший контроль над собой, стал двигаться размеренно и осторожно, чтобы сделать их взаимное наслаждение как можно более полным и длительным, — пока, как и Элис, не потерял голову окончательно.

То, что произошло между ней и Реджи, превосходило самые смелые ожидания Элис. Полной неожиданностью для нее была неизъяснимо сладкая истома, охватившая ее после того, как рассеялся застилавший мозг и душу горячий туман; сюрпризом оказалось и то огромное наслаждение, которое Элис испытывала от близости с мужчиной. Когда Реджи зашевелился, она испугалась, что он собирается встать и уйти, однако тут же вздохнула с облегчением — он перевернулся на бок и привлек ее к себе, так что ее голова уютно опустилась ему на плечо.

— Я хочу, чтобы ты раз и навсегда перестала думать, будто ты некрасивая, — прошептал он и почувствовал, как тело Элис напряглось. — Я мог бы доказывать тебе это таким же образом всю жизнь, Элли, но, похоже, ты не склонна мне верить, вообразив, что мужчины тебя не хотят. Что послужило тому причиной?

Элис стало не по себе оттого, что Реджи читал в ее душе, словно в раскрытой книге.

— Разве моего роста и разного цвета глаз не достаточно для того, чтобы так думать? — поинтересовалась она.

Элис хотелось, чтобы ее слова прозвучали как можно беззаботнее, однако в голосе явственно слышалась неуверенность.

— Да, конечно, ты высокая, но Мария, королева Шотландии, была на пару дюймов выше тебя, и при этом ее считали редкой красавицей. — Реджи с нежностью провел рукой по спине Элис. — Если бы ты была ниже ростом, твои ноги не были бы такими красивыми. Ты удивительно пропорциональна, и потом, с тобой очень удобно целоваться. Будь ты хоть на дюйм ниже, это было бы уже не то. Когда ты щеголяла в бриджах, мне все время казалось, что я вот-вот не выдержу и накинусь на тебя.

— В самом деле? — Элис заглянула ему в глаза, было видно, что слова Реджи ей приятны. — Я действительно люблю носить бриджи и брюки, но только потому, что это очень удобная одежда.

— Ну разумеется. Тот факт, что это делает тебя ужасно соблазнительной, ты, конечно же, в расчет не берешь. Но все же ты наверняка должна была заметить, как обитатели Стоикленда мужского пола пялят на тебя глаза.

— Я контролирую их работу, — резонно заметила Элис. — Вполне естественно, что они оказывают мне внимание.

— Я хозяин этого поместья и плачу им деньги, но на меня они так не глазеют, — со смехом возразил Реджи. — Что же касается твоей убежденности, будто тебе не хватает женственности, — уж не знаю, что ты под этим подразумеваешь, — то готов биться об заклад, что тот, кто хоть раз тебя видел, ни за что ничего подобного не скажет. Ты женщина — от макушки до кончиков пальцев на ногах. — Он потерся лицом о ее грудь, и по всему телу Элис пробежала теплая волна удовольствия. — Что же касается твоей строгости и привычки командовать... — Реджи задумался. — Эти качества действительно тебе присущи, но они не делают тебя менее привлекательной. И наконец, о твоих глазах: они прекрасны, — подытожил он, со смехом уворачиваясь от шутливого удара.

Элис, поняв, что ее дразнят, попыталась нахмуриться, но ей было так хорошо, что ничего не вышло.

— Ты смеешься надо мной. Теперь, что бы ты ни сказал, я буду думать, будто ты надо

мною подтруниваешь.

— Ты должна мне верить — все, что я сказал, чистая правда. — Приподнявшись на локте, Реджи чмокнул Элис в кончик носа. — Мало того, что у тебя ресницы длиной чуть ли не в ярд, так Бог наделил тебя еще и разными глазами — чудесным карим и замечательной красоты серым, который к тому же то и дело меняет оттенок. Кстати, где это написано, что глаза обязательно должны быть одинакового цвета?

Элис расхохоталась.

— Ну а твои ямочки на щеках прямо-таки сводят меня с ума, — торжественно объявил Реджи и принялся целовать так ему полюбившиеся ямочки. Затем губы его перекочевали на шею и грудь Элис. Несколько минут спустя он, тяжело дыша, отстранился и пробормотал:

— В таких условиях мне очень трудно сосредоточиться, но нам надо о многом поговорить. — Он приподнялся на локте, и лицо его стало серьезным. — Элли, плотская любовь — один из основных элементов человеческой жизни, и то, что мужчины и женщины почти никогда не говорят о ней свободно и без ложного стыда, — величайшая трагедия. Порядочным женщинам внушают, что полное неведение в этом вопросе и отвращение к физической стороне любви есть признаки утонченности и хорошего воспитания. Прошу тебя — никогда не стыдись своей природы и того, что ты чувствуешь.

— Я... я постараюсь, — с трудом выговорила Элис.

— Любовь между мужчиной и женщиной — та сфера, в которой каждый по-своему уязвим. — Реджи задумчиво намотал на палец прядь волос Элис. — Фундаментальная разница между полами состоит в том, что мужчин заботит их способность выполнять роль, отведенную природой самцу, а женщин — собственная привлекательность.

— Правда? — удивилась Элис, которая считала, что страхи по поводу собственной внешности присущи только ей. Дэвенпорт кивнул:

— Твоя неуверенность в себе сильнее, чем у большинства женщин, и имеет какие-то более глубокие корни. Я бы очень хотел разобраться в них, но, поверь, я не встречал женщин, которых бы не волновала их привлекательность в глазах мужчин. Это свойственно даже общепризнанным красавицам. Строго говоря, красавиц это тревожит даже больше, поскольку вся их уверенность в себе и самоуважение основываются на внешности, а на нее неизбежно накладывает отпечаток неумолимое время. Даже тем женщинам, которые не получают удовольствия от физической близости, бывает просто необходимо чувствовать себя желанными — это дает им власть над мужчинами.

Судя по всему, она очень многого не понимала в отношениях между мужчинами и женщинами.

— У меня серьезные сомнения насчет того, что ты беспокоишься по поводу своей мужской состоятельности.

— Пожалуй, у меня меньше оснований для подобной тревоги, чем у большинства мужчин, — ухмыльнулся Реджи. — И все-таки, Элис, что в твоей жизни произошло такого, отчего ты, глядя в зеркало, не можешь объективно оценить свою внешность?

Элис пожалала плечами и смущенно отвела глаза.

— Я считаю эталоном женской красоты Мередит, — сказала она. — А сама я очень далека от идеала.

— Мерри действительно на редкость хороша собой, и я более чем уверен, что для Джулиана она самая красивая женщина на свете. Но красота бывает разной и далеко не всегда является синонимом миловидности. — Реджи осторожно провел пальцем по скулам и

подбородку Элис. — Такая красота, как у тебя, не увядает.

Замерев от его прикосновения, Элис зажмурилась, словно кошка, которую ласкает хозяин.

— Так что случилось, Элли? — снова спросил Дэвенпорт. — Я буду задавать тебе этот вопрос снова и снова.

— Я не смогу ничего объяснить, не рассказав тебе историю своей жизни.

— В таком, случае приступай к рассказу, потому что я не встану с этой постели, пока не услышу всего.

Мужчинам не понять того, что происходит в женской душе. Внезапно Элис страстно захотелось рассказать Реджи свою историю — без конкретных имен, одну лишь суть всего того, что с ней произошло и в результате чего она стала управляющей имения Стрикленд.

— Я была единственным ребенком в... весьма процветающей и благополучной семье. Моя мать умерла, когда я была еще совсем маленькой. Отец больше не женился и обращался со мной скорее как с сыном, нежели как с дочерью. Именно поэтому я еще в детстве много узнала о сельском хозяйстве. Мы с отцом были очень близки. Он жесткий, властный человек, и между нами нередко случались серьезные стычки, но... мы хорошо понимали друг друга.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я обручилась с одним молодым человеком. Все говорили, что мы замечательная пара. Я просто обожала Рэндольфа, мой отец ему благоволил, а сам Рэндольф делал вид, что влюблен в меня.

Элис ненадолго замолчала — у нее перехватило дыхание.

— Делал вид? — переспросил Реджи.

— Как-то раз, за несколько недель до свадьбы, он неожиданно приехал к нам вместе с другом. Я каталась верхом, но, увидев, как они въехали в усадьбу, стремглав понеслась домой — мне ужасно не терпелось стать женой Рэндольфа, и я от души обрадовалась его визиту. Я знала, что их пригласят в гостиную, в которую вели застекленные двери из сада. Двери были открыты, и я уже готова была войти, но что-то меня остановило.

Даже сейчас Элис ясно видела слегка колеблемые ветерком синие шторы из узорчатой шелковой ткани, скрывавшие ее от мужчин, и слышала холодный, презрительный голос.

— Из комнаты меня не было видно. Приятель Рэндольфа спросил у него, с какой стати ему взбрело в голову жениться на... такой Длинной Мег, как я, да еще и с тяжелым характером. Он сказал, что во мне добрых десять футов роста, такая верста, состоящая из одних костей, не согреет мужчину ночью и что женщина с характером будет держать своего муженька под каблуком. Это уже само по себе было ужасно неприятно. — Элис зябко передернула плечами. — Но дальше все стало еще хуже. Я по наивности ожидала, что Рэндольф станет меня защищать, — он ведь довольно часто говорил, что любит меня. Однако вместо этого он... сказал, что женится исключительно ради денег и что, завладев моим состоянием, уж как-нибудь меня обломает.

Элис, которую весь этот кошмар уже много лет мучил по ночам, и сейчас почувствовала себя так, словно кто-то ударил ее ножом в живот и повернул лезвие в ране. К ее изумлению, Реджи, будто почувствовав это, положил ладонь ей именно туда, где гнездилась боль.

— Крепись, Элли, — мягко сказал он, и она ощутила, как из-под его ладони по телу расходятся волны успокаивающего тепла.

Овладев собой, Элис открыла глаза и сказала со спокойствием, которое еще какой-нибудь час назад казалось ей невозможным:

— Все это достаточно тривиально. Тебе приходилось переживать вещи пострашнее.

— Не следует недооценивать собственную боль, — твердо ответил Реджи. — Каким бы мелким и незначительным ни казалось событие, спровоцировавшее ее, важно то, насколько глубока душевная рана. Когда тебя предает любимый мужчина и при этом еще унижительно отзывается — это очень серьезная, по-настоящему страшная травма.

Элис прижалась лицом к плечу Реджи. Она почувствовала, как тугий узел внутри ее ослабевает и распускается, и поняла, что, хотя минувшее навсегда оставило шрам в ее душе, оно больше не имеет над ней власти. Реджи лежал неподвижно, крепко прижимая ее к себе. Элис невольно задалась вопросом, откуда ему так много известно о душевной боли и о том, как ее лечить, но это был риторический вопрос — она достаточно хорошо была знакома с Реджи, чтобы понять: все это он узнал, пройдя весьма суровую жизненную школу.

На душе стало легко, как в молодости. Элис с улыбкой сказала:

— Спасибо тебе.

— Тебе лучше? — осведомился Реджи, с нежностью глядя на нее, и, дождавшись кивка, спросил:

— И что же случилось после того, как ты подслушала разговор тех двух молодых балбесов?

Радостное настроение Элис угасло.

— Я снова вскочила в седло, ускакала в самый дальний конец имения и не возвращалась домой до самой темноты. Рэндольф и его приятель, не дождавшись меня, уехали. Я отправилась напрямик к отцу и заявила, что не выйду замуж за Рэндольфа даже в том случае, если он будет последним мужчиной на земле.

Элис была нервная дрожь. Реджи накинул на нее одеяло по самые плечи и заботливо подоткнул со всех сторон. Глубоко вздохнув, она продолжила свой рассказ:

— Мы ужасно поругались. Поняв, что я не собираюсь объяснять ему причины столь неожиданного решения, он посчитал, что причина его заключается в моей глупости и представляет собой не что иное, как каприз. Но я не могла сказать ему, что произошло, — просто не могла.

— Это вполне естественно.

Почувствовав, что он ее понимает, Элис немного расслабилась.

— Отец пришел в бешенство и заявил, что я ему не дочь и что, если я не выйду замуж за Рэндольфа, он лишит меня наследства. После этого он запер меня в моей комнате.

— И посадил на хлеб и воду?

Элис слабо улыбнулась.

— Я слишком мало пробыла взаперти, чтобы узнать, каким должен был быть рацион узницы. Надев бриджи, я собрала все деньги, какие у меня были, и всю одежду, которую могла унести с собой. В полночь я сбежала, спустившись из окна по веревке, сделанной из связанных простыней, — прямо как в каком-нибудь романе. Разница состояла только в том, что я бежала не к мужчине, а от него.

— Точнее, от двух мужчин. Если бы твой отец проявил больше понимания, разве ты решилась бы бежать из дома? — спокойно спросил Реджи.

— Нет, — печально констатировала Элис. — Многим женщинам разбивали сердца, но они как-то выживали. Пережить предательство отца мне было гораздо тяжелее, чем предательство Рэндольфа. Отец был для меня некоей основой жизни, ее центром, — сказала она, чувствуя, что эта рана в ее душе никогда не зарубцуется. — После того как я сбежала, со

мною произошла уже совершенно ужасная вещь. Ты ведь убедился в том, что я не девственница.

Реджи осторожно погладил ее по плечу и положил руку ей на сердце.

— Элли, ты не должна мне ничего объяснять. Ты стала такой, какая ты есть, потому что ты живой человек, а человеку свойственно совершать ошибки. Не надо извиняться за свое прошлое.

— Но я хочу рассказать. Сама не могу понять, зачем я тогда это сделала. Может, ты поймешь. — Элис закрыла глаза, лицо ее стало жестким. — Через два дня после побега, вечером, я оказалась на постоялом дворе. В это время я уже снова была в женском платье. Проходя по коридору к своей комнате, я встретила другого постояльца — какого-то торговца. Он был пьян как сапожник. Так вот, этот торговец сделал мне грязное предложение. — Элис закусил губу, но усилием воли заставила себя продолжать:

— И я согласилась.

У незнакомца было зловонное дыхание, он был неуклюж и груб, и его совершенно не заботило то, что Элис — девственница. Однако она, несмотря на все это, лежала молча, не сопротивляясь и вообще не двигаясь, и позволила ему овладеть ею.

— Должно быть, я потеряла рассудок. Все очень быстро закончилось. Мне кажется, тот тип был слишком пьян, чтобы понять, что происходит, и что-либо запомнить.

— Ты хочешь, чтобы я нашел и убил его за то, что он с тобой сделал? — Голос Реджи звучал вкрадчиво.

— Нет! — Элис разразилась истерическим смехом. — Он вовсе не насиловал меня. Во всем была виновата только я. Реджи еще крепче прижал ее к себе.

— Это могло навсегда отбить у тебя охоту к физической близости с мужчиной.

— Да, ты прав. После этого я стала презирать себя. — Элис уставилась на Реджи широко раскрытыми, умоляющими глазами. — Может, ты мне скажешь, почему я совершила такой ужасный, гнусный поступок?

— Твоему женскому самолюбию был нанесен жестокий удар, — без промедления ответил Реджи. — Ты сделала это в пику отцу и Рэндольфу, понимая, что оба пришли бы в бешенство, узнав о твоём поступке. — Губы Реджи искривились. — К сожалению, в результате где-то глубоко в твоём мозгу засела мысль, будто захотеть тебя может только тот, кто в стельку пьян.

— Реджи, откуда ты столько знаешь о людях? — спросила Элис после долгой паузы.

— Я начал наблюдать за людьми, будучи еще совсем молодым. Кроме того, благодаря собственным усилиям я стал чем-то вроде эксперта в теории и практике самоуничтожения, — сухо вато заметил Реджи. — Насколько я понимаю, после того случая на постоялом дворе ты решила, что больше не станешь иметь дело с мужчинами, и встала на путь покаяния, отдав всю себя работе. Но ты была не в силах задавить в себе природный темперамент.

— Ты снова угадал, — усмехнулась Элис. — Мне всегда нравились мужчины, но после той ночи на постоялом дворе я обрекла себя на судьбу старой девы. Мужчина, которого я любила, отверг и предал меня, а после того, что я натворила, кому я была нужна? В течение нескольких часов я находилась на грани самоубийства, чем бы это ни грозило моей бессмертной душе. Я даже обрезала волосы и сожгла их.

Вздрыгнув от неприятных воспоминаний, Элис теснее прижалась к Реджи — близость его мощного тела была ей удивительно приятна.

— И что же заставили тебя отойти от края пропасти? — поинтересовался он.

— На следующий день меня нашел конюх. Он видел меня после того, как я подслушала разговор Рэндольфа с приятелем, и понял, что случилось что-то ужасное. На следующее утро он обнаружил, что лошадь исчезла, и отправился на поиски, никому ничего не сказав. Думаю, ему казалось, что, если он сумеет разыскать меня достаточно быстро, то сможет уговорить меня вернуться прежде, чем разразится скандал. Но он нашел меня только через несколько дней после побега, и я отказалась возвращаться домой. Он заявил, что не станет меня к этому принуждать, но и не бросит в беде.

— Можешь не говорить — это был Джейми Палмер.

— Да, именно он. Мы с ним всегда были друзьями. У него не было семьи, и потому ему было вовсе не обязательно возвращаться в поместье моего отца. Короче говоря, он остался со мной. Я была ему очень благодарна — очень важно иметь рядом человека, равнодушного к твоей судьбе. — Элис улыбнулась. — Вначале я получила место преподавательницы истории и латыни в небольшой школе неподалеку отсюда, а Джейми нашел себе работу на конюшне. Позже я стала гувернанткой в доме миссис Спенсер. Джейми тоже перебрался на другое место, поближе ко мне. Когда, уже став управляющей в Стрикленде, я открыла фабрику керамических изделий, мне потребовался человек, которому можно было бы доверить контроль за ее работой, и Джейми согласился занять должность мастера, хотя и предпочитал иметь дело с лошадьми. Он настоящий друг.

— Он тебя любит? — спросил Реджи, стараясь, чтобы по его голосу нельзя было угадать, что он ревнует.

Элис с некоторым сожалением покачала головой:

— Он никогда не видел во мне женщину. Для него я была молодая хозяйка, существо из другого мира, совершенно недостижимое и непостижимое. Даже когда я стала наемной работницей, ничто не изменилось. Несколько лет назад он женился на девушке из рода Геральдов. Это милое создание подходит ему куда лучше, чем я. — Элис резко выдохнула. — Ну а все остальное тебе известно.

— Ты никогда не думала о том, чтобы вернуться домой, к отцу?

— Никогда, — отрезала Элис, и по интонации, с которой было произнесено это единственное слово, Реджи понял, что ее решение окончательное.

— Если бы ты ненавидела его, мне была бы понятна твоя позиция. Но, насколько могу судить, дело обстоит не так, — заметил Реджи. — Неужели ты не хочешь с ним помириться? Он ведь не будет жить вечно — возможно, его уже и сейчас нет в живых.

— Он жив.

— Почему ты так в этом уверена?

— Если бы он умер, я бы об этом узнала.

Каждое слово нужно было буквально вытаскивать из нее клещами. Реджи, однако, решил продолжить попытки ее разговорить — что-что, а это он умел.

— Элли, жить, затаив в сердце гнев и обиду, очень тяжело. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

— Что тебя больше интересует — моя душа или наследство, которое я могу получить? — зло осведомилась Элис.

— Это ты зря, — спокойно заметил он. — Хотя лорд Маркхэм и назвал меня охотником за состояниями, любому непредвзятому человеку ясно, что, поставь я целью заарканить богатую наследницу, я без труда добился бы своего.

— Не сердись, — виновато улыбнулась Элис. — Я не права, и мне не следовало этого говорить. Но я никогда не смогу вернуться в родной дом. Никогда.

— Потому что твой отец никогда не простит тебя?

— Дело не только в этом, — ответила Элис, глядя в потолок. — Главное, что я не могу простить его. В тот единственный раз, когда мне были действительно необходимы его понимание и его любовь, он меня предал. — Голос Элис задрожал. — Можно называть это гордостью, или упрямством, или просто злопамятностью, но я никогда не вернусь и не стану просить у него прощения — даже если бы я знала, что он восстановит меня в правах наследницы. Даже когда он умрет, я не вернусь обратно.

Реджи было прекрасно известно, что такое злопамятность, — в этом вопросе его тоже можно было назвать экспертом, — но он решил продолжить разговор о перспективах возвращения Элис в родной дом.

— А если бы он тебя попросил об этом, ты бы вернулась?

— Мой отец никогда не признавал своих ошибок и за всю жизнь ни разу ни перед кем не извинился. — В голосе Элис звучали усталость и печаль. — Он ни за что не станет меня об этом просить, — с горечью подытожила она.

— Жаль, что ты не ненавидишь своего отца, — мягко проговорил Реджи. — Тебе было бы легче. Элис разом посуровела.

— Мне не нужны ни мой отец, ни его деньги. Я сама в состоянии заработать себе на жизнь, и дела мои идут не так уж плохо.

— Что правда, то правда, — согласился Реджи, осторожно откидывая прядь волос с ее лица. Прекрасная, упрямая, гордая леди Элис, с нежностью подумал он. То, что совсем недавно произошло между ними, доставило ему огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение, и дело отнюдь не в том, что он давно не был в постели с женщиной.

Реджи невольно скривился при воспоминании о Стелле и о совершенном с ней грубом и отвратительном акте, который иначе, как совокуплением, и назвать было нельзя. Сейчас, когда он держал в объятиях Элис, ему было мерзко даже думать об этом. Его близость с Элис была настоящим чудом, открытием, вызвавшим в памяти тот день, когда он впервые узнал, что такое физическая любовь, и его первую женщину — добродушную, пышущую здоровьем работницу молочной фермы. Впрочем, Реджи тут же отогнал эти мысли — теперь единственной женщиной для него была Элис.

Может, наступил самый подходящий момент, чтобы сделать ей предложение? Эта мысль давно уже зрела в его сознании. Правда, до сегодняшнего дня он считал, что ему не следует торопиться с этим, сначала нужно продемонстрировать мисс Уэстон, что он бросил пить окончательно и бесповоротно. Однако события этого вечера резко меняли дело. Было ясно, что они больше не смогут жить под одной крышей, не будучи при этом любовниками.

Дэвенпорт был почти уверен, что Элис согласится выйти за него замуж. Она явно неравнодушна к нему, любит Стрикленд и, кроме того, хочет иметь собственных детей. Разумеется, и он тоже любил Элис. Странно, что он понял это только сейчас. Но сейчас ему больше всего на свете хотелось, чтобы Элис Уэстон стала его женой и оставалась рядом с ним до самой смерти.

Реджи еще никогда никому не делал предложения, но теперь был полон решимости предложить Элис руку и сердце, надеясь, что искренность его чувств в какой-то степени компенсирует недостаток опыта. Но прежде чем он успел открыть рот, обрывки информации стали складываться в его сознании в поразительную картину.

Однажды Джулиан рассказал ему о том, что у герцога Дэвестонского была наследница-дочь, которая впоследствии исчезла и которая до своего исчезновения была помолвлена с младшим сыном маркиза Кинросского. Младшим сыном маркиза Кинросского был лорд Рэндольф Леннокс — Реджи был с ним шапочно знаком. Мужчина довольно приятной внешности, на несколько лет моложе Дэвенпорта, он являл собой образец благонамеренного джентльмена, состоящего из одних достоинств. Идеальная партия для девушки, которая со временем должна была стать герцогиней. Дэвенпорт вспомнил и о том, что, по словам Джулиана, дочь герцога Дэвестонского якобы сбежала с конюхом двенадцать лет назад, в восемнадцатилетнем возрасте.

Реджи почувствовал, что его вдруг словно захлестнуло ледяной волной. Совпадений было слишком много, а из этого следовало, что скорее всего Элли, его Элли, как раз и была сбежавшей дочерью герцога Дэвестонского, его единственным ребенком. Следующим в очереди наследников герцога стоял двоюродный брат Элис — Джордж Блейкфорд. Элис недаром сказала, что у Блейкфорда были причины для того, чтобы попытаться убить ее. Титул герцога и наследство Дэвестона могли стать непосильным искушением даже для человека с более твердыми принципами, чем Джордж Блейкфорд. Реджи вынужден был признать, что, по всей видимости, именно его неосторожные слова привели Блейкфорда в Дорсетшир. Хотя доказать это было невозможно, Реджи готов был поспорить на тысячу фунтов, что пожар, уничтоживший Роуз-Холл, — дело рук кузена Элис.

— Что это у тебя такое серьезное лицо? — прервала Элис размышления Дэвенпорта.

Реджи взглянул в ее лицо. Получалось, что он. Проклятие рода Дэвенпортов, лежит в постели с самой богатой наследницей Англии. В Лондоне ему подобные господа не достаивались приглашения на бал по поводу первого выхода в свет таких девушек, как Элис. Неудивительно, что Элис, заняв должность управляющего именем, чувствовала себя как рыба в воде. Умение отдавать распоряжения было у нее в крови, поскольку она воспитывалась как будущая владычица империи Дэвестонов — королевства в королевстве. Леди Элис — скорее всего ее стали так называть после того, как это обращение по рассеянности употребил Джейми Палмер.

Если бы она ненавидела своего отца! Дэвенпорту, однако, было совершенно ясно, что Элис тяготит ее жизнь вдали от дома. Хотя сама Элис была убеждена, что герцог Дэвестонский никогда не примет блудную дочь обратно, Реджи считал, что она ошибается.

За какую-нибудь минуту его планы коренным образом изменились. Приняв тяжелое для себя решение, он собрал в кулак всю свою силу воли и изобразил на лице улыбку.

— Я просто пытался подсчитать, сколько раз мы еще сможем повторить то, чем занимались, учитывая, что тебе придется уйти к себе, чтобы не навредить своей репутации.

— Ты никогда этого не узнаешь, пока не попробуешь, — озорно улыбнулась Элис.

— Ты права. Хватит разговоров.

Реджи крепко прижался губами к ее губам. Сегодня Элис еще была с ним и принадлежала ему, и Реджи был полон решимости сделать так, чтобы ни он сам, ни его любимая никогда не забыли эту ночь.

За те часы, что они были вместе, каждый из них сделал множество открытий. Чем больше удовольствия Реджи дарил Элис, тем больше наслаждения дарила ему она, радуясь тому, что узнала, что значит любить и быть любимой, и чувствуя, что теперь ей не страшно умереть. Ей очень хотелось сказать Реджи, что она любит его, что ни один другой мужчина никогда не завоевывал и не завоюет ее сердце и душу, не обладал и не будет обладать ее

телом так, как он. Но она молчала, боясь испортить словами их чудную, незабываемую ночь.

Эта ночь помогла им распутать еще один узелок непонимания, все еще существовавший между ними. Прижавшись щекой к груди Реджи после очередного взрыва страсти, Элис неожиданно для себя самой прошептала:

— Кроме ребенка Джилли, сколько еще у тебя может быть детей?

Реджи озадаченно поднял голову с подушки.

— О чем ты?

Раз уж она затронула эту тему, ей ничего не оставалось, кроме как продолжать не очень приятный разговор. Элис пояснила, что она имеет в виду.

— Почему ты решила, что отец ребенка Джилли — я? — спросил Реджи, в голосе которого звучал не гнев, а скорее любопытство.

— Я видела, как однажды ночью она выходила из твоей комнаты. И ты разрешил ей остаться в имении и продолжать работать, несмотря на беременность. Мэй Геральд по этому поводу сказала, что немногие мужчины в состоянии проявить такую терпимость.

— Понимаю, — пробормотал Реджи. Объяснения Элис, по всей видимости, порядком его позабавили. — Но в данном случае я полностью отвергаю все обвинения. Гарантирую, что ее ребенок появится на свет не через девять месяцев после моего прибытия в Стрикленд, а значительно раньше.

После этого он рассказал Элис об отчаянной попытке горничной вступить с ним в любовную связь с тем, чтобы приписать ему отцовство. Выслушав Реджи, Элис была удивлена, но в то же время почувствовала огромное облегчение.

— Значит, ты не платил Маку Куперу, чтобы сплавить ему Джилли?

— Не стоит делиться этим предположением с Маком, не то он может забыть о том, что ты — леди, — предостерег Реджи. — Идея женитьбы на Джилли принадлежит ему, и он очень гордится собой.

— Вот как, — пристыженно пробормотала Элис. Наступила долгая пауза, которую в конце концов прервал Реджи, решивший все же ответить на заданный ему вопрос.

— В течение многих лет я предпринимал необходимые предосторожности, чтобы не плодить незаконнорожденных детей. Мне бы не хотелось, чтобы мой ребенок жил жизнью отверженного. Но однажды я, судя по всему, все же не уберегся.

Элис посмотрела на бесстрастный профиль Реджи, тускло освещенный слабым язычком пламени последней догорающей свечи.

— Значит, ты не знаешь точно, родился ребенок или нет? — спросила она.

— У меня был роман с одной леди — она состоит в партии вигов, которая в жизни придерживалась столь же либеральных принципов, как и в политике. Первых двух детей она родила от мужа. После этого, как мне кажется, для нее стало делом чести, чтобы отцом каждого следующего ее ребенка был не он, а какой-нибудь другой мужчина, причем повторений в этом Деле она не допускала. Через несколько лет после того, как наш роман закончился, я встретил ее в парке в окружении детишек. Среди них была девочка, внешне немного похожая на меня. Я навел справки об этой бедняжке. Если судить по возрасту, она вполне может быть моей дочерью.

— А что, та женщина тебе ничего не сказала? Реджи пожал плечами:

— Возможно, она и не подозревает, что я отец той девочки. Но даже если это в самом деле моя дочь, что бы я мог поделать? Она растет в благополучной семье, в условиях, которые я вряд ли смог бы ей обеспечить. Ее родители — по-своему неплохие люди. С моей

стороны было бы жестоко рушить ее уже сложившуюся, устоявшуюся жизнь.

По тому, каким хриплым вдруг стал голос Реджи, нетрудно было понять, как тяжело ему сознавать, что его дочь навсегда для него потеряна. «Может быть, — подумала Элис, — ему стало бы легче, если бы он стал отцом еще одного ребенка, которого воспитал бы сам, научив его преодолевать встречающиеся в жизни препятствия и трудности, — он, человек, в свое время лишенный столь необходимой ему помощи и поддержки?»

Элис всегда хотела иметь детей, но теперь — она сама удивилась этому — единственным человеком, от которого она согласилась бы их рожать, был Реджинальд Дэвенпорт.

Впрочем, одернула она себя, мечтать об этом слишком рано. Она поняла, что нравится Реджи и что он в самом деле испытывает к ней сильнейшее физическое влечение. Возможно, решила Элис, со временем это может перерасти у него в более глубокое чувство. Она бы дорого дала, чтобы завоевать его сердце, а самый лучший способ добиться любви повесы — это доставить ему удовольствие в постели.

И хотя восходящее солнце уже окрасило восточный край неба в розовый цвет, Элис принялась демонстрировать своему любимому все, чему она научилась за прошедшую ночь, отдаваясь ему со всей копившейся долгие годы страстью и ничуть не уступая ему в желании изведать наслаждение, которое могут доставить друг другу мужчина и женщина. В эти бесконечные минуты, когда она то и дело проваливалась в сладкую бездонную пропасть, ей стало казаться, что их с Реджи и в самом деле объединяет не что иное, как любовь.

Поцеловав на прощание Реджи, Элис ушла от него буквально за несколько минут до того, как в доме началась обычная утренняя суэта. Вскоре в комнату Элис вошла горничная с чашкой кофе на подносе.

Выпив кофе, она встала и оделась, после чего не без труда заставила себя взглянуть в зеркало. Несколько мгновений она видела перед собой красавицу, которой восхищался Реджи, но затем чары рассеялись, и она снова превратилась в Элис Уэстон. Впрочем, нельзя было не заметить, что глаза у нее сияют и вид чрезвычайно довольный и счастливый.

Тихонько насвистывая, она вышла из комнаты, жалея о том, что весь день будет вынуждена провести в дальнем конце поместья и не увидит Реджи до самого обеда. Занимаясь привычными делами, она то и дело ловила себя на том, что тупо смотрит куда-то в пространство и улыбается.

Ближе к полудню Элис вернулась к себе в контору и с замиранием сердца обнаружила на своем столе письмо, написанное четким почерком Дэвенпорта. Неужели после того, что произошло между ними ночью, он решил ее уволить? В течение нескольких минут Элис смотрела на письмо, не решаясь его вскрыть, но наконец пересилила себя и, сломав сургучную печать, развернула лист бумаги и принялась читать.

Послание оказалось кратким, но без признаков какой-либо враждебности, и Элис невольно вздохнула с облегчением. В нем сообщалось, что Реджи неожиданно пришлось уехать по делам и что он скорее всего будет отсутствовать в течение двух недель, хотя, возможно, вернется и раньше. Реджи извинялся за свой столь внезапный отъезд и завершал письмо словами:

«С любовью, Р.».

Пробежав глазами строки письма, Элис, глядя на исписанный листок бумаги, задумалась. С любовью... Что это могло означать — выражение привязанности или, наоборот, полное равнодушие? Она снова и снова перечитывала послание Дэвенпорта, стараясь отыскать в нем скрытый смысл, но это ни к чему не привело.

Элис тщательно сложила письмо и задумалась. В конце концов она пришла к выводу, что практически всегда, когда в их отношениях происходил какой-то серьезный поворот, Реджи на какое-то время исчезал, но потом неизменно возвращался.

В Лондоне Реджи заехал к престарелой тетушке Джулиана. Она оказалась весьма бодрой нарумяненной вдовой, обожающей всевозможные слухи и сплетни. За чашкой чая Дэвенпорт выяснил, что давным-давно пропавшую без вести наследницу герцога Дэрвестонского звали леди Элисон Элизабет Софрония Уэстон Блейкфорд и что для краткости все звали ее просто леди Элис. Он также узнал, что дочь Дэрвестона была вывезена в свет и провела в Лондоне один сезон — с мая по июль, а также что она была очень высока ростом и застенчива, но при этом обладала весьма сильным характером. В обществе с пониманием отнеслись к ее помолвке с лордом Рэндольфом Ленноксом — жених, которого выбрал для леди Элис ее отец, был весьма достойным и обеспеченным молодым человеком, у которого не было необходимости вступать в брак ради денег, и к тому же обладал приятной внешностью.

Под конец старая сплетница упомянула еще об одной особенности дочери герцога

Дэрвестонского — у леди Элис были разные по цвету глаза. Услышав это, Реджи чертыхнулся про себя.

На дорогу до Карлеон-Касла, огромного поместья Дэрвестонов, у Реджи ушло три дня. Карлеон занимал значительную часть территории графства Чешир, и Дэвенпорт добрых полчаса ехал по обсаженной вязами аллее, ведущей от ворот имения к замку герцога.

Опытный взгляд Реджи без труда заметил, что поместье у Дэрвестона в самом деле громадное и, судя по всему, процветает. На его землях без труда разместилась бы добрая дюжина Стриклендов. Когда-то весь Карлеон состоял из одного замка, но со временем и само строение, и окружающая его территория неимоверно разрослись. В Карлеон-Касле не стыдно было бы жить даже владыкам Англии, и не было ничего удивительного в том, что в поместье Дэрвестонов не раз бывали короли и королевы.

Чем ближе к замку подъезжал Реджи, тем сильнее овладевал им гнев. То, что Элис отказалась от подобной роскоши и долгие годы жила в бедности, страдая от чувства неуверенности в завтрашнем дне, яснее ясного свидетельствовало о том, сколь глубоки были нанесенные ей душевные раны.

Лестница у главного входа в замок поднималась на добрых тридцать футов, и размеры ее, по всей видимости, должны были вызывать у простых смертных чувство благоговения и ощущение собственного ничтожества. У дверей Реджи встретил дворецкий с внешностью и манерами архиепископа Кентерберийского. При виде запылившейся в дороге одежды посетителя его холодные глаза недовольно сверкнули.

— Герцог Дэрвестонский не принимает гостей, — заявил он.

Реджи достал из кармана визитную карточку и сделал приписку карандашом: Я знаю, где находится ваша дочь.

— Передайте ему это, — распорядился он, уверенный, что Дэрвестон где-нибудь поблизости: было общеизвестно, что герцог в течение последнего десятилетия ни разу не покидал своего поместья.

Дворецкий бросил презрительный взгляд на протянутый ему кусочек картона, и лицо его приняло еще более холодное и высокомерное выражение, хотя несколько секунд назад это казалось невозможным. Не говоря ни слова, он повернулся и исчез где-то в глубине замка. Минут через пять он появился снова.

— Его светлость примет вас.

Реджи зашагал следом за ним по извилистым коридорам, жалея, что в отличие от легендарного Тезея не имеет в руках клубка, который помог бы ему найти обратную дорогу. В конце концов дворецкий привел его в зал для аудиенций — просторное и величественное помещение, роскошно отделанное и обставленное и украшенное изысканными произведениями искусства.

За столом с резными позолоченными ножками сидел герцог Дэрвестонский собственной персоной. При виде его ястребиного лица с правильными, но жесткими чертами все надежды Дэвенпорта на то, что его Элис все же не леди Элисон Блейкфорд, рухнули. Сидящий за столом мужчина наверняка был ее отцом. На вид герцогу можно было дать лет около семидесяти. Это был высокий, стройный, энергичный мужчина с густыми седыми волосами. По властному выражению его лица было ясно, что он не привык к тому, чтобы ему перечили. При виде посетителя он не встал и не поприветствовал его, ограничившись тем, что с ног до головы окинул его пристальным взглядом глаз в точности

того же серо-зеленого цвета, что и правый глаз леди Элис.

Нисколько не смутившись столь холодным приемом, Реджи слегка наклонил голову, после чего уставился на герцога с выражением легкой скуки, словно ждал, когда же наконец хозяин заговорит.

Герцог посмотрел на лежавшую перед ним визитку.

— Реджинальд Дэвенпорт, — задумчиво произнес он. — Мне приходилось о вас слышать. Вы безответственный повеса, кутила и пьяница, позорящий свою весьма уважаемую семью, свой род. Значит, вы узнали, что мой наследник Джордж Блейкфорд умер, и решили, что вам предоставилась возможность пожить. — Он снова окатил Реджи ледяным взглядом. — Прилетели, словно стервятник, — даже какую-то байку о моей дочери придумали. Со мной этот номер не пройдет. Моей дочери нет в живых. Убирайтесь.

Гнев, вызванный словами герцога, смягчило сочувствие к Дэрвестону. Реджи подумал о том, что, должно быть, за последние двенадцать лет к нему не раз приходили люди, приносившие всевозможные слухи и сплетни относительно его пропавшей наследницы. По всей видимости, в сердце герцога не раз загоралась надежда, которая затем неизбежно угасала, всякий раз сменяясь невыносимой болью. Все же надежда на то, что дочь жива, должна была еще теплиться в его душе — в противном случае он не пригласил бы Реджи в дом. Судя по всему, ему очень хотелось узнать что-нибудь о своем единственном ребенке.

— Вы правы — мне известно о смерти Джорджа Блейкфорда, — холодно заявил Дэвенпорт. — Более того, я застрелил его из ружья собственной рукой. Пуля угодила мерзавцу прямо в сердце.

— Боже правый, значит, его убили вы? — в изумлении переспросил Дэрвестон, явно потрясенный этой новостью. — Меня нисколько не удивило, что Джордж погиб в какой-то стычке, но я не в состоянии поверить, что даже такой человек, как вы, может открыто хвастаться этим. Вы — либо жестокий убийца, либо сумасшедший, Дэвенпорт, а возможно, и то и другое.

Сильная, костистая рука герцога потянулась к шнуру колокольчика.

— Я убил Блейкфорда, потому что он собирался вонзить нож в женщину по имени Элис Уэстон, — угрюмо бросил Реджи. — Похоже, он был уверен, что Элис — ваша дочь.

Рука Дэрвестона застыла в воздухе. Пальцы задрожали, и он опустил руку на стол.

— Расскажите мне об этой самой Элис Уэстон.

— Она управляет моим именем, которое называется Стрикленд и расположено между Дорчестером и Шефтсбери. Мисс Уэстон очень высока ростом — ей не хватает какой-нибудь пары дюймов до шести футов. У нее каштановые волосы, удивительно милые ямочки на щеках и фигура Дианы — богини охоты. Ей тридцать лет, родилась она накануне Дня всех святых. И еще она упряма и горда.

Дэвенпорт внимательно наблюдал за герцогом и без труда заметил, что при этих его словах лицо Дэрвестона дрогнуло.

— Кроме того, у нее глаза разного цвета — левый карий, а правый серо-зеленый.

— Моей дочери нет в живых, — пробормотал герцог Дэрвестонский, и синие вены на его руках, лежащих на обтянутой кожей поверхности стола, вздулись, словно веревки. — Если вы надеетесь, что сможете водить меня за нос, оставьте эти надежды — у вас ничего не выйдет. Я сразу же разоблачу любую ложь.

— Можно подумать, что в Великобритании полно женщин шести футов ростом и с глазами разного цвета, — иронически заметил Реджи. — Что ж, очень хорошо, если вас все

это не интересует, я не буду продолжать. — Круто развернувшись, он направился к массивной двери.

— Подождите!

Реджи, заколебавшись, остановился, подумав о том, что, раз уж он решил прийти сюда, ему, по-видимому, все же следовало довести начатое дело до конца.

Дэрвестон встал, лицо его исказила судорога.

— Элисон не стала бы так долго оставаться вдали от дома.

— В таком случае вы не слишком хорошо ее знали, — отрубил Реджи. — Когда она решила расторгнуть помолвку, вы отказались ее понять, заявили, что она вам не дочь, и заперли в комнате. Неудивительно, что она восприняла это как предательство с вашей стороны и решила, что вы не захотите ее возвращения.

Побелев, Дэрвестон снова тяжело опустился в кресло.

— Только мне и ей известно о том, что случилось той ночью, — прошептал он и махнул дрожащей рукой в сторону стула. — Пожалуйста, присядьте.

У герцога был настолько потрясенный вид, что Реджи хотел было вызвать прислугу, но через минуту щеки Дэрвестона немного порозовели.

— Вам известно, почему она отказалась выйти замуж за лорда Рэндольфа? — спросил герцог.

— Да, но если вы хотите узнать причину ее отказа, вам придется спросить об этом у нее самой.

Дэрвестон понимающе кивнул.

— Вы говорите, что она управляет вашим именем. Мне это кажется совершенно невероятным. Как такое могло случиться? Она ведь бежала с одним из конюхов.

— Она бежала одна, — уточнил Реджи. — Ее конюх, Джейми Палмер, последовал за ней только потому, что хотел хоть как-то помочь своей госпоже, — он не желал, чтобы она впуталась в какую-нибудь историю.

Реджи коротко рассказал герцогу, как Элис работала преподавателем, как затем стала гувернанткой и в конце концов заняла должность управляющего именем. Он также упомянул о многочисленных и весьма удачных преобразованиях, которые она осуществила в его поместье, не забыв сообщить и о том, что под ее опекой находятся трое детей. Герцог слушал его, и маска недоверия медленно сползала с его лица — должно быть, он все же достаточно хорошо знал свою дочь.

Наконец Реджи замолчал.

— Так, значит, она хороший управляющий? — уточнил Дэрвестон после долгой паузы.

— Такой, что лучше не бывает.

Лицо герцога осветилось слабой улыбкой, но затем стало виноватым, что при его надменной внешности и властных манерах выглядело довольно странно.

— Почему она не вернулась домой? Она ведь прекрасно знала, что в запальчивости я иной раз могу наговорить лишнего.

— Она была глубоко уязвлена, — тихо сказал Реджи. — А потом гордость не позволила ей вернуться. Думаю, вы в состоянии это понять.

Дэрвестон снова едва заметно кивнул.

— А теперь она... она вернется?

— Думаю, да, но вам придется самому отправиться к ней. Первой она к вам ни за что не поедет.

Лицо герцога снова приобрело жесткое выражение:

— Она ждет, чтобы я приполз к ней на коленях? Реджи внезапно почувствовал, что устал от этого человека, гордость которого даже теперь могла помешать торжеству справедливости.

— Она ничего от вас не ждет, — резко бросил он. — Она даже не знает, что я здесь. — Реджи встал. — Элли сказала, что ее отец никогда не извиняется и не признает своих ошибок. По всей видимости, она очень хорошо вас знает. Я вижу, что напрасно приехал.

— Послушайте, Дэвенпорт, — прохрипел Дэрвестон, ненавидя своего гостя за произнесенные им слова правды, — вы говорите, что она находится в вашем имении, Стрикленде. Это в Дорсетшире?

Дэвенпорт утвердительно кивнул.

— Я буду там через четыре дня, — сказал герцог. — Сколько вы хотите за свою информацию?

Реджи бросил на Дэрвестона испепеляющий взгляд.

— Мне не нужны ваши деньги. Постарайтесь впредь обращаться с Элли лучше, чем в прошлом.

В этот момент герцог ненавидел Дэвенпорта всей душой — за то, что тот был силен и тверд, за то, что находился в расцвете лет, наконец, за то, что Реджи имел возможность общаться с Элисон, в то время как он, отец, жил вдали от нее, одинокий в своем роскошном замке, похожем на мавзолей. Но еще больше Дэрвестон ненавидел себя — за то, что вынудил дочь покинуть родной дом.

— Кем моя дочь приходится вам, Дэвенпорт? Может быть, она была вашей любовницей, а теперь вы хотите от нее избавиться?

Это было уже чересчур. Глаза Реджи угрожающе сверкнули. Каким-то шестым чувством Дэрвестон угадал, что в этот момент находится ближе к смерти, нежели в самые лихие моменты своей бесшабашной, изобиловавшей риском и опасностями молодости. Было очевидно, что нежданный визитер готов задушить его голыми руками.

Дэвенпорт, однако, чудовищным усилием воли сумел сдержаться и негромко, но отчетливо произнес:

— Ваша дочь всегда была и остается леди. С этими словами он вышел из зала.

Сидя в своей конторе, Элис напряженно работала. Она была уверена, что Реджи будет отсутствовать еще несколько дней, и потому не обратила внимания на стук копыт во дворе. Поэтому она была крайне удивлена, когда дверь в контору растворилась и на пороге возникла высокая фигура Реджи, освещенная лучами утреннего солнца. Сердце Элис подпрыгнуло от восторга, но тут же замерло — судя по всему, Дэвенпорт был несколько не рад их встрече.

Он шагнул через порог. Элис не сразу заметила за его спиной другого мужчину. Она обратила на него внимание лишь после того, как Дэвенпорт сказал:

— К тебе посетитель.

Взглянув на высокого пожилого мужчину, Элис словно окаменела. У нее перехватило горло.

— Отец? — с трудом прошептала она, не веря своим глазам. Волосы герцога Дэрвестонского стали совершенно седыми, на лице появились новые, еще незнакомые ей морщины, но рост и горделивая осанка остались прежними. Глаза герцога подозрительно

блестели.

— Пожалуй, тебе пора вернуться домой, не так ли, девочка? — произнес он нетвердым, срывающимся голосом.

Тут только Элис окончательно поверила в то, что перед ней ее отец. Она вскочила с такой поспешностью, что опрокинула кресло, и бросилась в объятия старого герцога. Реджи тем временем незаметно выскользнул из комнаты, давая отцу и дочери возможность побыть наедине.

— Прости меня, прости, — бормотала Элис, рыдая на плече у отца, хотя было ясно, что никакие извинения в этот момент были уже не нужны ни с ее стороны, ни со стороны Дэрвестона.

Следующие полчаса прошли в сумбурных и бессвязных разговорах — отец и дочь вместе складывали головоломку из сохранившихся в их памяти кусочков прошлой жизни. Наконец герцог сказал:

— Если мы выедем отсюда через час, мы сможем быть в Лондоне уже завтра вечером.

— В Лондоне? — непонимающе переспросила Элис.

— Думаю, ты захочешь побывать там перед возвращением в Карлеон. — Взгляд отца скользнул по простому платью Элис, которое она надела, рассчитывая, что ей предстоит целый день работы в конторе. — Тебе понадобится новый гардероб, и потом, я хочу похвастаться своей дочерью в лондонском свете. Жаль, что сейчас лето, — многих моих знакомых в данный момент нет в столице. Ну да ничего — мы сможем еще раз приехать в Лондон позже.

— Но мой дом здесь, в Стрикленде, — с недоумением проговорила Элис. — Я здесь работаю, у меня есть определенные обязанности, которые я должна выполнять.

— Бог мой, неужели ты думаешь, что работа по найму — достойное занятие для будущей герцогини Дэрвестонской? — Герцог презрительно оглядел кабинет Элис и нетерпеливо взмахнул рукой. — Если тебе хочется управлять имением, к твоим услугам весь Карлеон. Я не буду тебе мешать и отменять твои указания. — На губах Дэрвестона появилась едва заметная улыбка. — По крайней мере я постараюсь этого не делать.

Элис, однако, не засмеялась. У нее не укладывалось в голове, что она может вот так просто уехать из Стрикленда, отказавшись от всего того, чего добилась ценой собственного упорного труда. А как же Реджи? Неужели ей придется его покинуть?

— Но у меня есть воспитанники, — растерянно пробормотала она. — И я не могу просто так взять и уехать, я подписала контракт.

— Не беспокойся, все эти вопросы будут решены, — нетерпеливо сказал герцог. — Разумеется, твои воспитанники поедут вместе с нами. Насколько я понимаю, речь идет только о двоих мальчиках, поскольку девушку ты сумела пристроить, выдав замуж за наследника лорда Маркхэма. — Герцог восхищенно покачал головой. — Что и говорить, такая операция сделала бы честь любому военачальнику. Здесь у тебя слишком узкое поле деятельности, чтобы развернуться по-настоящему. Что же касается твоего контракта, Дэвенпорт уже освободил тебя от всех обязательств. — Дэрвестон сделал небольшую паузу, после чего, чуть понизив голос, добавил:

— Хотя мне и неприятно это делать, я вынужден признать, что мое мнение о Дэвенпорте было не совсем верным. Когда Дэвенпорт приехал в Карлеон, я подумал, что он попытается вытянуть из меня деньги, однако он не взял ни пенни и вел себя так, как пристало порядочному человеку.

Тут герцог замолчал — у него были серьезные подозрения, что в отношении леди Элисон Блейкфорд поведение Реджинальда Дэвенпорта не всегда укладывалось в рамки общепринятых норм морали. Тем не менее он решил, что сейчас не время пускаться в обсуждение этого вопроса. Как бы там ни было, Элис была прямой наследницей герцога Дэрвестонского, и ни один человек не посмел бы отказать ей в уважении.

Элис тем временем все еще вникала в смысл слов, произнесенных ее отцом.

— Значит, Реджи ездил в Карлеон? Выходит, это он рассказал тебе, где меня искать?

Дэрвестон утвердительно кивнул.

— Но откуда он узнал, кто я такая? — озадаченно спросила Элис.

— Понятия не имею, — ответил герцог и, бросив на Элис пристальный взгляд, решил, что следует поторопиться с отъездом. Хотя до этого момента Дэвенпорт вел себя поджентльменски, Дэрвестон подозревал, что хозяин Стрикленда все же имеет немалое влияние на его дочь. — Пожалуй, будет лучше, если ты отправишься паковать свои вещи.

— Мне надо поговорить с Реджи, — сказала Элис, вставая.

— Дэвенпорт это предвидел. Он в доме. Выйдя во двор, Элис увидела Питера и Уильяма, с восхищением разглядывавших карету Дэрвестона.

— Вы в самом деле дочь герцога? — изумленно спросил Питер.

— Да, — ответила Элис, поняв, что слух о приезде герцога Дэрвестонского, равно как и о цели его приезда, уже пошел гулять по имению. — Но учтите, это ничего не меняет. Вы остаетесь под моей опекой. Это означает, что вы по-прежнему должны добросовестно готовить уроки. И как следует мыть уши, — добавила она, бросив красноречивый взгляд на Уильяма.

Уильям улыбнулся — он еще не очень ясно представлял себе, какие последствия может иметь неожиданное изменение в положении его опекунши. Однако Питер прекрасно это понимал и потому, побледнев, сказал:

— Значит, вы от нас уезжаете.

Сердце Элис болезненно сжалось — мальчики за свою жизнь уже потеряли слишком многих близких людей. Питер смотрел на нее так, словно ее уже не было с ними.

— Нет, — сказала она и положила руку Питеру на плечо. — Пока я не знаю, как все будет дальше, но обещаю: если я отсюда уеду, то возьму тебя и Уильяма с собой.

Если я уеду... Но ей вовсе не хотелось уезжать! Проглотив подступивший к горлу комок, Элис заговорила снова:

— Вы всегда хотели побывать в Лондоне. Что вы скажете, если у вас появится такая возможность?

Лицо Питера расцвело улыбкой — он поверил, что Элис его не бросит.

— Это было бы здорово! — воскликнул юноша. Что касается Уильяма, то он явно не знал, что сказать, и, не дождавшись от него ответа, Элис объявила:

— Мне нужно поговорить с Реджи.

В это время во двор вышел ее отец. Она познакомила его с мальчиками и отправилась в дом, оставив своих воспитанников беседовать с герцогом. В вестибюле ее встретила миссис Геральд — она смотрела на Элис так, будто управляющая Стриклендом неожиданно обросла пурпурного цвета перьями.

— Это правда, леди Элис? — спросила экономка, глядя на нее круглыми от изумления глазами. — Значит, вы в самом деле леди?

— Да, правда, — нетерпеливо бросила Элис. — Где мистер Дэвенпорт?

— В библиотеке, ваша милость, — произнесла Мэй Геральд с благоговением.

Элис же продолжала думать о предстоящем разговоре с Реджи. Разумеется, он находился в библиотеке — там, где произошло так много важного для их отношений. Если, конечно, эти отношения еще существовали, поправила себя Элис.

С напряженным лицом она вошла в библиотеку и в самом деле обнаружила там Дэвенпорта — он сидел в своем любимом кресле и выбивал трубку. Устроившаяся у его ног Немезида при виде Элис встала и подбежала ее поприветствовать. Реджи поднял голову и тоже посмотрел на нее. Овчарка, обнюхав холодную руку Элис, сочувственно лизнула ее пальцы.

Повисла долгая пауза. Реджи и Элис смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Она пыталась заметить на его лице хоть какое-нибудь свидетельство того, что он помнит об их чудной, невероятной ночи, малейший отсвет любви и желания, но тщетно — лицо Дэвенпорта абсолютно ничего не выражало.

— Откуда ты узнал, кто я такая? — спросила наконец Элис, сделав над собой усилие.

— Когда ты рассказала мне о своем прошлом, это странным образом совпало с тем, что я слышал о пропавшей наследнице Дэвестона. — Реджи пожал плечами. — Было не так трудно увязать одно с другим.

Значит, все произошло из-за того, что она была с ним слишком откровенна. Разумеется, выговорившись, Элис испытала огромное облегчение, но в этот момент она от всей души пожалела о том, что поведала Реджи историю своей жизни. Впрочем, подумала она, Дэвенпорт, разумеется, мог найти другой предлог, чтобы от нее избавиться. По всей видимости, он просто решил воспользоваться подходящим поводом, чтобы расстаться с ней. Стараясь говорить спокойно, но чувствуя, что голос ее дрожит, она спросила:

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Твой дом не здесь, — ответил Реджи бесцветным голосом. Элис не могла поверить, не могла смириться с тем, что все происшедшее между ними было одним только зовом плоти и Реджи, добившись своего и овладев ею, потерял к ней всякий интерес и не хочет больше видеть. Впрочем, что она знала о таких вещах? По всей видимости, имея дело с отпетым повесой, глупо было мечтать о любви.

Элис молча продолжала смотреть на Реджи, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Он встал и подошел к застекленным дверям, ведущим в сад. Опершись рукой о косяк, он повернулся к ней — высокий и стройный. Реджи стоял спиной к свету, и разглядеть его глаза было невозможно.

— Прощай, Элли, — сказал Дэвенпорт. — Оставайся всегда верна себе и никогда себя не стыдись.

— Реджи!

Это был крик отчаяния, вырвавшийся из самых глубин ее сердца, но Дэвенпорта в комнате уже не было. Элис бросилась к двери. Пройдя из сада во двор, он остановился около кареты ее отца и, поговорив несколько секунд с мальчиками, пожал Питеру руку. Уильям, чувствовавший себя более раскованно, крепко обнял Дэвенпорта. Реджи вышел со двора и исчез из поля зрения Элис.

Твой дом не здесь. Если он потерял к ней интерес, не было никакого смысла оставаться в Стрикленде. Более того, она просто не могла остаться. Но как она могла уехать, когда при одной только мысли о расставании с Реджи ей начинало казаться, будто в грудь вонзили нож? Элис хватала ртом воздух, отчаянно борясь со своим горем и чувствуя, что вот-вот не

выдержит и разрыдается.

Однако она не позволила вырваться из груди рыданиям, и ей помогла в этом ее гордость. Именно гордость дала ей силы для того, чтобы бежать из отчего дома и долгие годы оставаться вдали от него. Как-никак, она была леди Элисон Блейкфорд и рано или поздно должна была стать пятой герцогиней Дэрвестонской. Ничто не могло принудить ее оставаться там, где ее присутствие было нежеланным, никто не мог заставить ее расплакаться, выказав тем самым свою слабость.

Выйдя из библиотеки, Элис столкнулась с миссис Геральд и отдала ей приказание упаковать все свои вещи, а также вещи Мерри и мальчиков. Затем она вышла на улицу и сообщила Питеру и Уильяму, что они немедленно уезжают в Лондон.

Сборы заняли так мало времени, что в душе Элис возникло какое-то странное чувство, похожее на испуг, — словно всю ее жизнь сложили в несколько чемоданов. После пожара в Роуз-Холле она и ее воспитанники еще не успели «обрасти» вещами. Элис хотела было вернуться в контору, где на столе лежали раскрытые бухгалтерские книги, но тут же отказалась от своего намерения — раз Реджи дал понять, что она ему не нужна, значит, решила она, он сумеет привести бумаги в порядок и вести учет без ее помощи.

Единственным человеком, с которым ей хотелось попрощаться, был Джейми Палмер. Она нашла его в сарае, где Джейми ремонтировал упряжь.

— Я слышал, вы отправляетесь домой, леди Элис. Ну что ж, значит, время пришло.

Элис посмотрела на него — такого большого и надежного, — и ей захотелось забраться к нему на колени и заплакать. Джейми был ей настоящим другом, на помощь которого она могла рассчитывать всегда.

— Может, поедешь со мной обратно в Карлеон, Джейми? Палмер отрицательно покачал головой:

— Энни не хочет. Все ее родственники живут здесь, да и мой дом теперь тоже тут, в Стрикленде. А вам я больше не нужен.

Слезы едва не покатались из глаз Элис, но она сдержалась, понимая, что иначе Джейми ужасно расстроится. Он никогда не видел ее плачущей.

— Спасибо тебе, Джейми, от всего сердца спасибо за все. У меня никогда не было лучшего друга, чем ты. — Она протянула Палмеру руку. — Пожалуйста, присматривай за делами на фабрике и, если там возникнут какие-нибудь проблемы, обязательно дай мне знать. Договорились?

— Само собой, — ответил гигант и неловко поклонился, прежде чем пожать Элис руку. — Вы будете заезжать нас проведать?

Элис поджала губы.

— Не думаю.

Через полчаса, наскоро попрощавшись с собравшейся толпой обитателей Стрикленда, бывшая управляющая именем и ее воспитанники катили в карете по дороге, ведущей в Шефтсбери. Элис ни разу не обернулась назад.

Прячась за густо растущими буками на высоком холме, Реджи смотрел на подъездную аллею. Казалось, после его разговора с леди Элис прошли какие-то минуты, а великолепная карета, вздымая облако пыли, уже неслась по аллее прочь из его имения. Следом за ней трусились на привязи пони Уильяма и кобыла Элис. Напрягая зрение, Реджи глядел вслед карете, стараясь в последний раз увидеть свою любимую и понимая, что это невозможно.

Наконец карета свернула на дорогу и пропала из виду. Реджи ринулся вниз по склону холма, проламываясь сквозь кустарник. Из всех сил он мчался вперед до тех пор, пока не достиг поворота дороги, откуда можно было увидеть карету перед тем, как она окончательно скроется вдаль. Он успел добежать туда вовремя, хотя ноги его дрожали и подгибались от напряжения, а легкие жгло, словно огнем. В последний раз мелькнул на горизонте и исчез черный лакированный экипаж. Дорога опустела.

Элис уехала, ее не было больше рядом с ним.

Повернувшись, он в оцепенении зашагал куда-то, чувствуя, что не может вернуться в опустевший дом. Элис уехала, и он сам сделал все возможное для того, чтобы это произошло. При желании он мог бы утаить свои догадки, и тогда Элис осталась бы с ним. Но это означало бы, что он встал между ней и ее отцом, ее наследством, помешал осуществиться уготованной ей судьбе.

Почему, ну почему отказ от спиртного сделал его таким безнадежно самоотверженным, таким чертовски благородным?

Когда усталый и измотанный Реджи вернулся домой, уже стемнело. По вестибюлю метался Аттила. Услышав шаги Реджи, миссис Геральд вышла в вестибюль его поприветствовать.

— Когда они уезжали, Аттилу нигде не могли найти, — сказала экономка. — Леди Элис просила вас позаботиться о нем.

— Да, конечно, — равнодушно сказал Реджи и зашагал по лестнице наверх, чтобы переодеться. Аттила стрелой метнулся за ним и, проскользнув мимо ног, остановился у порога комнаты, в которой жила Элис. Реджи открыл дверь. Кот вошел внутрь и стал, принюхиваясь, бродить по спальне в поисках исчезнувшей хозяйки. Наконец он вспрыгнул на кровать и хрипло, жалобно замыкал.

— Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, старина, — пробормотал Реджи и отправился в свою комнату, думая о том, что теперь ему придется привыкать жить без Элис, и убеждая себя, что он найдет способ, как это сделать.

Леди Эдисон Блейкфорд — существо идеальное и непогрешимое. Элис немало забавляла неожиданная перемена в ее положении и в отношении к ней людей. Где бы она ни появилась, она неизменно привлекала всеобщее внимание. Если в Дорсете ее уважали, то в Лондоне чуть ли не боготворили.

В столичных салонах было немногочленно — большинство представителей высшего общества разъехались по модным курортам. Прибытие в Лондон жившего затворником в своем поместье герцога Дэрвестонского и его дочери, о которой в течение многих лет ничего не было слышно, естественно, стало главной темой светских разговоров. Более того, узнав эту потрясающую новость, многие из тех, кто отправился на отдых, предпочли вернуться в Лондон.

Заказанный для Элис роскошный гардероб доставили невероятно быстро — модная портниха не была перегружена работой в межсезонье. Старые знакомые Дэрвестона принимали Элис очень тепло, в пышных словах выражая радость по поводу ее возвращения в круг избранных. Ей же в такие минуты казалось, что она слышит, как в их черепах со скрипом проворачиваются шестеренки, — было очевидно, что каждый из них напряженно вычислял того счастливца, который станет ее супругом. Удивляться этому не приходилось: несмотря на свой уже не девичий возраст, она все еще была — а вернее, снова стала — самой богатой наследницей Англии.

Роскошный городской особняк Дэрвестонов впервые за последнее десятилетие гостеприимно распахнул свои двери. В особняке ничто не изменилось с той поры, когда двенадцать лет назад состоялся первый выход Элис в свет и ее первый бал.

Изменилась, однако, сама Элис, и изменилась очень сильно. Ее больше не тревожило, что думает о ней толпа богатых бездельников и бездельниц. Всякий раз, входя в зал, где проводился очередной светский раут, она, великолепно одетая, уверенная в себе и самая высокая из присутствующих дам, приковывала к себе взгляды десятков и сотен глаз — сама же испытывала невыразимую скуку. Ей доставляли удовольствие лишь простые развлечения вроде походов с мальчиками в Тауэр и в цирк. К всеобщему удивлению, их неизменно сопровождал сам герцог, причем по его виду нетрудно было угадать, что ему тоже приносят радость эти совместные прогулки. Наблюдая за тем, как ее отец старается добиться расположения Питера и Уильяма, Элис подчас испытывала неприятное и, казалось бы, неуместное чувство ревности. Ей было прекрасно известно, что герцог Дэрвестонский всегда мечтал о сыне, а Элис, как бы она ни старалась, была не в состоянии его заменить.

Впрочем, не приходилось сомневаться, что герцог был безмерно рад возвращению дочери в родной дом. Их доверительные отношения понемногу восстанавливались, и боль от разрыва с отцом, которая, казалось, навеки поселилась у Элис в душе, постепенно стихала. Но даже это не могло возместить Элис потерю Реджи.

Стрикленд опустел — ощущение пустоты было у Реджи даже более сильным, чем тогда, когда он впервые приехал в свое имение после долгих лет отсутствия. Оставалось лишь удивляться, как быстро он привык к жизни под одной крышей с людьми, с которыми он совсем недавно познакомился. Реджи скучал по молодым Спенсерам, по их смеху, ссорам и препирательствам. Но больше всего ему не хватало Элли.

К счастью, вскоре после ее отъезда началась уборка урожая. На Реджи обрушилось множество самых разнообразных забот, хотя за проведением работ наблюдал новый управляющий — опытный и квалифицированный. Дэвенпорт часто получал приглашения от владельцев соседних имений, которым не терпелось из первых рук узнать историю стремительного вознесения Элис на самую вершину социальной лестницы. Некоторые из них он принимал — главным образом для того, чтобы не оставаться вечером одному в пустом доме, потому что в вечерние часы он тосковал по Элис особенно остро. Когда-то ему помогал забыться алкоголь, но Дэвенпорт решил, что, как бы он ни страдал от одиночества, искать утешения в бутылке не будет больше никогда.

В те вечера, когда оставался дома, Реджи чаще всего занимал себя игрой на фортепьяно. Это помогало ему отвлечься от горьких мыслей. В результате он не только восстановил утраченные навыки, но и совершенствовал технику, и это было для него предметом особой гордости.

Атила и Немезида завели себе привычку спать на его кровати. Реджи примирился с этим, хотя и сознавал, что подобная уступчивость свидетельствовала об ослаблении воли и самообладания. Кот, который явно не мог смириться с отсутствием Элис, время от времени пытался затеять драку с колли, хватая зубами за хвост или пытаясь ударить по носу когтистой лапой. Однако Немезида в таких случаях лишь укоризненно взвизгивала и снова погружалась в сон. К счастью, у Атилы хватало ума, чтобы никогда не кусать Реджи.

Через неделю после того, как Элис и мальчики приехали в Лондон, герцог повез Питера и Уильяма на ярмарку в Тагтерсолл, где торговали лошадьми. Женщин туда пускали крайне неохотно, и Элис решила остаться дома и воспользоваться предоставившейся возможностью написать и отправить несколько писем.

Она была немало озадачена, когда в гостиную вошел дворецкий с визитной карточкой на серебряном подносе. Время было слишком раннее для официальных посещений. Взглянув на карточку, она прочла: Лорд Рэндольф Леннокс.

Ледяная волна страха и неуверенности в себе окатила ее с головы до ног. Она знала, что рано или поздно их пути так или иначе пересекутся, поскольку Рэндольф дружил с ее отцом. Однако Элис была не готова к тому, что это произойдет так скоро.

Впрочем, ей в любом случае вряд ли удалось бы чувствовать себя спокойной при встрече с бывшим женихом. На какой-то миг в голове у нее мелькнула мысль о том, что она может его просто не принять. Но затем Элис, безотчетным движением расправив плечи, решила, что ей обязательно следует встретиться с Рэндольфом, чтобы убедиться, хорошо ли зарубцевалась ее душевная рана.

Элис с тревогой оглядела свое отражение в зеркале. Прекрасно сшитое утреннее платье терракотового цвета весьма соблазнительно подчеркивало достоинства ее фигуры. Строгая корона из кос уступила место модной прическе из завитых локонов. Удовлетворенная осмотром, Элис решила, что красавицей ее назвать нельзя, но вполне привлекательной женщиной очень даже можно. Красавицей она почувствовала себя лишь однажды в жизни — после ночи любви, разделенной ею с Реджи.

Рэндольф ждал в одной из гостиных, так называемой золотой. Элис приостановилась в дверях, и их взгляды встретились...

Лорд Рэндольф Леннокс был дюйма на два выше Элис. Его белокурые волосы красиво обрамляли идеальной формы лицо с правильными чертами. Фигура бывшего жениха Элис

напоминала античную скульптуру. Он был безукоризненно одет. Казалось, годы лишь добавили ему привлекательности и сделали его красоту более зрелой, чем двенадцать лет назад.

Элис не без изумления подумала о том, что в то время, когда они были помолвлены, Рэндольфу едва исполнился двадцать один год. Интересно, что тогда он не казался ей таким уж молодым.

— Эдисон?

Ее имя, произнесенное Рэндольфом с мягкой вопросительной интонацией, вернуло Элис к действительности.

— Привет, Рэндольф. — Гостеприимная хозяйка с улыбкой протянула руку человеку, который двенадцать лет назад поломал ее жизнь. — Неужели я настолько изменилась, что ты меня не узнаешь?

Он ответил ей улыбкой, и Элис с удивлением поняла, что Рэндольф нервничает ничуть не меньше ее. Поцеловав ей руку, он задержал ее пальцы в своих.

— Ты замечательно выглядишь, Элисон. Я так рад снова тебя видеть.

— Неужели? — Элис отняла у него руку. — Я, Длинная Мег, десяти футов роста, состоящая из одних костей и имеющая отвратительные командирские замашки?

Произнеся последнюю фразу, Элис пришла в ужас — она вовсе не собиралась упрекать его. Но горькие слова сами собой сорвались у нее с языка.

Рэндольф зажмурился, по лицу его пробежала судорога.

— Боже правый, значит, все дело в этом, — тихо прошептал он, обращаясь не столько к Элис, сколько к самому себе. — Двенадцать лет я ломал голову, пытаюсь понять, что заставило тебя сбежать. Поскольку твой отец сказал, что ты хотела разорвать нашу помолвку, у меня возникло опасение, что ты могла случайно услышать эти слова, и я молил Бога, чтобы это было не так.

В течение долгих лет Элис считала лорда Рэндольфа циничным предателем, в душе насмеявшимся над ней. Однако теперь, когда она увидела его искаженное страданием лицо, этот образ неожиданно для нее самой стал рушиться в ее душе.

— Пожалуй, лучше присесть, — холодно сказала она. — Похоже, нам есть о чем поговорить.

Они уселись в кресла, и Элис начала рассказ:

— Я вернулась с верховой прогулки и уже собиралась войти в комнату, но вдруг услышала обрывок вашего разговора — фразу, которую сказал твой друг, и то, что ты ему ответил.

Перед глазами Элис снова возникли колеблемые ветром синие шторы, и у нее появилось неприятное ощущение под ложечкой. Однако это была уже не боль, а лишь воспоминание о боли.

— И разумеется, ты решила, что я согласен с тем, что он сказал, — произнес Рэндольф с окаменевшим лицом.

— А как еще я могла понять твои слова? — сухо осведомилась Элис. — Я прекрасно все слышала собственными ушами. Должна сказать, что после всех твоих заверений в вечной любви мне было довольно неприятно узнать, что на самом деле тебя интересовала не я, а мое состояние.

— Это было совсем не так, — тихо возразил Рэндольф. — Я в самом деле любил тебя. Я любил тебя так, что не мог выразить это словами.

— Ну разумеется, кто же не полюбит мешок с деньгами, — горько усмехнулась Элис. Ее бьющий жених и сам был очень богат — в противном случае ее отец ни за что бы не счел его подходящей партией для дочери. Однако ей было прекрасно известно, что алчность свойственна богатым людям. Рэндольф затряс головой.

— Элисон, я сам был и остаюсь весьма обеспеченным человеком. Конечно, никто никогда не отказывается от возможности увеличить свое состояние, но у меня не было причин жениться из меркантильных соображений. Я мог жениться только по любви, а тебя я любил. Ты была не похожа ни на одну девушку из тех, кого я знал. Ты была умной, веселой, сочувствовала тем, кому повезло в жизни меньше, чем тебе. Ты была очень забавная. Иногда ты становилась ужасно высокомерной, но обычно держалась скромно и просто. И ты была настолько хороша, что я с трудом удерживался, чтобы не пойти на поводу у собственных нескромных желаний. Элис покраснела.

— Не надо насмехаться надо мной, Рэндольф. По мне, лучше открытые оскорбления, чем фальшивые комплименты.

— Элисон, я никогда не обманывал тебя, — сказал Рэндольф, глядя ей в глаза. — Только однажды я сказал не правду — в тот самый раз, когда ответил на глупый вопрос Фогерти, в тот самый злополучный день.

У Элис перехватило дыхание — как это ни странно, она верила своему бывшему жениху.

— Если ты в самом деле меня любил, как мог сказать такое? — спросила она, чувствуя, что давняя боль все еще живет в ее сердце.

Рэндольф тяжело вздохнул.

— Не знаю, сможешь ли ты это понять, но молодые люди почему-то стесняются сознаваться своим сверстникам в серьезных, глубоких чувствах к женщине. Они могут хвастаться любовными похождениями, но о своей любви не говорят никогда. Многие мои друзья были очень удивлены тем, что я хотел жениться, а не ухлестывал за опереточными танцовщицами, как они. Они могли бы, пожалуй, понять меня, если бы ты была смазливой куклой, но ты была совсем иной.

Губы Элис скривились.

— Итак, мы снова вернулись к моему десятифутовому росту, моей костлявости и неспособности согреть мужчину ночью. Рэндольф болезненно поморщился.

— Ты была похожа на жеребенка, состоящего из одних длинных ног и огромных глаз, еще немножко неуклюжего, — заговорил он, тщательно подбирая каждое слово. — Мне ты казалась ужасно красивой. Я знал, что с годами ты станешь еще прекраснее, и не ошибся.

Внезапно Элис почувствовала, что ее душат слезы. И она закрыла глаза, чтобы не дать им пролиться.

— Что с тобой? — встревожился Рэндольф.

— Ничего, все в порядке. Твой рассказ звучит очень убедительно. Однако ты всегда умел убеждать, — закончила она жестко.

По красивому лицу Рэндольфа Леннокса вновь пробежала судорога.

— Ну что ж, наверное, я это заслужил, — пробормотал он. Элис нервным жестом откинула назад волосы.

— Почему, Рэндольф? Почему ты сказал своему приятелю, что женишься на мне ради денег, когда он спросил тебя о том, чем вызвано твое желание стать моим мужем?

— Потому что это было объяснением, которое он был в состоянии понять. Если бы я

попытался рассказать ему о моих чувствах к тебе, Фогерти поднял бы меня на смех. Любовь делает людей уязвимыми. Мне было трудно признаться в своих чувствах даже тебе, а уж говорить о них приятелю, к тому же отнюдь не блещущему ни умом, ни тактом, для меня было делом совершенно невозможным.

Элис смотрела на Рэндольфа с изумлением:

— Так просто?

— Да, так просто, — ответил он с невеселой улыбкой. Глядя куда-то вдаль, Элис подумала, что не может не верить Рэндольфу. Хотя с момента ее бегства и разрыва их помолвки прошло двенадцать лет, ему, вероятно, нелегко было прийти к ней, чтобы повиниться и рассказать, как было дело.

— Не знаю, что это — трагедия или фарс, — сказала она. — Вся моя жизнь потекла по совершенно другому руслу в результате того, что я услышала оскорбление, которое, как выясняется, было произнесено тобой лишь для того, чтобы покрасоваться перед приятелем.

— Из-за моей минутной слабости ты провела двенадцать лет вдали от дома. Я никогда не прощу себе этого и от тебя не жду прощения. Все эти годы я боялся, что именно мои слова стали причиной твоего бегства. Теперь, когда я узнал, что так оно и было, мне, как это ни странно, стало даже как-то легче. — Рэндольф встал с кресла. — Думаю, ты вряд ли захочешь меня снова видеть. Большую часть времени я провожу за городом, так что мне скорее всего удастся устроить так, чтобы наши пути больше не пересекались. Прости меня, Элисон. Разумеется, подобного извинения маловато, когда речь идет о разрушенной жизни, но... это все, что я могу сделать в сложившейся ситуации, — извиниться перед тобой. Элис тоже поднялась.

— Подожди, не убегай. Выпей чаю, — предложила она и прежде, чем Рэндольф успел возразить, позвонила прислуге и отдала необходимые распоряжения.

Элис жестом пригласила своего бывшего жениха снова сесть в кресло. Выслушав его рассказ, она почувствовала неожиданную уверенность в себе.

— В том, что я тогда сбежала из дома, не следует винить только тебя. На моем отце лежит по меньшей мере такая же доля ответственности за это. И теперь, оглядываясь назад, я могу сказать, что мой поступок был глупым ребячеством. — Она грустно улыбнулась. — Однако после того как я совершила его, дала о себе знать гордость Блейкфордов. Я бы скорее умерла, чем вернулась обратно и признала свою не правоту. Если бы в дело не вмешался один... мой друг, меня бы сегодня здесь не было.

Принесли чай. Элис сама разлила его в чашки и предложила Рэндольфу отведать нежнейших пирожных. Ее бывший жених теперь держался намного свободнее, чем поначалу.

Сделав глоток, Элис заговорила снова:

— Ты можешь не мучить себя мыслями о том, что разрушил мою жизнь. Разумеется, мне вовсе не хочется снова стать преподавательницей истории, однако знакомство с миром, расположенным по другую сторону золоченой ограды Карлеона, пошло мне на пользу.

— Ты говоришь это, чтобы снять камень с моей души? — спросил Рэндольф, мрачно глядя на нее.

— Нет. — Элис снова потянулась за пирожным, но передумала: не следовало увлекаться сладким. Она бросила на своего бывшего жениха лукавый взгляд. — Как по-твоему, я похожа на женщину, которой поломали жизнь?

Рэндольф смущенно улыбнулся:

— Ты превратилась в чудную женщину, настоящую красавицу и выглядишь просто

великолепно. Я всегда знал, что так и будет.

Элис была не из той породы женщин, которые в подобной ситуации кокетливо склоняют головку набок. Ей еще предстояло научиться с достоинством принимать комплименты.

— Ну а теперь, когда мы обсудили события давно минувших лет, расскажи о себе, Рэндольф, — попросила она, подливая чаю — Ты наверняка женат и обременен семьей?

— Представь себе, нет. Несколько лет я надеялся, что ты вернешься. Я просто не мог смотреть на других женщин. — По лицу Рэндольфа пробежала тень. — В конце концов я сдался и четыре года назад женился. Моя жена умерла во время родов.

— Мне очень жаль, — сказала Элис с неподдельным сочувствием и подумала о том, что одна неосторожно произнесенная Рэндольфом фраза, возможно, искалечила не только ее жизнь, но и его собственную. Она перевела разговор на другую тему, и они еще долго непринужденно беседовали. Элис вспоминала забавные эпизоды своей трудовой жизни, и Рэндольф слушал ее с неподдельным интересом и восхищением.

Уже уходя, он чуть замешкался у двери и, пристально глядя в лицо Элис, сказал:

— Насколько я понимаю, мы уже не сможем начать все сначала?

У него были добрые глаза.

Элис отрицательно покачала головой:

— Это можно было попробовать сделать тогда, двенадцать лет назад, теперь уже поздно.

Рэндольф кивнул, поцеловал ей руку и вышел. Элис поднялась к себе в комнату, печально думая о том, что Рэндольф — весьма достойный мужчина и настоящий джентльмен, который был рожден для того, чтобы стать чьим-то любящим, заботливым мужем. Она искренне надеялась, что судьба еще будет к нему благосклонна. Было, однако, нечто, в чем Элис была уверена на все сто процентов: он совершенно не годился в мужа женщине, которая обладала настолько странным вкусом, что предпочитала повес с дурной репутацией.

Элис расчесывала волосы, собираясь лечь в постель, когда раздался стук в дверь. Догадавшись, что это ее воспитанница вернулась после визита к родителям своего будущего мужа, она крикнула:

— Входи, Мерри!

Мерedit, одетая в синее бархатное платье, которое ей очень шло, вошла в комнату и уселась в кресло.

— У Маркхэмов хорошо, а дома лучше, — заявила девушка с озорной улыбкой. — До сегодняшнего дня я никогда не бывала в лондонском особняке Дэрвестонов и даже не мечтала здесь побывать, но для меня дом — это место, где живете вы.

Элис растроганно улыбнулась.

— Может, ты хочешь, чтобы свадебное торжество состоялось здесь? На Маркхэмов это должно произвести впечатление.

— Что ж, стоит об этом подумать. Я напишу Джулиану и выясню, каково его мнение на этот счет. — Мерри состроила милую гримаску. — Но с каким бы нетерпением я ни ждала нашей свадьбы, мне будет очень не хватать наших с вами разговоров.

Элис подумала о том, что ей тоже будет недоставать бесед с Мерedit. В ее жизни произошло чересчур много изменений, причем в слишком короткий срок. Со вздохом она

присела на кровать.

— Расскажи мне поподробнее, как все было у Маркхэмов. Мерри с удовольствием удовлетворила ее любопытство. Они с Джулианом побывали в имении в Мортоне, где предполагали поселиться после свадьбы. Девушка горела энтузиазмом, говоря о том, как они с мужем будут вести дела и какие реформы проведут. Элис лишь кивала, время от времени вставляя короткий комментарий по поводу той или иной идеи, пока Мерри наконец не спросила:

— А когда вы вернетесь в Стрикленд? Элис помолчала, смущенная этим вопросом.

— Я не собираюсь туда возвращаться.

— А что Реджи будет без вас делать? — спросила Мерри.

— Я ему не нужна. — Элис старалась говорить небрежно, но ее голос предательски дрогнул. — Он ясно дал мне это понять. Мерри уставилась на свою опекуницу в немом изумлении:

— И вы ему поверили?

— А что еще мне оставалось делать? Во-первых, он с самого начала не хотел, чтобы его имением управляла женщина. И потом, мистер Дэвенпорт сам в состоянии с этим справиться.

Мерри бросила на Элис взгляд, полный жалости.

— Да при чем здесь это? Он же с ума по вас сходит. Возможно, вы не нужны ему как управляющая имением, но как женщина еще как нужны!

Элис с ужасом почувствовала, что вот-вот расплачется, и опустила голову. Сев рядом с ней на кровать, Мерри обняла приемную мать за плечи, невольно отметив, что на какое-то время им, похоже, придется поменяться ролями.

— Если я так ему нужна, — с трудом сдерживая слезы, проговорила Элис, — то почему он сказал мне, что мой дом не в Стрикленде?

— Просто он проявил совершенно неуместное в данном случае благородство, — спокойно объяснила Мерредит и, видя, что после этих ее слов Элис удивленно вскинула голову, продолжала:

— Элис, вы самая умная женщина, которую я когда-либо встречала, но вы, к сожалению, совершенно не разбираетесь в мужчинах и не понимаете смысла их поступков. Реджи вас по-настоящему любит и потому изо всех сил старается сделать все, что в его силах, для вашей пользы — как он ее понимает. Учитывая ваше происхождение и его подмоченную репутацию, поступок Реджи можно истолковать как попытку отойти в сторону, чтобы не мешать вам сделать более подходящую партию.

— Чепуха! — не удержавшись, бросила Элис.

— Нет, не чепуха.

Элис открыла было рот, чтобы возразить, но ничего не сказала. В глубине души она была уверена, что их с Реджи чувства были взаимными, — до того момента, когда она рассказала историю своей жизни. Стоило Дэвенпорту понять, кто такая на самом деле мисс Элис Уэстон, его поведение изменилось, и она, ослепленная неуверенностью в себе, решила, что ошибалась, приписывая Реджи какие-то нежные чувства.

Элис нахмурилась. Неужели Реджинальд Дэвенпорт в самом деле считал, что не достоин ее? Поразмыслив над тем, как выглядел бы их брак в глазах общественного мнения, она вынуждена была признать, что Реджи имел определенные основания так думать. Пожалуй, она в самом деле слишком легко согласилась на навязанный ей Дэвенпортом

отъезд из Стрикленда.

Элис посмотрела на свою воспитанницу и прищурилась:

— Ты в самом деле уверена, что Реджи ко мне равнодушен и относится ко мне... не только как к другу?

— Я вам гарантирую, что это так. Вы сами не раз говорили, что я обладаю природным даром понимать мужчин. Как он на вас смотрел, когда вы не могли этого заметить!.. — Мерри покачала головой. — словно вы были даром небес, его последней надеждой.

— Правда? — изумленно переспросила Элис.

— Бог свидетель, — торжественно произнесла Мередит. — Рядом с вами он забывал обо всем. Честно говоря, у меня частенько возникало ощущение, что он готов схватить вас в охапку, отнести к себе в комнату и запереться там с вами на неделю.

Элис покраснела — Реджи и сам говорил ей нечто в этом роде.

— Тебе не следует говорить о таких вещах, — заметила она, погруженная в собственные мысли.

— Между прочим, я вот-вот выйду замуж, — заметила Мерри. — Я учусь держаться и разговаривать как опытная замужняя женщина.

Элис невольно улыбнулась, но улыбка тут же исчезла с ее губ. Если Мерри права, думала она, то ведь Реджи может снова запить. Эта мысль была для нее невыносима — тем более что она знала, каких трудов стоило Дэвенпорту отказаться от употребления спиртного.

Вскочив с кровати, она подошла к комоду и открыла один из ящичков.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовалась Мередит.

— Паковать вещи, чтобы ехать в Стрикленд.

— Но не можете же вы отправиться туда на ночь глядя, — рассмеялась девушка.

Элис на секунду остановилась.

— Я вполне могла бы уехать прямо сейчас, но думаю, что мне не следует этого делать, — сказала она. — Я должна поговорить с отцом. Ничего не случится, если я отправлюсь в Стрикленд завтра утром, — добавила она, искренне надеясь, что не ошибается.

Мередит перевернулась на живот, подперев подбородок руками. Сейчас она больше походила на шаловливого мальчишку, чем на благовоспитанную молодую леди.

— Должна ли я проинструктировать вас, каким образом следует попытаться убедить Реджи примириться с неизбежным? — спросила она с самым невинным видом.

— В этом нет необходимости, — улыбнулась Элис. — Если ты в самом деле уверена, что он любит меня, у меня найдутся весьма эффективные меры убеждения.

Мередит одобительно кивнула. Теперь, когда Элис шла по его следу, у Реджи не было ни единого шанса на спасение, хотя он, Мерри в этом не сомневалась, и не стал бы спасаться от нее бегством.

Когда Элис объявила отцу, что намерена на неопределенный срок вернуться в Стрикленд, ее слова не привели герцога Дэвестонского в восторг. Их разговор происходил в кабинете герцога, обставленном с поистине королевской роскошью.

— Все дело в Дэвенпорте, не так ли? — мрачно осведомился он.

— Да. Я уехала слишком поспешно. — Элис расхаживала по комнате взад-вперед, ей явно не терпелось поскорее отправиться в дорогу. — Мы с Реджи не закончили кое-какие дела.

— Элисон, как ты можешь бросить все ради того, чтобы отправиться к человеку с самой отвратительной репутацией, какую только можно себе представить? — спросил Дэвестон

довольно резко. — Разве у тебя нет гордости?

— Разумеется, есть, — ответила Элис, немного подумав. — Но когда речь идет о Реджи, я о ней забываю.

Герцог поджал губы.

— Он женится на тебе?

— Надеюсь, — сказала Элис, надевая перчатки. — Но я не буду на этом настаивать.

Пожалуй, это было сказано чересчур откровенно. Лицо герцога стало цвета старого портвейна.

— Ты знаешь, что я могу лишиться тебя наследства, — прорычал он. — Мой титул и мое состояние могут перейти к дочери только в том случае, если я сочту, что она этого достойна. Я всегда считал, что младший брат Джорджа Блейкфорда вполне заслуживает того, чтобы стать герцогом. Учти, я могу сделать наследником его.

— Выбор наследника — это твоя забота, — сказала Элис, глядя отцу прямо в глаза и нисколько не пасуя под его взглядом. — Однажды я уже отказалась от всего этого. — Она обвела рукой роскошную обстановку кабинета. — И доказала, что вполне в состоянии сама себя обеспечить. Неужели ты думаешь, что заставишь меня покориться твоей воле сейчас, если не добился этого, когда мне было восемнадцать?

По лицу герцога было видно, что в его душе борются противоположные чувства. Ощувив прилив жалости к отцу, Элис подошла к нему и поцеловала в лоб.

— Отец, давай не будем ссориться. Я слишком по тебе скучала.

— Я тоже очень скучал по тебе, девочка, — ответил Дэрвестон, часто моргая. — Но почему ты не можешь выйти замуж за кого-нибудь вроде лорда Рэндольфа? Он весьма достойный человек, и он снова сделает тебе предложение, стоит тебе только этого захотеть.

— Я знаю, но он для меня слишком хорош. — Элис озорно улыбнулась. — Я наверняка сделала бы его подкаблучником.

— Думаю, он не стал бы против этого возражать.

— Да, но меня это не устраивает. Мне не нужен муж, который будет ходить передо мной на цыпочках, точно так же как и какой-нибудь грубый мужлан, который попытался бы время от времени задать мне трепку. Что же касается Реджи, то он не нравится тебе потому, что вы с ним слишком похожи. До меня дошли кое-какие истории о твоей бурной молодости. Если не считать того, что твое состояние больше состояния Реджи на добрый миллион фунтов, вы с ним совершенно одинаковы, как две горошины из одного стручка.

— Не пытайся меня разжалобить, дорогая, — фыркнул герцог, безуспешно стараясь подавить улыбку. — И потом, миллион фунтов — это значительная разница.

— Значительная, это верно, — согласилась Элис. — Но не существенная.

Поцеловав отца на прощание, она вышла из кабинета.

Жизнь без Элли напоминала Реджи те дни, когда он боролся со своей пагубной страстью к спиртному, — разница состояла лишь в том, что привыкнуть к тому, что Элис нет рядом, оказалось куда труднее, чем отвыкнуть от бренди. Удовольствия, таившиеся в бутылке, были весьма ограниченными, и расплата за них в виде тяжелого похмелья наступала очень быстро. Что же касается Элли, то удовольствия от общения с ней были удивительно разнообразны — от утонченных духовных до вполне земных, плотских — и не имели никаких отрицательных последствий, во всяком случае, Реджи их как-то не заметил, Сидя в одиночестве за обеденным столом, Дэвенпорт отвращением смотрел на жареную курицу на блюде — несмотря на то что он весь день занимался тяжелым физическим трудом, есть не хотелось. Наконец он оттолкнул блюдо и принялся за малиновый кисель, не желая обидеть повариху, избалованную братьями Спенсерами, — те всегда набрасывались на еду, словно голодная саранча, и не оставляли на тарелках ни кусочка.

При этих воспоминаниях Реджи слегка улыбнулся, но тут же снова помрачнел. Помощь Элли в налаживании контакта с ее отцом была одним из немногих абсолютно бескорыстных поступков, которые ему доводилось совершать. Выходило, что осознание благородства собственного поведения было единственной полученной им наградой.

Покончив с обедом, Реджи направился в музыкальный салон. Игра на фортепьяно обычно помогала ему отвлечься от мрачных мыслей. Он напомнил самому себе, что первые недели его борьбы с зеленым змием были самыми трудными — потом стало легче. Время должно было излечить его и от боли, вызванной потерей Элли. Но до этого было еще далеко.

После двух дней тряской езды в экипаже Элис устала. Волосы ее растрепались, одежда измялась, и она начала сомневаться в том, что приняла правильное решение, отправившись в Стрикленд. Остановившись в «Молчаливой женщине», она сняла лучшую комнату, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. Хотя она наотрез отказалась от предложения отца ехать в сопровождении эскорта всадников, роскошная карета с гербом Дэввестонов привлекла всеобщее внимание на постоялом дворе. Разумеется, Элис узнали, и ей пришлось потратить немало времени, обмениваясь приветствиями со старыми знакомыми, — Элис вовсе не хотелось, чтобы люди решили, будто она возгордилась и теперь даже говорить с ними не желает.

Немного вздремнув и слегка перекусив, Элис снова стада собираться в дорогу — предстояло преодолеть последний отрезок пути. Было уже почти темно, и благовоспитанной молодой женщине следовало бы остаться на постоялом дворе до утра, однако леди Элис нисколько не претендовала на то, чтобы выглядеть благовоспитанной в глазах других. Ей не терпелось поскорее увидеть Реджи.

Поскольку она в данном случае действовала как женщина, не слишком пекущаяся о морали и приличиях, Элис решила и одеться соответственно. Она взяла с собой в поездку горничную-француженку, а из всего своего гардероба выбрала платье темно-красного цвета, великолепно гармонирующее с ее кожей и волосами. Надев платье, она внимательно оглядела себя в зеркале.

— Мадам выглядит замечательно, — восхищенно пролепетала горничная.

— Мадам выглядит, как продажная женщина, — отрезала Элис.

— Да, но в то же время и как леди, — возразила девушка, и в глазах ее мелькнул озорной огонек. — Так умеют шить только самые лучшие модистки.

Горничная была права — платье явно было предназначено для того, чтобы соблазнить мужчин. Оно было простого покроя, но при этом облегало тело, ясно обозначая бедра и грудь, открытую глубоким декольте. Заказывая платье, Элис думала о Реджи. Показать в таком платье на публике у нее не хватило бы смелости — уж больно вызывающе оно выглядело.

Когда платье было готово, Элис глубоко вздохнула и, внутренне поеживаясь, кивком дала понять модистке, что довольна результатом ее трудов. Если в словах Реджи о том, что она на редкость привлекательная женщина, есть хотя бы доля правды, увидев ее в этом наряде, он ни за что перед ней не устоит. А если устоит... что ж, тогда ей придется прибегнуть к более мощным средствам воздействия.

Вот уже целый час Реджи играл Моцарта, но даже это не могло его успокоить. Раздраженно захлопнув крышку рояля, он отправился в библиотеку.

Вечер был необычно холодным, и потому Реджи, опустившись перед камином на колени, старательно развел огонь. Большинство британцев пришли бы в ужас, увидев, что он разжигает камин задолго до наступления ноября, но Дэвенпорт мог себе это позволить.

Чтобы рассеяться, он взялся было читать «Энеиду» — в глубине души Реджи всегда считал себя похожим на несколько жуликоватого и проказливого Энея, — но на сей раз и это испытанное средство ему не помогло. Время тянулось, словно резиновое, а ведь и впереди его не ждало ничего, кроме одиночества и пустоты. Он знал, что завтрашний день будет таким же, как сегодняшней, если не хуже.

Тогда какой же во всем этом смысл? Реджи провел рукой по волосам, снял сюртук и отшвырнул его в сторону. Ему казалось, что не только одежда, но даже его собственная кожа вызывает у него ощущение неудобства. Он вдруг подумал, что, возможно, бокал-другой бренди хоть немного успокоит его и поможет скоротать ночь, но тут же понял, что одним или двумя бокалами дело не ограничится. Ну и что из этого? Что из того, что он напьется и будет пить до тех пор, пока алкоголь не убьет его? Кому от этого станет плохо? Элис нет, и некому смотреть на него с ужасом и осуждением. К тому же одна из горничных — Дэйзи, что ли — давно уже поглядывает на него с интересом. Она высокая, с каштановыми волосами. Если он будет достаточно пьян, возможно, он сможет по крайней мере на несколько секунд представить себе, что перед ним Элли.

О Господи, Элли.

По телу Реджи словно пробежала судорога. Вскочив с кресла, он стремительно подошел к буфету и, не позволяя себе раздумывать, взял в руки графин из венецианского стекла и налил в бокал щедрую порцию бренди. Высоко подняв руку с бокалом, он наблюдал за игрой света в янтарной жидкости, чтобы продлить предвкушение удовольствия. Сладкий яд, освещенный пламенем свечей, сверкал и искрился, отбрасывая блики, как пригоршня драгоценных камней. Немезида, лежавшая рядом с креслом, подняла голову и жалобно заскулила.

— В чем дело? — осведомился Дэвенпорт. — Разве ты не одобряешь мои действия?

Он слегка наклонил бокал в сторону колли, будто собирался произнести тост.

— Выпьем за правильных, добропорядочных и благовоспитанных женщин, всегда имеющих только добрые намерения, и за мужчин, которые для них недостаточно хороши, —

провозгласил он и поднес бокал к губам.

Горничную Элис оставила на постоялом дворе, а карету и кучера, добравшись до места, разместила на конюшне. Она не отважилась войти в дом через парадную дверь — вся ее смелость вдруг разом куда-то улетучилась.

Элис решила, что первым делом ей следует выяснить, где находится Реджи и что он делает. Уже окончательно стемнело, и единственной во всем доме комнатой, в которой горел свет, была библиотека. Однако прежде чем войти, Элис предпочла удостовериться, что он там один, — ей вдруг пришло в голову, что бывшей любовнице Джорджа Блейкфорда Стелле может потребоваться новый покровитель. Да и кто знает — может, Реджинальд Дэвенпорт вообще завел себе целый гарем. Даже если он и скучал по ней, Элис как-то не верила в его способность страдать в одиночестве, ведя жизнь схимника, — это было бы на него не похоже.

Осторожно обойдя вокруг дома, она приблизилась к застекленным дверям библиотеки, выходящим в сад. К счастью, занавески не были задернуты.

Реджи был в библиотеке один. Какое-то время Элис, ослабев от счастья, просто смотрела на него.

Но тут Реджи поднял руку, и Элис с холодным, пронизавшим ее до костей ужасом поняла, что он сжимает в пальцах бокал, наполненный жидкостью, цвет которой не оставлял никаких сомнений в том, что это не что иное, как бренди.

Почувствовав губами холод стекла, Реджи опомнился и уставился на бокал, в душе кляня себя последними словами. «Каждый, — убеждал он сам себя, — каждый, у кого есть хоть капля мозгов, прекрасно знает, что пьянство от одиночества — величайшая на свете глупость». Он бросил пить не ради Элли, не ради того, чтобы оправдать надежды, которые возлагали на него его родители, не ради кого-то, а ради самого себя, из чувства гордости, боясь окончательно утратить человеческое достоинство.

Впрочем, и гордость тут была ни при чем. Гордость движет человеком тогда, когда он знает, что на него смотрят другие. Когда же он наедине с собой, им руководит чувство чести. Даже если бы Дэвенпорт знал, что завтра умрет, теперь он не стал бы пытаться найти забвение в вине. Как бы ни сложилась его жизнь, для него было делом чести оставаться трезвенником. И хотя Реджи страшно тосковал по Элли, он знал, что на самом деле никогда не будет одиноким — и никогда не был им с той самой ночи, когда преодолел себя и стал другим.

И Реджи выплеснул бренди в камин. В очаге раздалось легкое шипение, вспыхнули и исчезли голубые язычки пламени. Дэвенпорт аккуратно поставил бокал на каминную полку, решив, что бить посуду больше не станет. Он землевладелец, уважаемый и почтенный человек, джентльмен, и твердо намерен таковым и оставаться.

Неожиданно до Реджи донесся какой-то негромкий звук, раздавшийся со стороны сада. Обернувшись, он не поверил собственным глазам — в библиотеку вошла леди Эдисон Блейкфорд. Она была бледна, но на губах ее играла радостная улыбка.

— Как хорошо, что ты выплеснул бренди в камин, — сказала она. — Когда ты трезв, с тобой гораздо легче разговаривать.

Атилла пушистой молнией пересек библиотеку и принялся тереться головой о ноги Элис. Наклонившись, она с нежностью почесала кота за ушами.

— Слава Богу, хоть кто-то рад меня видеть, — сказала она и, выпрямившись, сбросила с себя плащ из темного бархата.

— Что ты здесь делаешь? — хрипло спросил Реджи, все еще не вполне опомнившийся от неожиданности.

Элис подошла к Реджи и остановилась рядом с ним, с небрежной грацией опершись на каминную полку. Ее сверкающие волосы, завитые кольцами, рассыпались по плечам свободной волной. Она и впрямь выглядела как герцогиня. Реджи поймал себя на мысли о том, что чувствовал себя в присутствии Элис куда свободнее и непринужденнее, когда у нее не было такой роскошной прически, а в волосах можно было увидеть запутавшиеся соломинки.

Неожиданно для себя он понял, что до неприличия откровенно разглядывает ее облаченное в роскошное платье тело. Широко распахнутые глаза Элис лучились озорством, но где-то на самом их доньшке таилась неуверенность.

— У меня контракт на управление Стриклендом, — как ни в чем не бывало заявила она. — С моей стороны было очень нехорошо взять отпуск и уехать в самый разгар сбора урожая.

Она осторожно провела пальцем по лежавшей на каминной полке руке Реджи. Реджи отдернул руку и сделал шаг назад. Видимо, он сделал ошибку, разведя в камине огонь, — в библиотеке было слишком жарко. Реджи показалось, что он вот-вот закипит.

— Я расторг контракт с тобой и освободил тебя от работы, — сказал он. — Ради Бога, Элли, отправляйся в Лондон и живи жизнью, для которой ты была рождена.

— Расторгнуть контракт без серьезной на то причины — деяние противозаконное, — радостно улыбаясь, заявила Элис.

Губы ее прямо-таки напрашивались на поцелуй. У Реджи участилось дыхание.

— В таком случае ты уволена. Я заплачу тебе зарплату за весь срок до истечения контракта. А теперь ступай прочь! Элис стала серьезной.

— Та жизнь, которой я живу сейчас, мне не нравится Реджи. Я бы с куда большим удовольствием вернулась сюда, в Стрикленд. А главное, я хочу быть с тобой.

Реджи отшатнулся от камина, искренне сожалея о том, что Элис все снова осложнила своим приездом. Убедившись, что расстояние между ними достаточно велико, чтобы считаться относительно безопасным, он повернулся к Элис лицом.

— Элли, с твоим состоянием и положением ты куда свободнее, чем любая женщина в Англии. Ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится, заполучить любого мужчину, который тебе приглянется, — или сколько угодно мужчин. Сейчас настал такой момент, когда ты в полной мере можешь воспользоваться этими возможностями. Тот факт, что именно я впервые познакомил тебя с теми радостями и наслаждениями, которые способна подарить человеку плоть, вовсе не означает, что всю оставшуюся жизнь ты должна провести со мной. В мире еще столько нового для тебя, тебе предстоит сделать так много открытий!

Элис склонила голову.

— Ты хочешь сказать, что, занимаясь любовью, можно получить еще большее удовольствие, чем то, которые получили мы с тобой? — недоверчиво спросила она.

Лицо Реджи напряженно застыло — воспоминание о ночи, проведенной с Элис, едва не сломило его волю окончательно.

— Не могу говорить за тебя, но у меня никогда ничего подобного не было, — признался он. — Но я имею в виду не только постель. Используя свое влияние и свои деньги, ты

можешь сделать для людей гораздо больше, чем здесь, в Стрикленде. При желании ты можешь хоть каждый день общаться с принцем-регентом, премьер-министром или придворным поэтом.

— Я могу это делать, где бы я ни жила. Ты только по этой причине приехал к моему отцу и рассказал ему, где меня найти?

Элис слегка пошевелилась, и под тонкой тканью обрисовались очертания чудесной стройной ноги.

Реджи знал, что Элис — весьма темпераментная женщина, но теперь, когда она больше не считала себя безнадежной дурнушкой, она, похоже, могла посоперничать в искусстве оболыщения мужчин с самой Далилой. Стараясь выровнять ставшее внезапно хриплым и прерывистым дыхание, Реджи нарочито невозмутимо сказал:

— Когда ты говорила о своем отце, мне казалось, что ты во многом похожа на меня. Лучшие годы своей жизни я потратил на противостояние с человеком, которого я ненавидел. Мне не хотелось, чтобы твои отношения с отцом складывались так же, — тем более что ты-то своего отца любила.

Элис едва не упала в обморок от радости, поняв, что Мередит была права: неприятно поразившее ее поведение Реджи было в самом деле продиктовано исключительно его благородством. Это означало, что все еще можно поправить.

— Да, ты прав, — заговорила она. — Я долго шла на поводу у собственной обиды, не подозревая о том, что приношу самой себе только вред и что исправить положение можно, лишь помирившись с отцом. Жизнь, которой руководит любовь, гораздо лучше и приятнее. — Элис на секунду замешкалась, потому что то, что она собиралась сказать дальше, выговорить было нелегко. — Именно поэтому я здесь — потому, что люблю тебя.

— Не путай любовь с желанием, — пробормотал он. — Ты исключительно страстная женщина и к тому же в течение многих лет была вынуждена укрощать свой темперамент. Тебе не следует кидаться мне на шею только потому, что именно я помог тебе в каком-то смысле обрести себя. Если ты решишься сблизиться со мной, надолго ли тебя хватит? Как скоро ты начнешь смотреть на сторону и мечтать об иной жизни? Я вовсе на намерен связывать тебя обещаниями, которые ты не в силах выполнить.

Услышав, что Реджи заговорил об обещаниях, Элис приободрилась — это уже был явный прогресс. Вызывающе покачивая бедрами, она медленно направилась к нему.

— Я вовсе не зеленая девочка, Реджи. Мне ни к чему завязывать романы с богатыми бездельниками, чтобы по достоинству оценить то, что объединяет нас с тобой. Скажи, а если бы я по-прежнему была Элис Уэстон, твоей управляющей, ты стал бы произносить все эти напыщенные речи? Прежде чем заговорить, Реджи выдержал паузу.

— Незадолго до того, как я догадался, кто ты на самом деле такая, я собирался сделать Элис Уэстон предложение. Но одно дело мистер и миссис Дэвенпорт и совсем другое — герцогиня Дэрвестонская и мистер Дэвенпорт в качестве ее мужа. Гусь, как говорится, свинье не товарищ. Да и вообще, леди Элисон, не надо вторично отказываться от своего наследства... Похоже, этот кот теперь никогда не успокоится!

Атила в самом деле продолжал тереться о ноги Элис, но ей в этот момент было не до него. Итак, Реджи собирался предложить ей руку и сердце. Как же заставить его вернуться к этой идее?

— Неужели твой благородный поступок объясняется всего лишь тем, что гордость не позволяет тебе взять в жены женщину богаче тебя?

— Это одна из причин, — признал Реджи, — но есть и другие. Боже мой, Элли, ты только подумай, какие повсюду пойдут разговоры! Все начнут болтать, что тебя соблазнил охотник за состояниями, который воспользовался твоей неопытностью и заманил в ловушку унижительного и позорного для тебя брака.

— Может, другие и будут говорить так, — согласилась Элис, — но я-то знаю, что ты единственный мужчина, кому я действительно могу доверять, потому что ты проявлял ко мне интерес тогда, когда я еще не была наследницей герцога Дэвестонского. — Она улыбнулась. — Так о чьей репутации ты больше печешься, о моей или о своей?

— Черт побери, я думаю о нас обоих! Преодолев последние несколько шагов, разделявшие их, Элис заглянула в аквамариновые глаза Реджинальда.

— Может, ты станешь более сговорчивым, если мой отец лишит меня наследства? Когда я сообщила ему, что отправляюсь в Стрикленд, он намекнул мне, что способен это сделать.

Слова Элис явно потрясли Реджи.

— Неужели ты сможешь пережить, если это в самом деле произойдет?

— Да, — просто ответила Элис. — А если он этого не сделает, ты сможешь это перенести?

— Не знаю, — пробормотал Дэвенпорт и глубоко вздохнул. Чрезмерное обилие денег — решаемая проблема, подумала Элис. Ее в данный момент интересовали ответы на другие, куда более важные вопросы.

— Реджи, я тебя ужасно люблю. Можно даже сказать, что я врезалась в тебя по уши, — заявила она, откровенно любуясь Дэвенпортом. — Я люблю тебя не только за твою красоту, хотя твое тело действительно прекрасно. Я люблю твою честность, твой юмор, люблю твое благородство, которое ты так тщательно скрываешь. — Собравшись с духом, Элис посмотрела Реджи прямо в лицо и задала ему тот самый вопрос, который волновал ее уже очень давно:

— Ответь, а ты любишь меня?

— Конечно, люблю, — кивнул Реджи и снова глубоко вздохнул, на этот раз даже с каким-то всхлипом. — Именно поэтому я и не хочу, чтобы ты приняла решение, о котором потом будешь сожалеть.

Он стоял не двигаясь, но все его тело излучало напряженное ожидание, а в глазах его Элис прочла безмерную любовь и нежность — такую же, какую ощущала она сама. Реджи всегда шел по жизни в одиночку, руководствуясь своим, весьма строгим кодексом чести, в основе которого лежала его гордость. Теперь его гордость встала на пути их счастья. Возможно, помехой были и детские воспоминания Реджи — давным-давно ему внушили, что с его желаниями никто не намерен считаться, и теперь он не мог поверить в то, что кем-то любим.

Сердце Элис рванулось к нему. Ради них обоих она была обязана убедить его в том, что они должны быть вместе. Протянув руку, она ловко расстегнула на Реджи жилет, после чего принялась расстегивать пуговицы его рубашки.

— Господи, Элли, что ты делаешь? — изумленно пробормотал Реджи, схватив ее за руки.

— Пытаюсь тебя скомпрометировать, — пояснила она. — Если мне это удастся, тебе придется на мне жениться — в противном случае от твоей репутации камня на камне не останется.

Несколько секунд он молча смотрел ей в глаза, а затем мышцы его расслабились, а из

грудь Реджи вырвался смешок. В глазах появился теплый блеск.

— Ты совершенно невозможная женщина — я таких еще не встречал. К счастью, ты очень похожа на меня.

Поскольку он отпустил ее пальцы, Элис расстегнула еще несколько пуговиц, после чего просунула руку под рубашку Реджи и положила ладонь на его обнаженную грудь. Кожа его горела огнем. Он охнул и крепче прижал к себе ее ладонь.

— Мое благородство все же не беспредельно, — сказал он, стараясь, чтобы его слова звучали как можно серьезнее. — Если в течение десяти секунд ты не уйдешь, я тебя уже никогда отсюда не выпущу. В этом случае ты будешь лишена богатейшего выбора мужчин, который имеешь сейчас, и у тебя останется только один — я.

— Замечательно, — прошептала Элис, свободной рукой выдергивая рубашку Реджи из брюк. — Именно этого я и хочу.

Дэвенпорт еще раз пристально посмотрел ей в глаза и, сдаваясь, изо всех сил прижал ее к себе. Губы их слились в жадном поцелуе. Желание, таившееся в их телах, вспыхнуло, словно порох. В их поведении не было робости — они были родственными душами, тела их сами тянулись друг к другу, и Реджи и Элис казалось, что они знакомы уже очень давно — может быть, многие тысячи лет.

Они торопливо сорвали с себя одежду и легли на пол у камина. В эту ночь Элис узнала, что физическая близость в самом деле может доставить женщине еще большее наслаждение, чем то, которое ей довелось испытать, когда она впервые занималась любовью с Реджи. И когда он шептал ей на ухо страстные слова любви, она понимала, что оба они наконец обрели свой дом, поселившись в сердцах друг друга, и что в этом и состоит то, что называется счастьем.

Потом они долго лежали в полудреме у огня, обнимая друг друга, укрытые бархатным плащом Элис. Она сонно улыбалась, вспоминая о том, как в ту ночь, когда они впервые были близки, Реджи сказал, что она заслуживает более комфортного ложа, нежели пол в библиотеке. Пол библиотеки оказался чудесным местом, как нельзя лучше подходящим для занятий любовью. Под ее правым боком свернулся калачиком Аттила, Немезида устроилась с другой стороны, рядом с Реджи, довершая картину семейной идиллии.

Красное платье Элис пришло в негодность после того, как Реджи сорвал его с нее. Что ж, она была наследницей огромного состояния, и ей казалось, что лучшего применения деньгам, нежели покупка новых платьев взамен сорванных с нее любимым мужчиной, и быть не может.

Элис хихикнула, а когда Реджи поинтересовался причиной ее веселья, объяснила, на что она собирается тратить деньги Дэрвестонов. Рассмеявшись, он с нежностью погладил ее плечи.

— Для женщины, которая еще две недели назад была убеждена, что на нее не позарится ни один мужчина, ты делаешь поразительные успехи.

Элис невольно подумала о том, что эти успехи — лишь первые шаги на долгом пути, по которому, как она надеялась, ей предстояло идти всю жизнь. Она взгляделась в спокойное, умиротворенное лицо Реджи, освещенное отблесками пламени, и ей показалось, что она вот-вот растает от нежности.

— Это потому, что благодаря тебе я чувствую себя самой красивой и желанной женщиной на свете, — сказала она.

— Так оно и есть. — Потянувшись к ней, Реджи поцеловал ее, осторожно прижавшись теплыми, твердыми губами к ее губам. — Элис, любимая, ты совершила настоящее чудо, превратив меня из пьяницы и повесы, которому все было трын-трава, в любящего, верного мужа.

Реджи провел кончиком языка по краешку ее уха. Элис, выгнув спину, прильнула к нему. Щекоча дыханием ее шею, он тихонько пробормотал:

— Только не жалуйся, что я стал слишком скучным и правильным, — это целиком твоя вина.

Элис поняла, что эти слова — не что иное, как добровольно данный обет верности. Впервые в жизни она поверила в справедливость пословицы, что самыми лучшими мужьями становятся бывшие повесы, — поверила сразу и бесповоротно, всем сердцем. Реджи сделал ей подарок, который стоил дороже, чем все сокровища Дэрвестонов. Ей хотелось плакать от счастья.

Реджи прикоснулся губами к ее обнаженной груди, и в теле Элис снова вспыхнуло пламя желанья.

— Это ты-то скучный? — прошептала она, прерывисто дыша.

Подняв голову, Реджи улыбнулся ей своей неотразимой улыбкой, и она притянула его к себе для поцелуя. Прежде чем волна наслаждения снова накрыла их с головой, Элис успела прошептать:

— Не знаю почему, но я уверена, что скучным ты не будешь никогда.

Новость о браке между самой богатой наследницей Англии и Реджинальдом Дэвенпортом по прозвищу Проклятие рода Дэвенпортов была воспринята неоднозначно. Рыжеволосая потаскушка по имени Стелла, узнав об этом, злобно завизжала и запустила щеткой для волос через всю комнату, разбив при этом зеркало. Некая весьма достойная дама, которую звали Чесси, прочитав об этом в письме, присланном Реджи, испустила вопль восторга и подняла тост за леди, которой наконец удалось приручить ее давнишнего друга.

Джуниус Харпер испытал сильнейшую досаду. Знай он, что Элис Уэстон — наследница герцога Дэвестона и что ей так хотелось замуж, что она не побрезговала даже Дэвенпортом, он ухаживал бы за ней гораздо более настойчиво, вместо того чтобы украдкой поглядывать на мисс Спенсер. Пребывая в весьма мрачном настроении, он настроил всем своим родственникам письма с просьбой найти ему другой приход, и чем скорее, тем лучше.

Кэролайн, графиня Уоргрейв, радостно объявила мужу: свадьба Реджи и Элис подтверждает, что на свете все же случаются чудеса, с чем Ричард, с любовью глядя на супругу, безоговорочно согласился.

Лорд Майкл Кеньон, который в юности тайно восхищался смелостью и бесшабашностью Реджи Дэвенпорта, узнав о его браке с наследницей герцога Дэвестонского, улыбнулся и задался вопросом: а не могут ли они с Реджи — совершенно другим Реджи, ведущим трезвый образ жизни, — стать друзьями, и в конце концов решил обязательно это выяснить.

Джереми и Элизабет Стэнтон были на седьмом небе от счастья. Мало того что, к их великой радости, сын их любимой Энн вернулся домой — теперь он еще и вел себя, как подобает джентльмену, коренным образом изменив свою жизнь в лучшую сторону, тем самым давая им возможность сбросить с себя груз ответственности, который налагала на них их роль крестных.

Мак Купер считал вполне закономерным тот факт, что будущая герцогиня оказалась достаточно проникательной, чтобы по достоинству оценить его хозяина. Сидя в обнимку с Джилли в уютном коттедже, Мак объяснял ей, что мужчине обязательно нужна жена. Джилли с ним полностью соглашалась.

Для Питера и Уильяма наступило настоящее раздолье. С одной стороны, они снова оказались среди старых друзей в Стрикленде, с другой — могли проводить каникулы и праздники в Лондоне и в Чешире. Уильям заявлял, что герцог Дэвестонский — славный старикан. К счастью, сам герцог ни разу не слышал этого комплимента.

Мерри с сожалением была вынуждена признать, что ей придется отказаться от идеи использовать Реджи в качестве посаженного отца на ее свадьбе. Однако Джулиан позаботился о том, чтобы Блейкфорды-Дэвенпорты стали первыми гостями в его и Мередит новом доме в Мортоне.

Герцог Дэвестонский долго ворчал по поводу того, что его единственная дочь выходит замуж с излишней торопливостью, хотя прекрасно знал, что в сложившейся ситуации было бы смешно, если бы Дэвенпорт формально обратился к нему и попросил ее руки. Нельзя не отметить, что, хотя сам герцог не признался бы в этом даже под пыткой, со временем, когда он лучше узнал своего дерзкого зятя, Реджи Дэвенпорт завоевал и его сердце.

Изгнанные из постели своих хозяев, Немезида и Аттила привыкли спать, тесно

прижавшись друг к другу. Правда, кот изредка все же награждал добродушную колли неожиданным укусом, но та лишь обиженно взвизгивала, никогда не пытаясь дать ему сдачи.

Реджи утверждал, что злополучная собака — прирожденная жертва. Элис же всем своим романтическим сердцем верила, что они с Реджи имеют счастье наблюдать за зарождением невероятной, невозможной любви между кошкой и собакой — извечными врагами, существами, представляющими собой полную противоположность друг другу. А уж Элис хорошо разбиралась в таких вещах.

---

notes

Кокни — специфический говор, характерный для лондонских простолудинов.

Война 1701 — 1714 гг. между франко-испанской коалицией и коалицией Великобритании, Голландии, Австрии, Пруссии и ряда других государств. Закончилась подписанием Утрехтского (1713) и Раштаттского (1714) мира.